мир „Искателя"

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Annotation

В книге опубликованы научно-фантастические и приключенческие повести и рассказы советских и зарубежных писателей, с которыми читатели уже встречались на страницах журнала “Искатель” в период с 1961 по 1971 год, и библиография журнала.

СОДЕРЖАНИЕ:
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
Валентин Аккуратов, **Спор о герое**
Валентин Аккуратов, **Коварство Кассиопеи**
Николай Николаев, **И никакой день недели**
Игорь Подколзин, **На льдине**
Игорь Подколзин, **Завершающий кадр**
Михаил Сосин, **Пять ночей**
Борис Воробьев, **Граница**
Гюнтер Продль, **Банда Диллингера**
Димитр Пеев, **Транзит**
Дж. Б. Пристли, **Гендель и гангстеры**
Анджей Збых, **Слишком много клоунов**
ФАНТАСТИКА
Виктор Сапарин, **На восьмом километре**
Дмитрий Биленкин, **Проверка на разумность**
Владимир Михановский, **Мастерская Чарли Макгроуна**
Юрий Тупицын, **Ходовые испытания**
Виталий Мелентьев, **Шумит тишина**
Кира Сошинская, **Бедолага**
Род Серлинг, **Можно дойти пешком**
Альфред Элтон Ван-Вогт, **Чудовище**
Мишель Демют, **Чужое лето**
Рэй Брэдбери, **Лед и пламя**
“Искатель” в поиске
Библиография

- Мир “Искателя”
  - ○
  - ○ ОТ РЕДАКЦИИ “ИСКАТЕЛЯ”
  - ○ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
    - ■
    - ■ Валентин Аккуратов
    - ■ Валентин Аккуратов
    - ■ Николай Николаев

- Игорь Подколзин
- Игорь Подколзин
- Михаил Сосин
- Борис Воробьев
- Гюнтер Продль
- Димитр Пеев
- Дж. Б. Пристли
- Анджей Збых
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

○ ФАНТАСТИКА

-
- Виктор Сапарин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
- Дмитрий Биленкин
- Владимир Михановский
  -
  - 1
  - 2
  - 3
- Юрий Тупицын
- Виталий Мелентьев
- Кира Сошинская
- Род Серлинг

- Альфред Элтон Ван-Вогт
- Мишель Демют
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
- Рэй Брэдбери
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- “ИСКАТЕЛЬ” В ПОИСКЕ
- БИБЛИОГРАФИЯ
  -
  - ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
  - ФАНТАСТИКА

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

мир „Искателя“

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

МОСКВА

“МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”

1973

ОТ РЕДАКЦИИ “ИСКАТЕЛЯ”

В январе 1961 года вышел в свет первый выпуск “Искателя” — приложения к журналу “Вокруг света”, — адресованный всем, кто любит фантастику и приключения, мечту и романтику, кто ценит мужество и отвагу, стремительный полет мысли.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, — своеобразный отчет редакции “Искателя” о проделанной работе. Отчет, разумеется, далеко не полный. В этом сборнике лишь двадцать пять печатных листов, то есть чуть больше трех процентов всего того, что было опубликовано в “Искателе” за все годы. Отобрать самое лучшее, самое характерное и уложиться в эти три процента было не так-то просто.

Если вы посмотрите библиографию “Искателя”, помещенную в конце книги, то наверняка встретите немало знакомых вам произведений. Получив путевку в жизнь на страницах приложения, они переходили затем в авторские сборники, попадали в альманахи, выпускались отдельными изданиями, по ним ставились фильмы.

Настоящий сборник, отражая жанровое многообразие, тематическую и идейную направленность “Искателя”, напомнит читателю о вещах, заслуживающих этого, причем нигде, кроме как в приложении, больше не печатавшихся.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Валентин АККУРАТОВ

Николай НИКОЛАЕВ

Игорь ПОДКОЛЗИН

Михаил СОСИН

приключения

Борис ВОРОБЬЕВ

Гюнтер ПРОДЛЬ

Димитр ПЕЕВ

Джон Б. ПРИСТЛИ

Анджей ЗБЫХ

Валентин Аккуратов
СПОР О ГЕРОЕ

Мы вылетели на ледовую разведку…

Для неспециалиста, или просто человека несведущего, такой полет над Ледовитым океаном в ясную погоду может показаться увеселительной прогулкой.

Здесь, может быть, к месту вспомнить слова Пушкина, что порой люди ленивы и нелюбопытны. Действительно чего проще знать, ну, не породы льдов, а скажем, породы деревьев? Кто не видел леса? Кто летним днем не бродил под его то шатровыми, то стрельчатыми сводами, но, право, многие люди с уверенностью сумеют отличить лишь ель от сосны или дуб от березы.

Но даже для лесовика, не лесника-специалиста, а лесовика-любителя, в чаще открывается удивительная книга. Он читает ее как захватывающий роман.

То же и со льдами. Льды не менее разнообразны, чем леса. Во льдах, пожалуй, не меньше видов и пород, чем в дальневосточной тайге, самой разнообразной и пышной. Есть паковый, самый матерый лед. Он многие годы крутится в океане, как в гигантском котле. И хотя под ним соленая вода и сам он образовался из океанской воды, пак пресен. Есть блинчатый лед. Это самый юный. Он кругл и, опушенный кружевами, кажется темным, потому что сквозь него просвечивает океанская глубь.

И подобно деревьям в лесу, лед живет в океане не как попало. Он располагается, словно растительность па горе. Понизу — широколиственные, теплолюбивые породы; выше — смешанный лес, где темными конусами выделяются ели; еще выше — бережливые к теплу хвойные породы; у вершин ползают стланики, а дальше- вечный снег.

Если посмотреть на глобус, увенчанный полюсом, то сравнение это становится зрительным. Так же, поясами, располагается лед в северных морях. В море, у берега, летом бывает чистая вода, а зимой — припай, ровный, гладкий, как и окружающая его тундра. Молодые льдоведы нередко путают его с берегом.

Выше, ближе к полюсу, плавают многолетние, но еще нестарые, соленые льды, отошедшие от берегов. А у самой Крыши мира громоздится паковый лед, возраст которого порой исчисляется десятилетиями.

И весь этот ледяной панцирь, увлекаемый движением Земли, плывет по очень сложным и еще не изученным полностью законам дрейфа.

Движение всей массы льда происходит таким образом, словно на земную ось насажен винт с саблевидными лопастями. Часть молодого льда увлекается в центральный бассейн, большая часть старого выбрасывается в океанские ворота между

Шпицбергеном и Гренландией в Атлантику. Причем количество льда, выносимого в эти ворота, из года в год меняется. Почему?

Сейчас ученые-гляциологи заняты трудоемким, кропотливым и малозаметным делом — накоплением фактов. Но скоро одна из многочисленных гипотез станет законом, который объяснит основное. А пока каждый наш полет в сердце Ледовитого океана помогает изучению жизни льдов. Но, кроме того, пилоты помогают вести корабли по Северному морскому пути.

О ледовой разведке стоит рассказать подробнее. Но это в другой раз. Дело в том, что нам самим тогда стало не до льдов.

Сначала мы услышали, как Михаил Алексеевич Титлов не своим голосом крикнул:

— Следы!

Радист и я бросились в кабину пилотов.

Ни в первое мгновение, ни в следующее мы не поверили Михаилу Алексеевичу. Это казалось не только невероятным, но и немыслимым.

Машина шла на небольшой высоте. Цепочка следов промелькнула так быстро, что мы увидели позади самолета, в туманной мгле сумрачного полярного дня, лишь нечеткую полоску. Ее можно было принять за трещину.

— Соскучились, — разочарованно протянул всегда немного скептически настроенный Патарушин. — Разыграть вздумали.

Он собрался вернуться в рубку.

По Титлов резко положил машину на крыло, делая крутой разворот.

— Пет, точно — следы, — недоуменно протянул второй пилот Афинский, словно оправдываясь за неожиданность, которую принес океан.

Титлов, прищурившись от напряжения, старательно выводил машину на нечеткую полоску следов, так, чтобы пройтись вдоль нее и рассмотреть как следует.

— Правда, следы… — еще раз подтвердил командир.

— Показалось, — протянул Патарушин. — Мы же так далеко от материка и в семистах километрах от Диксона. Ни одного сигнала бедствия ни на днях, ни в ближайшие месяцы не было. С неба, что ли, люди свалились? Марсиане?

Мы вышли на бреющем полете из-за гряды торосов.

— Смотри, марсиане! — сказал Титлов.

По снегу вились следы — шли двое с нартами. Теперь, без сомнения, можно было сказать — шли люди. И шли они как люди, и следы их тянулись бесконечной синусоидой, потому что люди не могут ходить строю по прямой, как, например, медведи, и медведи не тащат за собой нарт. И видимо, одни из людей

покрепче или помоложе, потому что следы упорно оттягивало вправо, в сторону океана. Это делалось вряд ли нарочно. Те, кто шел, очевидно, об этом не догадывались, и заранее можно было предположить, что в ледяном безмолвии оказались люди, не очень опытные в полярных путешествиях, но, безусловно, смелые, даже отважные.

Вот что мы предположили о них с воздуха по следам.

Вдруг за грядой торосов следы пропали. Под нами было чистое снежное поле.

— Что за чертовщина? — пробурчал Титлов.

— Проглядели, — сказал я. — Люди, видимо, спрятались в торосах.

Титлов развернул машину.

Мы снова прошли над грядой торосов.

Следы скрывались в ледяном гроте.

— Они прячутся от нас! — проговорил Афинский.

Мы переглянулись. Такое совсем не вязалось с представлениями об Арктике и полярниках. Люди прячутся от самолета, люди прячутся от людей, оказавшись среди океана, в сотнях километров от любого населенного пункта!

— Садимся? — предложил я Титлову.

— Действительно, что это за люди? — спросил, ни к кому не обращаясь, Патарушин.

— Два снежных человека, — отшутился бортмеханик Богданов.

Мы нашли подходящее поле для посадки километрах в трех от места, где видели следы. Сбросили дымовые шашки. Сели.

— Берите винтовки и пойдем, — сказал Титлов.

Взяли винтовки. Пошли.

— Не держитесь кучей, — приказал Титлов.

— Почему? — спросил Патарушин, когда мы, выражаясь языком военных, рассредоточились.

— Мишень больно крупная, — буркнул за Титлова Афинский.

Метрах в трехстах от торосов Титлов остановился.

— Мы у них на мушке. Вон они, за четвертым торосом справа.

Пригляделись. Действительно, торчит меж зубьями льда дуло. Залегли.

Они молчат. Мы тоже. Подождали, подождали, наконец Титлов крикнул:

— Кто вы?

Не ответили.

Афинский повторил тот же вопрос по-английски.

Молчание.

Мороз был крепкий, с ветерком нам в лицо.

— Отвечайте! — снова крикнул Титлов. — Отвечайте, черт возьми, кто вы?!

— Пошто лаешь? — донеслось из-за торосов.

— А пошто молчите?

— Кто вы такие? — спросили из-за торосов.

— Ну уж это наглость, — пробурчал Патарушнн, человек весьма чувствительный к вопросам субординации и вежливости.

— Летчики! — ответил Титлов.

— Выходи один. Поговорим. Только чур без ружья!

Мы переглянулись.

— Можно? — спросил я у Титлова. Тот кивнул.

Я поднялся. Когда прошел шагов десять, из-за торосов навстречу мне вышел невысокий русобородый мужчина. Я внимательно приглядывался к нему. Он двигался вразвалку, как ходят люди, привыкшие к тяжелому физическому труду, крепко ступая на ноги.

Сблизились.

Я увидел, что мужчина немолод. За пятьдесят ему перевалило давно. Глаза из-под лохматых бровей смотрели сурово и подозрительно. Шел он неторопливо, и мы встретились гораздо ближе к его лагерю, чем к моему.

“Непрост мужичонка-то”, — подумал я.

Сошлись.

Не подавая руки, бородач сел на обломок льда.

Сел и я.

— Пошто идете за нами? — угрюмо спросил он.

— Вы-то как очутились здесь?

— Дорога заказана?

— Нет.

— Вот мы и идем.

— Да идите, пожалуйста. Мы помочь думали.

Я достал кисет, стал набивать трубку.

Старик опустил глаза и старался не смотреть на табак.

Я раскурил трубку.

Старик крутнул головой.

— Хорош табак.

— Хорош.

— Духовитый.

— Душистый и крепкий.

Помолчали.

— Одолжите, может…

Я протянул ему кисет.

Бородач достал из-за пазухи трубку величиной с добрый кулак, покосился на меня. Я махнул рукой.

Он плотно набил трубку, подобрал табачинки, случайно упавшие на снег. Потом достал спички и, прикуривая, второпях сломал две. Крякнул с досадой. Затянулся глубоко, даже глаза закрыл от удовольствия. Выдохнул дым не сразу. Вытер слезы, набежавшие на глаза.

— Дядя Митяй! — послышалось из-за торосов.

— Две недели без табаку, — словно извиняясь за несдержанность своего спутника, сказал бородач.

— Куда идете-то?

— На Диксон.

— До него семьсот километров!

— Дойдем.

— А прошли сколько?

— Верст пятьсот. С гаком.

— Одни?

— Одни. — Крикнул: — Гришка, подь сюда!

Из-за торосов вышел второй бородач, со стороны моего лагеря поднялся приземистый Титлов и направился к нам.

Дядя Митяй посмотрел в его сторону, усмехнулся:

— Много вас?

— Пятеро.

— Пусть идут. Не лиходеи мы. Столяры.

Около нас собрались все. Григорий закурил.

— С Таймыра с Гришкой и топаем, — разговорился подобревший от табака дядя Митяй. — Нешто можно так с рабочим человеком обращаться? Столяры мы, столярами и подрядились. А нас, поди ж, плотниками поставили. Плотник — он плотник и есть, а столяр — он столяр. Свое ремесло у каждого. Нешто мы плотниками подряжались?

— Ясно, столярами! — горячо вступился Григорий. — Плотниками мы бы ни в жизнь не пошли.

— Вот то-то и оно-то. Не пошли.

И дядя Митяй долго и старательно объяснял нам, что они с Гришкой столяры, а не плотники, и рядились столярами, а их глупый и непонимающий начальник заставлял работать плотниками. Они, конечно, могли и плотничать, но какой уважающий себя столяр согласится быть плотником, коль и подрядился-то он столяром, а совсем не плотником, хоть и может плотничать.

Мы слушали, не перебивая, и разглядывали путешественников. Одеты они были ладно, добротно, даже, я сказал бы, с щепетильной опрятностью: полушубок с кушаком, за который заткнут топор, треухи, ватные брюки, валенки.

Меня, как навигатора, интересовало многое.

— Как же вы ориентируетесь? — спросил я. — Как правильное направление держите?

— Компас у нас, — и дядя Митяй достал обыкновенный туристский компас, который в этих широтах показывает то ли направление, то ли цену на дрова в бухте Тикси. — Да вот часы. Проверить бы не мешало.

Сверили часы. Дядя Митяй подвел свои на пять минут.

— Ничего. Дойдем. Почитай, уж половину пути прошли.

— И не страшно? — поинтересовался Патарушин.

— Не… — протянул Григорий.

— А медведь?

— А топоры?

— Почему же вы берегом не пошли? — спросил Титлов.

— Дальше, — ответил дядя Митяй.

— Да ведь пустяк. Всего на триста километров. Так по семле, не по океану.

— По берегу медведей больше.

Мы с восхищением смотрели на двух простых русских людей, решившихся на такое путешествие. По своему маршруту, по элементарности оснащения и по смелости замысла оно, пожалуй, не имело себе равных.

Попытка Нансена и Иогансена пройти от дрейфующего “Фрама” к полюсу и вынужденное отступление к острову Белая Земля считается классическим эталоном пешего полярного путешествия. О том, какие трудности и лишения пережили путешественники, нет смысла пересказывать. Этот поход блестяще описан в книге Фритьофа Нансена “Фрам” в полярном море”.

Двое, что сидели перед нами, уже прошли триста километров и были уверены, что пройдут еще семьсот. Триста — это по прямой. А обход разводни? А дрейф льда, постоянно относивший их обратно? А свирепые пурги и лютые морозы?

Но никому из нас не пришло в голову назвать их героями. Почему?

Об этом мы подумали после того, как уговорили дядю Митяя и Гришу сесть к нам в самолет, — а уговаривали мы их долго, заверили, что и платить им не придется, и вдобавок пообещали взять на себя хлопоты объяснить начальству их самовольную отлучку.

И всегда, когда мне к слову приходилось рассказывать эту историю, мнения слушателей разделялись. Одни утверждали: “Герои!”, другие упрямо твердили: “Нет!” Наверное, будут свои мнения и у читателей.

Тогда спор о герое и подвиге стоит продолжить.

Валентин Аккуратов
КОВАРСТВО КАССИОПЕИ

— Горючее кончается, — сказал пилот флагштурману. — Через час будем падать.

И тогда, словно по заказу, в облачном месиве, плотно затянувшем поверхность Ледовитого океана, появилось “окно”.

— Земля! — крикнул штурман и откинул с головы капюшон чукотской малицы, чтобы лучше, вернее разглядеть сушу, спасительную сушу, так неожиданно открывшуюся под ними.

— Ледник… — протянул разочарованно пилот. — Ледник. А мы на колесах…

Флагштурман Михаил Гордиенко пожал плечами:

— Должно быть, это остров Джексона. От него до базы на Рудольфе всего тридцать километров.

— А ты уверен, что это остров Джексона? — спросил штурмана пилот. — Земля Франца-Иосифа насчитывает восемьдесят семь островов[1]. Мы четыре часа не видели земли.

— Этот Джексона. Больше мы не увидим земли. База на Рудольфе в тридцати километрах.

— Вот только в какую сторону?

— Вот именно… — протянул штурман.

— Ладно, — сказал пилот. — Снизимся, посмотрим, — и обратился к радисту: — Сообщи, чтобы остальные самолеты следили за нами.

Сбросив газ, огромный оранжевый четырехмоторный самолет ушел в “окно”.

— Видишь, снег неглубокий… Лед-то как блестит.

— Жаль, что мы не на лыжах, — сказал пилот. — Всем уйти в хвост! Немедленно!

Гордиенко понимал, что это необходимая мера. Она преследует две цели: даст самолет “козла” — люди будут своего рода балластом, который может помочь машине вернуться в нормальное положение; случится что-либо похуже — из горького опыта катастроф известно: хвост почти всегда остается целым.

Однако штурман остался рядом с пилотом.

Сделав широкий круг, самолет зашел на посадку и низко потянул над темными трещинами ледников.

— Тяни! Тяни! — послышался над ухом пилота голос штурмана. — Там, впереди, ровно! И трещин нет!

— Ты не в хвосте? — удивился пилот. Но тут он “перетянул” последнюю трещину, и разговаривать стало некогда. Машина мягко коснулась земли, вернее, льда, и покатилась, поднимая тучи снега. Вдруг сильный толчок потряс самолет. Машина,

задирая хвост, стала падать на нос, но лишь качнулась и приняла нормальное положение.

Несколько секунд в самолете стояло молчание, так характерное для вынужденной посадки. Его нарушил пилот:

— Сообщите экипажам, чтобы пока кружили над нами. Осмотрим площадку, выложим знаки.

Утопая в сугробах, экипаж старательно наметил полосу для приема двух других самолетов, которые ходили над ними. Вот сели и они.

Командир второй машины, сухопарый, с тонким орлиным носом, опытный полярный ас Фарих, с трудом добрался до первой машины и сказал:

— Поздравляю! Здесь и зазимуем. С такого аэродрома нашим машинам не взлететь. Штурманы, где сидим?

В середине тридцатых годов, когда советские авиаторы осваивали Арктику, не было еще ни радиолокаторов, ни радиокомпасов, ни радиопеленгаторов. Самым падежным инструментом для определения местонахождения был секстант, прибор, которым пользовались мореходы времен Колумба и Магеллана.

Михаил Гордиенко смущенно ответил за всех навигаторов:

— Сейчас сумерки. Вот ночь настанет. Увидим звезды. Уж тогда точно сориентируемся. Не волнуйся, Фарих. У нас прекрасный астроном. Коли нам не веришь, то уж он-то не подведет.

Но Фарих продолжал ворчать:

— Знаю я шуточки Арктики. Сядешь па час — живешь неделю. Надо устраиваться основательно. Конечно, у нас все есть. Продуктов достаточно, и одежда, и лагерное снаряжение. Но главная-то наша задача: искать самолет Леваневского. И тем не менее я настаиваю — устраиваться основательно.

Предложение было принято. Вскоре в темноте, у палаток, засветились огни примусов. В чистом морозном воздухе запахло едой, остро и пряно, как пахнет лишь на севере да в высокогорье. Причем запахи не сливались, каждый существовал отдельно: запах мяса и запах лаврового листа, запах перца и кофе.

С аппетитом поужинали и стали терпеливо поглядывать на небо, ожидая, что ночью должно развиднеться.

Астроном Шавров, человек очень опытный — моряк с двадцатилетним стажем, — неторопливо, с достоинством устанавливал сложный прибор, именуемый астрономическим теодолитом. Штурманы с секстантами в руках выглядели рядом с ним первоклашками.

Посверкивая линзами, сияя медными шкивами, штифтиками,

солидный и отрешенный, теодолит напоминал статую языческого божества. А Шавров, обращавшийся с прибором очень осторожно, даже почтительно, словно жрец, усиливал впечатление, производимое столь редким в те времена инструментом.

Наконец прибор был готов к работе.

— Уберите вы ваши секстанты, братцы. Ими же только орехи колоть хорошо — тяжелые. Мой прибор позволит определиться с точностью до двухсот метров, — подмигнув, шутливо сказал Шавров.

— Подумаешь! — не уступали штурманы. — Невелика беда, что наши секстанты дают точность до пяти километров, зато через полчаса. А с вашей точностью дай бог к утру получить результаты.

Однако, отшучиваясь, штурманы смотрели на прибор с уважением.

— Техника решает все, — сказал Шавров.

Настроение было хорошее. После посадки экипажи сверили записи в бортовых журналах: получалось, что сели где-то совсем рядом с островом Рудольфа.

Наконец развиднелось.

Шавров, словно верховный жрец божества-теодолита, вышел из палатки первым. За ним почтительной свитой двинулись штурманы. У выхода навигаторов ждали добровольные помощники, которым были вручены секундомеры.

Непривычно огромные и необыкновенно яркие звезды повисли надо льдами. И штурманы и астроном были в Арктике впервые, и их поразила картина звездного неба. Она очень четкая, такое небо не бывает даже в самые темные ночи на юге. Звезды почти не мерцали, горели ровным огнем, будто наблюдатели находились в космическом пространстве.

— Будем определяться по Полярной звезде в паре с альфой созвездия Кассиопеи. Они расположены очень удачно, почти под девяносто градусов. Это и вам позволит быстро определиться, и мне облегчит расчеты, — сказал Шавров.

Навигаторам предстояло определить высоты звезд над истинным горизонтом и в момент измерения засечь время. Имея и то и другое, штурманам оставалось найти в “Астрономическом ежегоднике” названия выбранных ими звезд и по эфемеридам, или координатам, этих светил рассчитать свое местонахождение.

Послышались команды:

— По Полярной… время!

— По Кассиопее… время!

И снова, и снова…

Бортмеханики, словно изображая темную любопытствующую

толпу, почтительно сбились в кучку у края импровизированной астрономической площадки.

— Ишь нашли какую-то “Косолапопию”, — подмигнув приятелям, проговорил Кекушев, бортмеханик самолета Фариха. — Плохо это кончится. Никогда о такой звезде не слыхивал.

— Серость ты механическая! — спокойно ответил сосед, слишком увлеченный наблюдением за астрономом, чтобы разобраться в тоне Кекушева. — Вон видишь, пять звезд в виде буквы “З”, положенной на спину…

— Вот эта? Красавица! — восхитился Кекушев и похлопал своего помощника Терентьева по плечу. — А знаешь, Валентин, завтра утром мы окажемся на Новой Земле.

— Не удивлюсь, — поддержал Терентьев своего начальника. — В таком сером месиве шли от самого мыса Желания, что неудивительно оказаться и на Новой. Как штурманы вообще землю нашли. И солнца нет, и компасы магнитные — один показывает, может быть, и на север, а другой — определенно цену на дрова в бухте Тикси.

Покуда бортмеханики иронизировали по поводу искусства навигаторов, те, взяв высоты звезд, удалились в палатку.

Первым закончил расчеты флагштурман Гордиенко.

Командиры кораблей внимательно следили за тем, как он проводил линии астрономических положений на полетной карте. Линии пересекались в центре острова Рудольфа.

— Что?! — воскликнули пилоты. — Сели на Рудольфа? Миша, закрой свою г’астрономию! Где жилье?

Гордиенко и сам с удивлением взирал на результаты своих расчетов.

— Что ж, напутал. Подождем результатов других штурманов. А я пойду еще раз измерю. — И флагштурман, не скрывая смущения, вышел из палатки.

Фарих сказал:

— Надо ждать результатов измерений астронома. У него хотя и медленнее, но абсолютно точно.

У двух других штурманов результат оказался таков: местонахождение — остров Джексона, тридцать километров южнее острова Рудольфа.

— Похоже, — заметил второй пилот Фариха, молчаливый Эндель Пуссеп. — Но вообще, — он оглядел сидевших за столом летчиков, — мне эти места удивительно напоминают Рудольф. Вот только ни огонька.

— В том-то и дело. Федот, да не тот.

Пилоты посмеивались, глядя на Пуссепа.

Вошел Гордиенко, пожал плечами:

— Тот же результат!

— Как вы рассчитываете? — поинтересовались штурманы.

— У меня свои таблицы, составленные Федоровым, астрономом первой дрейфующей станции.

— Весь мир считается с “Астрономическим ежегодником”, а у вас свои таблицы. Хорош флагштурман! Иди, Миша, отдохни. Завтра проверишь. Ты здорово устал.

Фарих обнял навигатора за плечи.

— Да, да, надо отоспаться, — смиренно согласился Гордиенко. — Видно, сбило у секстанта призму при посадке. Отсюда так упорно идет ошибка.

Забрались в спальные мешки, но не спали. Ждали результатов расчетов Шаврова. Он сказал:

— Сидим на северной части острова Джексона. В тридцати километрах от места своего назначения. Это абсолютно точно. До двухсот метров.

* * *

Утро пришло серым, пуржистым.

Устроившись в палатках поэкипажно, люди занимались своими делами. Дежурные заботились о питании. Остальные играли в домино, читали. Но стоило завязаться разговору, как он неизменно сворачивал к их довольно невеселому положению.

Стоял конец октября. В этих широтах устанавливалась прочная полярная ночь: беспросветная, снежная, ветреная, морозная. Только чудо могло помочь машине взлететь в таких условиях. О каком взлете могла идти речь, когда, чтоб не сбиться с пути, от машины к машине специально понатыкали черных флажков?

Прошел день, еще, еще и еще…

Палатки обложили кирпичами из плотного снега. Ветер выдувал тепло.

И небо постоянно было затянуто тяжелыми облаками.

Регулярная связь с Тихой и Рудольфом поддерживала неизменную надежду, что не нынче, так завтра будет ясная погода, им помогут выбраться из ловушки и они тоже включатся в поиски самолета Леваневского.

Прояснело наконец.

Где-то невероятно далеко, на юге, так далеко, что, может быть, это только казалось, тлела заря. На севере ярко светили звезды.

Под моторами всех машин дружно шумели подогревные лампы.

Первым пошел на взлет самолет Фариха. Моторы выли на полных оборотах. В первые мгновения казалось, что самолет набирает скорость. Но, не пройдя и пятидесяти метров, машина намертво застряла в сугробе.

И все-таки решили пробить в снегу взлетную дорожку хоть для одного самолета. Бились целый день. Но вечером поднялся ветер. К утру на месте пробитой траншеи была снежная целина.

Время коротали хождением в гости друг к другу. Много читали.

Стоило появиться звездам, как навигаторы и астроном снова и снова принимались уточнять местоположение.

Линии проходили у острова Джексона.

Однажды на помойке заметили голубых песцов. Решили ловить. Они улизнули. Единственным утешением было, что видели каких-то очень больших песцов, гораздо больше, чем тундровые.

Машины настолько засыпало снегом, что они походили на снежные горы.

В одну из светлых ночей поднялась небывалая тревога.

К юго-западу низко-низко над горизонтом двигалась какая-то зеленая звездочка.

Пока вызывали астронома, звездочку скрыл туман.

Астроном очень серьезно выслушал очевидцев. Долго думал. Потом сказал, что, должно быть, был болид — род крупного метеора.

Каждое утро поднимались очень рано. Откапывали входы в жилье, откапывали самолеты, пробивали дорожки между снежными домами. Экипаж Фариха принялся за постройку просторного ледяного зала — своего рода кают-компании.

Как-то к Фариху, дежурившему по кухне и мывшему посуду после еды, пришли бортмеханик Кекушев и его помощник Терентьев.

— Разрешите нам, Фабиан Брунович, отправиться пешком на Рудольф. Дойдем.

— Ни в коем случае. Темнота. Трещины. Медведи. Заблудитесь. Вот-вот будет погода, с Тихой прилетят Мазурук с Аккуратовым — вывезут.

Кекушев вздохнул:

— Фабиан Брунович, да мы на Рудольфе сидим. Километрах в десяти от базы…

Фарих сначала вытаращил глаза, потом сощурил их и двинулся на Кекушева с Терентьевым.

— Вы что! — взъярился Фарих. — Разыграть меня задумали, как всех часами с кукушкой? А?

Кекушев с Терентьевым едва успели ретироваться с кухни. Что касается Фариха, то он еще долго гремел алюминиевыми тарелками и кричал, что он не из таких, кого можно так легко купить. Он в Арктике не мальчик. Знает, почем фунт лиха, и на авантюру не пойдет.

Дело было в том, что старейший полярный бортмеханик Николай Кекушев по совместительству считался крупнейшим полярным мастером баснословного розыгрыша. Так, пролетая однажды по трассе Главсевморпу-ти, он на каждой станции рассказывал, что Первый часовой завод в Москве приступил к выпуску оригинальных настенных часов с “кукушкой”. Только вместо цифр на циферблате — портреты первых двенадцати Героев Советского Союза. Первый час — Ляпидевский, второй — Водопьянов и так далее. И когда наступает двенадцать, то в раскрытое окно часов выглядывает голова самого Отто Юльевича Шмидта.

Рассказано это было настолько тонко, что общественные организации всей Арктики начали слать по радио массовые заказы в Москву на присылку таких часов для премирования передовиков…

Фарих продолжал греметь посудой. Кекушев и Терентьев стояли за палаткой. Бортмеханик никак не мог решиться уйти, отказаться от своей идеи, что они находятся на острове Рудольфа, рядом с базой. Очертания гор, характер льда, вся обстановка подсказывали Кскушеву, что это так, и никак иначе. И он в душе удивлялся своему начальнику, опытному арктическому пилоту, у которого в этот раз словно пелена была на глазах.

“Ну разыграл когда-то. Было, — думал Кекушев. — Но сейчас-то не до того. Кончаются продукты… Надо предпринимать что-то решительное. А Фарих… Рассуждать мне легко, а Фарих отвечает за всех и за все… Да, дело здесь не только в боязни, что я его разыграю. И настаивать бесполезно. Гордиенко, тот тоже пытался спорить, но перед ним теперь молча кладут “Астрономический ежегодник”. И он замолкает”.

Кекушев пошел прочь от палатки.

* * *

Все возлагали надежду на прилет машины Мазурука из бухты Тихой. Но пурга сменялась густыми туманами.

На месте вынужденной посадки было мертво. Только дымки

— и всего-то три, — говорили, что тут теплится жизнь.

Как-то вечером Фарих вел очередной разговор с базой на Рудольфе.

К микрофону подошел руководитель поисков самолета Леваневского, начальник полярной авиации Марк Иванович Шевелев:

— Как дела, Фабиан Брунович?

— Да как и вчера, когда разговаривали, как неделю назад…

— Продукты кончаются?

— Кончаются, Марк Иванович.

— Не горюйте!

— Держимся…

— Бы где-то совсем рядом. Все время отличная слышимость, как на полигоне.

— Мы рядом, Марк Иванович, на острове Джексона.

— Подожди, подожди, Фарих… Есть идея!

— Слушаю, Марк Иванович.

— Завтра, если будет ясная погода, мы зажжем на куполе Рудольфа прожектор. Он в миллион свечей. Его и за восемьдесят километров можно увидеть. Следите за его вспышками. Засеките азимут луча. И мы прилетим.

— Гора с плеч, Марк Иванович! Коли увидим…

— Увидите, увидите, Фабиаи Брунович!

— Меня эти приборы да споры штурманов скоро с ума сведут.

— Следите за вспышками. О времени договоримся завтра.

Безоблачная ночь выдалась только через неделю. По радио было назначено время, когда вспыхнет прожектор.

Все столпились на леднике и уставились на север, где должен был находиться остров Рудольфа.

Назначенное время настало. Но вокруг стояла тьма полярной ночи. Ни проблеска.

Фарих обернулся к Кекушеву:

— Беги к радисту, скажи — ничего не видно. Или они запаздывают?

Ослепительный фиолетовый луч ударил в глаза Фариха. Он инстинктивно закрыл лицо руками. Словно от ожога подскочили остальные и обернулись.

Прищуриваясь, прикрывая ладонями лица, люди прыгали от радости.

— Видим! Видим! — орал в микрофон радист.

Часа через два у лагеря появились на тракторе инженер Владимир Гутовский и врач экспедиции.

Радость вызволения заставила всех на некоторое время забыть о просчетах штурманов и астронома, о том, как провела их

суровая Арктика, как коварно поступила с навигаторами альфа Кассиопеи.

На разгадку понадобилось очень много времени. А пока выяснилось, что песцы, которые бродили у лагерной помойки, — это собаки с базы на Рудольфе, “болид” оказался бортовым огнем парохода “Русанов”, который привез продукты на зимовку.

А тайна коварства Кассиопеи? Это действительно оказался нелегкий орешек.

Начнем с того, что видимое нами положение звезд — отнюдь не истинное. Оно искажено под влиянием рефракции — преломления светового луча при его вхождении в среду с иной плотностью. То же происходит, когда мы смотрим на ложку в стакане с водой. Она будто сломана. Это тоже явление рефракции.

Чем плотнее среда, в которую входит луч света, тем это явление значительнее.

Под влиянием меняющейся температуры плотность слоев воздуха тоже меняется. Это вызывает существенные отклонения в преломлении света, идущего от звезд.

Так оно и получилось. Ошибка, которую допустили астроном и другие штурманы, пользовавшиеся “Астрономическим ежегодником”, составляет примерно пятнадцать дуговых минут. В географическом градусе примерно сто пятнадцать километров. Минута, следовательно, равна около 1,9 километра, а пятнадцать — тридцать километров, — величина ошибки. Луч прожектора подтвердил правильность расчетов Федорова.

Коварство полярных звезд разгадано. Но в Арктике коварны не только звезды. Я, признаться, не помню такого полета в высокие широты, когда бы белое безмолвие не задавало мне очередного вопроса.

Литературная запись Н. Коротеева

Николай Николаев
И НИКАКОЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ…

Он вошел в диспетчерскую, огромный, в собачьих унтах, собачьей шубе мехом внутрь и с маленьким чемоданчиком в руке.

— Ну как?

Доктор задал вопрос, ни к кому не обращаясь, хотя в жарко натопленной комнате было трое: диспетчер, кассирша и великорослый мужчина в форменном кителе с ярко начищенными пуговицами — начальник аэропорта.

— Все так же… — меланхолично ответил великорослый мужчина.

— Я получил четвертую радиограмму. Четвертую!

— Доктор… Уверяю- вас, авиационная катастрофа — самый паршивый вид самоубийства.

— Риск — благородное дело.

— Синоптики снова дают минус пятьдесят пять. И в Верном туман.

— Я должен там быть сегодня.

— Вы попробуйте поколоть дрова.

— Я врач, а не дровосек.

Начальник аэропорта подошел к барьеру, который отделял служебное помещение от закутка для посетителей. Теперь начальник и врач стояли друг против друга. Они были одного роста и возраста. Правда, врач выглядел толще в собачьей шубе мехом внутрь, покрытой сверху брезентом.

— Вы, доктор, возьмите топор и ударьте по дровине. Расколется топор. Понимаете? Вы любите физические опыты?

— Я не занимаюсь физическими опытами. Я лечу людей.

— Этот опыт был бы полезен, — начальник аэропорта произнес это голосом профессионально терпеливым, профессионально вежливым, и одновременно слышались в его тоне нотки раздраженного администратора.

— Я получил четвертую радиограмму, — настойчиво и ровно проговорил врач.

— Доктор, поймите, я не могу отвечать за сталь винта у вертолета. Хотя комиссия по расследованию катастрофы, наверное, займется и этим. Если найдет остатки винта.

— Прочитайте четвертую радиограмму.

Начальник аэропорта взял бумажку. Он прочитал ее раз, потом еще, посмотрел на доктора.

— Я не могу поручиться за сталь. Ни вы, ни я не можем поручиться за сталь. Вы меня понимаете? И есть, понимаете, инструкция. Я, да и не я… Кто может выпустить вертолет в такую стужу? Я сам не пилот. И не могу позволить вам уговорить летчика… Если же си согласится, я все равно не выпущу вас. И самолету в Верном негде сесть.

— Понимаю — инструкция прежде всего.

Начальник аэропорта поморщился, замотал головой, словно доктор неосторожно ткнул в обнаженный нерв его зуба.

— Доктор, давайте я вас на руках, пешком туда донесу! Понимаете?

— Вы тоже поймите, товарищ начальник… Рискните!

— Это не риск. Это другое. Это все равно что бросить горящую паклю в цистерну с бензином и надеяться, что взрыва не будет.

— Тот, кто умрет в четверг, тому не придется умирать в пятницу.

Начальник аэропорта развел руками.

— Так написано в одном знаменитом романе, товарищ начальник. Может, читали?

Посмотрев на доктора, укутанного в собачий мех, начальник аэропорта сказал:

— Даже если летчик согласится, я вас не выпущу. Вы понимаете меня, доктор?

— Речь идет о жизни ребенка!

— Я прочитал четвертую радиограмму, — начальник передал бумагу раскрасневшемуся от комнатной жары доктору. — Соглашайтесь, доктор, я готов нести вас сто четыре километра на руках, на закорках, хотите, впрягусь в нарты. По земле никто не запретит ехать.

— Лед — не земля. Вы знаете — в поселке одни большие МАЗы. Лед на реке не выдержит и порожнюю машину.

— Берите меня в попутчики.

— Знаю, вы не шутите. Я слышал, как вы в прошлом году, когда случилась авария и тоже была плохая погода…

— При чем здесь… — попробовал перебить доктора начальник аэропорта.

Но врач продолжил:

— Вы пошли на лыжах и тащили на себе раненого пилота.

— Я слышал, приехал Ефим. Он на “газике”. Сто туда, сто обратно… Попробуйте уговорить, — начальник аэропорта потупился и пожал очень широкими плечами, для которых форменный мундир с отлично нафабренными пуговицами казался узким.

Громадный в своих меховых одеждах доктор потоптался перед служебной перегородкой.

— Полчаса. Полчаса всего. Или почти полсуток, — проговорил он вслух и внятно прочитал текст рекламного плаката, висевшего на стене: — “Экономьте время — летайте самолетами”.

— Погоды не будет еще сутки. Если не больше.

— Где Ефим?

— В комнате для приезжающих.

— Говорят, норовист он…

— Старый доктор с ним ладил… Иногда. Поговорите…

* * *

— “Газик” на ходу. С вас бутылку спирта, — сказал Ефим после долгого монолога доктора. Ефим был мелок и щупл. Он выглядел таким даже на узкой гостиничной койке, на которой лежал, пока доктор говорил. Но думал шофер о чем-то своем, потому что перебил врача неожиданно, когда тот достал из кармана радиограмму и хотел зачитать ее. Потом Ефим поднялся, влез в промасленный ватник, кинул на голову ушанку военного образца.

Затем он принялся наматывать длиннющие портянки. Доктор наморщил нос от едкого духа, хотел сказать, что и портянки подлежат стирке, но сформулировал замечание весьма осторожно:

— Чистые портянки лучше греют.

— Да, — простодушно согласился шофер, сунул ноги в огромные, не по росту валенки. — Значит, договорились?

— За что? — спросил доктор. — Спирт за что?

— Как вас зовут?

— Владимир Петрович.

— За интерес, Владимир Петрович.

— Не выйдет.

— Не скупитесь. Вы больше на вату выльете, — сказал Ефим и снял шапку.

— Нет.

Ефим усмехнулся, и было видно, что это его условие непременно. Шофер сел на стул, достал мятую пачку “Беломора” и принялся рыться в ней, отыскивая целую папиросу.

— Здесь до вас доктор был, — проговорил Ефим, все еще роясь в мятой пачке. — Старичок. Помер. Хороший был старичок. Добрый.

В руках у доктора все еще была бумажка — официальный почтовый бланк — радиограмма. Владимир Петрович повертел бланк в пальцах, хотел зачитать текст, но раздумал, убрал в карман.

— Ладно, черт с вами…

— Эт-та… Хорошо.

— Давайте ваш “газик”. У меня нет возможности торговаться.

— Я не торгуюсь, — улыбнулся Ефим. Лицо у него было лоснящееся на щеках и подбородке, а вокруг глаз словно налеплена маска из морщин, как у старых местных жителей, сызмальства привыкших очень подолгу смотреть на искрящийся снег. Доктору показалось, что и улыбка у Ефима местножительская: добродушная и непреклонная.

Они вышли сквозь облако плотного морозного пара, вломившегося из-под низа в открытую дверь.

Было ясно и очень холодно. Крупное, плывшее вдоль горизонта солнце словно озябло и, не особенно утруждаясь, ждало лишь своего часа, чтоб убраться за дальний колючий лес и погреться где-нибудь в знойных странах.

У доктора, распарившегося в тепле в жаркой одежде, перехватило от холода дыхание. Он закашлялся *и* пошел медленнее, чтоб отдышаться.

С белого застывшего неба бесперечь сыпалась невидимая сверкающая пыль. Она оседала на землю, лепилась к стенам домов, забивалась под карнизы и светилась там. И все кругом выглядело сизым от этой морозной пыли, оранжевым под солнцем, зеленым в тени, а дали были фиолетовыми.

Доктор достал из наружного накладного кармана светофильтры и надел их. Он после разговора шел, не оборачиваясь к Ефиму, но явственно слышал, как повизгивают, перебивая мерный скрип его унт, валенки шофера, семенившего на полшага сзади.

— По вербовке здесь? — спросил доктор. Светофильтры тут же запотели, и он протер их, вынув из-за пазухи аккуратно сложенный, чистый носовой платок. Доктор тщательно, на ходу тер стекла очков, и поэтому вопрос его прозвучал очень официально, даже резковато.

Ефим чуть помедлил с ответом:

— Сидел. Осел… Завязал.

Не дожидаясь приглашения, доктор открыл дверцу “газика”, сел в кресло:

— К больнице.

— Очень душевный человек был старый доктор, — мотор заработал сразу, словно ждал, когда Ефим дотронется до кнопки стартера. — Он лет тридцать жил здесь.

— Он был не доктор. Он фельдшер. Он не получал диплома врача.

— Вы давно получили диплом?

— В этом году.

— И сразу стали доктором?

— Да.

— Мало я с вас запросил…

Тогда доктор достал радиограмму и протянул ее Ефиму. Шофер покосился на бланк. Потом он пожал плечами, словно увиденное им было написано на незнакомом ему языке.

Машина остановилась у больницы.

— Минутку.

Владимир Петрович действительно вернулся через минуту.

— К магазину.

— Там нет спирта.

— Для меня найдут.

Ефим покосился на доктора и опять пожал плечами, точно слышал слова на незнакомом языке. Затормозил. Доктор вышел из магазина очень скоро. Он держал бутылку спирта.

“Такова цена человеческой жизни. Иногда…” — подумал Владимир Петрович с горечью и протянул бутылку Ефиму, который топтался у машины. Тот принял спирт равнодушно, даже с пренебрежением.

— Я ж на двоих.

— Простите… — сказал доктор. Он был молод, мо когда чересчур сердился, то старался говорить, как очень пожилые люди, как говаривал его отец.

— Вам и мне.

— Я слышал одно хорошее изречение, — сказал Владимир Петрович назидательно. Он любил назидания, когда исполнял служебные обязанности: считал, что это придает ему солидности. Л сегодня он хотел быть солидным и сердитым. — Я слышал одно отличное изречение, — снова проговорил Владимир Петрович, глядя на щуплую спину шофера. Он сказал это тоном главврача районной больницы, молодого врача, который очень дорожит своим авторитетом и знает, что персонал больницы надо держать в административной строгости и беспрекословном повиновении, иначе ему не стоило соглашаться на такой ответственный пост.

— Так вот, — продолжал доктор, глядя на щуплую спину Ефима, который позволил себе напомнить ему о его молодости и вдобавок усомнился в его способностях врача. — Так вот пить нельзя в двух случаях: когда работаешь и когда сражаешься.

Ефим, спрятав бутылку, обернулся к доктору:

— Я… эт-та… не работаю, я халтурю.

— Тем более… — не нашелся доктор.

— Сейчас закурю — и поедем.

Владимир Петрович забрался в машину. Теперь он почувствовал, что внутри удушливо, как бывает только на морозе, пахнет бензином. И казалось, в “газике” гораздо холоднее, чем на улице, — кругом прокаленный морозом металл.

Ефим сел грузно. Под кузовом хрупко взвизгнули то ли рессоры, то ли еще что.

Смешанный запах стылого бензина и табака был отвратителен. От него спирало в горле, но доктор молчал. Он, стиснув зубы, смотрел перед собой в ветровое стекло на поселок из двух десятков домов, которые тоже, казалось, сжались от мороза и осторожно дышали белыми струйками из печных труб. Дым поднимался прямо, но на какой-то определенной высоте

растекался и стлался над поселком оранжево-сизым, подсвеченным солнцем пологом, тонким и плотным.

— Тронулись… — сказал Ефим.

Сквозь шум мотора стал слышен визг покрышек по вымороженному снегу.

За поселком просека дороги шла меж низкорослых заиндевевших деревьев. Лиственницы, мелкие, хилые, торчали вкривь и вкось, словно их понатыкали здесь случайно. Доктор подумал, что похоже, будто перед ним негатив снимка.

Вскоре они спустились на реку, которая и служила единственной коварной дорогой.

* * *

Они ехали уже часа четыре. Давно стемнело. Луны не было, и звезды, только самые яркие, просвечивали сквозь белесую пелену, затянувшую небо. По берегам реки росли ели, потому что здесь теплее, но об этом доктор подумал намного раньше, когда еще было светло, а сейчас не стало видно ни берегов, ни реки, лишь яркое пятно света перед автомобилем. Хода машины почти не ощущалось. Наметов на льду не было, “газик” шел ровно, и создавалось утомительное ощущение обездвиженности. Глаза не воспринимали никакой перемены и словно переставали видеть. Лишь время от времени Владимир Петрович чувствовал, как машина плавно разворачивалась, огибая мысы, въезжая в заливы, строго следуя за всеми извивами берега.

Порой глаза доктора невольно закрывались, и ему стоило усилий открыть их и заставить себя не спать. Но проходило несколько минут, и, словно застывшее, пятно света перед машиной, утомительно яркое и пустое, гипнотизировало, веки смежались.

Ефим чиркнул спичкой, закурил.

Это вывело доктора из полудремы. Он не выдержал наконец и заговорил:

— Зачем мы плетемся вдоль берега?

Ефим пыхнул папиросой:

— Надежнее.

— Тем, что длиннее?

— Вон посмотрите — на стрежне то тут, то там промоины паруют. Не может мороз с рекой справиться. Течение быстрое. А здесь, по заберегам, лед прочнее.

— Долго еще нам плестись?

— Километров двадцать пять… эт-та.

— С гаком?

Доктор пытался пошутить. Теперь, когда цель была близка, ему захотелось помириться с Ефимом. Выручил он все-таки. Все-таки малыш в дальнем поселке получит помощь. Лишь бы у него, у того малыша, был не дифтерит и не было крупа — не образовались в гортани толстые пленки. Они могли задушить малыша.

От этой мысли Владимиру Петровичу стало нехорошо. Не дождавшись ответа Ефима, он раздраженно спросил:

— Что вы все “эт-та” говорите?

— Дочка у меня. Пять лет. Ругаться нельзя. Не курите?

— Великий русский физиолог Иван Петрович Павлов сказал: “Не огорчайте ваше сердце табачищем…”

— “Не огорчайте…” Добрый был человек. Как старый доктор.

— Он курил?

— Кто? — переспросил Ефим.

— Фельдшер, которого вы доктором зовете.

— И пил… Как же это вам спирт в магазине дали?

— Я и запретил продавать.

— Благодетель… — пробубнил Ефим, но, подумав, добавил: — Оно, конечно, правильно. Вам работы меньше. А то на такой холодюге отморозит кто какую-нибудь конечность.

— Я о людях думаю. Работы не боюсь. В медицине главное — профилактика.

— Как и в нашем шоферском деле, значит, — сказал Ефим и подумал, что любопытный человек доктор. В деле своем, видно, толк знает, а говорить начнет, словно начальник гаража, который сам не расписывается на бумагах, а печатку резиновую со своей подписью приляпывает. От лени, что ли, так у них получается.

Свет фар впереди машины странно вильнул.

Послышался треск и скрежет.

Владимир Петрович ударился головой о ветровое стекло, зажмурился. Его швырнуло обратно в кресло, он открыл глаза и увидел: свет фар призрачно шевелится в водяных струях.

Ефим орал во все горло какое-то длинное ругательство.

Сначала Владимир Петрович ничего не мог понять: ни причины толчка, ни треска, ни того, почему померкший свет фар переливается в быстрых водяных струях. Перед его взором все еще торчало ослепляюще утомительное пятно, только теперь оно выглядело черным. Еще он понял, что машина стоит, накренившись вправо. Но крен небольшой. Только почувствовав, как отяжелели его ноги и нечто холодное облепило его по пояс и с каждым мгновением тяжесть и холод поднимаются выше и проникают к телу, доктор осознал происшедшее: машина

проваливалась. Они тонут.

— Вылезай! Вылезай! — толкал его шофер.

Тогда он увидел воду в кабине, с всплеском сунул в нее руку в перчатке, нащупал и рванул запор. Плечом открыл дверцу. Вода ринулась в машину потоком. Брызги летели в лицо. Сжимая в одной руке чемоданчик с инструментами и медикаментами, другой опершись о спинку кресла, доктор пролез в дверцу, и вода обступила по пояс. Доктор увидел закраину льда. Она была рядом. Он оперся о лед грудью, но тот хрустнул, и Владимир Петрович едва удержался, чтоб не свалиться в реку. Тогда, не выпуская чемоданчика, он ухватился левой за верх “газика”, а правой стал бить по льду, обламывая слабый край.

Он делал это бессознательно в слепой жажде выбраться, хотя в его сознании, точно брызги ледяной воды, замерли неопределившиеся еще мысли *о* бесполезности всего, что он делает. Он ощущал на влажном лице слабое, но жгущее морозом дыхание ветерка, который всегда тянет вдоль реки. Но доктор продолжал колотить по льду что было сил. Наконец лед перестал обламываться под ударами. Доктор почти лежал на воде. Она поддерживала его и в то же время толкала в грудь, затягивала под кромку.

Решившись все же, Владимир Петрович подался назад, собрался и оттолкнулся от подножки машины, на которой стоял.

Он плюхнулся на закраину животом. Лед выдержал. Доктор подтянул левую руку, сжимавшую чемоданчик, поставил его на снег.

Все его силы отняли несколько секунд борьбы. И страх. Ошеломляющий, деревенящий, какого он не испытывал никогда в жизни. Он несколько раз глубоко вздохнул, и лишь тогда у него достало воли заставить себя вытащить из воды одну ногу, потом другую. Он пополз.

— Стой!

Доктор остановился.

— Поворачивай!

Он повернулся на четвереньках к промоине, из которой высовывался верх “газика”. Увидел Ефима. Тот стоял на подножке и что-то держал в руке.

— Ползи сюда.

Доктор подполз к закраине.

— Держи.

Владимир Петрович протянул руку и взял бутылку. Под левой, на которую он опирался, треснул лед. Доктор коротко взвизгнул. Попятился. Он видел, как Ефим взобрался на крышу и прыгнул оттуда, словно нырнул, на кромку. Упал. Охнул.

Послышался треск льда. Владимир Петрович боком, по-крабьи, отполз подальше от полыньи. За ним полз Ефим, поджав правую руку.

— Хватит, — приказал шофер.

Ефим стал на колени. Топнул ногой по льду. Из валенка фыркнула вода. Осыпалась льдинками.

— Можно вставать.

Они поднялись. Им была видна промоина, в которую угодила машина, и призрачный свет фар под водой.

Ефим выругался.

— Костер надо развести.

— Чем? — зло спросил Ефим и выругался.

— Сколько осталось до поселка?

— Пятнадцать…

— Конец… — проговорил доктор, еще не осознав толком сказанного. Но раз произнесенное, это слово, будто эхо, заметалось в сознании. И тогда он почувствовал, как холод сначала иглами, кое-где, а потом все плотнее и плотнее сковывает его. Холод и жуть. Под их натиском сжалось в комок сердце. — Не дойдем… и километра… — зубы доктора стучали. Он ощущал, как белье на нем становится льдом. — Конец…

Ефим резко, левой ударил доктора в подбородок.

Доктор сел на лед.

— Глупо… — проговорил Владимир Петрович, коченея. — Глупо…

И неожиданно для себя произнес длинную фразу. Она вертелась у него в мозгу, может быть, даже раньше, чем он в первый раз выговорил: “Конец”.

— Один сказал… Если умрешь… в четверг, то… не придется умирать в пятницу.

— Дай…

Ефим вынул из руки доктора бутылку со спиртом, выдернул пробку зубами и отпил. Протянул доктору.

— Пей!

Усмехнувшись, доктор отпил большой глоток спирта, который показался ему просто очень пресной водой. Ефим отобрал бутылку, посмотрел на нее, швырнул в сторону:

— Я постараюсь умереть в субботу. А лучше в понедельник… Вставай!

— Глупо… — машинально произнес Владимир Петрович, пытаясь подняться. — Минус пятьдесят пять… Да мокрые. Минус пятьдесят пять! Да мокрые! М-мок-рые! Ты сошел с ума!

— Веселее! — и Ефим подтолкнул доктора носком валенка в спину. — Вставай!

Владимир Петрович качнулся. Заскрипел. Подумал, что скрипят зубы, но понял — одежда. Замерзла одежда — шевельнешься, скрипит. Доктор честно пытался подняться, но не смог: он вмерз в свои меха. Ефим зашел сбоку. Ткнул в плечо. Тогда доктор упал на бок. Затем самостоятельно, скрежеща и повизгивая оледеневшей шубой и унтами, стал на четвереньки, поднялся.

— Посмотри, — Ефим с противным ледовым скрипом протянул доктору правую руку. — Не слушается.

Ощупав запястье, Владимир Петрович сказал:

— Перелом. Закрытый. Обеих костей.

— Нехорошо.

— Нехорошо, — согласился Владимир Петрович и подумал, что на морозе это совсем плохо и, наверное, руку выше запястья придется ампутировать. Она отмерзнет. Первое, что отмерзнет у Ефима — это сломанная правая рука. Вот почему он бил левой.

— Иди за мной. Не отставай.

Подняв чемоданчик, доктор пошел за Ефимом. Шаги у Ефима были короткие, и доктору приходилось семенить. Он ставил свои унты след в след. Так казалось легче и даже спокойнее идти. Он как бы говорил себе, что вот я делаю по настоянию спутника явную глупость. Через километр стиснутое льдом тело откажется служить. Такое сильное переохлаждение… Остановится сердце. Оно просто возьмет и остановится. Пятнадцать километров! Двадцать минут… Нет. Тридцать минут — километр. Семь с половиной часов ходьбы. Минус пятьдесят пять… И мокрые. До нитки. До костей. Просто остановится сердце. “А лучше в понедельник…” Какой сегодня день?

“Неважно, какой сегодня день. В полдень этот Ефим расценил жизнь, которую я хотел спасти, в поллитровку спирта. Что же Ефим теперь так стремится спастись? Теперь он думает о себе. О себе! Сегодня четверг. Пятницы не будет. Вот и все. А тем более понедельника”.

Доктор ощутил — чемоданчик очень легок. Его не надо было нести. Не требовалось усилий, чтобы его нести. Лед крепко-накрепко приковал чемоданчик к руке, к промерзшей перчатке. И на все тело надета ледяная перчатка.

Тогда он почти физическим усилием отодвинул мысли в сторону, чтоб не мешали, и стал как бы прислушиваться к происходящему в нем и с ним.

Он ощутил, что мороз, проникший к его телу, постоянен. Доктору не становилось холоднее. Ледяная корочка белья, обленившая его, так и осталась влажной. Она не замерзала, не становилась льдом, не царапала кожу. Лицу было намного хуже.

Лицо мороз жег, и вскоре кожа потеряла чувствительность. Доктор понимал, что это плохо, но ничего не мог поделать. У него не хватало сил поднять закованную в ледяные латы руку и потереть щеки и нос. Но даже если бы он и смог поднять руку, то тереть лицо куском льда — варежкой — не имело никакого смысла.

И он продолжал идти след в след за Ефимом, машинально, пока на смену тупому равнодушию не пришло некоторое удивление: лицо уже давно потеряло чувствительность, а тело продолжало ощущать противный влажный холод мокрого белья, словно оно обладало постоянной температурой и не становилось ни теплее, ни холоднее.

“Мы в ледяных скафандрах… — эта мысль пришла неожиданно и показалась столь необыкновенной, что доктор на некоторое время забыл о холоде. — Мороз сам создал себе преграду. Он не может проникнуть сквозь ледяную корку. Мы в ледяных скафандрах!

Но это отсрочка. Только отсрочка. Отсрочка у смерти… Еще километр. А сколько мы прошли? Сколько времени мы идем?..”

Владимир Петрович хотел оглянуться. Но сил не хватило. Закружилась голова. Он побоялся упасть и не подняться. Хотел взглянуть на часы, но это тоже оказалось невозможным.

“Какое это имеет значение? — привычно подумал он. — Мороз дал невольную отсрочку. Но все равно через полчаса, через час холод доконает сердце. Просто кончатся силы. Я стану звенящим, как сталь…”

Он так и замер с поднятой для шага ногой. Ступать было некуда. На пути лежали валенки Ефима. Доктор перевел взгляд дальше и увидел, что шофер упал ничком, головой вперед. Владимир Петрович пнул ногой валенок Ефима. Шофер не пошевелился.

“Ну вот, — вздохнул доктор. — Для него отсрочка кончилась. Ефим, Ефим, ты думал, что справишься с морозом… Все равно, оставлять тебя нельзя. Я знаю, ты еще жив. Надо тащить. Как же это я оставлю тебя! Надо тащить…”

Обойдя лежащего, доктор с треском и скрежетом пригнулся, потом стал колотить рукой по коленке, чтобы разбить лед на варежке и, наконец, заставил онемевшие пальцы согнуться, кое-как зацепился за шиворот промасленного и плохо промерзшего ватника, сделал шаг вперед и потянул за собой Ефима.

Теперь мысли доктора потекли по другому руслу. Он стал думать, что надо бы сделать Ефиму укол камфары и строфантина, хорошо растереть его шерстяной тканью, а лучше вязаным платком. Растирать надо долго, а прежде всего ввести средства,

поддерживающие сердечную деятельность. В том, что Ефим выбился из сил, виноват не только мороз, но и болевой шок от перелома.

Владимир Петрович, покачиваясь, с трудом переставляя тяжеленные от ледяных лат унты, машинально думал о своих врачебных обязанностях, что и как надо сделать, чтобы помочь Ефиму, и понимал: ничего он не сможет сделать, ровным счетом ничего, ни черта. Доктору было очень обидно и больно. От сознания своего бессилия делалось тошно, совсем плохо, и силы таяли быстро. Он задыхался, дышал часто. “Одними верхушкам” легких” — так подумал он.

“Судороги свели межреберные мышцы, — мелькнуло в сознании. — Плохо… Какое это имеет значение… Станет еще хуже. Тогда я упаду и совсем не смогу помочь Ефиму. И тому малышу тоже…”

Он зажмурился. Яркое пятно света легло у самых ног. Доктор решил, что это-то и есть “все…”, но упрямо шагнул вперед и уперся в нечто темное, которое не пустило его дальше, в какую-то степу.

Потом его окружили люди. Доктор воспринимал это как бред. У него отняли Ефима. И его самого подняли, понесли, сунули в темный кузов, где мороз все-таки был слабее и дышать легче. Заставили пить очень пресную воду. Еще и еще. Дышать стало свободнее. Сквозь шапку, превратившуюся в ледяной гермошлем, доктор начал слышать звуки, которые вскоре превратились в слова. С него хотели снять варежки, но, скрипя леденелой одеждой, Владимир Петрович упирался и твердил:

— Его… Его… Ефима…

В темноте доктор чувствовал, что около Ефима тоже кто-то возится. Однако ему казалось, что Ефиму помогают мало.

— Раньше, раньше хотели вас встретить… — дошли наконец до пего слова. — Сами ухнули… Выбрались…

— Это хорошо… Как Ефим?

— Дышит.

— Хорошо. Как мальчик?

— Плохо. Очень плохо.

Доктору опять дали очень пресной воды.

— Не надо. Я не пью.

— Неважно. Надо!

Теперь доктор понял: ему кричат на ухо, чтобы он слышал. Внутри себя он почувствовал не то, чтобы теплоту, но стало светлее как-то. Судороги отпустили грудь. Он вздохнул, подумал, что Ефиму надо сделать инъекцию, но рук словно не было.

— Скоро?

— Уже, уже. Подъезжаем.

Постепенно сознание Владимира Петровича приобретало прозрачную ясность. От очень пресной воды мозг как бы подернулся тонкой ледяной корочкой, а под ней была теплота. Доктора сильно качнуло. Он едва усидел. Машина остановилась.

— Где? — рявкнул он. — Ведите к малышу.

Его вытащили из кузова. Идти он не мог, не ощущал опоры под ногами. Его подхватили, ввели в помещение. От теплоты перехватило дух.

— Снимайте!

Кто-то пытался стянуть заледеневшую шубу, но одежда даже не скрипела, такой прочной была броня льда.

— Режьте! Рубите! Снимайте! — Подумав, доктор добавил: — Положите на пол — удобнее будет.

Его положили на пол и стали бить и стучать чем-то по ледяным латам. Он не чувствовал, а лишь улавливал удары, как нечто чисто внешнее.

“Топором… — догадался Владимир Петрович. — Это хорошо. Быстро. Разрубят лед быстро”.

Кто-то подлез ножом под подбородок. Хрустнули завязки. Затем кто-то с усилием стал отламывать куски ушанки. Скрежет казался оглушающим. Наконец, содрали ее целиком, с частью еолос. Было больно, но доктор подумал, что это хорошо, что больно. Он стал слышать. Однако он по-прежнему не улавливал различия в людях, его окружавших.

— Осторожнее… Теперь ножом.

Послышался треск. Потом скрип разламываемой одежды. Ее срубали, срезали и сламывали по частям. Это была долгая операция, и доктор торопил. Когда все было срублено, срезано, обломано, Владимир Петрович не ощутил перемены. Его так же трясло от холода, и только гортани было тепло. Его подняли, набросили одеяло. Но идти он не мог, не чувствовал опоры, словно тыкал в пол костями, а не ступал кожей и мышцами.

— Ведите.

Повели под руки. Он вошел в комнату, и снова перехватило дыхание от жара. В кровати лежал тюк из одеял, покрытый сверху шубой. Доктор с трудом нашел и разглядел багровое личико ребенка. Меж полуприкрытых век виднелись лишь белки глаз…

— Температура?

— Сорок и шесть десятых.

— В комнате! — рявкнул Владимир Петрович. Он не доверял своим ощущениям. Его трясло и знобило.

— Двадцать восемь, — ответили после недолгого молчания.

— Раздеть! Ребенка раздеть! Укутали!

Доктор сел на подставленный стул. Кто-то все время тер ему руки. Владимир Петрович не чувствовал, а видел, что это делают. Рук у него словно и не было. Только глаза. И они слезились. Он приказывал их поминутно вытирать. Он орал, и люди молчаливыми тенями выполняли его приказы.

— Чепуха! — рявкнул он наконец. — Чепуха! Просто ангина. А сыпь — потница. Не кутать! Пенициллин!

Ему что-то говорили о неумении, но он не слушал и не хотел слушать. Он приказывал. Молодая женщина — мать ребенка — послушными, даже спокойными от его крика руками сама сделала малышу укол, хотя, наверное, никогда в жизни не держала шприц. Но доктор был так грозен, так непреклонен, что она не задумывалась об умении, а выполняла его распоряжения.

Потом, закутанный в одеяло Владимир Петрович прошел к Ефиму и сказал, что нужно сделать шоферу, и проследил. Заплетающимся языком приказал позаботиться о себе.

* * *

Доктор проснулся. Он не двинулся, не открыл глаз, только понял — проснулся.

Глупо… Очень глупо, что я вчера накричал па родителей. Откуда они могли знать, что сыпь — потница, а не кровоизлияние дифтерийной интоксикации. (Если на потницу — кожное раздражение — нажать пальцем и отпустить, то сыпь на некоторое время исчезнет. А дифтерийная — не исчезнет.) Откуда они могли это знать? Кто, кроме меня, мог разобраться, что у ребенка ангина, а не дифтерит? Никто. Никто без меня не мог решить, что с ребенком. И что ему необходимо сделать.

И если бы мы погибли в четверг, то в пятницу сюда поехал бы другой врач, из более дальнего поселка. Может быть, ему повезло, и он доехал бы. Или даже прилетел.

Вдруг Владимир Петрович вспылил на самого себя:

“Фу ты, чертоплешина какая! “Четверг”, “пятница”… Лучше уж, действительно, понедельник — после праздника. Или даже вторник. А может, среда?”

Доктор усмехнулся, попытался пошевелиться. И почувствовал себя покореженным и изломанным. Болело все тело, ныла каждая косточка. Но, еще не открыв глаз, он сразу вспомнил, как сидел на снегу, а Ефим бил его, заставляя подняться и идти. Теперь это было главным, приобретало основное значение для него. И фраза: “А лучше — в понедельник” — прозвучала в его сознании тоже как удар.

Ему стало стыдно, и стыд ощущался, словно боль, но был сильнее боли. Он даже застонал.

Представилось ему затем, как он идет, ступая след в след за Ефимом. Это вызвало в нем раздражение и злость против Ефима, который, не разговаривая, не рассуждая, заставил его идти за собой.

Владимир Петрович открыл глаза. Он лежал в комнате с занавешенным окном. В щели пробивался солнечный свет. Он сел на кровати. Ощутил, что на лине содрана кожа.

“Перестарались, — подумал он угрюмо. — Да! Я должен Ефиму бутылку спирта”.

Кто-то заглянул в дверь.

— Войдите. Как малыш?

— Смотрит. Улыбнулся матери.

— Уколы делали?

— Да. И Ефим встал. Как и вы.

— Достаньте мне бутылку спирта.

Человек вышел. Кто-то быстро протопал по коридору. Хлопнула входная дверь. Потом снова запыхавшийся человек вошел в комнату, поставил на стол бутылку.

— Во что бы одеться…

Мужчина принес одежду. Она была великовата для доктора. Руки еще плохо слушались. Они казались ошпаренными. Владимир Петрович долго натягивал на себя принесенные вещи. Это еще больше рассердило его. Доктор сунул бутылку во внутренний карман куртки, и ему сказали, как пройти к Ефиму.

— Доктор! Как прогулочка? — Ефим сидел у стола и пил чай. Правая рука его висела на перевязи.

Владимир Петрович присел к столу и, сам не зная, почему, принялся объяснять Ефиму, что с ребенком и отчего это произошло.

— Долг вот принес, — закончил доктор неожиданно и поставил на стол бутылку.

Но тут же Владимир Петрович почувствовал, что ему хочется сжаться, стать маленьким и неприметным под взглядом шофера. Глаза Ефима побелели, словно небо от мороза. И доктор действительно сник. Опустил глаза, съежился на стуле, пока через мгновение не пришла в голову лживая, но примиряющая мысль.

— Я ж на двоих… — Доктор попытался улыбнуться.

Взгляд Ефима потеплел, и он ответил улыбкой, подмигнул:

— А как насчет понедельника?

— Думаю, что и вторник не подойдет, среда — тоже. И никакой день недели.

Игорь Подколзин
НА ЛЬДИНЕ

После выполнения задания катер возвращался на базу. До порта оставалось миль сто, когда прямо по носу, окутанное густой массой тумана, показалось ледяное поле, преграждающее путь к берегу. Корабль круто повернул влево и пошел вдоль его кромки. На экране радара границы поля не было видно: занимая половину круговой шкалы, слегка размытые контуры упирались в обод циферблата.

— Будем искать трещину — обходить лед не хватит горючего. — Командир, подняв бинокль, стал вглядываться в обрывистый кран теряющегося в белесой мгле льда.

— Разводье! Справа по курсу! — неожиданно прокричал сигнальщик.

Недалеко от катера длинным острым языком уходила вперед и, извиваясь, исчезала в тумане узкая полоса чистой воды. Корабль, почти касаясь бортами ледяных берегов, вошел в лед. Впереди трещина заметно становилась шире. Края ее немного выступали над водой. Лед был материковый. Очевидно, вот уже неделю дующий с севера штормовой ветер пригнал сюда эту большую массу полярного припая. Между тем туман густел. Казалось, протяни руку — и почувствуешь на ощупь его влажную, промозглую плотность. Разводье впереди неожиданно стало сужаться.

— Стоп, малый назад! — командир дернул на себя ручки машинного телеграфа.

Катер на какое-то мгновение остановился, потом медленно покатился назад.

— Товарищ командир! Трещина сзади сомкнулась! — Сигнальщик показал рукой на корму, где уже со всех сторон, насколько хватал глаз, простирался сплошной лед. Выход был закрыт.

Как рыба в неводе, заметался катер по этому небольшому, выбитому в ледяном поле озеру. Зеркало водной поверхности становилось с каждым часом все меньше. От зеленой воды клубами поднимался белый пар.

Катер приткнулся к лево” кромке льда и замер.

— Боцман! — Командир перегнулся через обвес мостика. — Возьмите матросов, пройдите вперед и разведайте, далеко ли до чистой воды. Только из виду друг друга не теряйте. В таком молоке и заблудиться недолго. Сигнальщик! Каждые три минуты давайте сирену.

Небольшой отряд спрыгнул на лед и, растянувшись цепочкой,

растаял в ватной мгле. Сейчас же воздух прорезал протяжный вой корабельной сирены.

— Вот и сократили путь… — Командир открыл портсигар и протянул помощнику. — Закуривай.

— Если впереди ширина небольшая, — помощник командира выпустил вверх струю дыма, — подложим подрывные патроны, пробьем канал и выйдем.

— А если большая?

— Будем ждать. Льды несет па зюйд. Там их разобьет волна. Туман рассеется. Вызовем вертолет. Получим горючее и пойдем на базу.

— Оптимист ты, лейтенант, сразу видно, что в Арктике недавно, уж очень все у тебя просто. Погоди, кажется, наши возвращаются.

Впереди из белой пелены показалась группа моряков. Прыгая через снежные сугробы и завалы, они подошли и остановились у борта под мостиком.

— Метров сто пятьдесят до кромки! — крикнул боцман и, сняв шапку, вытер потный лоб. — Потом чисто. Судя по волне, дальше льда нет.

— А толщина его какая?

— Не мерили, но, думаю, с метр будет.

— Ну тогда, лейтенант, проводи в жизнь первую часть своего плана, — командир указал рукой вперед. — Прихвати с собой минера, заложите прямо по носу взрывчатку. Попытаемся пробить проход, иначе труба — сядем, как в мышеловке.

— Один управлюсь, дело знакомое. — Помощник, громыхая сапогами по трапу, пошел вниз.

Через несколько минут, увешанный подрывными патронами, он уже быстро шагал по льду.

— Закладывай по курсу через каждые двадцать метров! — прокричал командир.

— Хорошо, сделаем, как учили старшие. — Помощник помахал рукой и, отойдя немного от корабля, стал пешней долбить первую лунку. Постепенно он удалялся все дальше и дальше.

На мостике воцарилась гнетущая настороженная тишина. Было только слышно, как тикали установленные на передней стенке рубки морские часы, да кто-то на юте шаркал по палубе лопатой.

Неожиданно прозвучавший раскатистый глухой взрыв заставил всех вздрогнуть. Упругая волна воздуха ударила по катеру. Все увидели, как справа от корабля, отсекая льдину, в которой он был зажат, от основного поля, молнией прошла в

туман глубокая трещина. К тиканью часов прибавился звук щелчков репитера гирокомпаса — льдину с катером, разворачивая, стало относить на юг.

— Эх, черт, не получилось, отрубило нас, как кусок пирога! — Командир напряженно всматривался в очень быстро расширяющийся и уже начинающий расплываться в тумане проран между запертым в плен катером и основной массой льда. Часть поля с зажатым в нем кораблем уносило на юг. Наконец льдина с оставшимся на ней помощником совершенно исчезла.

Соединив подрывные патроны детонирующим шнуром, лейтенант сделал отвод и, спрятавшись за высокий гребень тороса, поджег фитиль.

Гул взрыва слился с шелестом рассыпающегося льда. Холодная масса, рухнув всей своей тяжестью, накрыла лежащего у ее подножия офицера. Острая, рвущая на части боль захлестнула тело. Сверху как будто ударили чем-то тяжелым и плоским, и все исчезло…

К человеку медленно возвращалось сознание. Он с трудом открыл залитые запекшейся кровью глаза, сквозь висевшую на ресницах бахрому увидел матовые, зубчатые, казавшиеся вблизи огромными пиками гор торосы, рассыпавшиеся вокруг осколки зеленого, точно разбитое бутылочное стекло, льда, и за ними белую, бесплотную стену тумана. В ушах стоял надсадный, непрекращающийся шум. Человек попробовал приподняться, но острая боль, начинающаяся где-то внизу, у самых ступней, как бритвой, полоснула по пояснице. Человек застонал и, опираясь ладонями на зазубренную кромку затвердевшего снега, хотел вытащить тело, придавленное многопудовой лавиной рухнувшего на него тороса. От нестерпимой боли перед глазами запрыгали, стали расти и лопаться какие-то черно-красные шары, бессильно согнулись руки, и он, тяжело дыша, снова упал грудью на лед. Отдохнув немного, он потянулся, намереваясь пошевелить ногами. Левая как будто была на месте, правую он не чувствовал совсем. Тяжелые куски льда по самые плечи закрывали все его тело. Малейшее движение причиняло страдание.

Человек, положив голову на дрожащие от напряжения руки, попытался собраться с мыслями…

Вдруг он увидел, как впереди большая, округлая, покрытая снегом глыба задвигалась и поплыла куда-то в сторону.

“Галлюцинация, — решил оп. — Наверное, сотрясение мозга”. Глыба остановилась, потом, медленно покачиваясь, стала приближаться к нему. На пен сначала расплывчато, потом отчетливо проступили три черных пятна. Мигая маленькими круглыми глазками, подняв морду и принюхиваясь, поводя из

стороны в сторону блестящей лакированной пуговкой носа, прямо на него шел огромный белый медведь. Под сердцем словно образовалась вызывающая тошноту пустота. В мозгу лихорадочно замелькали обрывки каких-то неясных мыслей. Человека охватил ужас. Напрягая последние силы, он рванулся вперед. Боль дугой выгнула тело. Отклонившись назад, он дико закричал в самую морду зверя…

От резкого крика лейтенанта медведь отпрянул назад и сел. Сел так, как, потеряв равновесие, садятся большие собаки, после неудачной попытки заставить их “служить”. В его взгляде было больше недоумения, чем свирепости. Очевидно, он был молод и еще никогда не видел людей. Казалось, он хотел осмыслить, что это за существо: медведь — не медведь, тюлень — не тюлень, и почему оно так громко кричит. Он сидел, покачивая из стороны в сторону свою длинную морду с маленькими круглыми ушами. Затем, втягивая в себя воздух, потянулся к человеку.

Из последних сил лейтенант дернулся, пытаясь освободить тело. Торосы, хлопья тумана, медведь — все завертелось перед глазами. Страшная боль дрожащей судорогой свела мышцы, и он, теряя сознание, снова повалился на лед…

Когда он очнулся, туман все такой же плотной вуалью затягивал все вокруг. Чго сейчас, утро или вечер? Сколько прошло времени? Лейтенант не знал. Он замерз, и его трясло так, что лязгали зубы. Медведь лежал почти рядом. Склонив голову набок и вытянув шею вдоль передних лап, он с довольным урчанием, разгрызая хрустящие кости громко чавкая, расправлялся со здоровенной пятнистой треской. Тут же лежала вторая рыбина.

Человек тоже хотел есть. Он протянул руку к рыбе. Медведь поднял голову, прекратил есть и, недоверчиво посмотрев на человека черными маслинами-глазами, заворчал громче и лапой накрыл рыбу.

— Не жадничай, жри свою, будь человеком, — лейтенант вырвал рыбу и впился зубами в мясистую сочную спинку.

Медведь перестал ворчать и с явным удивлением, несколько приподняв и отстранив назад голову, уставился на это непонятное для него существо. Потом глубоко вздохнул и, время от времени кося на человека глаза, принялся за еду. Покончив с рыбой, он положил на лапы морду, довольно зажмурился и засопел.

Лейтенант снял перчатку, вытер лицо, опустил подбородок на кулак и задумался.

Конечно катер, наверное, унесло далеко. Рано или поздно крупная волна освободит его ото льда. А что толку? Солярки в

баках и так кот наплакал. Кругом туман такой густой. Их хоть самих там спасай. Да и сколько времени прошло! День — два! А может быть, и больше… На поясе у него охотничий нож, надежное и верное оружие, но как до него добраться. А если и доберется, что сможет сделать парализованный, полуживой человек с молодым здоровым зверем?.. Во всяком случае, если сразу не съел, то пока сыт — не тронет… С этими мыслями лейтенант погрузился в какой-то полусон-полузабытье.

В воспаленном мозгу так, словно он ее чувствовал, назойливо и нудно, как звук одинакового тона, пульсировала одна и та же мысль: “Только не заснуть. Не смей спать, не спи. — Лейтенант опять приподнял начинающую тяжелеть голову. — Не спи, слышишь, не спи!” — убеждал он себя. Но сил не было. Отяжелевшие веки смыкались сами собой. Голова безжизненно упала на руки. И, уже засыпая, он все еще шевелил губами: “Только не заснуть, спать нельзя — это смерть… смерть… смерть…”

Проснулся лейтенант от лютого холода и ощущения чего-то влажного и шершавого на лице. Разлепив смерзшиеся ресницы, он увидел длинный красный язык и два белых огромных клыка в раскрытой пасти зверя.

Лейтенант отшатнулся и правой рукой ударил медведя по морде.

— Брысь, гад, сволочь, людоед проклятый!

Медведь попятился назад, затем лег па бок и, размахивая лапами, сбил с лейтенанта шапку. Перекатываясь по спине, он передними лапами притянул ее к себе, потом подбросил задними, поймал — опять притянул и, повернувшись к человеку, лизнул ему щеку.

“Играет, собака! — радостное тепло разлилось по телу. — А ведь во всех справочниках и даже у самого Брема написано, что белый медведь — самый свирепый хищник”.

Лейтенант взял шапку и несколько раз легонько стукнул ею зверя по морде. Тот одобрительно заурчал, одновременно стараясь осторожно схватить его руку зубами.

— Ну вот, друг, раз я для тебя невкусный, сходил бы еще за рыбкой, — лейтенант похлопал медведя ладонью по носу и надел шапку.

И зверь как будто понял. Он поднял голову, понюхал воздух. Тяжело и неуклюже встал и, прихрамывая, скрылся за торосами.

В следующий раз лейтенант пришел в себя оттого, что лед под ним словно то поднимался, то опускался на волнах. Ему показалось, будто он в каюте на койке, а корабль раскачивает мертвая зыбь. Неподалеку сидел медведь.

Рыбы около него не было. Он тревожно вертел головой, точно чувствовал приближение опасности. Откуда-то издалека доносился слабый гул, похожий на шум прибоя. Лейтенант приподнялся и ощутил, что лед уже не так сильно давит на его ноги. Он посмотрел назад и понял беспокойство зверя. Почти поперек тороса, где лежал человек, проходила узкая глубокая трещина. Торос медленно рассыпался, куски его соскальзывали вниз и с монотонным бульканьем исчезали в воде. Лейтенант уперся руками в лед, напружинил мышцы и, превозмогая ломоту во всем теле и сверлящую боль, срывая ногти, дернулся вперед и выполз из-под обломков. Обессиленный, весь взмокший от пота, хрипло дыша, он уткнулся головой в мягкое, пахнущее рыбой и морем брюхо медведя. Кровь густыми волнами приливала к голове, руки дрожали. В ушах звенело, бешено колотилось сердце. Но он был свободен.

Несколько дней над небольшим островком, оставшимся от ледяного поля, бушевала пурга. Ветер и мелкий колючий снег дули холодом через зубья торосов. Прижавшись к теплому медвежьему боку и засунув под его огромную лапу голову, человек лежал, надежно укрытый от непогоды. Ни тюленей, ни рыбы не было — человек и зверь уже давно голодали.

Прислушиваясь к ударам медвежьего сердца, обессилевший от голода и нечеловеческих страданий, лейтенант поймал себя на том, что в его воспаленном сознании промелькнула мысль: один хороший удар остро отточенного охотничьего ножа, и у него будет гора мяса и теплая шкура. Будет жизнь…

“…Так, значит, вот как это происходит, — подумал он. — Когда жизни угрожает опасность, микроскопическое зернышко подлости и гнусности, заложенное где-то в самой дремучей глубине, начинает прорастать, развиваться, искать оправдания своим поступкам и опутывать совесть… А если я совсем потеряю волю? Нет, от греха подальше, — и, описав дугу, нож исчез в полынье. — Так будет надежнее”. Человек прижался к теплому боку зверя, проглотил голодную слюну и под ритмичные удары его сердца заснул…

Казалось, тысячи кузнечиков назойливо стрекочут у самого уха лейтенанта. Он поднял голову и, стряхивая сон, попытался приподняться на обессилевших от голода, несгибающихся руках. Первое, что он увидел, был стоящий со вздыбленной на загривке шерстью медведь. Глаза его, в которых словно полыхал темно-синий огонь, с яростью были устремлены куда-то в глубину ледяного поля. Он глухо рычал. Лейтенант перевел взгляд — за торосами, метрах в двухстах от него стоял вертолет, от которого, перепрыгивая через трещины, бежали люди.

Лейтенант хотел встать на ноги, но, застонав от боли, свалился на бок и словно провалился во что-то черное и мягкое.

Он лежал лицом вверх. От ног к спинке кровати уходили какие-то ремни. Такие же лямки, охватывая его плечи, тянулись к изголовью. Кругом все белым-бело, как на льдине. Немного покачавшись, стали на место и замерли стены, окна, женщина в халате.

— Очнулся? Поспи еще, после операции надо много спать. Хочешь попить? — Сестра протянула чашку к его губам.

— Медведь, где белый медведь, хромой? — Он отвернулся от носика чайника. — Сестра, медведя куда дели?

— Бредишь, милый, поспи лучше, а медведи на льдинах. Где же им быть? — Она поправила одеяло и ласково провела по лицу лейтенанта прохладной рукой…

Во время утреннего обхода к кровати моряка подошли два врача.

— Да, молодой человек, не подоспей летчики, славно пообедал бы тобой косолапый. — Врач положил ладонь на горячий лоб лейтенанта. — Температура еще есть, но пульс уже лучше.

— Медведь где? Он ведь спас меня… рыбой кормил… согревал.

— Сестра сделайте ему пантопон, и на голову лед. Нервы, бредит, еще бы, семь суток на льдине. Ну ничего, теперь уже скоро пойдет на поправку.

Игорь Подколзин
ЗАВЕРШАЮЩИЙ КАДР

Сквозь маленькое окно еле-еле пробивался тусклый рассвет. Ильмар Нильсен давно уже проснулся и лежал, устремив неподвижный взгляд в бревенчатый потолок, прислушиваясь к доносившемуся с моря шуму прибоя.

Дождь монотонно барабанил по крыше. Спешить было некуда. С тех пор как пришли фашисты, рыбакам было запрещено выходить в море без особого разрешения коменданта. А что понимает он, этот очкастый, прямой и высохший, как скандинавская сосна, немец в ловле сельди? Да и странное это дело — спрашивать разрешения на ловлю рыбы у себя дома, в своих родных водах, где испокон веков рыбачили все Нильсены. Он вспомнил, как вчера в кабачке один пьяный солдат разглагольствовал, что он-де потомок викингов и здесь защищает Норвегию от коммунистов. “Потомок” был плюгав и походил на древнего викинга, как он, Нильсен, на господа бога. Нет, он не

пойдет унижаться перед этим долговязым фашистом. Не такой он человек. Да и много ли ему теперь нужно, когда умерла жена, а сын переехал в город? Как-нибудь проживет.

За окном тоскливо шумели сосны. Большой, разжиревший от рыбы дымчатый кот подошел к кровати и прыгнул хозяину на ноги. Старик почесал кота за ухом, встал и начал медленно одеваться. Затем, выпив кофе, вышел из дома.

Дождь перестал. Прямо перед ним серо-белой равниной уходила к горизонту необъятная водяная ширь. Море было спокойно, только у самого берега, в глубине фиорда, лениво перекатывались волны и глухо ворчал прибой. Нильсен набил трубку и сел на крыльцо. Торопиться действительно было некуда. Долго сидел он, нахохлившись, положив на колени загрубевшие и красные от соленой воды руки. Смертельная тоска разъедала душу. И зачем он еще живет, одинокий и никому не нужный старик?

Нильсен выбил о ступеньку трубку и тихо побрел вдоль берега. Он хотел в этот ранний час, когда вражеские патрули спят, пройтись той дорогой, по которой его столько раз провожала жена. А вот здесь, на этом валуне, она обычно стояла, приложив руку к глазам, всматриваясь в даль, туда, откуда он должен был прийти с уловом.

Ветерок ласково шевелил его седые, выгоревшие на солнце волосы. Полной грудью он вдыхал вкус моря, его моря, остро пахнущего водорослями, рыбой и сыростью покрытых мхом скал. Все было тихо. Немцы действительно, очевидно, спали. Вчера у них было много работы, после того как в море взорвали их шедший из Петсамо транспорт. Рыбак хорошо видел неожиданно взметнувшийся над морем столб огня и огромное облако черного дыма. Гул взрыва упругой волной прошел по заливу и, отдаваясь эхом в высоких берегах фиорда, замер вдали. Долго потом море бороздили катера, а по берегу бегали солдаты.

Тяжело переставляя ноги, Ильмар шел вдоль берега. Волны с легким шипением подкатывались и лизали его сапоги, потом нехотя отходили, журча мелкими ручейками в прибрежной гальке.

Вдруг он увидел впереди то появляющийся, то исчезающий среди пены набегающего прибоя какой-то предмет. Бревно или бочонок? Старик ускорил шаг. По пояс в воде на песке лежал человек, одетый в легководолазный костюм. В правой, откинутой в сторону руке он сжимал шланг сорванной с головы маски. Левой прижимал к груди небольшой резиновый мешок. Нильсен опустился на колени. Человек был мертв. Из разорванного ворота костюма выглядывал треугольник матросской тельняшки и

кусочек синего воротника с тремя белыми полосками. Русский! Рыбак быстро огляделся по сторонам. Никого. Приподняв под руки отяжелевшее тело моряка, Нильсен оттащил его к подножию скалы. Сняв кислородный прибор, он отнес его в сторону и зарыл в песок. Потом сделал небольшое углубление между камней, положил туда труп, сверху прикрыл его плитками известняка и забросал щебнем. Затем старательно разровнял могилу руками и, отойдя немного в сторону, еще посмотрел, не заметно ли чего. Все было как обычно. В мешке лежали сверток и револьвер. Широко размахнувшись, он забросил оружие в море и, спрятав под полу куртки сверток, быстро пошел к дому…

В 1955 году однажды утром, в час, когда на улицах Осло можно видеть только домашних хозяек, в дверь советского посольства кто-то тихо, но настойчиво постучал. Немного сутулясь, в кабинет вошел человек лет тридцати, с открытым, загорелым, обрамленным курчавой белокурой бородой лицом. Одет он был в обычный костюм рыбаков: грубую куртку, свитер и тяжелые до колен сапоги. Он молча подошел к секретарю и положил на стол круглую жестяную коробку, крест-накрест перетянутую медицинским пластырем.

— Вот отец нашел на берегу.

— А почему вы думаете, что это касается нас? — секретарь вопросительно посмотрел на рыбака.

— Осенью сорок третьего года фашисты нашли у моря закопанный труп вашего моряка, а неподалеку его скафандр. Они поняли, что кто-то опередил их. Наш дом был рядом.

— Утром отца арестовали, а вечером расстреляли. — Человек немного помолчал. — Неделю назад я нашел это в сарае, под старыми сетями. Очевидно, немцы искали эту вещь и из-за нее и погиб отец. Там еще были какие-то бумаги, но они обратились в труху, и я их выбросил.

Секретарь взял коробку. На пластыре еле заметно синели буквы: “Не вскрывать, не проявлено”.

— Большое спасибо вам, мы разберемся в этом деле.

— Не за что.

— Ваш отец, очевидно, был очень хороший человек?

— Как и все отцы, — рыбак повернулся к выходу. — Прощайте!

— До свидания. А как вас зовут?

— Нильсен. Нильсен-младший.

— Я еще раз благодарю вас, господин Нильсен.

— Не за что, — моряк вышел.

Секретарь позвонил, в комнату вошла девушка.

— Отправьте в Москву, — и протянул ей коробку.

Уже давно перевалило за полночь. Студия опустела, лишь в одном из просмотровых залов сидела группа. Готовили документальный фильм к десятилетию Победы, Режиссер просмотрел десятки километров пленки, но материала все еще не хватало.

Как он устал! Это его первая работа, и что-то не получается! Нет завершающего кадра.

— Выпейте чаю, — ассистентка поставила на стол стакан.

— Не хочу. Есть еще что-нибудь?

— Почти все просмотрели. Может быть, остальные завтра?

— Нет, давайте, что осталось.

— Небольшой отрезок, но он не озвучен и текста нет, — девушка положила на стол коробку.

— Хорошо, запускайте.

Застрекотал аппарат. По экрану побежали цепи береговых сопок. Какие-то причалы. Матросы у торпедных аппаратов. Подводная лодка у пирса. Затем — очевидно, снимали через перископ — сквозь язычки волн транспорт на горизонте и неожиданно огненный столб взрыва. Падающие в воду обломки. Дальше несколько метров темноты. Потом, в каком-то сумраке, наверно при плохом освещении, на экране крупным планом возникло лицо человека…

— Что с вами? — девушка бросилась к режиссеру. — Вам плохо?

Режиссер резко выпрямился, напряженно вглядываясь в экран, пальцы судорожно, до побеления суставов, вцепились в ручку кресла, с треском переломился зажатый в руке карандаш. Фосфорным пятном выделялось в темноте побледневшее лицо. Он, словно подавившись, глотнул воздух и сполз в кресло. Голова безжизненно упала на грудь.

— Свет! Свет скорее! — ассистентка бросилась к графину с водой.

Режиссер открыл глаза. Медленно мутным взглядом обвел потухший экран. Поднялся и, шатаясь на непослушных ногах, пошел к телефону. Срывающимися с диска пальцами набрал номер и хриплым голосом произнес:

— Мама… Сейчас я видел отца…

Подводная лодка уходила в поход. На пирсе, дожидаясь последних распоряжений, стояли командир и старший помощник. Холодный ветер с моря нес мелкую водяную пыль. Казалось, что вместе с ней надвигается серая северная ночь. К стоящим на причале подошел человек и молча протянул какую-то бумажку.

— “Командиру, — прочел старпом, — предлагаю взять на борт оператора кинохроники. Комбриг”.

— Это вы оператор? — командир посмотрел на подошедшего.

— Да, я. Мне разрешили идти с вами. Вот документы.

Перед моряками стоял небольшого роста худощавый человек. Из-под стекол очков спокойно смотрели умные темные глаза.

— А вы знаете? — начал старпом.

— Я все знаю, — перебил его оператор, — куда прикажете пройти? — он прикурил новую папиросу от окурка и затянулся.

— Вы, наверно, много курите? А на лодке нельзя.

— Ничего, потерплю.

— Ну что ж, пойдемте. Старпом, играйте аврал.

Они молча прошли на лодку, и через несколько минут она мягко отошла от пирса и растаяла в пасмурной пелене…

Третьи сутки лодка находилась на позиции, поджидая идущие из Норвегии в Германию транспорты. В полдень на горизонте показались дымки каравана.

— Боевая тревога! Приготовиться к атаке!

Лодка развернулась и, выставив из воды кончик перископа, пошла на сближение.

Командир, не отрываясь, прильнул к окулярам.

— Хотите посмотреть на фашистов? — он повернулся к оператору.

— Я на них насмотрелся под Киевом. Дайте лучше пока сниму, а уж посмотрю после залпа.

— Хорошо, снимайте.

Оператор приставил к перископу аппарат.

— Ну, хватит, теперь будем действовать, — командир опять прильнул к окулярам.

— Аппараты товьсь!.. Пли!

Лодку встряхнуло, со скользящим свистом две торпеды понеслись к самому большому транспорту.

— Теперь смотрите, да быстрее, — командир отстранился, уступая место. Оператор прильнул к линзам. В ту же секунду раздался сильный грохот. Командиру показалось, что оператор что-то сказал в это время.

— Погружение! Вперед полный! Право на борт!

Через несколько минут лодка легла на грунт. Последовала команда.

— В отсеках молчать!

Где-то наверху жужжали винты катеров, ухали взрывы глубинных бомб. А здесь, в лодке, тихо сидели, напряженно прислушиваясь, люди, отсчитывая по ударам сердца медленно текущее время.

Шесть часов спустя, когда над водой уже нависли сумерки, лодка осторожно всплыла под перископ. Безбрежная гладь моря

была пустынна.

Через сутки, когда подводная лодка находилась уже в другом квадрате, на горизонте снова показались дымки. Лодка пошла на сближение.

Вокруг большого транспорта суетились катера-охотники.

— Сильная охрана, очевидно, важный груз, — посмотрел помощник.

— Да, конвой солидный.

— Ничего, попытаемся прорваться внутрь, — командир отдал команду, и лодка плавно пошла вперед. Несколько раз стопорили ход и прислушивались. Два раза прямо над головой прошелестели винты катеров.

— Мы в середине конвоя. Извини, оператор, сейчас смотреть некогда.

Снова ударил, отдаваясь в отсеках, сильный взрыв.

— Ну вот и еще одного нет, — командир опустил перископ. — Погружение! Вперед средний!

Лодка легла на грунт.

— Глубина двадцать метров, плохо, если у них есть авиация, — старпом подошел к лежащей на столике карте.

С поверхности моря послышался приближающийся шум винтов. И тут же один за другим последовали несколько мощных ударов. Казалось, что прямо над головой рвутся глубинные бомбы. Лодку сильно тряхнуло. Погас свет. В кормовых и носовых отсеках раздался скрежет. Грохнуло еще, как будто с треском развалился корпус. Лодку швырнуло в сторону. Сбитые с ног люди покатились по стальному настилу…

Сколько прошло времени, никто не знал. Мертвая холодная тишина растворилась в кромешной тьме, только где-то зловеще журчала вода. Раздался чей-то стон. Потом голос командира произнес:

— Осмотреться в отсеках! Наладить аварийное освещение!

В темноте послышалась возня, мутным желтым пятном вспыхнул аварийный фонарь.

В центральном посту было девять человек. Десятый, гидроакустик, лежал на спине, лужа крови широким кругом расплывалась у его головы.

— Что с ним, боцман? — Мертв, ударился головой о тумбу.

— Вызывайте остальные отсеки. Старпом, обстановку?

Все отсеки молчали. Через несколько часов, когда уже сомнений не было, что в живых остались только эти девять, командир обратился к морякам:

— Мне нечего скрывать от вас, положение безнадежное, — он обвел взглядом сидящих вокруг людей. — Выйти наверх могут

только двое. Берег недалеко, глубина небольшая. Пойдет оператор и еще кто-нибудь из оставшихся шести. Мы со старпомом не в счет. Так, помощник?

— Так точно, командир, мы не в счет.

— Воздуха очень мало, поэтому следует поторопиться, решайте сами, кто пойдет еще.

— Я тоже не в счет, — голос оператора прозвучал глухо, — я старше всех по возрасту, да и плакать обо мне некому. Все мои родные погибли, расстреляны фашистами. Да и, кроме того, я не только не умею обращаться с этой вашей штукой, — он кивнул в сторону водолазного костюма, — но и плавать-то толком не умею.

— Дорогой мой, вы гражданский человек, а мы моряки, это наша служба, — командир положил руку на плечо оператора.

— У всех сейчас одна служба. Вот и будем делать вы свое дело, а я свое. У меня еще осталась пленка. Дайте только побольше света. Весь, какой есть.

Дышать становилось все труднее. Кровь горячими волнами стучала в висках. В глазах начали рябить мелкие розовые искорки. Люди слабели. Неизвестно откуда в лодку просачивалась вода. Решили: наверх пойдут два самых молодых матроса. Начали готовить все для выхода.

— Теперь я сниму вас, каждого в отдельности, — аппарат застрекотал, — жаль, мало света. Ну, да что-нибудь получится.

Когда все было готово, документы и пленку уложили в резиновый мешок и отдали уходящим.

— Попрощаемся, — моряки обнялись. — Ну, счастливо, прощайте, братцы.

Матросов подняли в камеру, завинтили люк. Только прерывистое свистящее дыхание людей нарушало тишину. Дали воду. Через несколько минут на поверхности моря черными шарами показались две головы. Холодный и чужой берег был близко, но еще ближе и холоднее была морская вода.

В просмотровом зале сидело всего несколько человек.

— Можно начинать? — спросила ассистентка.

— Начинайте, — режиссер закурил и молча взял за локоть сидевшую рядом пожилую женщину.

На вспыхнувшем экране показались чуть запорошенные снегом сопки, подводная лодка, матросы, транспорт. Затемнение…

Прямо в зал с экрана смотрел молодой офицер. Ворот его кителя был расстегнут, капельки пота бусинками блестели на потемневшем лице, тонкая черная струйка крови ниточкой вилась от носа к подбородку. Ему было трудно дышать. Немного

помолчав, словно всматриваясь в зал, он начал говорить. И сейчас же из репродуктора раздался голос сидящего в углу с микрофоном преподавателя школы глухонемых… — …Родные мои, все, кто доживет до победы… Мы выполнили свой долг, — моряк перевел дыхание. — …Сын мой, я не знаю, хорошим ли я был отцом, за семь лет я, может быть, просто еще не научился им стать… Но я знаю, что был хорошим сыном… сыном своей Родины… Тебе не в чем упрекнуть меня, ведь я не виноват, что ты остаешься только с мамой… Прощай…

На экране, сменяя друг друга, говорили уже другие. На белом полотне появился совсем молодой матрос. На щеке его чернело масляное пятно. Он тоже что-то говорил и вдруг… улыбнулся. Детской, открытой и немного застенчивой улыбкой…

Режиссер сидел, откинувшись в кресле, обнимая вздрагивающие плечи матери. Все его тело как в лихорадке трясла дрожь. Но теперь он знал, что фильм будет.

Завершающий кадр великого подвига и мужества был найден.

Михаил Сосин
ПЯТЬ НОЧЕЙ

Из барака меня взял Косой Эрих. Пленные сидели на нарах, когда он вошел в штубу, остановился у входа и смотрел, ничего не говоря. Стало тихо. Указательный палец его вытянутой руки медленно пошел слева направо по лицам пленных; за пальцем невольно опускались головы. На мне палец застыл: “Ду”.

Я не спешил… Эрих ждал и, пропустив меня, пошел сзади, насвистывая: “Марианка, хаст ду блонде харе…”, подталкивая меня в спину своей проклятой тросточкой.

Никелированная, тонкая, не толще шомпола, она оставляла кровавые отметины на головах пленных.

Эрих зря не придет. Нетрудно догадаться, куда вел меня Косой. Я видел вопросительные, тревожные взгляды пленных. Многие отворачивали лица. Мне показалось, что Андрей безнадежно махнул рукой, когда я проходил мимо.

Асфальтовый дворик окружен высоким каменным забором. Я посмотрел на небо: по нему плыли легкие облака, настоящие летние. Может быть, они плывут из Москвы?

В аккуратном домике чистый, будто в больнице, коридор. В конце — дверь. Вот туда-то и втолкнул меня Эрих.

За столом сидел Беккер. Он был чисто выбрит и, как всегда, в перчатках. Его тонкие губы на худом бабьем лице плотно сжаты.

Беккер молчал. Я не смотрел на него, и, по-моему, он не смотрел на меня. В комнате был стол, два стула и лампочка над

дверью — вот и все. Дверь двойная, обита клеенкой.

Я смотрел в угол, вправо от Беккера.

Крепко сжал зубы, унимая противную дрожь.

Вдруг он встал, прошелся по комнате и остановился близко, почти касаясь меня твердой кобурой пистолета на ярко-желтом блестящем ремне.

— Я имею три вопрос… Ерст: дилинбургский завод три дня не работал для фронт. Кто сломал машин на электростанции? Цвайте: кто и чем делаль ключ от дверь? Дритте: расскажешь все, получишь у шеф-кох Ивальд большой круглый котелок картошки и кусок колбаса. У меня есть сведений — ты все знаешь.

Он сел за стол, я молчал, глядя в угол.

Сегодня он намного злее обычного.

— Я не гестапо и не эсэс, я офицер, но тебе будет плох, бить палкой по голове, как дурак Эрих, — нет! Я из хорошей семьи и жил в Руслянд. Говори — я жду. Садись.

Какие-то ненужные мысли путались в голове. “Наверно, уже раздают баланду”. Перед глазами унылое лицо Андрея и его рука, прочертившая в воздухе выразительный жест. Наверно, они боятся, что выдам…

Я взглянул на Беккера.

— Хочешь курить?

Я кивнул.

Он вытащил из нагрудного кармана сигарету и дал мне. Я затянулся. Трава травой, но голова пошла кругом.

— Ну?!

Я молчал.

— Ты не выйдешь из этой комнаты, пока не скажешь или не напишешь. Вот тебе бумага и карандаш. Я приду через час.

Он вышел. Вошел Эрих, сел за стол и, не обращая на меня внимания, засвистел, стуча в такт руками по столу. Потом он снимал пылинки с мундира, долго и аккуратно. Был он тощ и. бледен. Черная повязка наискось — память русской зимы 1941/42 года.

Эрих взглянул на часы и начал есть бутерброд. Колбаса была красная, как запекшаяся кровь. Никогда раньше я не видел такой колбасы. Из чего они ее делают? Он ел нудно, долго и потом докурил кусочек сигары из вонючей травы. Мне опять захотелось курить. Есть уже давно-давно не хотелось, с начала плена. Была только боль в желудке и слабость.

Пришел Беккер. Эрих вышел.

— Так! — Он посмотрел на чистый лист бумаги. — *У* меня время есть, и ты напишешь или расскажешь.

Он постоял около меня, покачиваясь на носках, и снова

вышел. Опять вошел Эрих. И опять сидел и свистел, а лист бумаги по-прежнему лежал на столе, то приближаясь, то отдаляясь белым пятном.

Беккер шутить не любит.

Костю по его приказанию расстреляли на глазах у всего лагеря за попытку к бегству, а Морозова отправили в страшные каменоломни за то, что он залез в подвал с солдатской картошкой. А сколько пленных о" отправил в ад эсэсовских лагерей, откуда не возвращаются И все это он делал спокойно и "чисто".

А собака Лорд, с которой он, Беккер, не расстается! Высокий черный датский дог. Особенно страшной была его огромная морда, мрачная и злобная. Остальные лагерные псы при виде ее скулили и поджимали хвосты. Лорд особенно ненавидел пленных — результат специальной дрессировки. От его гладкой кожи не пахло псиной. Беккер каждое утро сам чистит его пылесосом, пес никогда не пройдет по луже — обходит стороной.

Одно движение беккеровского пальца — и страшные клыки в тощем теле пленного, и не дай бог свалиться — сразу у лица его пасть. Все хорошо знали — пошевелишься, и зубы в горле. Так навсегда остался калекой со свернутой шеей Венька Щеголев — ленинградец. Он плюнул в лицо Беккеру, когда секли Морозова перед отправкой в каменоломни.

Я сидел на стуле, когда снова вошел Беккер и посмотрел на чистый лист.

— Эрих, раус!

Одноглазый пулей выскочил.

— Лорд, райн!

Я вздрогнул и встал со стула.

В комнату с рычаньем ворвался Лорд. Он сразу заполнил всю комнату. Я прижался к стене.

— Ду швайн. Побудешь с ним.

Щелкнул замок.

Пес стоял весь напружинившийся, готовый к прыжку. В его глазах под нависшим лбом вспыхивали зеленые огоньки. Я плотно припечатался к стене, руки крепко прижал к телу. Первые секунды все было, как в тумане, — дико и страшно.

Прошло какое-то время. Пес смотрел на меня пристально, глухо рыча.

Я пошевельнул рукой, и он сразу рванулся. Я замер.

Опять мы неподвижны друг против друга.

Заныла поясница, ее словно прокалывали острыми иголками, руки стали тяжелыми. Я видел нешироку сильную грудь, мощные ноги с проступающими под гладкой кожей жилами,

большую голову, острые, как у рыси, уши, отвисающие щеки и огромную полуоткрытую пасть, заполненную синеватым языком.

Надо смотреть ему в глаза, говорил я себе. Было трудно это сделать и страшно. Я заставил себя посмотреть в зеленые глаза зверя. Наши взгляды скрестились. Теперь я смотрел до боли, стараясь не мигать. Он тоже не отводил своп налитые злобой глаза.

Поясницу и пятки прошивали раскаленными гвоздями. Я смотрел безнадежно. Время остановилось. Как изменить положение тела, немного ослабить напряжение: ведь пес мог броситься при малейшем движении.

Я решил смотреть до смерти. Кто-то говорил, что собака боится взгляда человека, или я читал где-то об этом, не знаю (хоть немного ослабить напряжение).

Вдруг стало холодно, заболело правое колено. Пес зарычал, обнажая клыки, но я не отвел глаз.

“Мигни, мигни, глаза!” — беззвучно шептал я про себя, повторяя эти слова все время.

Может быть, у меня не хватает воли? Или немецкому псу не передашь мысли по-русски? Но я все же продолжал говорить про себя непрерывно и даже начал шевелить губами.

Вдруг он мигнул. Это длилось мгновение.

Но оно имело свою протяженность.

В этот миг я инстинктивно сполз по стене вниз, наверно, на вершок. Получилось это непроизвольно, как от удара.

Пес открыл глаза, но я уже замер.

Опуститься бы на пол, тогда можно дать телу покой. Я понял, пес не бросится, пока я неподвижен, в любом положении, в скорченном, сидячем, но только неподвижном. Я ждал. И он снова мигнул.

Еще отрезочек вниз, плотно по стене. Стало тяжелее, поза неудобна — на весу. Теперь ломило колени. Силы были на исходе.

Секунды, десятые и сотые доли их казались стальными прутьями, тупо воткнутыми в тело. Лампочка над дверью превратилась в ослепительное солнце, придвинутое к самому лицу.

…Так же, как два с половиной года назад, когда в жаркий летний день при ослепительно ярком солнце наш взвод, растянувшись цепочкой, осторожно вошел в редкий бугристый лесок и сразу наткнулся на немцев. Из окопчика на бугорке торчали их черные каски, нас не ожидали.

Пулеметчик зашел сбоку и ударил по окопчику вдоль. Немцы пытались выпрыгнуть из ямы, но пули настигали фашистов.

Но вдруг со всех сторон ударили их пулеметы. Били они густо и беспощадно. Люди расползались, ища укрытия, но редкие деревца и трава не защищали. Лесок прошивался пулеметами вдоль и поперек.

Мы до боли вдавливались в землю. Среди посвиста пуль и треска срезанных веток раздавались тихие стоны и проклятия. Я пополз на середину прогалины — там были куст и низина. Двое, тяжело дыша, ползли за мной. Один волочил раненую ногу. Все… Нас трое.

Огонь утих, мы прижались друг к другу. Было жарко, нестерпимо хотелось пить. Из-за деревцев замелькали грязно-зеленые мундиры, послышался лающий говор. Мы еще теснее сжались и стали отстреливаться.

Мундиры все ближе и ближе: кругом, везде. Приближаются, выбрасывая поток пуль перед собой. Вот из-за кривой сосенки показался край каски, и дуло автомата нацелилось прямо на меня. Я поднимаю ТТ, рывком нажимаю спусковой крючок, патрон уткнулся в патронник; волнение вдруг пропало, стало просто спокойно. Сломал веточку, стал поправлять патрон, как будто вперед" много-много времени — длинная секунда. Я и он выстрелили одновременно. По правому плечу больно ударили, все завертелось в оранжевом тумане. Тысячи горячих раскаленных солнц придвинулись к лицу. Рот наполнился чем-то соленым…

Надо мной склонились черные каски, бледные лица.

— Рус! Жив?

И голос издалека:

— Он только ранен…

Меня поворачивают, бинт плотно ложится на рану. Меня несут на шинели…

…Должен же он еще мигнуть. Я ждал. И пес мигнул и даже отвернулся. Я опустился на большой отрезок Теперь я сидел на корточках, но пес не мигал больше. Сколько времени прошло? Согнувшись в три погибели, я со злостью смотрел в волчьи глаза. Капли пота щекотали брови и кончик носа. В щиколотках — невыносимая боль, сил уже совсем не было.

Пес зевнул.

Как во сне, я почувствовал пол. Мышцы обмякли и расслабились.

Может быть, я спал, скорее дремал. На высокой белой горе стоял Андрей и махал вареной телячьей ногой. Я пополз к нему. Он стал спускаться бегом навстречу, протянул мне мясо, и вдруг вместо мяса — клыкастая пасть Лорда. Я очнулся. Сколько прошло времени?

Пес глухо зарычал. Наверное, скоро утро и придет Беккер. Надо подняться и быть в первоначальном положении, чтоб он ничего не понял. Я снова упорно следил за псом, вот он дернулся и зевнул — вершок вверх.

Опять напряженная, неудобная поза. Попробовал шевельнуться, но он зарычал, хотя и не так злобно, еще вершок — и снова я надолго застыл в скорченном положении. И кот наконец я снова, как вначале, припечатался к стене, руки плотно прижаты к телу. Щелкнул замок. Вошел Беккер, собака легла у его ног.

— Ну как, будешь говорить?

Я молчал.

— Хорошо, майн либер, посмотрим дальше…

Беккер с псом ушли. Вошел Эрих. Я сел на стул. Тело болело, особенно поясница и пятки, руки дрожали. Я задремал. Эрих ткнул железной палкой.

— Ауфштеен! — вдруг дико закричал он и засмеялся. Он всегда смеялся, как идиот, невпопад.

Я встал.

Он отвернулся и засвистел “Марианку”. Потом вытащил сигарету и закурил.

— Дай покурю. Кипу. — Так немцы называли окурок.

Он тянул ее долго, отдал мне маленький огрызочек — почти ничего.

Я потянулся к листу бумаги на столе.

— Э, хальт!

Он вытащил из кармана газетный листок, протянул мне и внимательно смотрел, открыв рот, как я завертел окурок. Я затянулся всеми легкими. Все поплыло… Потом присел на стул.

Эрих ничего не сказал.

Вошел кривоногий Ивальд с баландой и тонким листочком хлеба. После еды сильнее потянуло ко сну. Я с трудом боролся с дремотой. Прошло много-много времени. Эрих два раза ел свой бутерброд и пил кофе. Два раза приходил Беккер. Оба раза он сидел молча по полчаса, а может быть, и больше, и уходил. Его заменял Эрих.

Вечером он выгнал Эриха и снова привел собаку.

Это была вторая ночь — я и пес.

Теперь я знал, что делать. Внимательно следил за собакой. Через час он устал и стал мигать, а я рывками, наблюдая за ним, пополз вниз по стене. Глаза его как-то странно изменились. Я еще не понимал, что в них изменилось, но они были не те. Я гораздо быстрее сползал вниз и уже не боялся его.

Да, глаза собаки были не те.

Часа через два я опустился на пол и дремал по-настоящему.

Он тоже лег. Иногда он глухо рычал. Почему?

Я начал подъем часа через три вверх по стене рывками. Он все время мигал, зевал и отворачивался. Между нами, я почувствовал, протянулась незримая ниточка понимания. Утром, когда вошел Беккер, все было, как вначале. Я стоял у стены не шевелясь, собака сидела напротив меня.

Мне показалось, что Беккер удивленно посмотрел на меня. Голодный, истощенный человек не спит две ночи.

У Эриха за целый день я выпросил два окурка.

Когда мы остались с псом на третью ночь, я просто сел на пол и заснул, и страшный, всеми ненавидимый пес, похожий на чудовище, не разорвал меня, зевнул и лег рядом.

Мне снилась Москва. Я сидел в трамвае, кто-то в кожаном пальто сел рядом; я проснулся. Я лежал рядом с псом. Он положил мне огромную голову на грудь и спал. Потом мы поднялись. Я встал к стене.

Утром Беккер долго смотрел на меня. Я тоже посмотрел ему прямо в глаза.

На четвертую ночь мы с псом только и ждали, когда щелкнет замок. Улеглись и спали вповалку. Я положил голову на его мягкий, теплый бок. Это было здорово… Я выспался, как никогда.

Беккер не вошел, а ворвался, бледный и даже без перчаток, а я стоял, плотно прижавшись к стене.

Он долго молчал, на его лице была растерянность.

— Ты будешь говорить, писать?

В голосе неуверенность. Он как будто думал о чем-то постороннем и спрашивал механически. Я стоял еще три часа, но суп и хлеб мне принесли.

Потом Беккер сказал, что отправляет меня в эсэсовские лагеря. Он ходил по комнате взад и вперед.

Вдруг начал рассказывать, что в детстве его порол отец, что все мерзко противно: и этот лагерь, и свиньи-военнопленные.

— Ты совсем не спал? — вдруг спросил он. — Нет, ни секунды.

— Ты не думай, что все кончено, я не дам тебе спать, пока не выдашь всех.

Он подошел близко и пристально смотрел на меня, ничего не говоря, долго смотрел. Вечера я ждал с нетерпением. Беккера уже не боялся, он просто надоел мне за целый день. Вечером собаку привел Эрих. Мы с Лордом аккуратно улеглись и заснули.

Я скорее почувствовал, чем услышал, как открылась дверь. Мы не успели вскочить. Это был Беккер.

Остальное произошло как во сие.

Он не кричал, не ругался, он выгнал пса и долго сидел за

столом молча. Потом скачал хрипло, вполголоса, не глядя на меня:

— Иди…

Он просто выгнал меня в лагерь, ничего не сделав. Я пришел в барак, когда был уже подъем. Все пленные молча окружили меня. Андрей принес табаку.

— На, закури, — сказал он.

На другой день нас, шестерых пленных, погнали на станцию засыпать огромную воронку от авиационной бомбы. Шел теплый и густой летний дождь. Мы тяжело месили вязкую, желтую грязь деревянными колодками. Конвоиры, нахлобучив капюшоны, уныло брели сзади. У невысокой насыпи Михаил Костюмин и Яковлев лопатами кидали в свежевырытую яму комья ослизлой почвы. Под фанерным навесом сидел конвоир с зажатой меж колен винтовкой.

— Эй, чего копаете?

— Лорда беккеровского хороним. Здоровый черт, еле дотащили.

— Подох?

— Пауль-живодер грохнул его сегодня утром у вахты.

— Да ну?

— Ауф, лосе! Хальт мауль, — лениво закаркали конвоиры, и мы захлюпали дальше.

Борис Воробьев
ГРАНИЦА

Звонок в начале шестого утра мог означать только одно — срочный вызов.

“Стоит раз остаться ночевать дома…” — невольно подумал капитан-лейтенант Рябов, снимая трубку.

Звонил оперативный дежурный. Он передал Рябову приказание командира базы немедленно прибыть в штаб.

На улице было ветрено, темно и скользко. Хлестала по глазам поземка. Рябов поднял воротник, глубже надвинул шапку и по привычке сунул руку в карман реглана, по фонарика там не оказалось. Видно, он еще с вечера переложил его куда-нибудь в другое место, а может, этим распорядилась жена, когда сушила реглан. Так или иначе, но возвращаться и отыскивать фонарик уже было некогда. С грехом пополам одолев полтораста метров, отделявших дом от штаба, Рябов козырнул часовому и толкнул тяжелую, обитую войлоком дверь.

Капитан второго ранга Ваганов был у себя. Кабинет командира еще не успели натопить, и Ваганов сидел за столом в шинели и шапке.

Рябов доложил о — своем прибытии.

— Здравствуй, Николай Федорович, — сказал Ваганов. Отложив в сторону бумагу, которую до этого держал в руках, он встал и вышел из-за стола. — Получена шифровка, Николай Федорович: у мыса Барьерного замечено неизвестное судно. — Командир базы подошел к большой, в полстены, карте района и раздвинул шторки. — Кстати, на днях мне, видимо, о нем же доносили рыбаки. У них там невода стоят.

Рябов тоже подошел к карте. Рядом с низкорослым командиром он казался еще выше и массивнее, чем был на самом деле, а огромные яловые сапоги и реглан только сильнее подчеркивали это.

Слушая командира, Рябов без особой симпатии вспомнил место, о котором тот говорил: обрывистый, гудящий от наката берег, мрачные кекуры с воротниками желтой пены, узкую, длинную отмель — банку — вдоль самой границы.

— Судно замечено в пять ноль-ноль, — продолжал капитан второго ранга. — Сейчас пять двадцать. Через десять минут, Николай Федорович, жду твоего доклада о готовности к выходу. На корабль я уже сообщил, так что задерживаться, полагаю, не станешь. Посты предупреждены, можешь идти напрямую. Прогноз — шесть — семь баллов. Норд-ост с переходом во второй

половине на ост. Вопросы есть?

— Судно военное?

— Судя по первым сообщениям — нет. Уточнишь на месте, и если что… Словом, действуй по обстановке.

Рябов поднялся на корабль и прошел в рубку. Там уже дожидались штурман и рулевой.

— Готовьте прокладку, лейтенант. — велел Рябов штурману. — Идем к Барьерному. — И скомандовал: — По местам стоять, со швартовых сниматься!

Дробный топот ног по палубе известил Рябова, что его команда подхвачена, что люди встали по местам и ждут дальнейших приказаний.

— Отдать носовые!

Луч прожектора резко метнулся вниз, выхватив из темноты фигуры матросов баковой команды. Как мельничный жернов, загрохотал брашпиль, наматывая на себя сброшенные с палов швартовы.

— Отдать кормовые! Вперед малый!

За кормой забурлила вода. “Охотник” вздрогнул, плавно отвалил от пирса и, развернувшись, медленно двинулся к выходу из ковша.

Облокотившись на станину машинного телеграфа, Рябов всматривался в темные стекла рубочных окон, прикидывая, как скоро развиднеется и успеют ли они до света выйти на траверз Барьерного. Неплохо бы успеть: если нарушители еще там, будет легче подойти к ним незамеченными.

Слева, как вспышка спички, промелькнул огонь входного створа; тяжело ухнула в борт первая волна открытого моря.

— Десять градусов влево по компасу, — приказал Рябов и перевел ручку телеграфа на “полный ход”.

Недра корабля тотчас отозвались на изменение режима: лаже в темноте можно было видеть, как вскипел за кормой бурун; переборки завибрировали; ветер с силой надавил на стекла.

— Так держать! — сказал Рябов и вышел на крыло мостика.

Он любил эти минуты мощного разгона, когда корабль, как живое существо, несет тебя и роднит с собой: когда реально ощущаешь скорость, бег времени и свою причастность к этим абстрагированным, математическим понятиям. Впрочем, другое волновало и тревожило сейчас Рябова. Он знал, что через сорок минут они повернут и пойдут по ветру. Корабль легкий, волны начнут перегонять его, подбрасывать корму и оголять винт. А это значит, что пол-узла они наверняка будут недобирать, и, если ветер усилится, им, чего доброго, придется сбавить ход.

Мостик продувало как аэродинамическую трубу, холод лез

под реглан. Рябов вернулся в рубку и снова занял свое место у телеграфа. После мостика в рубке казалось необыкновенно тихо. В ушах шумело, слезились набитые ветром глаза. Рябов на минуту закрыл их, и им незаметно овладело то странное, знакомое всякому часто недосыпающему человеку состояние, когда сон и явь причудливо переплетаются между собой, когда слышишь и чувствуешь все вокруг и, однако, спишь. И лишь одно сразу выводит человека из этой летаргии — изменение привычного, заданного ритма, толчок извне, сигнализирующий мозгу об этом изменении. Для Рябова таким толчком явилось почти незаметное усиление шума работающих па полную мощность машин. Он открыл глаза, увидел открытую дверь, а в ней — штурмана.

— Товарищ командир, вышли в точку поворота.

Рябов кивнул.

— Право двадцать, — приказал он.

— Есть право двадцать! — как эхо, откликнулся рулевой.

Волны перестали бить в борт, настал момент равновесия, когда корабль, казалось, стоял на месте; затем волны с шипением ударили в корму, притопили ее, потом подняли и вместе с собой рывком передвинули корабль.

На миг он словно бы завис, бешено молотя работающим вхолостую винтом.

Рябов натянул на голову капюшон и снова пошел на мостик.

К Барьерному вышли в девятом часу утра. Рябов приказал включить эхолот и повел корабль вдоль внутренней кромки отмели. Справа за ней, в каких-нибудь трех милях, лежала невидимая для глаз граница, а еще дальше в сумерках зимнего утра перекатывались глянцевые нейтральные воды, ничье, по сути, море.

— Сигнальщик! — крикнул с мостика Рябов. — Смотреть в оба!

Однако проходило время, мерно щелкал эхолот, а никаких признаков судна-нарушителя не было. И только когда дошли до середины банки, до того места, где стояли колхозные невода, раздался наконец крик одного из сигнальщиков:

— Судно, справа сорок пять!

Рябов поднес к глазам бинокль. В перекрестье заплясал размытый расстоянием небольшой моторный бот. На таких обычно ловят рыбу у берегов, но, бывает, пускаются и в более далекие вояжи. Попыхивая трубой, бот резво бежал встречным курсом по нейтральной воде. Рябов опустил бинокль, и бот сразу исчез, растворился в изменчивой толчее океанских вод. Лишь изредка крупная волна поднимала его над выпуклостью океана и,

подержав, снова прятала, будто накрывала шапкой-невидимкой.

Рябов кисло усмехнулся: по закону придраться было не к чему. Однако чутье пограничника подсказывало ему, что бот, ныряющий сейчас в волнах за спасительной чертой границы, и судно, замеченное два часа назад в советских территориальных водах, — скорее всего одно и то же действующее лицо. Слишком невелика была возможность встречи в этом же районе с другим судном: такие совпадения — в месте и во времени — следует считать исключением.

Рябов снова поймал в бинокль прыгающее, как поплавок, суденышко. Изменив курс, бот уходил в океан. Это лишь подтверждало подозрения Рябова: чего ради отворачивать так поспешно? Можно бы и поздороваться! Рябов сунул бинокль в чехол и задумался.

Формально инцидент можно было считать исчерпанным: нарушения нет, а если и встретили кого, так на нейтральной воде. Там ходить никому не возбраняется. Но Рябов не спешил ставить точки над “и”.

Еще в штабе он рассудил, что шпионам нечего делать на голом каменном острове, где к тому же находится погранзастава. Невода — вот что привлекло нарушителей. Такие случаи не в диковинку. Не только рыбу — снасти тащат. А здешний невод сам в руки просится. Стоит — удобнее не придумаешь, у самой границы. Чуть что, заварушка какая — со всех ног в нейтральные воды. Как сейчас, например. Но уйти — не значит не вернуться. Браконьеры везде одинаковы, будут кружить что волки, дожидаясь своего часа. Тут и нужно помочь им — исчезнуть, затаиться до поры до времени…

Рассвело совсем, и отсюда, из бухточки, где укрылся корабль, Барьерный был виден как на ладони — угрюмый, весь в трещинах и развалах шестидесяти метровый утес. Снег не держался на каменной вершине утеса, и на ней отчетливо выделялся оставшийся с войны расколотый надвое железобетонный дот. Когда-то страшный, а теперь безжизненный, дот, словно череп, взирал перед собой пустыми черными бойницами.

Цепь заснеженных гор подпирала низкое небо; с них прямо в море сползали мокрые кучи облаков. Громадные и неповоротливые, как айсберги, они не обладали их весом и плотностью — ветер рвал, трепал и разносил во все стороны серо-белую податливою массу.

Дважды, как из-за угла, корабль “выглядывал” из-за Барьерного, и оба раза возвращался в укрытие — море было пустынно. Однако Рябов не унывал: не сейчас, так ночью, но браконьеры вернутся — в этом он был совершенно уверен. Он

попросил принести себе чаю и в ожидании его прохаживался по рубке, поглядывая через стекло на высунувшиеся тут и там из воды усатые нерпичьи морды. Зверей разбирало любопытство. Они плясали на волнах и толкались, словно старались занять места поудобнее.

Попить чаю Рябову все же не пришлось. В дверь неожиданно просунулся радист.

— Радиограмма, товарищ командир! — переводя дух, сказал он и протянул Рябову наскоро заполненный стандартный бланк.

— Час от часу не легче! — с сердцем сказал Рябов, пробежав глазами торопливые строчки, подписанные неизвестным ему человеком, судно которого терпело сейчас бедствие где-то к норд-осту от них.

Он сжал в кулаке радиограмму, сосредоточенно обдумывая сложившуюся ситуацию.

События развивались стремительно и совсем не так, как бы хотелось Рябову. Он уже не мог по-прежнему отстаиваться под защитой Барьерного — долг моряка требовал от него немедленных действий по оказанию помощи попавшим в беду людям. С другой стороны, уход из охраняемого района был чреват нежелательными последствиями: уходя, они оставляли район на откуп браконьерам, которые могли вернуться в любую минуту и ограбить невод без риска быть пойманными.

И тем не менее Рябов ин секунды не колебался в выборе решения, и оно было тем более справедливо: в этой части океана, лежавшей в стороне от столбовых морских дорог, они были, вероятное всего, ближе, чем кто-либо другой, к месту аварии, если не единственным кораблем вообще.

Рябов прикинул по карте расстояние. Да, он не ошибся: два часа форсированного режима понадобится машинам, чтобы перебросить корабль в ту точку океана, где борются сейчас с водой люди. И еще неизвестно, что там, — будут ли они снимать только их, этих людей, или, быть может, придется тащить и само судно. Если второе, им будет туго: ветер уже заходит, и при чистом осте, который подоспеет как раз к их приходу, будет валять корабль как ваньку-встаньку.

— Передайте им, — Рябов повернулся к радисту и потряс радиограммой. — Идем на помощь. — Потом на обратной стороне бланка набросал свой текст. — Это в базу!

Неудачник болтался на волнах, как скорлупа от семечка. Едва рассмотрев его в бинокль, Рябов присвистнул от удивления: перед ними был бот, как две капли воды похожий на тот, что они видели утром.

— Дела-а… — протянул Рябов. — А, помощник?

— Дела, — подтвердил тот.

И хотя еще не было ясно видимой причинной связи между событиями последних часов, Рябов помрачнел. Ему очень не понравилось такое сходство; он готов был поклясться, что за всем этим кроется какой-то подвох. Бот приближался. Рябов без прежнего энтузиазму, с подозрительной настороженностью вглядывался в выраставшие на глазах обводы чужого судна, словно по ним хотел уяснить себе причину охватившей его тревоги.

— Подходить правым бортом! Боцману подняться на мостик!

— Вот что, старшина, — сказал Рябов, когда боцман белкой взлетел по трапу, — пойдете сейчас на бот и выясните, в чем там дело. Какая нужна помощь, могут ли идти своим ходом.

— Есть!

— Все, идите.

Суда сблизились. На бот полетели выброски. Там их ловко поймали, вытянули швартовы из воды и стали выбирать по мере того, как приближался “охотник”. Пятерка заросших бородами людей в блестящих от брызг штормовках и высоких сапогах стояла на тесной палубе, всматриваясь в пограничный корабль.

Взвизгнули сделанные из автомобильных покрышек кранцы. В узком пространстве между судами захлюпала сжатая бортами вода — “охотник” плотно, как на присосках, пристал к скользкому пузатому телу бота.

Боцман перешагнул через леера и одним махом очутился на его палубе. От пятерки отделился один, как видно, шкипер и, разводя руками, принялся что-то объяснять боцману. Потом они вместе прошли на корму и, согнувшись, один за другим нырнули в узкую дверь тамбура. Минут через двадцать они вновь показались на палубе.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Рябов, когда боцман, грязный и мокрый, поднялся на мостик.

— Дырка, товарищ командир, — ответил тот. — Возле самого киля дырка. Воды в трюме по колено, помпа не цедит, не чмокает.

— Значит, сами не дойдут?

— Рискованно, товарищ командир. И так огрузли здорово. Только… только дырка, товарищ командир, не такая какая-то, — недоуменно сказал боцман. — Никогда не видал таких дырок, чтоб досками наружу. А эта наружу, своими руками ощупал. Вроде как бы сами себя долбанули, товарищ командир…

Рябов сжал поручни.

— Ясно! — как гвоздь забил он.

Вот оно, подозрительное сходство! Обе лайбы из одной шайки-лейки — он чувствовал это. Работают в паю: одна ворует,

другая на подхвате, отвлекает. Утром мы их спугнули, но, как говорится, коготок увяз — всей птичке пропасть. В азарт вошли. Посовещались — придумали: сами себе долбанули брюхо. Не здорово, конечно, долбанули, больше для видимости. Не рассчитывали, что проверять станем. Думали, подцепим с ходу. Молодец, боцман! С помпой тоже, конечно, трюк, качает небось за здорово живешь. А расчет прост: этих мы “спасаем”, те в это время без помех доделают то, что не успели ночью. А, дьявол! Ладно, не горячиться. Подумаем лучше, что можно сделать. Значит, так: два часа в загашнике у них уже есть. Да еще два — пока мы назад доберемся. Итого четыре. Дальше. Трюма у этих посудин, хоть и малы на первый взгляд, на самом деле черта вместят. На ура такой не набьешь. На такой полдня вручную угробить надо. Ну. положим, битком набивать они его не будут, поостерегутся, все-таки среди бела дня. Однако постараются отхватить сколько возможно. Это факт, а стало быть, резонно накинуть еще несколько человеко-часов на жадность. Словом, если обставить дело по-умному, поспеем в самый раз. Вся загвоздка в этих. Пока они еще не догадываются, что мы раскусили их помер, проще всего было бы взять их к себе па борт. Только не пойдут ведь, бестии. Побоятся остаться без рации. Ведь в случае учуят что, хитрованы, с бота в любой момент дружкам сообщить успеют. Однако попробовать можно, попытка — не пытка…

— Старшина, — повернулся Рябов к боцману, — сходите еще раз на бот и предложите этой публике перейти к нам. Объясните, что это необходимо для их безопасности. Только не усердствуйте. Не захотят — не надо.

Отправив боцмана, Рябов заглянул в рубку. Помощник был там.

— Как думаешь, лейтенант, какой ход у этих каравелл? — спросил Рябов.

— Узлов шесть, товарищ командир.

— Правильно. Я тоже так думаю… Шесть узлов да шесть узлов, — неожиданно пропел Рябов, барабаня пальцами по стеклу. — А у нас втрое больше. Так, лейтенант?

— Так точно, — ответил помощник, не догадываясь, куда клонит командир.

— Теперь смотри. — Рябов согнулся над картой. — Сейчас мы здесь. Невод — вот он. Те, на втором боте, если еще не пришли туда, то, во всяком случае, где-то на подходе. Как ты сам понимаешь, бросить этих сейчас и идти к Барьерному мы не можем. Остается что? Остается тащить. Скажем, в Убойную, благо до нее отсюда не так уж и далеко. Но вот тут, — Рябов ногтем

поставил на карте крестик, — мы отдадим буксир и потопаем прямехонько к Барьерному. Эти, — он кивнул через плечо на бот, — не утонут, даю тебе гарантию. Жалко буксир, но ничего не поделаешь, обойдемся запасным. Как, лейтенант?

— Не успеем, товарищ командир. Как только бросим этих, они поймут, в чем дело, и предупредят своих у невода. А тем пройти три мили до “нейтралки” — раз плюнуть. Нам не поможет даже тройное преимущество в скорости. Как говорили у нас в училище, корни мнимые, и задача не имеет решения.

— А банка! Банка, лейтенант! Это ты учитываешь? Учитываешь, что через два часа начнется отлив и банка обсохнет, как миленькая? А на малой воде даже с такой осадкой, как у них, через банку не перескочишь. Так что в обход, в обход им придется, лейтенант. И не на зюйд они пойдут — невод-то ближе к нашему краю стоит, — а с норда попробуют обогнуть баночку. Вот и прикинь теперь, успеем ли.

В рубку вошел боцман.

— Отказываются перейти, товарищ командир, — доложил он.

— Ну еще бы! — усмехнулся Рябов. — Ладно, не в этом сейчас соль. Давайте берите их на буксир, старшина. Помощник введет вас в курс дела…

Ветер зашел и дул теперь в левый борт “охотника”. Волны захлестывали палубу, вода, бурля, выливалась через шпигаты. Буксирный трос все чаще натягивался, осаживая корабль, как вожжи норовистую лошадь.

Широко расставив ноги, Рябов балансировал на мостике, то посматривая вперед, на сумятицу гривастых волн, то оглядываясь назад, где в облаках водяной пыли, как подсадная утка, переваливался с боку на бок бот. Палуба бота была пуста, но Рябов понимал, что за ним неотрывно наблюдают сейчас из всех щелей. И старался ничем не возбудить подозрения тайных соглядатаев.

Пока все шло по задуманному. Правда, Рябов не знал, о чем уже дважды передавали открытым текстом с бота, но успокаивал себя тем, что пока они, кажется, никакой промашки не допустили.

Минуты шли, и с каждым оборотом винта приближалась та из них, в течение которой нужно будет отдать буксир. Промедление здесь не прощалось. Это Рябов сознавал, как никто другой на корабле, и с нетерпением ждал этой минуты, мысленно представляя себе назреваемые события.

Каждый раз, когда Рябову приходилось попадать в сложные многоходовые ситуации, ему на помощь приходил опыт — его собственный или заимствованный, чужой. Этот опыт содержал в себе бесчисленное множество способов и приемов, рассчитанных

чуть ли не на все случаи жизни и помогающих выбрать оптимальное решение. По случалось и так, что привычные схемы не помогали. Тогда приходилось идти ощупью, искать новый ключ, экспериментировать, словно в лаборатории. Сегодняшний случай требовал именно этого.

Рябов не впервые сталкивался с браконьерами. Он и раньше ловил их. И составлял акты. И производил досмотр. И приводил нарушителей в базу. Но тогда все было просто — браконьеров брали с поличным. Сегодняшний случай не был похож на все предыдущие. Пока что он напоминал известный вариант с кошм в мешке, и в какие-то моменты Рябову казалось, что этот кот может оказаться простым чучелом.

Чем, собственно, располагал он? Сходством судов? Но в океане плавают сотни похожих кораблей. Предположением, что авария организована с умыслом? Но ведь не обязательно садиться на камни, чтобы получить пробоину. Судно деревянное, сработанное, наверное, еще до потопа. Оборвалась сетка с грузом — вот тебе и дыра. Но интуитивно Рябов чувствовал слабость подобных возражений. Он не верил в совпадения и, подвергая сомнениям свои же собственные выкладки, тем самым хотел лишь исключить из них элемент случайности.

— Возьмите маяки, лейтенант, — приказал он штурману.

Впрочем, можно было и не определяться. Рябов и так знал, что не пропустит нужный момент, и, отдавая приказание, он действовал скорее в силу привычки.

— Через шесть минут будем в заданной точке, — доложил штурман.

— Хорошо, — сказал Рябов, берясь за рукоятку машинного телеграфа, — шесть минут погоду не делали.

— Отдать буксир! — скомандовал он и толкнул рукоятку.

С разбегу “охотник” как бы осел и, сбитый затем волной, ударившей его в скулу, стал уваливать вправо. Обвисший буксир зацепился серединой за воду, срезая верхушки волн. Бот по инерции прокатился еще немного по следу “охотника” и тоже стал уваливать под волну. Дверь рубки на боте отворилась, из нее выглянули двое, третий, как кукушка из часов, высунулся из тамбура на корме.

Рябов посмотрел на часы. И, хотя с начала маневра прошла всего минута, ему казалось, что эволюция непозволительно затягивается.

“Копается боцман”, — раздраженно подумал он и перевел взгляд на бот.

Там, по-видимому, еще ничего не поняли и продолжали спокойно наблюдать за происходящим.

— Живее на корме! — не вытерпел Рябов.

Наконец он увидел, как буксир змеей скользнул по палубе и исчез в воде. Рябов вернул рукоятку телеграфа в первоначальное положение.

— Лево тридцать! — крикнул он рулевому в переговорную трубу.

Обернувшись, он увидел выраставший за кормой бурун, стремительно отдалявшийся бот и фигуры мечущихся по его палубе людей.

Игра в поддавки кончилась. Карты были раскрыты, и теперь выигрывал тот, кто заранее точно рассчитал все ходы.

Бот перехватили, когда он уже огибал банку. Депеша сообщников застала браконьеров явно врасплох, в спешке они даже шлюпку не успели поднять на палубу — она из стороны в сторону моталась на буксире за кормой, нагруженная широкими низкими корзинами с рыбой.

Однако бот сделал отчаянную попытку улизнуть. Не сбавляя хода, он устремился прямо на корабль, видимо, рассчитывая ошеломить пограничников своей дерзостью и под носом у них проскочить к границе.

— Дудки! — весело сказал Рябов. — Допрыгались, субчики! Ракету! — приказал он.

Но на боте, как видно, собрался отпетый народ. Не обращая внимания на предупреждение, словно это была не ракета, а обыкновенная спичка, бот продолжал идти на сближение.

Рябов понял, что ракетами таких людей не остановишь.

“Что ж, — подумал он. — Тем хуже для них”. И, обернувшись к помощнику, негромко сказал:

— Боевая тревога!

Только тогда на боте поняли, что зарвались. Судно резко сбавило ход, потом остановилось вовсе.

“Так-то лучше, — подумал Рябов. — Задним умом все крепки”.

Он не пошел на бот — и так все было ясно.

Через час досмотр кончился, обе стороны подписали акт. Сдав вахту помощнику, Рябов спустился в каюту и, не раздеваясь, лег. Но и сквозь сон он слышал за топким металлом борта сочные всплески густой зимней воды и чувствовал рывки буксира, на котором, как загарпуненный кит, рыскал с волны на волну бот браконьеров.

Гюнтер Продль
БАНДА ДИЛЛИНГЕРА

Полдень. Через полчаса — конец работы Чикагского национального банка. К подъезду банка медленно подъехал темно-синий лимузин. Из него вышли пятеро молодых люден.

Несмотря на холодное время года, все они были в одних костюмах и шляпах. Каждый пес легкий плащ, перекинутый через правую руку.

Редкие прохожие, которые спешили мимо стоявшего с заглушённым мотором автомобиля, едва ли обратили внимание на то, как пятеро мужчин размеренным шагом, словно они служили в правлении банка, поднялись по каменным ступеням к главному входу. Никто даже не заподозрил, что каждый из них держал под плащом тридцатидвухзарядный автомат.

Шофер лимузина тоже вытащил из-под сиденья автомат и, спустив с предохранителя, положил рядом с собой. Мужчины скрылись за величественным порталом. Один из них, словно портье, остановился у входа, вытащил из кармана картонную табличку и пневматической присоской прикрепил ее к стеклянной двери. Теперь каждый, кто подходил к порталу с улицы, мог прочитать, что кассы банка временно закрыты.

Четверо мужчин миновали вестибюль и вошли в помпезно отделанный операционный зал байка, где около сотни человек занимались своими денежными делами.

Снова один с плащом остался у двери. Трое двинулись туда, где за окошечками стоял большой сейф с распахнутыми настежь бронированными створками. Словно по команде, все трое сдернули вдруг плащи, *л* теперь каждый мог видеть тонкий вороненый ствол. Но люди, толпившиеся у касс, не обратили внимания на вошедших.

Тогда тот, что остался у двери, поднял оружие, нажал спуск. Выстрелы разбили люстру и лепной орнамент. Гипсовая пыль и стеклянные осколки посыпались на пол. Там уже, вытянувшись, как новобранцы на плацу, и не смея поднять головы, лежали люди. Да им и не надо было оглядываться по сторонам, чтобы понять происходящее. Вот уже два года, по крайней мере раз в неделю, они читали в газетах о подобных происшествиях. Поэтому фраза, которую произнес человек в дверях: “Здесь совершается ограбление банка. Кто пошевелится — будет убит”, — была лишней.

Воцарилась напряженная тишина. У некоторых из тех, кто лежал на полу, было оружие, и они подумывали незаметно достать его. В конце концов их тут больше сотни, а гангстеров только четверо, и они не могут уследить за каждым. Так думали многие, но тотчас же им на память приходили броские заголовки газет: “62 человека убито при ограблении банка!” И у веек было только одно желание — не стать 63-й жертвой.

Кассир в черных нарукавниках, сидевший рядом с открытым сейфом, сначала тоже подумал о сопротивлении, о белой кнопке

сигнала треноги, которая была всего в полуметре от него. Он подумал и о том, что утром газеты напишут: “Геройский поступок кассира сорвал план ограбления банка”, — и поместят на первой странице его большой портрет, а дирекция банка сделает его старшим кассиром. Для этого ему надо было лишь незаметно протянуть руку — через одну — две минуты полиция была бы уже здесь. Но он подумал также, что пуля может достичь своей цели значительно раньше полиции, и тогда за верность Национальному банку он заплатит жизнью.

Кассир не нажал на сигнал тревоги. Он послушно поднял обе руки п направился к сейфу, едва только гангстер у входа крикнул: “Эй, ты там, у сейфа, помоги уложить деньги! Живо, или получишь пулю!”

Дрожащими руками кассир взялся за серый мешок. Сначала он пытался считать, сколько долларовых пачек исчезло в мешке, но скоро сбился и бросил.

Когда гангстер с туго набитым мешком направился к выходу, его сообщник у двери снова нажал на спуск автомата Пули пронеслись всего лишь в нескольких сантиметрах над головами лежавших и разом оборвали все мысли о преследовании.

Шофер лимузина удивленно поднял брови: пули разбили в здании банка два оконных стекла, и осколки посыпались на тротуар. Прохожие в страхе расступились. Полицейский на перекрестке, заметив происшедшее, побежал к банку, на ходу доставая из кобуры пистолет. Человек у руля тоже взялся за оружие. Он положил ствол на дверцу машины с правой стороны и облокотился на него, словно шофер такси, который, скучая, поджидает пассажиров. Чтобы действовать наверняка, он решил подпустить полицейского до самых ступенек портала. Но, когда тот, еще не доходя до подъезда, поднес к губам полицейский свисток, гангстер выстрелил.

Полицейский ничком ткнулся в землю, словно споткнувшись на бегу.

Улицу, где находился Национальный банк, словно вымело. Пятеро мужчин бросили мешок в машину и уехали.

Вечером того же дня пресса всей Америки сообщала, что банда Диллингера похитила из Чикагского банка штата Индиана 263 954 доллара. На этот раз убит только один полицейский О’Мелли.

Американская пресса использовала этот случай кап повод еще раз рассказать читателям о “карьере” одного из самых опасных преступников Соединенных Штатов. Смакуя подробности, печать в пятьдесят шестой раз — по числу преступлений Диллингера — поведала читателям, что Джон

Диллингер, известный в преступных кругах под кличкой Джон-убийца, родился в 1903 году в городишке Морсвилл штата Индиана. Он был сыном почтенного торговца Чарлза Диллингера, который к тому же являлся членом церковного совета. Первое преступление Джон совершил через 16 лет после своего рождения, напав среди бела дня в парке на морсвиллского торговца колониальными товарами Моргана.

Тогда он впервые пустил в ход огнестрельное оружие, но ему не хватило опыта. Пули только раздробили парковую скамью, а Морган отделался простым испугом. Судья города, видимо, понял, что обещает в будущем этот подросток, и осудил Диллингера на десяти лет. Эго наказание Диллингер отбывал в устроенном по-современному исправительном доме для малолетних преступников “Индиан Реформатор”. Методы “исправления”, практикуемые там, не сделали из Джона честного гражданина. Напротив, он стал “государственным преступником номер один”.

После четырех лет пребывания в исправительном доме губернатор штата отпустил Диллингера “под честное слово”. В “благодарность” за это тот вместе с бандой, сколоченной в исправительном доме, совершал свои первые преступления исключительно в штате Индиана. Позднее банда перенесла свою деятельность в соседние штаты: Огайо, Мичиган, Иллинойс. И каждый раз их “работа” сопровождалась такими жестокостями, что становилась известной всей Америке, хотя в годы экономического кризиса грабежи банков были делом обычным. Диллингер не довольствовался старыми методами гангстеров: “Руки вверх, и деньги на стол”, — он стрелял в толпу без предупреждения, убивая каждого, кто попадался ему на пути к кассе. Эта жестокость со временем создала ему известность, которая способствовала его дальнейшему успеху. Никто не осмеливался сопротивляться, когда появлялись люди Диллингера с плащами, перекинутыми через правую руку.

Оружие, которым владела банда, стало собственностью гангстеров в одну из октябрьских ночей 1923 года, когда Джои Днллингер вместе с Гомером Ван Метером и Фрэнком Нэшем напали на полицейское отделение в штате Индиана. Покончив с полицейскими, гангстеры захватили два пулемета, несколько десятков пистолетов и шесть автоматов, дюжину ружей, четырнадцать ящиков с патронами и пулезащитные жилеты. На двух автомашинах, одна из которых была похищена у полиции, они вывезли свою добычу.

И все же в 1933 году, когда на счету Диллингера было уже сорок пять ограблений, казалось, его настигло возмездие.

Бандита опознал шериф небольшого местечка Благфон. Он запер его в камеру и с беспокойством ожидал чиновников полиции, которых вызвал по телефону, но вместо них в его кабинет вошли сообщники гангстера. Шериф был убит, а Диллингер снова оказался на свободе.

Местная пресса писала о загадочном убийстве шерифа из Блатфона. Но о поимке Диллингера и мгновенном его освобождении газеты не обмолвились ни словом. Таким образом, ни у кого даже не закралась мысль о том, как гангстеры разведали, где находится их босс. Ведь об этом знали только сам шериф да один-два человека из руководства ФБР!

После ограбления Чикагского национального банка все попытки поймать Диллингера оказались безрезультатными. Был оцеплен весь город, обшарены все углы, которые могли служить убежищем бандитам, и все же темно-синий лимузин, за рулем которого сидел сам Джон-убийца, словно сквозь землю провалился. А в то время как сыщики ФБР прочесывали притоны и игорные дома Чикаго, банда находилась в “двухнедельном отпуске”. Гангстеры разъехались по самым фешенебельным курортам Соединенных Штатов. Сам Диллингер вместе с тремя закадычными друзьями отправился на неделю к морю во Флориду. Там им показалось слишком шумно, и они двинулись дальше, к горам Аризоны. Остановились на пару дней в небольшом местечке Таскон и, поселившись в Конгресс-отеле, наслаждались роскошью и покоем, словно люди высшего общества, как все те, кто принадлежит к десяти тысячам избранных семейств Америки. И здесь снова Диллингер случайно попал в руки деревенского шерифа.

В ночь на 26 января 1934 года в Конгресс-отеле начался пожар. В это время пьяные Диллингер и три его сообщника спали в номере. Через несколько минут от них осталась бы лишь кучка пепла, и ФБР, а вместе с ней и вся Америка так никогда и не узнали бы об их бесславном конце. Лишь в последний момент всю четверку спас пожарник Джемс Фримен и отправил пострадавших в госпиталь Таскона, потому что гангстеры отравились дымом.

В тот же день Джемс Фримен, листая на дежурстве иллюстрированные журналы, увидел большую фотографию Диллингера. Фримена охватил страх. Он вспомнил лицо одного из четверых, спасенных им несколько часов назад. Фримен внимательно вгляделся в фотографию и окончательно уверился, что прав.

Шериф Джордж Хантер рассмеялся, когда Фримен сообщил ему, что “государственный преступник номер один”, пьяный и отравленный дымом, лежит в госпитале. Но Фримен так

настаивал, что Хантер наконец удосужился послать в больницу чиновника. То, что шериф считал дурной шуткой или, по крайней мере, ошибкой, оказалось правдой. Два деревенских полисмена сделали то, чего не мог добиться весь аппарат ФБР. Полицейские надели наручники на Диллингера и его сообщников, словно это были простые бродяги, и препроводили их к онемевшему от изумления шерифу. На этот раз ближайшее отделение ФБР быстро выслало эскорт сыщиков. Похоже было, что банде Диллингера на самом деле пришел конец. Чтобы наверняка отправить пойманных на электрический стул, что при разночтении уголовных законов в разных штатах не так-то легко сделать, заключенных переслали туда, где их точно ждал смертный приговор. Джона Диллингера самолетом отправили в штат Индиана — там он застрелил полицейского. Во всех американских штатах убийство полицейского карается смертью. Остальные три гангстера попали в штат Огайо — там ими был убит шерифа Блатфона. Вся Америка вздохнула с облегчением.

В тюрьме Краун-Пойнт с Диллингером обращались как с приговоренным к смерти. На руках и ногах у него были кандалы, держали его в камере-клетке из стальных прутьев, и день и ночь на него были направлены прожекторы. Три надзирателя с оружием на боевом взводе стерегли каждое его движение. Стража даже ночевала в тюрьме и была строго изолирована от внешнего мира. От общественности место заключения Диллингера тщательно скрывалось.

И тем не менее через две недели после того, как Диллингера привезли в Краун-Пойнт, совершилось невероятное.

Камера Диллингера находилась в крыле IV-6, где содержались смертники; эта часть здания была наглухо отделена от остальной тюрьмы. Помимо гангстера, в той же камере сидел убийца Гарри Янгблад. Его охраняли не менее строго, чем Диллингера.

14 февраля 1934 года в два часа дня, когда сменились вторая и третья стражи, завыла тюремная сирена. Сигналы следовали попеременно: короткий — длинный, короткий — длинный. Так оповещали только о большом побеге, о бунте заключенных или пожаре. По этому сигналу вся стража должна была тотчас собраться на тюремном дворе. В соответствии с инструкцией надзиратели приговоренных к смерти тоже вышли во двор.

Все полицейские были обеспокоены. Никто не знал, почему был дан сигнал тревоги, хотя в тюрьме царил полный порядок. Оставалось только предположить, что сирена завыла сама собой: видимо, какая-то техническая неисправность. Стража вернулась на места. Когда надзиратели Диллингера подошли к освещенной

прожекторами клетке смертников, они остолбенели. Потом послушно подняли руки. Перед дверью камеры стоял без кандалов сам Джон Диллингер. На стражу смотрело дуло тяжелого автомата. Рядом с Диллннгером, тоже без наручников, стоял Гарри Янгблад. Нахально ухмыляясь, Янгблад приблизился к страже.

Трое насмерть перепуганных надзирателей вели себя сейчас точно так же, как и банковские чиновники. Они были вооружены, они даже думали: “Если бы хоть у одного из нас хватило мужества вытащить пистолет!..” — но никто из них не решался играть со смертью. Они слишком хорошо знали, как быстро и метко стреляет Диллингер. Все трое были отцами семейств и исправными чиновниками, но никто из них не был национальным героем.

Гарри Янгблад отобрал у них оружие и ключи от тюрьмы, запер их в опустевшей клетке. Из корпуса IV-6 можно было попасть в правление тюрьмы. Из правления в обход многочисленных сторожевых постов был путь на улицу.

Диллингер и Янгблад добрались до выхода — там их ждал автомобиль Лилиан Холли, жены директора тюрьмы. Когда о побеге преступников стало известно, они были уже далеко.

Газеты дали специальные выпуски, население было взбудоражено до крайности. Вольно или невольно правительство вынуждено было заняться необычным происшествием. Несколько дней спустя журналистам показали деревянную модель автомата, якобы найденную на дороге, по которой скрылись беглецы. Возникла версия о том, будто бы “супергангстер” без всякой поддержки извне, сидя в камере, выстругал из дерева макет автомата и ввел в заблуждение стражу. Редакции серьезных газет расценили эту версию как выдумку.

Как мог Диллингер, которого охраняли день и ночь, не имея ножа, вырезать деревянный автомат? Как он снял кандалы, если у него не было ключа, и освободил не только себя, но и Янгблада? Кто поднял сигнал тревоги, когда во всем штате на это имели право только два человека: губернатор и директор тюрьмы? Почему вдруг у тюремных ворот оказался автомобиль? Газеты задавали эти вопросы, но ответа на них не было. Вскоре пресса Америки вынуждена была признать: у Диллингера есть сообщники в управлении полиции. Правительству бросили открытый упрек: органы власти и полиция до такой степени подкуплены преступным миром, что именно они освободили Диллингера, боясь, как бы преступник не разоблачил их на открытом процессе.

Насколько справедливы все эти упреки и предположения,

показывают действия верховного суда. Суд обвинил во всем стражу тюрьмы Краун-Пойнт. Жена директора тюрьмы Лилиан Холли и надзиратели той камеры, где сидел Диллингер, были арестованы как сообщники гангстера. Но общественность так ничего и не услышала о процессе над ними или о вынесенном приговоре. В действительности этих людей даже не судили, арест их был нужен для того, чтобы успокоить публику.

Но 16 марта все снова заговорили о побеге Диллингера.

“В местечке форт Гурон в Мичигане был опознан полицией сообщник Диллингера по побегу Гарри Янгблад. Янгблад убит при перестрелке” — как писали газеты.

Каждому, кто читал эти строки, приходила мысль, что Янгблад под угрозой неминуемого арест оказал полицейским сопротивление и тем ничего не оставалось, как ответить выстрелами.

Однако все было иначе. Репортажи, помешенные в местной прессе, рассказывают: “Агенты ФБР получили доверительное сообщение, что 16 марта Диллингер встретится с Янгбладом в небольшом захолустном городишке Форт Гурон. Туда были стянуты две сотни агентов ФБР. Двоим из них удалось обнаружить Янгблада в толпе прохожих. Сыщики неотступно следовали за ним. Когда Янгблад оказался па тротуаре один, сыщики, недолго думая, открыли пальбу. Они попали в Янгблада, но тому все же удалось спрягаться за углом. Оттуда он стал поливать полицейских огнем. Разгорелась перестрелка. Прохожие в ужасе шарахнулись в стороны, но двое из них уже лежали на земле. Потом Янгблад ненадолго показался один. В ту же минуту он упал, подкошенный пулями, и умер…”

При таком изложении событий убийство Янгблада кажется весьма странным. Вместо того чтобы продолжать слежку, которая наверняка бы привела к Диллингеру, сыщики воспользовались первым же случаем, чтобы убить Янгблада в спину.

Неужели люди из ФБР были действительно так глупы?

Этому трудно поверить. Вернее предположить другое. Полиция вовсе не собиралась устанавливать, где скрывается сам Диллингер. Покровители Диллингера в сенате и полиции были крайне заинтересованы в том, чтобы устранить единственного свидетеля, знавшего тайну побега Диллингера.

После этого произошел еще один случай, когда Диллингер чуть не попался рядовым полицейским. Владелица пансиона “Линкольн Корт Апартамент” в Сан-Паулу сообщила, что последнее время у нее бывают какие-то подозрительные личности. Женщине показали фотографии преступников, и она сразу опознала Диллингера и нескольких его друзей. Начальник

полицейского управления Сан-Паулу собрал отряд полиции и пытался захватить банду, но Диллингер бежал через крышу под прикрытием огня своего сообщника Ван Метера. Ван Метер и две женщины из банды Диллингера были схвачены. ФБР потребовало перевести гангстера в тюрьму в соседний штат, и там губернатор отпустил Ван Метера “под честное слово”.

Полицейские Сан-Паулу допрашивали любовниц гангстеров — Бесси Скинер и Люси Джексон. К ним был применен так называемый “допрос третьей степени”: допрос в камере без окон, с безукоризненно белыми стенами, белым полом и потолком. Камеру освещала добрая дюжина прожекторов. Каждый, кого допрашивали здесь, очень скоро начинал говорить без всяких побоев.

Через два часа допроса Бесси и Люси “раскололись”, как говорят в подобных кругах. Бесси показала, что она является любовницей Эдварда Грина, одного из членов банды Диллингера, и что Грин должен был ее навестить 3 апреля. Люси подтвердила, что она находится в связи с Фрэнком Нэшем. Прошло еще два часа допроса, и она написала адрес дома, где должен скрываться Фрэнк. 3 апреля на квартире Бесси Скинер была устроена засада. Грин действительно пришел. Он так и не узнал, кто его предал. Агенты ФБР, засевшие на лестнице, встретили гангстера пулеметной очередью, едва только тот появился в пролете. А через несколько дней в Арканзасе был схвачен и Нэш. При аресте его тяжело ранили и отправили в ближайший крупный город в больницу. Из предосторожности его повезли туда не на машине, а в поезде.

На вокзале в Канзасе поезд поджидала группа мужчин в светлых летних костюмах. У каждого через правую руку был переброшен плащ. Едва только поезд остановился, как раздались выстрелы. Под прикрытием этого огня гангстеры атаковали вагон, где находился Нэш. Разгорелся бой. Из вагона стреляли агенты ФБР, с перрона палили гангстеры, а из вокзала — засевшая там железнодорожная полиция. Банда Диллингера не устояла. Гангстеры отступили, так и не освободив своего сообщника. Но борьба все равно не имела смысла: Фрэнка Нэша застрелил агент ФБР в тот самый момент, когда на перроне раздались первые выстрелы. Жертвами этой дикой перестрелки пали шеф полиции Олайн Рид, сыщик Рейонд Кеффри и двое полицейских из железнодорожной охраны.

В тот же день банда Диллингера напала в Канзасе на банк, убив при этом троих пи в чем не повинных прохожих. Следом за этим ограбленном она совершила еще четыре дерзких нападения па банки штата Арканзас. Во время этих налетов было убито еще

двенадцать человек. Диллингер и его банда вели себя так, как будто в Америке вообще не существовало полиции.

Пресса возмутилась. Было созвано совещание, на которое допустили лишь самых компетентных государственных чиновников и криминалистов. Но это совещание было похоже на капитуляцию государственной власти перед преступным миром.

“За последние двенадцать месяцев в Соединенных Штатах совершено 12 тысяч убийств и зарегистрировано полтора миллиона случаев других тяжелых уголовных преступлений: ограблении и покушений на убийство. 12 500 гангстеров лично известны полиции, тем не менее их не могут изловить. Полиция и служащие государственного аппарата настолько подкуплены преступным миром, что борьба с гангстерами практически невозможна. Через своих осведомителей преступники получают своевременную информацию обо всех действиях полиции, а если из-за непредусмотрительности тот или иной преступник все же попадает в руки закона, то его освобождают “под честное слово” или же он при таинственных обстоятельствах бежит из тюрьмы. Борьба с коррупцией будет возможна только тогда, когда исчезнут банды гангстеров, а банды могут быть уничтожены, когда не станет коррупции”, — это вынужден был открыто признать генеральный прокурор США.

“Господа, — сказал он в заключение своей речи, — я хотел бы, чтобы Соединенные Штаты и их полиция перестали быть объектом насмешек для всего мира, в том числе и для граждан самих Соединенных Штатов. Я хотел бы, чтобы наши граждане вновь обрели чувство уверенности и покоя. Я хотел бы, чтобы гангстерство, нашедшее свое самое отвратительное воплощение в банде Диллингера, было уничтожено тем или иным путем. Господа, я жду ваших предложений!”

Предложение было одно — объявить банде беспощадный террор. Всем агентам ФБР и полиции вменялось преследовать гангстеров Диллингера, как бешеных собак. Это значило, что с данной минуты любой полицейский в Америке мог без всякого окрика в спину убить любого человека, который покажется ему похожим на Диллингера или на кого-нибудь из его сообщников. В последующие месяцы этот приказ сделал многих полицейских убийцами пи в чем не повинных американских граждан.

Словно зная о решении правительства. Диллингер исчез. Казалось, он провалился сквозь землю. Сыщики обшаривали все известные им притоны. Тысячи полицейских шпионов и осведомителей шатались по кабакам, чтобы хоть что-то узнать о Диллингере. Из тюрьмы выпускали преступников в надежде, что они захотят встретиться с Диллингером и тем самым наведут

полицию на след. Охота на Диллингера охватила весь континент. Но все было напрасно…

А в это время, когда шеф Чикагского отделения ФБР Пурвис устраивал грандиозные облавы, Джон Диллингер жил всего в двух кварталах от его главного штаба: можно сказать, в логове льва — в самом центре Чикаго. За шестьдесят долларов в день Диллингер снял комнату у Джемса Прохазко, который ушел из банды, потому что стал слишком стар. В этой квартире, превращенной в небольшую крепость, совершилась самая грандиозная махинация во всей истории американского уголовного мира. Джон Диллингер, чей портрет в стране был известнее, чем лица популярных кинозвезд, чьи отпечатки пальцев были у любого полицейского в самой захудалой деревне, этот Джон Диллингер за 10 тысяч долларов превратился в другого человека.

Идею переменить внешность Диллингеру подал юридический советник банды Луис Пикет, а два врача банды — Лезер и Кэсседи — осуществили ее.

Отгороженные от мира пулеметами и мешками с песком, которыми Диллингер забаррикадировал свое жилище, врачи устроили в квартире подобие операционной. Доктор Лезер взялся изменить форму головы бандита и придать другое выражение его узкому удлиненному лицу. Для этого он решил укоротить носовые хрящи, раздвинуть кости скул и подбородка, отчего вся голова должна была стать круглее, а лицо шире. Кэсседи брался заменить кожу на кончиках пальцев.

Мысль о том, что, подвергнувшись операции, он одурачит полицию так, как до сих пор еще никому не удавалось, заставила Диллингера забыть всякую боль. Почти довольный, он улегся на обычный кухонный стол, который на пару часов стал операционным…

Пока заживали шрамы на лице и руках, Диллингер отпустил бородку и перекрасил волосы. О прежнем облике бандита теперь напоминали лишь большие оттопыренные уши и темные колючие глаза. Даже самые близкие его сообщники, которые знали об операции, и те недоверчиво сторонились, когда видели его новое лицо.

Чтобы испытать полицию и заодно пополнить опустевшую кассу банды, Диллингер вместе с Ван Метером, Чейзом и Джиллесом напали на Коммерческий банк в Индиане. Гангстерам досталось 90 тысяч долларов, но на этот раз ограбление не прошло гладко. У сейфа дежурил полицейский, который начал отстреливаться. Он, конечно, был убит. Но среди общей сумятицы один из кассиров включил сигнал тревоги. Правда, гангстеры

успели скрыться с добычей еще до прихода полиции.

Новое ограбление, совершенное бандой, сводило на нет работу самых пронырливых сыщиков ФБР. Словно нарочно, чтобы выставить полицию в еще более жалком виде, Диллингер вместе с горсткой гангстеров освободил из тюрьмы в Техасе своих старых сообщников, Клайча Барроу с его “подругой” Бонни Пастер, приговоренных к смерти за убийство двенадцати человек. Правда, здесь ФБР в какой-то мере добилось успеха: через несколько дней Клайда Барроу и Бонни Пастер убили на границе штатов Техас и Арканзас. Автомобиль, в котором они ехали, был буквально изрешечен пулями сыщиков.

Гордое своими успехами Федеральное бюро расследования выставило этот автомобиль на Международной выставке в Чикаго. Полицейский, который руководил операцией, по четыре раза в день рассказывал посетителям, как он “со своими ребятами” изловил Клайда Барроу, самого опасного гангстера банды Диллингера. За рассказ и осмотр автомобиля посетители выставки платили два с половиной доллара.

Гибель к Диллингеру пришла с тон стороны, откуда ее никто не ждал: его выдала маленькая, ничем не примечательная, но ревнивая женщина.

12 июля к Мелвису Г.Пурвнсу пришла владелица пансиона Лина Заге и с дружелюбной улыбкой сообщила, что послезавтра вечером она встретится с Джоном Дпллингером на Линкольн-авеню у кино “Камера”, чтобы вместе с ним посмотреть картину “Мелодрама Манхеттена”. Там будет еще одна дама, подруга Диллингера, но пусть это не смущает полицию. Если кто хочет видеть Диллингера, она может устроить такую встречу.

За спою информацию Лина Заге хотела бы получить сумму, назначенную за голову Диллингера, и “почетный эскорт” полицейских до гавани Нью-Йорк, откуда она намеревалась отплыть в Европу.

Пурвис схватился за голову. Самые хитрые и пронырливые ищейки ФБР годами охотились за Диллингером, и всегда он проскальзывал у них сквозь пальцы. Месяцами подслушивалось каждое слово у каждого перекрестка, в каждом воровском притоне. Агенты ФБР проглядели все глаза, и никаких следов! А тут вдруг является это рыжее тщедушное существо и выкладывает: “Если хотите взять Диллингера, приходите в субботу к кинотеатру “Камера”. Нет, в это Пурвис поверить не мог.

И тем не менее все сказанное Аннон Заге было правдой. Много лет она была верной подругой Диллингера. По его настоянию она вступила с ним в законный брак и не один раз

укрывала гангстера в своем пансионе — в двух кварталах от главного управления ФБР. Бессчетное количество раз она прощала ему его увлечения. Но из последней поездки по Америке, которую он предпринял, чтобы замести следы, Диллингер вернулся с новой подругой — двадцатилетней девицей и потребовал, чтобы Анна Заге законным порядком признала эту связь, потому что она сама якобы стала стара. Это было свыше ее сил. Она по горло сыта преступной жизнью затравленного зверя, на которую он ее обрек… Пурвис обещал ей выдать вознаграждение и проводить до гавани. Он хотел даже прямо сейчас взять ее под охрану, чтобы с ней ничего не случилось. Но женщина отрицательно покачала головой: “Я должна быть там, а то вы его не узнаете. Он выглядит совсем иначе!” Так Пурвис впервые узнал о хирургической операции, изменившей лицо и отпечатки пальцев Диллингера.

Пурвис тотчас же информировал обо всем шефа ФБР. Однако он получил из Вашингтона инструкции, которые заставили его схватиться за голову.

На свидание Диллингер приходил один. Представлялась возможность взять его живым и узнать, кто покрывает его преступления, кто организовал побег из тюрьмы Краун-Пойнт. Наконец-то можно было бы очистить от коррупции аппарат полиции и правительства! А инструкции из Вашингтона приказывали: “Джона Диллингера надо убить на месте!”

Вне себя Пурвис кричал шефу: “Это бессмыслица! У нас еще два дня, чтобы подготовиться к встрече! Мы можем стянуть войска, оцепить всю местность. На этот раз Диллингер не уйдет!” Но шеф стоял на своем. В заключение разговора он прибавил: “В подкрепление я пошлю самолетом двух человек — Ковли и Холлнса. Вам они хорошо известны”.

Да, Мелвис Г.Пурвис знал этих людей. Холлис и Ковли были лучшими стрелками во всем корпусе ФБР.

22 июля 1934 года сеансы в чикагском театре “Камера” кончались в половине девятого. Было светло. Пурвис сидел за рулем ничем не примечательной спортивной машины метрах в тридцати от выхода из кино. На заднем сиденье устроились Холлис и Ковли с пистолетами наготове. Когда из кино показались первые зрители, оба агента вышли. Пурвис остался в машине и запустил мотор. Чем больше людей выходило из кино, тем больше переодетых агентов вмешивалось в толпу, изображая праздных зевак. Холлис и Ковли знали Анну Заге. Перед этим ее представили сыщикам в том самом платье, которое она собиралась надеть в день встречи. Условились, что она как бы нечаянно обронит перчатку, если Диллингер будет рядом с ней.

Пурвис первым увидел красную плоскую шляпу Анны Заге и белокурые волосы двадцатилетней подруги Джона. Диллингера он не узнал. Рядом с женщинами шел человек в светлой соломенной шляпе, в очках с золотой дужкой, с солидной сигаретой в углу рта и в заурядном костюме какого-нибудь почтенного бухгалтера. Ковли и Холлис, которые теперь тоже увидели тройку, разочарованно переглянулись. “Это не Диллингер: эта бестия снова нас провела”, — подумали они. Но туг Холлис увидел, как Анна Заге неожиданно наклонилась, поднимая перчатку, и слегка отстала.

Холлис тотчас же вытащил из кармана полицейский свисток. Раздался тонкий и пронзительный свист. Начался последний акт “охоты на бешеных собак”.

Диллингер сразу понял, что означает этот пронзительный свист.

Не оглядываясь, он бросился к ближайшему перекрестку. В руке у него был пистолет, по выстрелить он уже не успел.

Ковли разрядил свой пистолет с расстояния каких-нибудь двух метров. Диллингер вдруг выпрямился на бегу, поднял оружие и упал, не успев надавить на спуск. Он упал навзничь на булыжник.

Выстрелы вызвали панику. Прохожие в ужасе бросались в стороны, прятались в подъездах домов. А через минуту они снова распихивали друг друга, чтобы поглазеть на изрешеченного пулями Диллингера. Через час радио и пресса Америки сообщили, что государственный “преступник номер один” убит.

И в ту же ночь Мелвис Г.Пурвис, шеф Чикагского отделения ФБР, написал прошение об отставке.

22 июля 1934 года Джон Диллингер понес наказание, которое он, несомненно, заслужил. Та же участь постигла и остальных членов банды: их убивали прямо на улице.

Эта охота на людей, “как на бешеных собак”, проводимая по закону джунглей, имела самые непредвиденные последствия. Если бы Диллингер умер своей смертью, его бы забыли. Пули ФБР создали ему легендарную славу. Охота “без жалости и пощады” вознесла гангстеров на пьедестал. Это показали хотя бы похороны Диллингера.

В Морсвилле, местечке, где родился Диллингер, ему устроили похороны, словно национальному герою. И власти попустительствовали этому. За гробом гангстера шли тысячи людей. Присутствовали все почетные граждане Морсвилла, пел мужской квартет, Геверенд Филмор, который некогда крестил Диллингера, благословил его в царство божие.

Преступления Диллингера стали темой миллионов

книжонок, в которых идеализировались гангстеры и высмеивались законы и полиция. Жадную до приключений молодежь легенды о Диллингере толкали на подражание. За последующие двадцать пять лет на этих легендах воспитывались тысячи новых преступников. И до сих пор еще в Америке, Западной Европе и, в частности, в ФРГ совершаются преступления по методу Диллингера. Героизация преступлений в бесчисленных комиксах, распространяемых по всему свету, нанесла и наносит куда больший вред, чем сама банда.

Перевод с немецкого О. Кокорина

Димитр Пеев
ТРАНЗИТ

Странный звонок

— Милости просим, товарищ майор! Садись, Ковачев, садись, закуривай и слушай.

Полковник Панов поднял трубку и отдал распоряжение своему секретарю: “Попросите зайти гражданина Стоянова”.

Ковачев, удобно расположившись в кресле, закурил сигарету.

В дверь постучали. Вошел худой мужчина средних лет. Он нервно мотнул головой вместо приветствия и сказал официально:

— Я — Стоянов. Стоян Дайков Стоянов. Живу на улице Аспарух, 65, работаю в Машпроекте, в бухгалтерии.

— Знаем, знаем, товарищ Стоянов. Садитесь, пожалуйста. Извините, что побеспокоили, но ваше сообщение нас заинтересовало. Мы вас попросим еще раз рассказать то, что вы сообщили по телефону дежурному.

Стоянов сел на кончик кресла, помолчал с минуту и сказал;

— Право, — не знаю, стоит ли рассказывать. Если б не дети, я б вам и не позвонил.

— Почему же?

— Как же… Нет у меня других дел… Рассказал я им… и они, особенно сын, четырнадцать лет мальчишке, ну просто заел меня: “Сообщи да сообщи… Нужно, — говорит, — обязательно позвонить”. Ну я и позвонил…

— И хорошо сделали. А теперь рассказывайте.

Стоянов внимательно посмотрел на Панова, потом перевел взгляд на Ковачева, который молча курил в кресле напротив, внимательно осмотрел большую мраморную чернильницу на бюро, вздохнул и начал говорить. Было похоже, что он, прежде чем войти в кабинет, тщательно продумал все, что скажет.

— Вчера вечером у нас дома, должно быть, около девяти часов раздался телефонный звонок. Незнакомый мужской голос спросил: “Восемь, семьдесят девять, семьдесят четыре?” — “Да”, — ответил я. “Товарищ Богоев?” Я опять сказал: “Да”. Тогда он медленно, словно хотел, чтобы я обязательно запомнил его слова, сказал: “Прага, тринадцать”. И повесил трубку. Вот и все. Глупость какая-то. Наверно, зря я вам позвонил…

— Подождите, товарищ Стоянов. Я хочу задать вам несколько вопросов.

— Вероятно, спросите меня, почему я ответил, что Богоев — это я? Не совсем удобно рассказывать об этом в милиции, но раз уж без это нельзя… Номер нашего телефона 8–89–74. А у стоянки такси на Орловом мосту — телефон 7–89–74. По десять раз на день нам звонят, заказывают такси. Бывает, и среди ночи звонят. Ужасно нам это надоело. Я иногда, когда у меня плохое настроение, отвечаю так, будто я служащий таксомоторной службы, в отместку тем, кто нас напрасно беспокоит. Признаюсь, не красиво, но…

— Да, но в этот раз не вызывали такси, а искали какого-то Богоева?

— В первый момент я не сообразил, что спрашивают не телефон стоянки 7–89–74, а номер 8-79-74. По привычке я ответил “да” на вопрос, Богоев ли я. Тогда звонивший сказал: “Прага, тринадцать”, — и сразу повесил трубку.

— Ясно… — Полковник Панов посмотрел на своего помощника, но Ковачев продолжал невозмутимо курить.

— Но, очевидно, что-то произвело на вас впечатление в этом разговоре? Вы пересказали его детям, позвонили нам… Что вас насторожило?

— Тот, кто мне позвонил, видно, не знал настоящего Богоева. Или… разговаривал с ним по телефону очень редко. Иначе он узнал бы по голосу, что говорил с кем-то другим. И кроме того, — Стоянов сделал паузу, — что означают эти слова: “Прага, тринадцать”? Похоже на какой-то пароль. И еще. Он говорил как-то особенно…

— С акцентом?

— Нет, Но очень отчетливо. Выговаривал слова резко, почти по слогам. Так обычно передают важные сообщения.

— Можете ли вы точно вспомнить, какой номер назвал незнакомец?

— В первый момент мне показалось, что он переспросил номер стоянки — 7–89–74, но потом, после разговора, я вспомнил, что он назвал номер 8–79–74.

— Так… Еще что-нибудь?

— Что же еще, товарищ полковник? Ничего…

Панов записал в свой блокнот два телефонных номера и встал.

— Еще раз спасибо, товарищ Стоянов. И извините за беспокойство.

Когда Стоянов вышел, полковник вопросительно посмотрел на своего помощника.

— Может быть, кто-нибудь из приятелей, которым Стоянов жаловался на ошибочные телефонные звонки, подшутил над ним? — сказал Ковачев.

— Может быть. Но не думаю. Если бы какие-то шутники решили его разыграть, то могли бы сделать это остроумнее…

— Не исключено, что тут что-то кроется. Обращает на себя внимание двойная проверка. Сначала незнакомец спросил номер, а потом фамилию. Словно хотел увериться, что попал на нужного ему человека…

— И кажется, его он действительно не знает, — добавил Панов. — Стоянов правильно заметил, что Богоев и тот, кто его спрашивал, как будто близко не знакомы. Если, конечно, этот Богоев реально существует. Это, впрочем, можно легко установить.

— Позвонить по телефону 8–79–74?

— Позвонить-то, конечно, можно. Но не совершим ли мы тем самым ошибку?

Полковник Панов задумался. Кто этот Богоев? Кто ему звонил? Что означают слова “Прага, тринадцать”. Бульвар Прага, дом тринадцать?.. Или… это пароль, смысл которого понятен только посвященным? Его взгляд остановился на настольном календаре.

Тринадцатое августа! Сегодня — тринадцатое! “Прага, тринадцать”! Не означает ли это: “Встречайте человека, который приезжает тринадцатого поездом из Праги”? Или… самолетом?.. А может быть: “Передайте человеку, который уезжает тринадцатого в Прагу…” Нет, так гадать бессмысленно. А позвонить? Не рискованно ли? Помочь неизвестному исправить ошибку и передать сообщение, которое случайно не нашло адресата. Они могут установить и без звонка, проживает ли по адресу с телефоном 8-79-74 Богоев. Ну и что из этого?

— Товарищ полковник, — сказал Ковачев. — Я только что проверил по телефонному справочнику: в Софии владеют телефонами одиннадцать Богоевых и одна Богоева. Но ни у кого из них нет телефонного номера, который бы начинался с восьмерки или семерки.

— Это еще ни о чем не говорит. Боюсь, что все же нам

придется позвонить по этому номеру. Попытаемся?

— Попытаемся, товарищ полковник… Разрешите идти? Я пойду позвоню из автомата в конце палисадника.

— Пожалуй! — согласился Панов.

Минут через десять майор Ковачев снова был в кабинете начальника.

— Все в порядке, — доложил он, улыбаясь. — Все было разыграно, как по нотам. На мой вопрос: “Товарищ Богоев?” мне ответили: “Да, это я”. — “Прага, тринадцать”, — сказал я. Ответа не последовало. Тогда я позволил себе некоторую вольность: на несколько секунд задержал трубку.

— И?..

— Ничего. Очевидно, дальнейшие разговоры были излишни.

— Значит, все же существует Богоев, который ожидал, именно этого звонка!

В кабинете полковника Панова.

Через десять минут.

— Вот, товарищи, данные, которыми мы располагаем: телефонный номер 8–79–74 записан на некую Радку Милтенову, улица Узунджовская, 15. У нее снимает квартиру Валентин Христов Богоев. Он работает в плановой комиссии. Больше пока сообщить ничего не могу. Лейтенант Петев!

— Я, товарищ полковник! — Петев порывисто вскочил со стула и вытянулся по стойке “смирно”.

— Вы установите наблюдение за домом по адресу: бульвар Прага, 13. Разведаете обстановку. Немного позже вам принесут фотографию Богоева.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

— Лейтенант Дейнов!..

Дейнов встал.

— Ты будешь наблюдать за домом номер пятнадцать по Узунджовской улице. Там участковый милиционер говорил что знает Богоева. Будешь работать с ним в паре. Фотографию получишь первым. Отправляйтесь!

В кабинете остался только майор Ковачев.

— А ты, Асен, возьмешь на себя руководство этой организацией. И прежде всего пойдешь в плановую комиссию разберешься, что за птица этот Богоев…

На улице Узунджовская.

12 часов 25 минут

— Вот он, — участковый легонько толкнул Дейнова.

Из дома вышел человек лет сорока, среднего роста с поредевшими темными волосами, одетый в серый костюм.

— Вижу, — сказал Дейнов. — Я сам его узнал. Точь-в-точь как на фотографии. Ты свободен. Только сообщи полковнику Панову, что я начал наблюдение.

Человек в сером костюме медленно пошел по бульвару Витоша. Дейнов последовал за ним. Богоев шел размеренно, не спеша. У киоска агентства по распространению печати он остановился, купил иллюстрированный журнал, свернул его, сунул в карман пиджака и так же спокойно, не оглядываясь, повернул на Алабинскую, прошел по площади Славейкова, затем по Раковской.

В кабинете полковника Панова.

12 часов 45 минут

— Биография Богоева как будто безупречна по всем статьям…

— Единственное обстоятельство, которое может иметь отношение к нашей работе, — это то, что вчера он сам вызвался ехать в командировку на десять дней в Русе, чтобы уладить вопрос, который не решается в течение месяца из-за того, что туда никто не едет. Он сообщил начальнику отдела, что… — майор Ковачев сделал совсем краткую паузу — …что тринадцатого утром выезжает поездом в Русе. Сегодня он не вышел на работу.

— Ну да, он сидит у себя дома, — продолжил Панов. — С того времени, как мы установили наблюдение, и до сих пор не выходил.

Позвонил телефон.

— Да… Я слушаю… — лицо полковника сразу стало напряженным. — Понял. Сейчас вышлю еще одного. Все.

Панов повесил трубку и посмотрел, улыбаясь, на Ковачева.

— Пароль ясен!

— Прага, тринадцать?

— Да, Богоев сидит в кафе “Прага”. Через десять минут будет

ровно тринадцать часов. Встреча состоится в двух шагах отсюда.

— Пойти мне, товарищ полковник?

— Тебе не нужно показываться. Пойдет… Веска Минчева.

Кафе “Прага”.

13 часов

Утренние посетители уже ушли. Вечерние еще не пришли, занято столиков десять, не больше. За одним из них сидит молодая дама и нервно курит сигарету. Мороженое, которое сна заказала, тает, недоеденное, в вазочке. Она как будто кого-то ждет.

За другим столом сидит Богоев. Он тоже курит, пьет с наслаждением кофе, неторопливо листает журнал. Лишь Время от времени он бросает досадливые взгляды на соседние столики. Но на входную дверь не смотрит. Он как будто никого не ждет.

На противоположной стороне улицы стоит Дейнов и наблюдает за кафе.

Богоев отложил журнал, курит, разглядывает посетителей. Его взгляд останавливается на молодой даме. Легкая, едва заметная улыбка мелькает в его глазах, но тут же гаснет. Он снова углубляется в чтение журнала.

Молодая дама явно нервничает. Она расплачивается за недоеденное мороженое. Очевидно, ее свидание не состоялось. Расплачивается и Богоев. Он встает, выходит из кафе и направляется к площади Славейкова. Через минуту выходит молодая дама и идет в другую сторону по улице Турко.

В кабинете полковника Панова.

18 часов 10 минут

Результаты наблюдений в кафе “Прага”, сообщенные младшим лейтенантом Веской Минчевой, говорят о том, что Богоев и тот, с которым он должен был встретиться, не знают друг друга. Это же подтверждает и звонок по телефону. Ведь твой голос, Ковачев, не вызвал у Богоева подозрений, иначе он бы не пришел в “Прагу”.

— Нет, не вызвал, — ответил Ковачев. — Я думаю, что журнал в руках Богоева служил опознавательным знаком для человека, с которым он должен был встретиться.

— И который не появился… Почему он не пришел, как ты думаешь?

— Не просчитались ли мы в чем-нибудь?

— Трудно сказать, но сразу же после того, как Богоев вышел из кафе, хотя и встреча не состоялась, он направился на вокзал и купил себе билет на Димитровград.

— Почему не на Русе, а на Димитровград? Логично было бы предположить, что после того, как незнакомец не пришел на условленную встречу, Богоев в конце концов поедет на место, в которое командирован. Хотя бы для того, чтобы избежать лишних подозрений. А он вопреки здравому смыслу отправляется не в Русе, а в Димитровград и держит себя так, будто встреча состоялась… Но уверены ли вы, что он купил билет на Димитровград? — спросил Ковачев.

— Так утверждает Дейнов. Кассир железнодорожного агентства сказала ему, что “гражданин в сером костюме” купил билет до Димитровграда на скорый поезд, который отправляется сегодня вечером в 19.25. За прошедшие несколько минут она продала только два билета: одной женщине до Варны и этот до Димитровграда. И все второго класса.

— Значит, я должен теперь ехать в Димитровград?

— Возьмешь с собой Петева. Сядете в поезд на станции Подуэне. Петев сменит Дейнова. А ты — больше в стороне, на всякий случай.

В поезде на Димитровград

Петев сменил своего товарища и остался стоять в коридоре,

невдалеке от купе Богоева, Он затерялся в толпе пассажиров, оставшихся без мест, а майор Ковачев удобно устроился в соседнем вагоне первого класса. Теперь у него было время спокойно подумать. Что может привлекать Богоева в Димитровграде? Заводы! А кто он, этот Богоев? Вот сидит человек в десяти метрах от тебя, а что у него на уме, что он собой представляет — бог знает! Их судьбы связала ошибка. Автомат набрал на единицу больше: 8–89–74 вместо 8–79–74. Это случается. А если бы не случилось?.. А какой смысл заключен в словах “Прага, тринадцать”? Может быть, посещение кафе — простое совпадение со словами пароля? Да и пароль ли это? Нет, в кафе что-то произошло. Иначе бы Богоев не уехал. Никто к нему после его посещения кафе не заходил, никто не звонил. В “Праге” все же что-то было, а что именно, Веска не уловила.

Перед станцией Септември Ковачев вышел поразмяться в коридор. Петев был на своем посту. Он сообщил, что Богоев только раз покидал купе. Ходил в туалет.

После Пловдива Ковачев снова, заглянул в соседний вагон.

Большинство пассажиров сошло. Коридор был пуст. Не было и Петева. Ковачев подождал несколько минут. Прошел вдоль вагона, незаметно заглядывая в купе. Петева не было. Тогда майор быстро вернулся в свой вагон, взял дорожную сумку и снова пошел в вагон второго класса.

Нет. Петева нигде не было. Не решил ли Богоев внезапно сойти в Пловдиве? Тогда Петев, конечно, последовал за ним. Но зачем же Богоеву сходить в Пловдиве, когда билет у него до Димитровграда? Может быть, Богоев понял, что за ним следят? Или он вообще собирался в Пловдив, а билетом до Димитровграда хотел ввести их в заблуждение? Но тогда… тогда он понял еще в Софии, что находится под наблюдением. Несостоявшаяся встреча в кафе — не означает ли она, что Богоев заметил за собой слежку и успел предупредить своего соучастника, чтобы он к нему не приближался. Не допустили ли они ошибку, позвонив по телефону? Не провалили ли тем самым операцию?

Ковачев медленно шагал по коридору до конца вагона и обратно. Он посмотрел украдкой в купе Богоева. Там сидели шестеро мужчин. Среди них и Богоев. Он читал газету.

Ошарашенный и смущенный Ковачев отступил в глубину вагона, прислонился к окну и уперся взглядом в купе. Какое-то недоброе предчувствие овладело им.

Что же это значит? Где Петев? Что с ним случилось? Богоев понял, что за ним следят. До Пловдива он ничего не мог предпринять. Коридор был набит пассажирами. Несчастье

случилось после отправления поезда со станции Пловдив. Может быть, за минуту до того, как он, Ковачев, пришел в вагон?

А Богоев, конечно, не один. С ним едут его соучастники. Может быть, и тот, кто звонил по телефону. И сейчас он здесь, Наблюдает за ним, Ковачевым. Каждую минуту неожиданный удар может обрушиться на его голову. И он полетит под колеса.

Ковачев инстинктивно нащупал пистолет, взгляд невольно остановился на стоп-кране.

— Билеты, приготовьте билеты, — напевно прокричал проводник. — Ваш билет, пожалуйста.

Ковачев показал свой билет. Он остановился в двух шагах от проводника, на “безопасном расстоянии”. Проводник посмотрел на него несколько удивленно, но ничего не сказал.

Нет, так не годится! Он начал терять власть над своими нервами. Спросить, что ли, проводника? Может, он что-нибудь заметил? Впрочем, едва ли. В Пловдиве сошло столько народу.

На какой-то маленькой станции поезд неожиданно остановился. Секунд на десять. И тронулся дальше.

Ковачев продолжал стоять, прислонившись к окну, один в безлюдном коридоре.

Почему он не сядет в купе Богоева? Тот его не видел, а в Димитровграде Ковачева все равно сменят. Обыкновенный пассажир, сел в Пловдиве. Да и проверка билетов уже позади. Нет, лучше он останется здесь. Если Богоев решит сойти, то он соскочит с поезда вслед за ним.

Дверь в купе приоткрылась. Вышел дородный мужчина. Нет, не Богоев… Направляется сюда. Если он хочет зайти в туалет, то почему не идет в другой, ближний? Мужчина проходит мимо шатающейся от качки вагона походкой. Бросает на него беглый взгляд и входит в туалет.

Не стоит оставаться здесь. Это очень удобное место для нападения. Совсем рядом с входной дверью. А в тамбуре никого нет. Один удар — и он будет сброшен с поезда… и никто не заметит.

Ковачев вошел в первое купе, положил сумку на сетку для багажа и сел.

Мужчина вскоре прошел обратно. Дверь дальнего купе с шумом затворилась. Ковачев вышел и занял свое прежнее место в пустом коридоре.

Из соседнего вагона появился милиционер. Их глаза встретились.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросил Ковачев.

Милиционер посмотрел на него подозрительно, но все же сказал:

— Товарища Ковачева.

— Я Ковачев. В чем дело?

Ему пришлось показать свое служебное удостоверение. После того как милиционер убедился, что разговаривает действительно с майором Асеном Ковачевым, он шепотом объяснил:

— Срочная телефонограмма из Пловдива. Я — участковый из Поповицы. Нам пришлось остановить скорый поезд. Вот, пожалуйста, товарищ майор.

Ковачев взял листок.

“Обознался, подумал, что “лицо” вышло в Пловдиве. Когда понял, поезд уже ушел. Подробности Димитровграде. Петев”.

Слава богу! Петев жив и здоров. Богоев сидит в своем купе…

— Вы, товарищ, — обратился Ковачев к милиционеру. — будете сопровождать меня до Димитровграда. Садитесь в первое купе соседнего вагона и внимательно следите за мной. Я останусь в коридоре перед купе. Если понадобитесь — подам вам знак.

— Понятно, товарищ майор.

На станции Димитровград

Как только поезд остановился, в вагон поднялся майор Милев. Сопровождавший его молодой, крупный, русоволосый мужчина остался в дверях, а Милев подошел к Ковачеву (они были знакомы со школы) и тихо спросил:

— Он еще здесь?

— В своем купе. Что случилось?

— Мне позвонил Петев. Его провели на станции Пловдив. В последний момент “тот” вышел. И Петев сошел вслед за ним. Когда он увидел его, то понял, что обознался, но на поезд уже не успел.

— Так обознаться!

— Это же самое спросил и я. Петев утверждает, человек, за которым он пошел, был одет в такой же плащ, в такую же, как у Богоева, мягкую шляпу, а в руках держал такие же чемодан и сумку.

— Вы сообщили полковнику Панову о недоразумении?

— Конечно.

Вагон медленно стронулся с места. Двое наблюдали краем глаза за дверью купе. Но она не открылась. Поезд набрал скорость и стремительно понесся вперед.

— Да, не повезло Петеву. Но понять, как это случилось, можно. Мало ли людей имеют одинаковые чемоданы, сумки и разве не похожи все наши плащи и шляпы? Богоев видел, как

вслед за его двойником сошел Петев, понял, что за ним следят, и…

— Подожди! — вдруг испугался Милев. — Как бы “ваш” не надумал соскочить на ходу. Я пошлю Пешо охранять другую дверь.

— Хорошо, — согласился Ковачев. — Я останусь здесь, а ты найди проводника и попроси его проверить билеты.

Милев ушел, а Ковачев продолжал размышлять: ошибка в Пловдиве — результат случайного совпадения или Петев попался на хорошо разыгранный трюк?

Тогда… Богоев не один. У него есть сообщник, и они знают, что за ними следят.

Через несколько минут прошел проводник. Потом вернулся и Милев.

— Асен, вы что-то все-таки напутали. Ваше “лицо” не знает болгарского. У него международный билет до Стамбула. Проводник не хочет его проверять вторично. Ему неудобно. Он его запомнил — единственный пассажир-иностранец в этом купе.

— Гм, — произнес Ковачев.

— А не упустил ли Петев настоящего Богоева в Пловдиве? — спросил Милев.

— Да ну… не может быть. Богоев сидит в купе. Я хорошо помню его физиономию. А тот… который сошел в Пловдиве, Петев его упустил?

— Да, — ответил Милев, — Он взял единственное такси и исчез. А Петев пошел в городское управление давать телефонограмму.

На станции Свиленград

Как только поезд подошел к станции Свиленград, Ковачев, Милев и Пешо перешли в соседние вагоны и оттуда спустились на платформу. Среди немногочисленных пассажиров, сошедших с поезда, Богоева не было. Они зашли в помещение пограничной службы, представились дежурному офицеру, и он показал им паспорта пассажиров.

— В спальном вагоне едут две семьи из Западной Германии, три ирландца, один турок. В вагоне второго класса — один серб, один австриец и две девушки-чешки. Болгар нет, — сказал он.

— Посмотри, Милев, — обратился Ковачев к своему коллеге. — Разве это не одно лицо?

Рядом с фотографией Богоева он положил паспорт австрийского гражданина Дитмара Фогеля, торгового

представителя из Вены.

Милев перелистал паспорт.

— “Въехал 12.08.63. Драгоман”, — проговорил он машинально.

— А сейчас мы ему поставим: “Выехал 14.08.63. Свиленград”, — добавил пограничный офицер.

— Нет, вы ему не поставите “выехал”, — решительно вмешался Ковачев. — Он не переедет границы.

— А на каком основании? — спросил пограничник. — Транзит в порядке.

* * *

Следствие по делу о попытке перехода границы Валентином Христовым Богоевым закончилось быстро. В Свиленграде он устроил ужасный скандал, хорошо разыграв роль европейца, возмущенного “варварскими порядками коммунистов”. И все на чистом немецком языке. Но по пути в Софию немного пообмяк. А когда ему для опознания устроили очную ставку с начальником отдела, в котором он работал, он вдруг перешел на болгарский язык и уже без уверток рассказал все, что интересовало органы государственной безопасности.

Завербованный прошлым летом “гостями” в Варне, он регулярно передавал иностранной разведке сведения, к которым имел доступ в плановой комиссии. Его намерением было покинуть Болгарию, зажить в “свободном мире”…

В начале августа ему поручили выкрасть важный документ со сведениями по добыче редких металлов. Обещали сразу же после этого организовать бегство из Болгарии.

Ему удалось выкрасть документ. Он воспользовался отсутствием начальника секретной службы, который был в отпуске.

“Вознаграждение” последовало быстро.

В воскресенье, 11 августа, он встретился на центральном вокзале с резидентом, который им руководил, и узнал от него, что в Болгарии будет проездом Дитмар Фогель, с которым Богоев поменяется ролями.

Тотчас по приезде в Софию Фогель сообщил ему по телефону место встречи. Фогель не знал, что попал по телефону к Стоянову, а Богоев и не подозревал, что о свидании в кафе “Прага” ему сообщил сотрудник министерства госбезопасности. Так или иначе встреча состоялась. В кафе Богоев только заприметил Фогеля. Он узнал его по слуховому аппарату для

глухих и по трем ручкам в верхнем кармане пиджака. Фогель же узнал Богоева по серому костюму и журналу, который он листал, сидя за столиком.

Командировка в Русе была нужна Богоеву только для того, чтобы оттянуть на известное время розыски. От резидента он получил распоряжение купить себе билет второго класса до Димитровграда, который он должен был положить в карман плаща вместе с паспортом. Чемодан и сумка были ему переданы для Фогеля еще на вокзале, в воскресенье. Они были закрыты, и Богоев их не открывал.

Как было условлено с резидентом, Богоев отыскал Фогеля в вагоне, следующем непосредственно за вагоном первого класса. Сел в то же купе, рядом с Фогелем. Во время пути они не разговаривали. Но Богоев заметил, что у Фогеля точно такой же плащ, как и у него. Он знал, что у Фогеля в кармане находится билет до Стамбула и австрийский паспорт на имя Дитмара Фогеля, но с его, Богоева, фотографией.

На станции Пловдив, неожиданно для самого Богоева, Фогель надел его плащ, его шляпу, взял чемодан и сумку и сошел в последнюю минуту перед отправлением поезда.

Снова в кабинете полковника Панова

Перевалило за полночь. Полковник Панов утомленно потянулся, захлопнул папку и сказал:

— Все. Птичка в клетке. Ведь Фогель по-немецки значит птица?

— Пока только одна птичка, — отозвался Ковачев. — А другая порхает сейчас где-то.

— Ну, — сказал Панов, — поймаем и остальных.

Перевод с болгарского О. Киселевой

Дж. Б. Пристли
ГЕНДЕЛЬ И ГАНГСТЕРЫ

В лондонском Сити можно подчас услышать бесконечные пустые споры. Но спор, который в тот день затеяли два джентльмена, был уж совсем несуразный и смехотворный. Начнем с того, что они вообще не были знакомы и вдобавок вели спор в кабине лифта, застрявшей между этажами огромного здания неподалеку от Чип-сайда[2].

Лифт работал без лифтера, и пассажиры сами нажимали кнопки. На последнем этаже, перед тем как лифту пойти вниз, в

кабину вошел тощий, долговязый человек. Он представлял провинциальную компанию, известную под названием “Ладденстоллская кооперация”, и только что закончил свои дела в оптовой фирме “Гроссман и Дженкинс”, которая торговала тканями для сорочек. Лифт пошел вниз, но на следующем этаже остановился, и в кабину вошел второй пассажир — его почтительно провожал до дверей лифта сам управляющий компании “Юнайтед тропикал продактс”. Второй пассажир не отличался ни худобой, ни высоким ростом. Это был пожилой, но еще не старый джентльмен с полным, гладко выбритым лицом и наружностью, говорившей о сидячем образе жизни и о том, что он богат и что он американец: поглядишь на такого — и кажется, будто его бог знает сколько продержали в холодильнике. Он вошел в лифт, кивнул на прощание управляющему “Юнайтед тропикал продактс”, который закрыл за ним дверь, а затем, даже не взглянув на своего высокого тощего спутника, нажал кнопку первого этажа.

Лифт спустился на несколько метров, остановился на секунду, прошел еще метр-другой и застрял где-то между этажами. Американец сурово взглянул на кнопку первого этажа и нажал на нее вторично. Лиф г. не двигался.

— Вы как следует нажимаете? — спросил высокий с заметным йоркширским акцентом.

— Как следует, — последовал сухой ответ. Высокий на редкость длинным гибким пальцем надавил ту же кнопку, но тоже безуспешно.

— Убедились? — спросил с нескрываемой иронией американец своим низким, резковатым голосом.

— Убедился, — ответил второй пассажир, нимало не смущаясь. — Теперь вижу — где-нибудь заело. Может, попробуем немного подняться, а потом он пойдет вниз?

Американец кивнул и нажал кнопку верхнего этажа. Но лифт и не подумал двинуться с места. Снизу донесся чей-то голос, и пассажиры прижались носами к стеклянным дверцам и окликнули говорившего — тот не отозвался. Через минуту они услышали другой голос, более громкий и авторитетный, который обращался уже к ним.

— Налаживаем! — гремел голос. — Придется чуть-чуть обождать. Ничего не делайте, пока я вам не скажу. Вы меня слышите?

Они прокричали, что слышат.

— Порядок, — ответил голос. — Скоро починим. Американец и высокий джентльмен переглянулись.

— Хорош порядок, — заметил американец, недовольно

выпятив нижнюю губу и став слегка похожим на огромного бледного младенца. — По-моему, это как раз непорядок.

— И вправду досадно получается, — согласился Гюркшнрец, которого звали Хебблтуэйт. Его, по-видимому, ничуть не раздражала эта задержка, и он поддакнул собеседнику из чистого дружелюбия. — Лифт старый, что поделаешь.

— Устаревшая система. Давно пора сменить. Подъемник совсем допотопный. Вы, англичане, во всем привержены старине. — Американец насмешливо поджал губу. — Хорошо, что хоть это не нью-йоркский Крайслер-билдинг[3].

— Я сразу понял, что вы американец.

— И не ошиблись. — Он помолчал минуту, а затем с корректностью, присущей людям его типа, добавил: — Моя фамилия Онгар, сэр.

— А я — Том Хебблтуэйт.

— Рад познакомиться, мистер Хебблтуэйт, — сказал мистер Онгар с улыбкой.

Затем, точно вспомнив, что он лицо важное и значительное (а это легко можно было заметить), нахмурился, достал записную книжку, нахмурился еще больше и принялся разглядывать какие-то записи. Он углубился в свои заметки, а мистер Хебблтуэйт тем временем набил и раскурил трубку и теперь попыхивал ею с самым безмятежным видом. Последовало короткое молчание, а потом мистер Онгар, продолжая просматривать список намеченных встреч или что-то еще, стал тихонько насвистывать.

Мистер Хебблтуэйт прислушался и вдруг весело объявил:

— Хотите, я вам сейчас скажу, что вы насвистываете? — Мистер Онгар поднял глаза от записной книжки.

— Разве я свистел?

— Свистели, и я скажу вам что — а ведь, пожалуй, никто бы здесь не смог вам этого сказать, хотя в этом здании народу как сельдей в бочке.

— Что же я насвистывал?

— Мелодию из “Иуды Маккавея” Генделя, — торжествующе ответил мистер Хебблтуэйт.

Мистер Онгар сказал, что насвистывал это, сам того не замечая, но мотив, верно, засел у него в голове, и он просвистел еще несколько тактов. Неожиданно его широкое бледное лицо просияло.

— Знаете, вы правы, мистер… э… Хебблтуэйт! — вскричал он. — Это мелодия из “Иуды Маккавея”. Скажи мне кто-нибудь, что ее так легко узнают в лондонском Сити, я ни за что бы не поверил. Так вы знаете Генделя! Прекрасно! На мой взгляд, Гендель — величайший из всех музыкантов мира. Да, сэр,

величайший! И вы хорошо знаете его оратории?

— Я-то? Еще бы! — отвечай мистер Хебблтуэйт. — Я ведь уже сколько лет состою в Ладденстоллском обществе любителей хорового пения, а кто у нас поет, знает Генделя назубок. Мы всего Генделя вдоль и поперек выучили.

— Превосходно! — одобрил мистер Онгар с улыбкой.

— Только надо вам сказать, — продолжал мистер Хебблтуэйт миролюбиво, но весьма назидательно, — вы фальшивите. Потому я с вами и заговорил об этом.

Мистер Онгар обиделся.

— Чем я могу гордиться, — проговорил он с важностью, — так это своим слухом, особенно когда речь идет о Генделе. Если этот мотив насвистывал я, то могу с вами спорить, что именно так он и звучит.

— Да я и двух пенсов за это не поставлю! — воскликнул йоркширец. — Вы фальшивите. И я вам скажу где.

Без лишних слов он приятным баритоном негромко запел свой вариант мелодии, отбивая при этом такт. Его собеседник покачал головой.

— Неверно. Не спорю, слушать вас приятно. Но это вовсе не из “Иуды Маккавея”. Не знаю, что я тогда насвистывал — я о чем-то другом думал, — но сейчас я вам просвищу этот мотив, и вы сразу поймете, где ошиблись.

Мистер Онгар с великой торжественностью собрал в трубочку свои пухлые губы и засвистел, похлопывая слушателя по плечу в такт.

Теперь мистер Хебблтуэйт покачал головой, причем весьма энергично. И вот эти два энтузиаста, повисшие в клетке между небом и землей, принялись жарко спорить, и вряд ли они отдавали себе отчет, где находятся.

Они наперебой старались поразить друг друга своей эрудицией. И так как оба не отличались скромностью, увлеклись настолько, что позабыли обо всем на свете.

— Говорю вам, — твердил мистер Хебблтуэйт, наклонившись к мистеру Онгару и похлопывая его по плечу. — Общество любителей хорового пения в Ладденстолле — пусть город наш и невелик — почище любого другого хора, а “Маккавея” мы уже исполняли трижды, и я его выучил от корки до корки и запомнил не хуже собственной фамилии.

— Вы еще не все обо мне знаете, — говорил в ответ мистер Онгар. — Перед вами Джеймс Старк Онгар, глава компании “Онгар тропикал продактс”. Только никому ни слова, я не хочу, чтобы здесь поднялся шум из-за моего приезда. Теперь, когда вам известно, кто я такой, скажу и другое: последние десять лет я

выделяю немало средств на организацию фестивалей Генделя — величайших музыкальных фестивалей нашего века…

— А когда старик Джо Клоу — это наш хормейстер — велит тебе что-нибудь выучить, у него хочешь не хочешь, а выучишь. Без дураков. Когда мы исполняем ораторию, то поем не кое-как — мол, выйдет так выйдет, а нет — не надо. Мы разучиваем вещь на совесть, знаем се как свои пять пальцев. А исполняли у нас “Маккавея” не один, а целых три раза.

— …И еще вот что: у меня лучшее в мире собрание рукописей Генделя и его писем — лучшее не в Америке, а в мире. Вы беседуете с человеком, который отдает почти весь свой досуг и многие тысячи долларов музыке Генделя, с человеком, в чей дом поговорить о Генделе приезжают крупнейшие дирижеры. И уж если я насвистываю какую-нибудь мелодию Генделя, то она так и звучит.

Увлеченные своим разговором, они не заметили, как очутились на первом этаже, где швейцар и механик в спецовке открыли им дверцы лифта и пустились в пространные объяснения насчет поломки. Но Онгар и Хебблтуэйт только отмахнулись от них. Продолжая спорить, они вышли па улицу. Американца ждал большой наемный “роллс-ройс”. И туг у мистера Онгара возникло одно предложение.

— Послушайте, мистер Хебблтуэйт, — сказал он тоном человека, не привыкшего к возражениям. — Вы человек занятой. Я тоже — вы даже не представляете насколько. И все-таки это нужно проверить. У меня в номере лежит партитура “Иуды Маккавея” — только позавчера купил, партитура восемнадцатого века, огромный фолиант. Поедемте ко мне и проверим. Я не могу взяться за дела, не доказав вам, что вы ошиблись. Согласны?

— Лучше и не придумаешь, — ответил мистер Хебблтуэйт. — Прочтем эту мелодию, и, если я ошибся, можете обругать меня последними словами. Но уж будьте уверены, впросак я не попаду.

И они поехали в отель, один из самых роскошных отелей, о которых мистер Хебблтуэйт только слышал, но никогда не бывал. Зелено-золотое убранство и великолепие гостиницы произвели на него должное впечатление.

— А номер вам, наверно, обходится в копеечку, черт побери! — заметил он, когда лифт остановился и они вошли в апартаменты мистера Онгара.

— Кажется, это ваш лучший отель, — равнодушно заметил мистер Онгар. — Вполне удобно. И номер не слишком большой.

— И верно, не слишком, — иронически отозвался йоркширец. — Можно сказать, уютный уголок. Вроде небольшого городка. Конечно, недолго и заблудиться, да ведь проплутаешь-то

всего каких-нибудь полчаса. Мистер Онгар провел гостя в зелено-золотую гостиную.

— Садитесь, мистер Хебблтуэйт, — пригласил он, и в голосе его тоже послышалась ирония. — Устраивайтесь поудобнее, сейчас я вам докажу, что это вы фальшивите. Вот партитура.

Он подошел к столу и взял с него большой переплетенный в телячью кожу том. И тут ему пришлось на время отвлечься от “Иуды Маккавея”, ибо как раз в ту минуту произошло нечто весьма неожиданное.

— Так-так-так! — воскликнул чей-то неприятный голос с оскорбительной издевкой.

В дверях, ведущих, по всей вероятности, в спальню, появились двое молодых людей; один из них прошел к двери в коридор, которую только что затворил мистер Хебблтуэйт, и занял перед нею сторожевой пост. Другой внезапно пролаял: “Руки вверх!” — и вытащил грозного вида пистолет. Мистер Онгар и Хебблтуэйт поступили, как им было велено, а молодой человек быстро и с отменной сноровкой ощупал их карманы и к своему удовлетворению убедился, что у этих двух джентльменов нет привычки носить при себе огнестрельное оружие.

Мистер Хебблтуэйт испытывал такое чувство, будто он персонаж какого-то фильма. Он не раз видел подобных молодчиков на экране ладденстоллского кинотеатра “Плаза”, куда в свободные вечера частенько водил миссис Хебблтуэйт. Его забавляли голливудские детективы, но он всегда считал, что в жизни такого не бывает. Теперь ему пришлось отказаться от этого убеждения. Молодые люди не позволяли усомниться в своей реальности, хотя и казались сошедшими с экрана. На них были яркие полосатые костюмы, умопомрачительные галстуки и сверкающие ботинки, и, по-видимому, они очень гордились столь роскошным нарядом. Они слегка походили на двух зловещих павлинов. Их надутое самодовольство не вязалось с их молодостью. Да и физиономии у них были потрепанные.

Из двух молодцов стоявший у двери производил менее отталкивающее впечатление, хотя был по внешности настоящим громилой. Второй же — пониже и с пистолетом — являл собою зрелище поистине мерзкое. Курчавые черные волосы, лицо бледное, почти зеленоватое, холодные маленькие глазки, кривой жестокий рот. Чем дольше смотрел на него мистер Хебблтуэйт, тем охотнее готов был простить Голливуду самые отчаянные трюки, которыми изобилуют детективные кинодрамы.

— Так-так-так… — снова затянул сей джентльмен, искривив рот еще больше. — Не ждали меня здесь встретить, мистер Джеймс Старк Онгар?

Он был недалек от истины. Онгар, казалось, и в самом деле не ждал.

— Ничего не понимаю. Кто вы такие?

Второй у двери хрипло захохотал.

— Да просто двое парней, тоже вот путешествуем, мистер Онгар, — сообщил он в явном восторге от собственного остроумия.

— Я сам займусь ими, Сэм, — сказал молодой человек пониже и почернее, бросая на сообщника предостерегающий взгляд.

Затем он подошел вплотную к мистеру Онгару и уставился на него с издевательской ухмылкой.

— Я открою вам один маленький секрет, мистер Онгар. И преподнесу вам большой сюрприз. Я — Чарли Банетти.

Мистер Онгар чуть не подпрыгнул.

— Банетти! — ахнул он. — Что вам здесь надо?

— Что же, разве нам нельзя прокатиться? — спросил мистер Банетти. осклабившись. И, встав в позу, он продолжал театральным тоном: — Вы меня не знаете, так ведь? Но вы обо мне слышали, так ведь? Ну а я о вас знаю все. Знаю, что решили очищать большой бизнес от гангстеров. И заправляет всем этим сам мистер Джеймс Старк Онгар. Но с Чарли Банетти так запросто не расправишься, заруби это себе на носу, старый болван. Я взял да и прикатил тем же пароходом, что и ты, — устроил тебе сюрприз Мы здесь тоже кое-что почистим, и я сам этим займусь.

— Хорошо сказано! — восхитился охранявший двери Сэм. Он от всей души наслаждался происходящим.

— Ни с места! — приказал мистер Банетти.

— Послушайте-ка, — обратился к нему мистер Хебблтуэйт, решив, что больше нельзя оставаться в стороне. — Может, вы все-таки уберете эту штуку?

Мистер Банетти едва удостоил его презрительного взгляда.

— Он, знаете, может выстрелить, — серьезно продолжал мистер Хебблтуэйт. — А у нас в стране, если не умеешь с этими штуками обращаться, недолго и на виселицу попасть.

Мистер Банетти скорчил язвительную гримасу, по-страшнее всех прежних. Она была так ужасна и свирепа, что, наверное, от нее заныли мышцы. Он холодно уставился на мистера Хебблтуэйта своими маленькими глазками.

— Вешают, вот как! Да тебя-то кто спрашивал? Молчал — и помалкивай дальше.

С этими словами он придвинулся к мистеру Хебблтуэйту и с издевкой одним пальцем выдернул из жилета его галстук.

— Кончай шутить, приятель, не то я тебя так двину, что ты вообще позабудешь, в какой ты стране.

Он ткнул мистера Хэбблтуэйта пистолетным дулом в живот.

— Марш в спальню! — приказал он. — Поворачивайся живей!

Мистер Хебблтуэйт очутился в спальне, и дверь за ним захлопнулась. Он давно уже не испытывал такого бешенства. Методы мистера Банетти привели его в ярость. Особенно шуточка с галстуком. Ни один житель Ладденстолла не потерпел бы такого с собой обращения, не позволил бы какому-то наглому проходимцу, да еще из Америки, безнаказанно себя оскорблять. Мистер Хебблтуэйт оглядел комнату, но, как ни был прелестен этот роскошный зелено-золотой уголок, его вид не доставил йоркширцу ни малейшею удовольствия. Окно спальни выходило во внутренний дворик, выложенный белыми плитками. Пожарной лестницы поблизости не было. Конечно, в комнате имелось с избытком всяких звонков и кнопок, и мистер Хебблтуэйт пробовал нажимать одну за другой, но, как видно, он недооценил мистера Банетти. Все звонки были приведены в негодность, и спальня оказалась отрезанной от всего мира.

Вторая дверь из спальни вела в поистине царскую ванную, ускользнуть из которой можно было разве через сточные трубы.

Мистер Хебблтуэйт огляделся и выработал план действий. С виду узник казался теперь спокойным, но в душе по-прежиему бушевал. Ладденстоллец, без сомнения, заметил бы этот гнев.

Мистер Хебблтуэйт начал действовать. Он нацарапал что-то на листке бумаги, захватил из ванной кусок мыла, сунул его в карман и забарабанил в дверь гостиной. По-видимому, стук рассердил мистера Банетти, ибо скоро он распахнул дверь и спросил, чертыхаясь, в чем дело.

— Выпустите меня отсюда, — попросил мистер Хебблтуэйт.

— Ах вот как! — вскричал мистер Банетти в лучших голливудских традициях. — Выпустить его! Что придумал! Ну, слушай, дубина стоеросовая, сиди там и не рыпайся — тогда тебя никто не тронет. Иначе держись. Скажи спасибо, что в тебе сразу видно деревенщину, а у меня правило: с деревней не связываться, потому и неохота вышибать из тебя дух. Не лезь сюда, пожалеешь.

— Ладно, только ведь как получается, — примирительно начал мистер Хебблтуэйт. — Я пришел сюда с мистером Онгаром, мы поспорили с ним и решили выяснить, кто прав, а для этого надо заглянуть в одни поты, они у него здесь лежат. Давайте мы с ним разберемся, и дело с концом, а тогда вы занимайтесь чем хотите. Времени у вас это почти не отнимет, и с мистером Онгаром вы легче поладите, когда у него такая забота с плеч спадет.

— И думаешь, мы тебя после этого выпустим? — с сарказмом спросил мистер Банетти. — Мы что, по-твоему, малые дети? Не беспокойся. Посидишь здесь сколько надо.

— Да ничего я не думаю, — искренне признался мистер Хебблтуэйт. — Просто хочу уладить этот спор. А потом я вернусь сюда, если вам так охота.

— Вернешься, будь уверен, — мрачно заявил мистер Банетти и бросил через плечо: — А он не врет, Онгар?

— Не врет, — уныло ответил мистер Онгар. — Мы спорили об одной партитуре и пришли сюда выяснить, кто из нас прав.

— Видите ли, — смиренно продолжал мистер Хебблтуэйт, обращаясь к гангстеру, — я записал мелодию здесь на листке бумаги, как я ее помню. Я только загляну в партитуру — и все, а потом, если у меня верно, отдам бумажку мистеру Онгару, а если не прав — выброшу ее, и дело с концом. Ну что тут такого? А мистер Онгар успокоится, когда мы с ним уладим свой спор, и будет вас слушать повнимательней.

— Нас он будет слушать внимательно. Сдается мне. так он никого в жизни не слушал, — отвечал мистер Банетти, растягивая слова, и затем пренебрежительно добавил: — Ладно, глядите.

Мистер Хебблтуэйт подошел к столу, раскрыл толстую партитуру в телячьей коже, потом посмотрел на бумажку, которую достал из кармана.

— Ну, кто бы поверил, черт возьми! — воскликнул он с огорченным видом. — Вы были правы, мистер Онгар, а не я. Выброшу я эту чепуху, не то вы прочтете и только надо мной посмеетесь.

И он подошел к открытому окну и вышвырнул в него бумажку. Снизу донесся стук, словно бумажка внезапно обрела вес и обо что-то ударилась.

— Видите, — кротко молвил мистер Хебблтуэйт, приближаясь с раскрытой партитурой в руке к мистеру Банетти, — не знаю, любите ли вы музыку, но вот эта мелодия… — И он протянул мистеру Банетти партитуру.

Гангстер невольно взглянул па поты, и тут мистера Хебблтуэйта, простака, сменил человек молниеносных действий — значит, можно носить очки и служить в кооперативном обществе и все же, когда надо, проявлять отменную находчивость; не зря, видно, сержант уэст-йоркского полка Хебблтуэйт отличился в боях на Сомме и был награжден медалью. В мгновение ока мистер Банетти лишился пистолета и отлетел назад — так его стукнули увесистым старинным фолиантом.

— Держите, — мистер Хебблтуэйт швырнул пистолет мистеру Онгару. — И не спускайте глаз со второго.

Затем мистер Хебблтуэйт снял очки и обратился к мистеру Банетти, который с трудом приходил в себя.

— Вот что, парень, — начал он строго, — слушай меня внимательно. Надо кое в чем разобраться. А вы, мистер Онгар, не вмешивайтесь. Следите за вторым. Ну-ка, милок, посмотрим, кто кого.

Гангстер был не из робкого десятка и, понаторев в бесчисленных передрягах, умел пускать в ход кулаки. Однако при всей своей молодости он явно уступал мистеру Хебблтуэйту как противник в боксе — ночные кутежи и пристрастие к выпивке давали себя знать. Кроме того, и у мистера Хебблтуэйта тоже было позади немало жизненных переделок, он тоже умел, если надо, постоять за себя, и вес у него был больше и руки подлиннее… Схватка длилась не более пяти минут, но мистеру Банетти досталось изрядно.

— А теперь, парень, я взгляну на твой галстук! — прогремел мистер Хебблтуэйт.

Гангстер вновь отлетел назад, а мистер Хебблтуэйт бросился на него и так дернул за ни в чем не повинную ленточку, что шелк лопнул и часть галстука осталась у йоркширца в руке. Честь Ладденстолла была спасена.

Тем временем Сэм, невзирая на пистолет мистера Онгара, решил, очевидно, что хватит сидеть сложа пуки. Но на его беду дело приняло неожиданный оборот: дверь позади Сэма внезапно отворилась, и, прежде чем он решился на отчаянный шаг, а его хозяин приплел в себя, на пороге появилось четверо — заместитель управляющего, два швейцара и великан полицейский. Следуя традициям старомодного острова, где поныне царит узость во взглядах на людей вроде мистера Банетти, полицейский обошелся весьма недружелюбно с приезжими особами и не замедлил препроводить их куда надо.

— И все же я в толк не возьму, — заметил мистер Хебблтуэйт, когда все уладилось, — что им здесь понадобилось?

Он с удовольствием попыхивал ароматной сигарой необычайной длины. Мистер Онгар вынул изо рта такую же.

— Мне думается, это новый вид гангстеризма, — медленно проговорил он. — Банетти знал, что я возглавляю борьбу с гангстерами. Мы пытаемся очистить от них деловые сферы. Если бы он вынудил меня здесь, в Лондоне, подписать чек, то получил бы изрядный куш и вдобавок поставил меня в глупейшее положение. Чек у него был заготовлен, оставалось поставить мою подпись. Они бы связали нас, получили в банке деньги — и поминай как звали. Вечером они были бы уже не здесь, а где-нибудь в Париже или Берлине. Я очень признателен вам, мистер

Хебблтуэйт, что вы опрокинули их планы.

— Да, этого малого погубило, что он дернул меня за галстук, — задумчиво отозвался мистер Хебблтуэйт.

— А как получилось, что сюда явились швейцары и полицейский? — спросил мистер Онгар. — Вы покричали кому-нибудь из спальни?

Йоркширец усмехнулся.

— А и вправду ловко вышло, хотя, признаться, я не очень рассчитывал на успех. Когда мы сюда пришли, я выглянул в окно и заметил внизу застекленную веранду. Я написал записочку, что, мол, в этой комнате творится неладное, и выкинул ее в окно. Я обернул в нее кусок мыла, и она прилипла. Я решил так: либо этим куском пробьет стекло, либо кто-нибудь услышит, как стукнуло. Так оно и вышло. А из спальни кидать было бессмысленно — там пустой двор, записку бы никто не заметил. Мистер Онгар воздал должное хитроумной операции и торжественно воззрился на собеседника.

— Мистер Хебблтуэйт, — начал он таким тоном, словно предлагал тост в его честь на званом обеде, — вы именно тот человек, который нам нужен в “Тропикал продактс”. Назовите свои условия.

— Сколько раз я слышал такое же вот в кино! — закричал в восторге мистер Хебблтуэйт. — И всегда думал: ерунда, так не бывает. И надо же, черт возьми, чтоб такое случилось со мной. Спасибо большое, мистер Онгар, только я не могу к вам перейти. Я именно тот человек, который нужен Ладденстоллской кооперации. Что таить, не мешало бы получать жалованье побольше, но лучше вы им об этом просто напишите.

— Я очень вам обязан, — сказал американец, начиная, по-видимому, целую речь.

Мистер Хебблтуэйт прервал его:

— Вы, я вижу, хотите как-то меня отблагодарить и не знаете как. Вы еще у нас задержитесь? Ладно. Обещайте мне приехать на концерт ладденстоллского хора, когда мы будем исполнять “Мессию”, услышите настоящего Генделя, и, если наше пение придется вам по душе, раскошельтесь, внесите в пашу казну кругленькую сумму. Нам это не помешает.

— Непременно, — подхватил мистер Онгар. — Я не замедлю это сделать.

И вдруг он ехидно улыбнулся.

— Однако не забудьте, что сфальшивили вы, а не я, когда свистели “Маккавея”.

Мистер Хебблтуэйт так и подскочил.

— Ну нет, черт побери! Даже не думайте. Я сказал это лишь

для того, чтобы бросить в окно записку. Взгляните, — продолжал он, поднимая с пола партитуру. — Напойте еще раз — и посмотрим, кто прав.

Оба разом засвистели, и тут мы с ними и расстанемся.

Перевод с английского Н. Явно

Анджей Збых
СЛИШКОМ МНОГО КЛОУНОВ

1

Парень осторожно присел на краешек стула. Коричневая тенниска, разорванная на плече, грязные джинсы. Бинт толстым слоем закрывает лоб и подбородок. Когда он вошел и поздоровался, голос его показался инспектору знакомым. И эти покрасневшие, припухшие глаза Ольшак как будто уже видел.

— Вы, кажется, хотели что-то сообщить? — сказал инспектор. — Мне принесли содержимое ваших карманов. Итак, слушаю.

На столе лежали удостоверение личности, военный билет, пропуск в бассейн и несколько мятых денежных купюр. Ольшак отодвинул все в сторону, оставив только ту бумажку, которая его интересовала. Обрывок бумажной салфетки с полустершимися карандашными каракулями: “Солдатская, 22, девятый этаж”. Удивительное совпадение! Впрочем, совпадение ли? Именно на девятом этаже этого дома жил Конрад Сельчик. Ольшак с большим удовольствием спросил бы напрямик, чей это адрес, но сначала необходимо выслушать, что скажет сам парень.

— Меня зовут Войцех Козловский, — начал было тот, но, увидев клочок салфетки на столе, невольно сделал движение рукой, как будто хотел притянуть его к себе; ладонь застыла на полпути.

— Курите? — Инспектор протянул ему сигареты. Козловский жадно затянулся.

— Вы чудом избежали смерти, — Ольшак повторил слова поручика Малека.

“Увидишь парня, который родился в рубашке, — сказал Малек. — Звонили из “Скорой помощи”: он уже пришел в себя, хочет говорить именно с тобой. Вот его документы и все, что было в карманах”. Поручик положил на стол бумаги. Инспектор хотел было возразить, что у него нет времени, что пусть Малек сам допросит этого парня, но на глаза ему попался обрывок салфетки с адресом.

Малек рассказал следующее.

…Толпа валила на пригородный перрон, когда подошел варшавский экспресс. Началась давка, так как с варшавского многие пересаживаются на щецинский, и люди бегут сломя голову. Когда по вокзальному радио объявили, что щецинский поезд пришел без опоздания, тут и закричал этот парень. Хотя трудно поверить, что в таком шуме можно было услышать чей-нибудь крик. Парень упал прямо под колеса маневрировавшего на соседних путях паровоза. Очевидцы думали, что от него осталась кровавая каша, но, когда дым рассеялся, увидели, что парень лежит между рельсами, вжавшись лицом в землю. Или у него удивительная реакция, или он просто счастливчик. Приехали “скорая помощь” и милиция, хотя последней там нечего было делать. Однако милицейская машина еще не успела отъехать, как объявился свидетель с варшавского экспресса, который утверждал, что парня столкнул с перрона мужчина в сером габардиновом пальто. Хотя свидетель и не исключал несчастного случая, так как Козловский шел по краю платформы, где спешащие люди энергичнее, чем следует, работают локтями, тем не менее милиция решила проверить это заявление.

Пострадавший пробыл в больнице два дня, но легкие царапины не представляли опасности, и врачи разрешили ему поговорить с инспектором Ольшаком. И вот он протягивает руку к измятой бумажке и отдергивает ее, как бы испугавшись, что инспектор заметит это движение. Ему ведь ничего не угрожает, его ни в чем не подозревают, он сам явился к Ольшаку. Откуда же этот испуг в глазах?..

— Почему вы хотели говорить именно со мной? — спросил Ольшак.

— Так ведь мы с вами знакомы, пан инспектор, — сказал Козловский. — Вы не помните?

Инспектор все еще не мог вспомнить, где он видел эти глаза. Как будто недавно, но, пожалуй, не в связи с делом Сельчика. Ольшак не любил действовать наобум, однако на этот раз решился.

— Вы знали Конрада Сельчика?

На мгновение парень смешался, на лице его опять отразился испуг. Значит, это имя ему знакомо.

— Я не знаю, о ком вы говорите, — ответил он наконец. У него были длинные нервные пальцы, и инспектор видел, что они дрожат.

— Вернее, это имя мне что-то напоминает, — поправился Козловский. — Где-то я его слышал, но не помню где. А почему вы спрашиваете?

Парень боялся, это Ольшак видел прекрасно.

— Что же случилось на вокзале? — Инспектор переменил тему, зная, что к прежней он еще успеет вернуться.

— Я упал с платформы, — ответил Козловский. — Потом потерял сознание.

— Вы знаете, кто вас столкнул?

Опять минутное замешательство.

— Может, кто и столкнул. Была такая толчея… — И вдруг он выпалил: — Я ведь просил свиданья не из-за этого, я хотел признаться…

— В чем?

— В совершенном преступлении, — официально закончил фразу Козловский.

— Совесть вас замучила?

— Может быть, и совесть. Просто я не могу иначе.

Ольшак посмотрел на него внимательно. За последние десять лет не раз к нему вот так же приходили и признавались в своей вине. Это были разные люди, и держались они по-разному. Однако не часто случалось, чтобы кто-нибудь хватался за признание, как утопающий за соломинку.

— Продолжайте.

Козловский внезапно успокоился, заговорил сухо и монотонно. Было заметно, что он успел приготовиться к исповеди. Он признался, что десятого мая, то есть четыре месяца назад, проник в частный магазин Антония Спавача на Варминской улице. Потом сообщил подробности. В магазин вела дверь со двора, которая запиралась на засов и висячий замок. Двор никем не охранялся. С замком он справился легко, просто подобрал ключ, а засов выломал “фомкой”. Из магазина вынес товар на сумму — Козловский на минуту задумался — около двадцати пяти тысяч злотых. Заграничные кофты, немного бижутерии, дамские сумочки, всякие синтетические мелочи.

Заполняя протокол допроса, инспектор подумал, что это дело, должно быть, вела районная прокуратура, так как он не помнил такой кражи.

— Что вы сделали с похищенными вещами?

Снова замешательство.

— Продал, пан инспектор… разным, ну, на толкучке…

— Вы работаете?

Инспектора больше интересовал сам Козловский, нежели подробности грабежа четырехмесячной давности.

— Время от времени. Два года назад меня выгнали из политехнического института, немного работал в частной мастерской у Махулевича, сейчас у Боленги… Выпускаем

брошки…

— Живете с родителями?

— Нет, живу тут у одной… Это не моя девушка, пан инспектор. Она разведенная, я только снимаю у нее комнату.

— Значит, утверждаете, что ограбили магазин Антония Спавача? Совершали еще какие-нибудь преступления?

— Нет, пан инспектор, клянусь богом, больше за мной ничего такого…

— Повторяю вопрос, — голос Ольшака звучал теперь официально и холодно. — Почему вы решили признаться?

— Совесть замучила, — повторил как эхо Козловский слова инспектора.

— А не страх? — Ольшак сказал это так тихо, что Козловский мог и не услышать, однако он услышал и отвел глаза.

Ольшак склонился над бумагами.

— Подпишите.

Козловский с трудом встал и поставил свою фамилию внизу листа.

— А теперь вы свободны, — сказал Ольшак. — Если, конечно, ничего больше не хотите мне сказать.

Именно такой реакции и ожидал инспектор. Козловский опустился в кресло, лицо его было мертвенно-бледным.

— Что? — прошептал он. — Я свободен? Но почему?

— Вы свободны, — повторил инспектор. — Мы сами найдем вас. Ведь вы не намерены скрыться?

— Я… скрыться? — Козловский продолжал сидеть.

— Возьмите свои документы. — Ольшак отодвинул в сторону обрывок салфетки. Сделал он это демонстративно, может, даже чересчур демонстративно.

— Я совершил преступление! — Козловский почти кричал. — Меня нужно посадить в тюрьму.

— Это решаем мы. Признание еще не служит доказательством вины. Мы проведем следствие.

— Какое еще следствие?! Я украл и хочу понести наказание. Или вы не понимаете? — взорвался парень. Он закрыл лицо ладонями. Бинт, очевидно, не очень старательно наложенный, сполз ему на глаза.

— Хватит! — гаркнул Ольшак. — Успокойся!

Козловский осторожно поправил бинт и посмотрел на инспектора как обиженный ребенок. Ольшак вдруг вспомнил, где он его видел, и сердце подпрыгнуло к горлу.

— Говори, чего ты боишься?!

— Я не боюсь, — прошептал парень. — Только посадите меня.

— Говори правду или отправляйся домой.

— Я сказал правду, — бормотал Козловский. — Я украл… Вы понимаете, я сам признаюсь…

Еще мгновение, и он бы расплакался. Ольшак поднял двумя пальцами клочок бумаги и громко прочитал записку. Затем, помолчав, добавил:

— Милиция, мой милый, это такое учреждение, которое многое знает. Или ты думаешь, нам о тебе ничего не известно? Это твой адрес?

— Нет, — прошептал парень.

— Не стоит врать, правда? А чей?

— Одной девушки, пан инспектор. Я познакомился с ней в кафе, и она записала, где живет…

— Как зовут девушку?

Козловский задумался. Пауза была слишком длительной для того, чтобы ответ показался правдоподобным.

— А где ты познакомился с Конрадом Сельчиком? — спросил Ольшак.

— Я только фамилию слышал. А может, читал в газете. Да, наверное, это тот самый, который покончил жизнь самоубийством.

— На этой бумажке, — раздельно сказал Ольшак, — записан адрес Сельчика. А ты говоришь, что не знал его.

— Я не был с ним знаком, пан инспектор, честное слово, может быть, когда и встречались, а может, что-то слышал…

Ольшак встал и наклонился к Козловскому.

— Он бросился с балкона накануне происшествия с тобой. Или ты тоже хотел покончить счеты с жизнью? Все вранье сначала до конца. Ты знаешь, что за ложные показания тебя могут привлечь к ответственности? Подумай: тебе лучше самому сказать правду, чем услышать ее от меня.

Парень взглянул исподлобья, поправил бинт, потом нашарил в кармане платок и высморкался. Ольшак вернулся к столу.

— Вы задержаны на сорок восемь часов, — сказал он официально. — Вашу дальнейшую судьбу решит прокурор.

Спрятав обрывок салфетки в ящик стола, инспектор приказал увести Козловского.

Почему он его задержал? С Ольшаком часто случалось, что он действовал импульсивно и не всегда мог аргументировать свои решения. Начальник уголовного отдела майор Керч, который был моложе Ольшака, по крайней мере, лет на десять, решил бы не задумываясь: “Выпустить, проверить, присмотреться”. А теперь он, безусловно, спросит: “Опять интуиция, капитан Ольшак?” Про себя же подумает: “Стареет инспектор!” И вернется к делу о краже в ювелирном магазине, расследование которой тянется уже

второй месяц без заметных результатов.

А чем занимается в это время хорошо сработавшаяся группа капитана Ольшака, в которую входят такие способные люди, как поручик Кулич и старший сержант Марыся Клея? Эта группа выясняет причины самоубийства магистра экономики Конрада Сельчика. Почему Ольшак не закрывает дело? Опять какие-то осложнения? А есть ли они на самом деле? Человек выбросился с девятого этажа дома на Солдатской улице, оставив записку. Графологи утверждают, что она написана рукой Сельчика. “Прошу никого не винить. Умираю, так как это наилучший выход”. Вроде бы все ясно…

— Чего ты хочешь? — спросил его на днях Керч. Они перешли на “ты” года два назад, когда Ольшак нашел убийцу таксиста Гжеляка. Это был его самый большой успех.

— Хочу, — сказал Ольшак, хотя знал, что не сможет переубедить начальника уголовного отдела, — хочу выяснить несколько существенных деталей…

Инспектор посмотрел на мятый обрывок салфетки, найденный у Козловского, и расправил его на столе.

2

Ольшак сидел напротив майора Керча, читавшего следственные документы, и старался припомнить все странные, как он считал, подробности, связанные со смертью Конрада Сельчика.

Итак, 4 сентября, то есть три дня назад, в 1.15 ночи с балкона нового дома на Солдатской улице выбросился магистр экономики Конрад Сельчик тридцати трех лет, холостяк. Милиция, вызванная по телефону дворником, прибыла через двенадцать минут. Около трупа находилась невеста Сельчика Иоланта Каштель. Девушка была в полуобморочном состоянии, ее с трудом удалось оторвать от тела. Когда через несколько минут приехал поднятый с постели Ольшак, несколько жильцов дома вышли во двор, однако подойти близко никто из них не решился, ибо зрелище было действительно не из приятных. Бывают разные смерти, многое приходилось видеть Ольшаку, но такое… Дом заселили недавно, строители не разобрали еще подсобных помещений, где хранились всякие инструменты и материалы. Сельчик, упав с девятого этажа, ударился головой о пологую крышу инструменталки и потом уже рухнул на бетонные плиты двора, недалеко от песочницы. Удар был сильным — ботинок с ноги самоубийцы отлетел почти на двадцать метров. Милиция составила акт, сфотографировала труп и отправила его в морг.

Врач “Скорой помощи” занялся Иолантой Каштель, а следователи поднялись на девятый этаж.

Сельчик жил в однокомнатной квартире под номером 34, дверь была закрыта изнутри на задвижку и цепочку: цепочку пришлось распилить ножовкой, задвижку подняли без труда. Обычная однокомнатная квартира: комната — восемнадцать квадратных метров, ванная, кухня. В глаза сразу бросился необыкновенный порядок, царящий в помещении. Очевидно, Сельчик был педантичен буквально до последней минуты. В комнате стояли тахта под пестрым покрывалом, стеллажи с книгами, расставленными по разделам и алфавиту, стол, два кресла и стул, все как будто минуту назад вычищенное и протертое. На столе — ничего, кроме последнего письма самоубийцы и старательно вымытой пепельницы, никаких, абсолютно никаких предметов, которые бы находились не на своем месте. Посуда в шкафчике, аккуратно развешанные полотенца в ванной, туалетные мелочи на подзеркальнике.

Тот же самый идеальный порядок инспектор Ольшак застал, когда пришел сюда на следующее утро. Только белый порошок покрывал мебель, стол, трубку телефона, с которых оперативная группа снимала отпечатки пальцев. Собственно, для такого очевидного случая это была простая формальность. Но ведь еще вчера, прежде чем он получил результаты дактилоскопии и прежде чем начались допросы, Ольшак сказал, что сам берется за расследование.

Как всегда, он поддался первому впечатлению: эта удивительная чистота в квартире, этот порядок поразили его. Инспектор не мог представить себе человека, который сначала старательно убрал комнату, а потом выбросился с девятого этажа.

Ольшак сел в глубокое кресло и принялся за осмотр ящиков стола. В среднем лежала рукопись неоконченной докторской диссертации. Первый раздел содержал рассуждения, которые покойный кандидат в доктора назвал “Типичные ошибки, или Магия статистики”. Рукопись пестрела научными терминами, но можно было понять: Сельчик хотел показать, что в поле зрения экономики порой не попадают отброшенные как статистически незначительные, интересные факты о работе мелких предприятий, в то время как выяснение этих нетипичностей может иметь в отдельных случаях решающее значение. Одним словом, покойного интересовали нетипичные факты и случаи, которые обычно в статистических таблицах фигурируют в рубрике “И другие”. Ольшак подумал, что в этом что-то есть, и выдвинул следующий ящик… Он нашел две — три открытки с поздравлениями, письма от бывших друзей-студентов, не

содержащие ничего существенного, письма от какой-то родственницы из Варшавы и несколько старых фотографий. На одних были изображены, по всей вероятности, родители Сельчика и он сам в студенческие времена. На других — веселые компании на улицах, на пляжах, в море. И ни одной фотографии, ни одной открытки от девушки — это сразу бросалось в глаза. Как будто самоубийца перед смертью уничтожил все, что говорило бы о его личной жизни. Была еще здесь старательно перевязанная папка с документами: диплом, несколько свидетельств о наградах и премиях, копия договора с ГТИ — Государственной торговой инспекцией, где Сельчик работал. Мало, страшно мало. Ольшак перевидал на своем веку столы многих людей и знал, сколько бумаг, мелочей и безделушек накапливает человек за свою жизнь.

Позже, когда инспектор осмотрел рабочий стол Сельчика в ГТИ, он обнаружил то же самое. Папки со служебными бумагами, которыми Сельчик занимался в последнее время, черновые записи отчетов ревизий. Из них явствовало, что Сельчик добросовестно и серьезно относился к своей работе, никому не давал поблажек, и можно было даже считать, что принимал во внимание самые незначительные мелочи. В обоих столах — и дома, и на работе — все как бы специально было приготовлено для постороннего. Ольшак не мог себе представить человека, который в любую минуту может открыть ящик стола и сказать: “Смотрите!” Но с Сельчиком обстояло именно так.

В домашней библиотеке книги по философии, экономике, истории и политике. Ни одной повести, ни одного журнала. Корзина для бумаг совершенно пуста. В степном шкафу висят два костюма, на нижней полке — три пары черных полуботинок (только черные, одного и того же фасона). Ни много ни мало, именно столько, сколько должен иметь молодой мужчина со средним достатком.

Инспектор прохаживался по квартире, стараясь обнаружить хоть что-нибудь такое, что выделялось бы на фоне этого почти музейного порядка. Напрасно. И только когда Ольшак уже собрался уходить, он вдруг почувствовал какое-то смутное беспокойство, словно в этой квартире не хватало чего-то действительно очень важного. Ольшак остановился посреди комнаты, в которой царила абсолютная тишина, даже с улицы не доносилось ни звука. Он взглянул на свои часы и вдруг догадался. Да, да, в квартире Сельчика не было часов! Можно, конечно, не иметь будильника, но у магистра экономики должны быть хотя бы наручные часы!

Это была первая деталь из тех, которые позднее так усложнили следствие.

Ольшак вышел на балкон. Собственно, это была узкая лоджия, идущая вдоль всего этажа и разделенная кирпичными перегородками. Трудно было предположить, что кто-то, держась за перегородку, мог перейти с одной лоджии на другую. Хотя, если в стену вбить крюк…

Размышления эти были чисто теоретические и неизвестно почему приходили в голову инспектора. Ведь Сельчик оставил записку: “Прошу никого не винить”, а графологи установили, что эти слова собственноручно вывел на бумаге бывший магистр.

Лоджия была такой же чистой и прибранной, как и квартира. Может, именно поэтому Ольшак сразу заметил на блестящем каменном полу окурок. “Французская сигарета”, — отметил про себя инспектор. Он поднял окурок, завернул его в бумажку и спрятал в карман. Очевидно, Сельчик стоял здесь ночью с последней сигаретой. Неужели он курил “Галуаз”, которые продаются по тридцать злотых за пачку в гостиницах “Орбиса”[4]? Нужно проверить. Итак, Сельчик выкурил эту сигарету, затоптал ее каблуком и кинулся вниз, написав предварительно записку, которая ничего не объясняет. В конце концов люди не кончают с собой без всякого повода, а если такое и случается, он, инспектор Ольшак, не может этого понять.

Допросы свидетелей он вел вместе с Куличем. Проходили они несколько хаотично, без всякого плана, ибо такового еще и не было, а мелкие, как говорится, зацепки появились гораздо позже.

Первой допрашивали Иоланту Каштель. Она только что возвратилась из морга. Девушка поставила у стены чемоданчик с вещами Сельчика и закурила.

— Почему он сделал это, пан инспектор?

Она была очень интересной, эта Иоланта Каштель. О таких говорят: “Яркая блондинка”. Неизвестно почему Ольшак отметил это про себя. Похоже, у нее сильный характер.

— Я видела его, — продолжала Каштель. — Меня просили опознать. Он лежал на досках, а я смотрела на его пальцы… У него были очень длинные пальцы.

Она раздавила окурок в пепельнице, встала и подошла к окну.

— Чем я могу быть вам полезна, пан инспектор?

Рассказывала она быстро и охотно. Ольшаку было знакомо такое состояние: она еще долго будет говорить о Сельчике. Каждый факт, еще вчера несущественный и пустяковый, станет теперь важным и значительным.

— Я познакомилась с ним четыре года назад, — сказала она. — Не так уж давно, а мне кажется, что прошла целая вечность. Я работала тогда еще машинисткой в управлении

мастерских по ремонту электроприборов, и только три месяца назад меня перевели на должность секретарши директора. Я стала девушкой Конрада. Мы хотели пожениться. Конрад тщательно подсчитал — он всегда все тщательно подсчитывал, — что свадьба состоится в этом году. Он должен был защитить докторскую и попробовать перебраться в Варшаву. Кроме того, мы откладывали деньги на квартиру.

— Но ведь Сельчик недавно получил однокомнатную.

— Он хотел большую, — сказала Иоланта. — Я ведь снимаю комнату. Два месяца назад я выиграла по лотерее — “сирену”. Сначала мы хотели продать ее, но так приятно было ездить по воскресеньям за город.

— У вас есть машина? — удивился Ольшак.

В конце концов это было единственным их развлечением.

Конрад много работал, объясняла девушка. Она даже обижалась на него, ведь нужно же время от времен): развлечься, посмотреть на людей. Однако Сельчик был тщеславен, хотел занимать высокую должность. Он принадлежал к тем людям, которые любят лезть “наверх”, но в течение последних пяти лет он ни на шаг не продвинулся по службе, и это его страшно угнетало.

— У него никого не было, кроме меня, — продолжала она. — Родители Конрада погибли во время войны, воспитала его тетка, старая дева, единственная его родственница. — Каштель приоткрыла сумочку и украдкой взглянула в зеркальце. — Вы не поверите, но за все это время мы с ним только трижды были в ресторане: в самом начале, потом как-то на мои именины и еще раз случайно, так как оказалось, что у него дома ничего нет на ужин.

Девушка вытерла платком глаза, сухие, без следов слез. Замечала ли она что-нибудь необычное в последнее время? Пожалуй. Даже наверняка. Сельчик стал таким раздражительным, хотя и старался это скрыть. Конрад всегда был очень скрытным, не любил говорить о себе.

Иоланта немного оживилась, потом опять угасла и рассказывала монотонно, как бы повторяя заученный урок.

— Даже рубашки себе стирал сам. У него были две нейлоновые, но ходил он в них редко, берег. Чаще всего он носил шерстяной свитер, который я привезла ему из Закопане. Даже летом… В этом свитере…

— Когда вы его видели в последний раз?

— Это было так… — Иоланта на секунду подняла на инспектора глаза. — Конрад всегда обедал в столовой, а потом приходил ко мне, если, конечно, не собирался работать.

— И надолго у вас оставался?

— Иногда до утра, — ответила она просто, — а иногда я приходила к нему. В тот день он явился сразу после обеда. Ко мне как раз приехала подруга из Недзицы. Конраду это не понравилось, он держался не слишком приветливо, даже резко… Мы вместе посмотрели телевизор, потом я собрала ужин. Конрад лег на тахту, я думала, что он заснул. Чеся, моя подруга, хотела поискать место в гостинице, но было ясно, что из этого ничего не получится… Около девяти Конрад вдруг сорвался и объявил, что ему нужно уладить кое-какие дела. Он взял ключи от машины, я хотела поехать с ним, однако он пробурчал, что в этом нет необходимости, и обещал через час вернуться. — Иоланта замолчала и снова посмотрела на инспектора. — Прошло два или три часа, по телевизору еще шел какой-то фильм, но я ничего не помню… Позднее, по-моему, около двенадцати ночи, я решила, что, очевидно, что-то случилось. Набрала номер его телефона: никто не отвечал… Потом еще раз…

— В котором часу это было?

— Я уже сказала — в начале первого. Мне не сиделось дома. Конрад часто выключал телефон, на ночь почти всегда, так как его номер был похож на справочную вокзала. Я решила поехать к нему. Чеся вышла вместе со мной… Во дворе на обычном месте стояла моя “сирена”.

— А ключ?

— Он был внутри. Представляете, он пригнал машину, оставил ее открытой и не зашел ко мне. Этого с ним никогда не случалось. Я села за руль. Чеся — рядом, мы поехали… Когда мы вышли из машины, я сразу увидела свет в его окне. Впрочем, сейчас даже не знаю, что я увидела сначала… Этот свет или белый свитер на асфальте…

Удивительное совпадение! Она приехала в тот самый момент, когда он выбросился из окна.

— Значит, он был жив, когда вы ему звонили.

— Он был бы жив, — сказала она, — если бы мы выехали на пятнадцать минут раньше, если бы…

Инспектор спросил о часах. Иоланта удивилась. Да, конечно, у Конрада были часы. Правда, она не помнит, какой марки. Когда можно будет войти в его квартиру? Ей бы хотелось забрать фотографии, письма…

— Их там не слишком много, — сухо ответил инспектор.

Потом Ольшак допросил дворника. Тогда он еще считал, что все дело займет у него три или четыре дня и он напишет постановление о его прекращении: “Самоубийство по неустановленной причине”. Он не любил этой формулировки —

“неустановленной”. То есть такой, которой он не сумел установить.

Дворник рассказал немного. Пан Сельчик поселился здесь недавно. Впрочем, здесь все живут недавно, дом-то новый. Солидный, спокойный человек. Дворник помнил, что к Сельчику время от времени приходила девушка, и, пожалуй, больше он никого не видел. Той ночью он спал и сам не знает, что его разбудило. Окно его комнаты, выходящее во двор, было открыто, а живет он на первом этаже… Какой-то грохот, словно мешок ударился о мостовую, а потом крик девушки… Он выскочил из постели и еще из окна увидел белый свитер пана Сельчика. По этому свитеру он его сразу узнал. Потом позвонил в милицию. А невеста покойного была уже у тела.

Жена дворника, худая женщина с плоским невыразительным лицом, говорила охотнее своего мужа.

— Эта Иоланта очень красивая. — рассказывала она. — Иногда я отпирала ей лифт, так как она забывала ключ. Случалось, что они с паном Сельчиком выходили вместе только утром на работу. Я даже удивлялась, почему они не поженятся. У пана Сельчика я убирала раз в неделю… Работы там было немного, редкий мужчина поддерживает такой порядок, как он. Только пол натереть, вымыть окно, ванную и лоджию. В тот вечер я мыла пол в лифте, когда пан Сельчик пришел домой.

— В котором часу это было?

— Да уже после девяти, потому что в девять тридцать по телевизору показывали фильм. Я как раз окончила уборку и успела его посмотреть. А пан Сельчик и мужчина поехали наверх.

— Сельчик был не один?

— Я ж и говорю. Даже пропустил того вперед.

— А как выглядел спутник Сельчика?

Женщина пожала плечами.

— Я вытирала пол и не обратила внимания. Мужчина как мужчина, в сером плаще, в таких смешных ботинках.

— А вы не видели, как он выходил?

— Нет, мы с мужем посмотрели фильм и легли спать.

Итак, около девяти Сельчик покинул дом невесты и поехал на машине в город. Спустя полчаса он вернулся домой в сопровождении какого-то мужчины. Потом пригнал машину к дому Иоланты. А может, машину он доставил раньше и уже не покидал своей квартиры? Кем был мужчина, которого видела дворничиха?

Затем Ольшак и Кулич допрашивали сослуживцев магистра, соседей и знакомых. Однако не нашли никого, кто бы в тот вечер видел Сельчика. Впрочем…

Результаты дактилоскопического анализа Ольшак получил сравнительно быстро. Отпечатков пальцев покойного в квартире было довольно много. Не оказалось их только на двух предметах, на которых, по мнению инспектора, их должны были обнаружить обязательно: на барьере лоджии и на вырванном из блокнота листке бумаги, оставленном самоубийцей. Зачем Сельчик стер отпечатки пальцев со своего последнего письма? Или он старался писать так, чтобы их не оставить? Почему? Случайность? А барьер лоджии? Прыгнул вниз, не касаясь его руками? В квартире нашли также отпечатки пальцев Иоланты и, наконец, отпечатки, несомненно, принадлежавшие мужчине. Было их много… В коридоре, на шкафчике с посудой, даже в ванной. Значит, кто-то, довольно долго находился в квартире Сельчика в последний вечер… Ольшак направил отпечатки в центральную картотеку, но, как он и предполагал, это ничего не дало. Не принадлежали они также ни одному из знакомых Сельчика: ни старшему ревизору Роваку из ГТИ, ни соседям Сельчика по лестничной площадке — профессору Гурену и Кральским. В общем, никому из тех, кого допрашивали в течение этих дней.

Естественно, этот незнакомый мог и не иметь ничего общего со смертью Сельчика. К примеру, это был случайно встреченный на улице старый друг. Но, когда скапливается слишком много странных фактов, нельзя отказываться от их выяснения. В этом Ольшак был уверен, Итак, кем был мужчина, которого видела дворничиха и который оставил столько отпечатков в квартире? О нем ничего не известно, кроме того, что он, как утверждает дворничиха, носил “смешные” ботинки. Что случилось с часами? Почему на последнем письме самоубийцы нет отпечатков пальцев? Результаты вскрытия: подробнейшее описание полученных телесных повреждений, вызвавших смерть, и больше ничего. Но при осмотре тела выяснилась одна удивительная деталь: самоубийца брился непосредственно перед смертью. На правой щеке оказался внушительный порез. Не очень новое лезвие “жиллет” — именно такое нашел Ольшак в квартире Сельчика — было старательно очищено. Магистр побрился, вымыл бритвенный прибор и только потом… Может, это даже соответствовало тому образу Конрада Сельчика, который нарисовал себе инспектор Ольшак?

Однако этот уже сложившийся образ во многом дополнил Тадеуш Ровак, старший ревизор ГТИ, коллега покойного, с которым они работали в одной комнате.

Когда Ровак сел за стол, вынул из кармана футляр, и чистой фланелькой стал протирать очки, Ольшак улыбнулся про себя: до того показался ему типичным представителем категории

служащих его собеседник. Типичной была каждая мелочь: обыкновенное, несколько сонное лицо, небрежно выбритые щеки, недорогой серый костюмчик и плохо завязанный галстук. Человек лет пятидесяти, не очень заботящийся о своей внешности. Только чистый белый платочек в кармашке, который не вязался ни с воротничком, ни с галстуком, придавал старшему ревизору несколько импозантный вид. Инспектор даже хотел спросить, зачем он носит этот платок, но не успел, так как Ровак объяснил это сам:

— Люблю белые платки. Когда стоишь перед зеркалом, это так красиво выглядит. — И потом спросил: — Вы осматривали стол Сельчика?

Ольшак ответил утвердительно.

— Я тоже, еще до вашего приезда, — сказал Ровак. — Ничего интересного.

— А что вам там понадобилось?

— Видите ли, — улыбнулся старший ревизор, — я по натуре любопытен и поэтому, прежде чем отдать ключ шефу… Вы все равно бы об этом узнали. Если говорить откровенно, — добавил он, — меня интересовало не то, что там было, а лишь то, чего там не хватает.

— Чего не хватает?

— Так, мелочи, миниатюрных шахмат, которые Сельчик купил когда-то в комиссионном и очень любил. Должен признаться, я хотел похитить их. Но, очевидно, Сельчик забрал шахматы домой. Не понимаю, зачем это ему понадобилось.

Ольшак уже почти на память знал все вещи в квартире бывшего магистра и мог дать голову на отсечение, что шахмат там не было.

— Играли мы с ним на работе, — продолжал Ровак. — Шахматы были очень удобными. Если входил начальник, достаточно было положить на них папку с документами… Я привык к ним. — Глаза старшего ревизора невинно глянули сквозь очки. — Вы не знаете, кто будет наследником? Я бы их охотно купил.

В голосе Ровака было что-то такое, что не нравилось инспектору. Какая-то еле заметная ироническая нотка, когда Ровак говорил о Сельчике, и одновременно какая-то нахальная до неприятности искренность.

— Вы играли в рабочее время? — переспросил инспектор.

— Вас это удивляет? Я здесь пятнадцать лет, — сказал Ровак, — и все эти годы — старший ревизор. Сначала мы сражались с Козицким, но он умер от инфаркта, да и играл он неважно. Потом пришел Сельчик. С ним мы разыгрывали

довольно трудные партии. Некоторые из них продолжались два — три дня. Но это, конечно, между нами.

— Разумеется, — подтвердил инспектор и, помолчав, добавил: — Должен признаться, я несколько удивлен. Мне казалось, что Сельчик был весь в работе. И если появлялось свободное время, он мог, к примеру, писать свою диссертацию.

— Многие пишут диссертацию, но лишь немногие защищают ее. Обычная история: служба, потом жена, позднее дети.

— А Сельчик?

— Сельчик не женился.

— Он был тщеславен?

— Такие не бывают тщеславны напоказ. На людях они чистенькие.

— Не понимаю.

Ровак расстегнул пуговицу пиджака и из кармана жилета достал сигару. Это было так неожиданно, что Ольшак даже не смог скрыть удивления.

— Люблю сигары, — сказал старший ревизор. — Может быть, вы считаете, что я беру взятки? Нет? Это хорошо. Я старый холостяк и могу себе позволить время от времени что-нибудь такое, чего не могут мои коллеги.

— Сельчик тоже любил выделяться?

— Да, но только совсем по-другому.

— Поэтому, — спросил инспектор, — вы с ним дружили?

Ровак взглянул на него стеклянными глазами.

— Я терпеть не мог Сельчика, — сказал он. — И в шахматы с ним играл только потому, что получал удовольствие, когда он проигрывал и бледнел.

— И вы говорите об этом так спокойно?

— А почему нет? Если бы даже Сельчика убили, я бы сказал то же самое. Мне не нравятся честолюбивые практики. Судите сами: нормальному человеку приходит в голову идея, он долго ее развивает, носится с ней, лелеет ее, а практик тут же принимается подсчитывать, удастся ли это реализовать и отвечает ли она его взглядам.

— Какая идея?

— Все равно, — заколебался Ровак. — Это не из области торговых ревизий. Вообще о работе мы говорили мало, чаще о статистике, о которой Сельчик писал докторскую. Ну и о какой-нибудь чепухе. Например, сколько офицеров милиции знает, что такое скарификация.

— Я, например, не знаю. А что это?

— Небольшое кожное раздражение.

— К примеру, после бритья?

— Не совсем, но, впрочем…

— Почему это пришло вам в голову?

— Как-то мы говорили с Сельчиком на эту тему. Речь шла о выявлении нетипичных ситуаций. Сельчик во время ревизий буквально изводил людей, цеплялся к мелочам, на которые я бы не обратил внимания. Он гордился тем, что его ревизии нетипичны.

— Ну это, пожалуй, хорошо, — заметил инспектор. — Усердие в работе…

— Вы считаете? Если бы вам пришлось иметь с ним дело…

— Вернемся, однако, к нашему делу. Вы хорошо знали Сельчика, почему он покончил с собой?

— Ерунда, — ответил старший ревизор. — Я не знаю никакой причины. Может, из ненависти к миру, который не так чист и не так вылощен, как он, магистр экономики Конрад Сельчик.

— Вам известно, как складывались его взаимоотношения с невестой?

— Нет. Я вообще ее не знал, — пожал плечами Ровак. — Сельчик не принадлежал к людям, устраивающим приемы и приглашающим более чем одного человека сразу. Мы никогда не выпили с ним ни одной рюмки.

— Вы бывали у него?

— А как же! По соседству с ним, на том же этаже, живет мой шурин, профессор Гурен. Достаточно было выйти в лоджию и позвать Сельчика. Если он был в настроении и без невесты, я брал шахматы у Гурена, так как свои Сельчик держал на работе.

— А в тот вечер?

— То есть третьего сентября? Я ужинал у шурина, но в шахматы играть мне не хотелось. Тем более что утром на работе я проиграл партию.

Инспектор опять удивился.

— Сельчик играл в тот день?

— Конечно, и даже лучше, чем обычно. Он поймал меня на шестом ходу. Хотите, объясню как?

— Не нужно. В котором часу вы пришли на Солдатскую?

— Что-то около девяти. Я люблю ужинать поздно, так как поздно ложусь спать. Ушел я оттуда в двенадцатом часу.

— И вы не постучались к Сельчику?

— Нет. Представьте себе, я не заходил к нему, не выходил в лоджию и не выбрасывал его с девятого этажа. Хотя, кто знает, может быть, охотно сделал бы это.

— Пожалуйста, без шуток, — заметил инспектор.

— Интересно, — спросил Ровак, — нашли вы у Сельчика шахматы? Можете мне поверить, в этом деле они играют не

последнюю роль, и я бы на вашем месте…

Однако Ольшака не интересовало, что сделал бы на его месте старший ревизор Ровак. Сейчас инспектор перебирал в уме разные детали, которые могли ничего не значить, но могли и навести на какой-нибудь след. Часы, шахматы… Прежний шеф Ольшака обычно говорил в таких ситуациях: “Редко бывают самоубийства, мотивы которых нам, людям нормальным, кажутся понятными и серьезными. Ибо самоубийцы — люди в большинстве своем ненормальные”. Все это так, конечно, но здесь речь шла не только о мотивах…

Ольшак спросил Ровака, какие часы были у Сельчика. Неплохая “Омега”, кажется, полученная в подарок, так как на корпусе стояла какая-то дата.

Что же сделал Сельчик со своими часами? Подарил? Продал? В бумажнике покойного Ольшак обнаружил около тысячи злотых, на сберкнижке — около восьми тысяч, но последний взнос был сделан первого сентября.

Ровак помнил, что в день смерти Сельчик, как обычно, положил свои часы рядом с шахматной доской. Иоланта заметила, что он взглянул на часы, вставая с тахты, и сказал: “У меня всего двенадцать минут, я должен спешить”. Приятельница Иоланты, которую Ольшак также допросил, подтвердила это показание. Таким образом, до девяти вечера часы у Сельчика были. Может быть, он подарил их человеку, которого видела дворничиха?

Ольшак поделился своими соображениями с Куличем, но поручик не проявил особого интереса. Он допрашивал соседей самоубийцы. Лоджия Сельчика находилась между лоджиями Гуренов с левой стороны и Кральских с правой, — Ольшак посетил обе семьи еще в первый день, по свежему следу, когда казалось, что расследование самоубийства Конрада Сельчика не займет у него много времени.

Гурен был высоким мужчиной почти пенсионного возраста. Его жена — моложе на несколько лет, выглядела как школьница, на ней было невероятной расцветки платье и, по мнению Ольшака, пожалуй, слишком короткое. Естественно, она и ее муж ничем не могли помочь пану инспектору, так как заснули в тот день около двенадцати и проснулись от голосов в коридоре, а может, от звука ножовки, которой разрезали цепочку на двери Сельчика. Муж хотел встать, но она ему отсоветовала: незачем-де вмешиваться в чужие дела. О смерти Сельчика она узнала только на следующий день. От кого? Конечно, от дворничихи, которую встретила на лестнице, когда бежала в булочную. Профессор подтвердил, что в тот день он даже немножко опоздал на лекцию,

так как ему пришлось долго ждать жену. Знал ли он Сельчика? Да, но только шапочно. Обменивались приветствиями, иногда несколькими словами в лифте. В тот вечер они вообще не видели своего соседа. Выходили ли перед сном в лоджию? Пани Гурен радостно улыбнулась. Нет. В лоджии она проветривает одеяла и зимние пальто, поэтому там натянуты веревки, которые не дают ступить ни шагу. Инспектор все-таки вышел в лоджию. С трудом протискиваясь между развешанной одеждой, он добрался до барьера и снова увидел бетонированный прямоугольный двор. Затем он осмотрел стенку, за которой находилась лоджия Сельчика. На небольшом расстоянии от барьера, на высоте плеча, в стенку был вбит железный крюк.

В тот раз Гурены ни словом не обмолвились о старшем ревизоре Роваке. Впрочем, для этого не было повода, хотя они должны были знать о шахматных визитах своего родственника к соседу.

…Ровак пришел около девяти и вышел в начале двенадцатого. Действительно ли он ушел в это время?

Что это, профессиональная подозрительность? А может, просто болезненная? Да и как можно принудить к самоубийству молодого здорового человека? Почему Ольшаку кажется, что все, кто знал Сельчика, что-то от него скрывают? Профессор Гурен, медленно поднявший глаза от стопки тетрадей… Его жена со своими шубами в лоджии… Ровак, мечтающий о миниатюрных шахматах… И наконец, Барбара Кральская.

В то утро, когда Ольшак позвонил в дверь соседей Сельчика справа, ему пришлось долго ждать, прежде чем на пороге появилась молодая женщина. Отбросив со лба волосы, она с удивлением посмотрела на Ольшака. Женщина была красива и принадлежала к тому типу брюнеток, который больше всего нравился инспектору.

— В чем дело? — спросила Кральская.

Ольшак представился, и женщина пригласила его войти, извинившись за беспорядок в комнате. В ее голосе чувствовалось легкое беспокойство.

— Что случилось? — снова спросила она.

— Простите, — Ольшак всегда ощущал себя неловко в квартире одиноких женщин и поэтому присел на самый краешек кресла. — Позвольте узнать, — сказал он, — эту ночь вы провели дома?

Кральская улыбнулась:

— В первый раз ко мне приходят из милиции. Это значит, что мне нужно алиби. Меня в чем-то подозревают?

Платье не прикрывало ее коленей. Ольшак опустил глаза и

достал сигареты.

— Сегодня ночью вас ничто не разбудило?

— Нет, а что? — Снова легкое беспокойство: — Вламывался кто-нибудь? Но ведь дверь была заперта.

Она взяла в руки коричневую сумку, небрежно брошенную на тахту, заглянула в нее, потом подошла к шкафу.

— Что-нибудь пропало? — спросил инспектор.

— Да нет, — Кральская взглядом обвела комнату. — Ночь я, конечно, провела дома. Я замужем, но мой муж часто бывает в командировках. Сейчас он в Варшаве и должен вернуться только сегодня вечером. Но в чем дело? Или инспекторов милиции интересует моральный облик замужних женщин? Как они проводят время, когда мужей нет дома?

— Нет, нет, избави боже!

Ольшак оправдывался, пожалуй, слишком энергично. Поэтому он переменил тему и рассказал ей о смерти Сельчика. Инспектор был уверен, что она только от него услышала об этом: слишком искренним было ее удивление.

— Жених Иоланты? Не может быть!

— Вы знаете Иоланту Каштель?

— Конечно, это моя приятельница, то есть она работает в управлении, а я в одном из наших пунктов обслуживания, но время от времени мы встречаемся и ходим в кафе…

— Когда вы в последний раз видели Сельчика?

— Я вообще его редко видела, — медленно сказала Кральская. — Иоланта как-то познакомила меня со своим женихом, и это все. Он, если хотите знать, избегал общества и ни на кого, кроме Иоланты, не обращал внимания.

— Она жаловалась на что-нибудь?

— Никогда, — отрезала Кральская. — Инспектор милиции должен это понимать. Она его любила.

Женщина вдруг встала с тахты и вышла в лоджию. Спустя мгновение Ольшак последовал за ней, и перед его глазами возникла знакомая картина: квадрат двора, выложенный бетонными плитами. Если бы эти плиты были двухцветными, они бы походили на гигантскую шахматную доску. Внизу маленький мальчик учился ездить на велосипеде.

— Я должна немедленно пойти к Иоланте, — сказала Кральская.

— В котором часу вы вчера возвратились домой?

— Так это в самом деле вас интересует? Что же, я могу сказать. Довольно поздно, около одиннадцати. И представьте себе, сразу же легла спать. А спала я, пан инспектор, как убитая, и только вы меня разбудили.

Вот и все. Очевидно, инспектор Ольшак перестал бы, хотя и без большой охоты, интересоваться Барбарой Кральской, если бы не сведения, которые сообщила некая Софья Галак. Допрашивал ее поручик Кулич. Ее фамилию еще ночью записал милиционер из опергруппы, так как она весьма активно, хотя и несколько шумно, успокаивала во дворе Иоланту. Милиционер обратил внимание на то, что Галак единственная из жильцов была совершенно одета, но Куличу она сразу, не дожидаясь вопроса, доложила, что в тот вечер даже не прилегла.

— Да, конечно, я не спала! Я никогда не сплю, когда поджидаю своего старика, а он опять напился в каком-то притоне, мерзавец! Мы живем на самом верху, лоджии у нас нет, и я поджидала его, сидя у окна…

— И что же вы увидели?

— Что-то упало из лоджии девятого этажа и грохнулось о землю. Это было, по-моему, спустя десять минут после того, как вернулся пан Кральский.

— Пан Кральский? А откуда вам это известно?

— Да, понимаете, лифт до нашей мансарды не доходит, поэтому, когда я ночью слышу, что кабина останавливается на девятом этаже, то выхожу на площадку и смотрю вниз, чтобы мой старый где-нибудь на лестнице не заснул. А с площадки видна дверь Кральских, только их дверь. Поэтому, когда я увидела, что пан Кральский возится с замком, а он у них, знаете, всегда заедает…

— Вы уверены, что это был пан Кральский?

— А кто другой мог собственным ключом отпирать дверь? Пан Кральский, как и мой, часто возвращается домой ночью.

— Когда же вернулся ваш муж?

— Он вообще не пришел, пан инспектор, утром я нашла его в вытрезвителе.

3

Обо всем этом Ольшак и доложил майору Керчу. Начальник отдела вопреки своему обычаю долго молчал.

— Хочешь продолжать это дело, Ольшак?

Инспектор пожал плечами, ответ был не нужен.

— Два часа назад, — сказал Керч, — я был уверен, что ты ломишься в открытую дверь.

— А сейчас?

— Не знаю. Мужчина в сером пальто, часы, неизвестные отпечатки пальцев, адрес у того парня. Конечно, все это может ничего не значить. В то же время настораживают меня три факта:

ложь Кральской, происшествие на вокзале, если, конечно, принять гипотезу, что оно как-то связано с делом Сельчика, и признание этого Козловского. Почему он сознался в совершенной краже?

— Чаще всего люди признаются тогда, когда боятся, что и так все выйдет на поверхность, — сказал Ольшак.

— Ты проверил, было ли сообщено в милицию об этой краже?

Нет, он еще не успел. Начальник поднял трубку. Через несколько минут он получил ответ. Владелец магазина Антоний Спавач никогда не сообщал о краже или взломе.

Ольшак и Керч переглянулись. Конечно, они оба сталкивались с людьми, признающимися в несовершенных преступлениях. Вот хотя бы недавно тот мужчина, который утверждал, будто убил женщину на шоссе под Ольшанкой. Следствие, однако, установило, что убийцей был совсем другой человек. Но на сей раз преступления не было, по крайней мере, в милицию сообщений о преступлении не поступало.

— Надо съездить к этому Спавачу, — решил, инспектор.

Майор Керч открыл шкаф и бросил на стол клоуна из разноцветных лоскутков, размером с сигаретную коробку, в колпаке, с тоненькими негнущимися ножками и с одним большим голубым глазом.

Ольшак посмотрел на куклу с явным удивлением, потом взял ее со стула и расправил на ладони.

— Откуда ты его взял? — спросил он.

— А ты что, видел когда-нибудь такого?

Странно! Точно такой же тряпичный клоун лежал на тахте в квартире Сельчика. Ольшак обратил на него внимание, так как это была единственная вещь, свидетельствующая о том, что квартиру магистра навещала женщина. Ведь только женщины любят такие безделушки.

— Ты видел такого? — переспросил Керч.

Ольшак рассказал.

— Теперь их два. — В голосе майора послышалось легкое замешательство. — Нужно было отдать его тебе еще несколько дней назад, да, прости, забыл. Наши люди нашли его под дверью ювелирного магазина, когда приехали туда после взлома. Ювелир не знает, откуда он взялся.

Инспектор спрятал клоуна в карман. До Варминьской улицы было недалеко. Ольшак шел вдоль стареньких домишек, карнизы и украшения которых были изрешечены пулями еще в сорок четвертом году. Несколько шагов от центра, и уже маленькие дети играют посреди улицы, водитель автобуса жмет на сигнал, пожилая женщина с сеткой, полной яблок, стоя на краю тротуара,

с ужасом смотрит на цветной мячик, который катится прямо под колеса. Ольшак вспомнил, как стоял на этом углу в сорок пятом, с автоматом, в штатской одежде, с повязкой; из окон второго этажа спускался бело-красный флаг, на балконе стоял Тадек Кшемский. А когда раздался выстрел и Тадек оперся грудью о барьер, все сначала думали, что ничего не произошло. Парня, который стрелял, потом поймали (это было самое первое дело Ольшака в милиции). Убийца ничего не говорил, а они, такие же молодые парни, как и он, допрашивали его много часов подряд, наконец Ольшак не выдержал и сказал, что больше не может. Он целыми часами ходил под этим балконом, на котором погиб Тадек. Тогда же он решил бросить работу в милиции, но ему сказали, чтобы он не был бабой, и послали в офицерскую школу, а он еще много лет не мог забыть лица того парня, что стрелял в Тадека.

Внезапно Ольшак оказался в толпе, старенькие домишки исчезли, и перед ним развернулись частные магазины. Проходя мимо ювелирного магазина Броката, Ольшак отметил про себя новые металлические жалюзи на витрине. Потом он миновал модный салон Адамца, шляпную мастерскую Василевского, наконец, знаменитую кондитерскую Ратайя. Магазин Антония Спавача располагался немного дальше, среди других похожих, как близнецы, магазинчиков, торгующих кофточками, сумочками и всякими заграничными мелочами, происхождение которых зачастую было довольно темным.

У витрины стояло несколько женщин, однако в магазине было пусто. Элегантная блондинка при виде инспектора улыбнулась очаровательной улыбкой, а когда он спросил о пане Спаваче, без слов исчезла в задней комнате. Пока она отсутствовала, Ольшак разглядывал кофточки, подумывая про себя, что хорошо бы прийти сюда с женой, если в октябре он получит премию. Вдруг на нижней полке среди дамских сумочек он увидел тряпичного клоуна, точно такого же, как тот, что лежал у него в кармане и которого он видел у Сельчика. Те же тоненькие ножки, цветастый колпак и большие голубые глаза из бусинок.

— Вы ко мне?

Антоний Спавач, безукоризненно одетый, уже седеющий мужчина высокого роста, был похож скорее на дипломата, чем на торговца.

Ольшак представился. Лицо Спавача осталось спокойным, на нем была все та же ласковая улыбка. Он попросил инспектора пройти в заднюю комнату, где они и расположились среди коробок и ящиков, в беспорядке наваленных у стен.

— Чему я обязан столь неожиданным визитом?

— Мы получили донесение о попытке ограбления вашего магазина, — сказал Ольшак, сделав ударение на слове “попытка”. — Это правда?

Спавач бросил на стол пачку американских сигарет и равнодушно сказал:

— Если кто-то и пытался, то так ловко, что я даже не заметил.

— Давно у вас этот магазин?

— Седьмой год, — опять улыбнулся Спавач. — Очевидно, судьба одарила меня счастьем и хорошими замками. Никто ничего никогда не крал, пан инспектор, а если бы что-нибудь и пропало, то к кому бы я обратился, как не к вам, в нашу дорогую милицию?

Инспектор взял со стола сигарету и полез в карман за спичками. Рука его наткнулась на лоскутного клоуна. Ольшак зажал его в ладони и, когда Спавач протянул ему зажигалку, посадил куклу себе на колено. Это было сделано не преднамеренно, но Ольшак сразу заметил, как Спавач побледнел, стряхнул пепел на брюки и с трудом овладел собой. Замешательство продолжалось одно мгновение. Затем ласковая улыбка снова заиграла на губах торговца.

— Вы любите игрушки?

— Люблю, — сказал Ольшак. — И в этом, по-моему, наши вкусы сходятся. Не скажете, где вы купили своего?

Спавач заколебался.

— Не понимаю…

— Я имею в виду клоуна на полке с сумками. У вас ведь такой же, только мой одноглазый.

Торговец засмеялся.

— Вы заметили? Ходила как-то из магазина в магазин какая-то баба, может, нищенка, может, незаконная торговка, и носила тряпичные игрушки. Ну я и купил из жалости, и, думаю, не только я.

— У вас тогда ничего не пропало?

— Избави бог, пан комиссар.

— Ну уж если вы хотите меня титуловать, то я не комиссар, а инспектор.

— Я невероятно тронут, пан инспектор, — фразы Спавача были вежливыми до приторности, — неустанной заботой нашей милиции о частной собственности рядового гражданина, но мне действительно не на что жаловаться. Если только на финуправление. — Он встал. — Может, выпьем? Рюмка мартини нам не повредит.

Инспектор не отказался. Он смотрел, как Спавач наполняет

рюмки: сначала несколько капель себе, потом осторожно, чтобы не пролить, тоненькой струйкой наполнил его бокал.

— Не правда ли, забавно, что человека могут подозревать в действиях, совершенных во вред себе? А если, допустим, я не сообщил бы о краже в своем магазине, это что, преступление?

— Вас это интересует?

— Чисто теоретически, пан инспектор.

— Сокрытие преступления карается законом.

Спавач широко улыбнулся.

— Конечно, если преступление имело место. Если человек установил, что на его собственность кто-то покушается.

Инспектор положил клоуна на ладонь. Смешное тряпичное создание с одним глазом все же притягивало к себе Спавача. Ольшак допил мартини и какое-то время прислушивался к диалогу красивой продавщицы с клиенткой.

Дамская кофточка, последний крик парижской моды, утверждала продавщица, сидит на покупательнице как влитая и стоит тысячу злотых.

…В управлении дел было немного. Допрос Козловского Ольшак перенес на следующий день. Интересно, откажется ли он от своего признания в краже? Придется его выпустить, самое большее, отругав за то, что он хотел ввести в заблуждение милицию. Ольшак был уверен, что Козловский что-то скрывает, чувствовал, что речь идет о более важных вещах, чем простая кража, и что страх молодого человека имеет под собой почву. И наконец, было еще кое-что, касавшееся его лично, о чем он все еще не хотел думать.

Он вызвал сержанта Тадека Келку. Все в уголовном розыске знали, что Ольшак умеет подбирать кадры. Сколько инспектор ругался с начальником отдела, прежде чем Келка и Марыся Клея вошли в его группу!

Тадек Келка обладал просто бесценным качеством — даром перевоплощения. Он был одинаково естествен как в роли простого шофера — эдакого рубахи-парня, что перевезет налево какой угодно товар, так и в модных тряпках фарцовщика, которому улыбается даже гардеробщик из “Орбиса”.

Келка читал детективный роман, когда его вызвал Ольшак.

— Ни новых детективов, ни интересных дел, — сказал сержант, усаживаясь в кресло.

— Есть у меня для тебя одно такое дельце… Знаешь Антония Спавача?

Едва Ольшак произнес это имя, как Келка сообщил, что кофточки у Спавача дороже, чем где-либо, а сам Спавач — пижон, у которого хватает забот, помимо перепродажи тряпок.

— Каких?

— Пытались прощупать его недавно, когда начался бум на доллары. Помните, у нас была самая высокая цена в Польше? Неизвестно, кто их скупал. Ходили вокруг Спавача и других, но так ничего и не удалось установить. К Спавачу приезжал один снабженец из Варшавы. Черт его знает зачем.

— Займешься торговцем?

— Попробую, — сказал Келка. — Если справлюсь, сам себя ужином угощу.

Ольшак подумал, что парень, очевидно, знает больше, чем говорит, но придет с рапортом не раньше, чем соберет нужные сведения. Ведь всем известно, что Тадек Келка не любит дробить свои успехи по мелочам.

4

Ольшак вышел из автобуса и смешался с толпой пожилых мужчин, возвращающихся с работы. Он шел по узкому коридору улицы Сверчевского, вдоль лесов, которые здесь стоят, наверное, уже больше года. В мясном магазине он встал в очередь: жена просила купить его колбасы для бигоса. Конечно, он должен был сделать это раньше, но закрутился и забыл. Блондинка за прилавком улыбнулась Ольшаку, она видела его как-то в мундире. Расплачиваясь у кассы, он вдруг увидел Янека под ручку с красивой брюнеткой. Они шли к остановке. Ольшак не был знаком с этой девушкой и с грустью подумал, что слишком мало знает о своем сыне. Впрочем, мог ли он знать больше? Янек всегда неохотно говорил о себе, а в последние два года, то есть с момента поступления в институт, редко приводил кого-нибудь домой. “У нас для этого слишком маленькая квартира”, — оправдывался он.

Квартира действительно была небольшая: две комнаты на четвертом этаже старого дома, но Ольшак никогда и не добивался большего. Да ему больше и не было нужно. Приходя домой, он обедал, затем укладывался на тахту с газетой в руках и тут же засыпал. До его сознания доходили лишь отдельные слова из монологов Гражины. Потом он внезапно вскакивал и опять уезжал в управление. В кино они с женой ходили редко. Впрочем, Гражина любила детективы, а Ольшак их терпеть не мог. Он предпочитал фильмы о войне, которые напоминали ему о молодости. Гражина считала, что он никогда не избавится от воспоминаний тех лет.

— Ты страшно несовременен, — часто говорила она.

Это значило, что они не отдыхали в Болгарии, что мебель

слишком стара, телевизор часто ломается, что он не умеет прилично одеться и не заботится о жене.

Гражина кончала работу в три часа и обедала одна, а потом, сидя напротив него, смотрела, как он глотает суп.

— Ты даже не замечаешь, что ешь, — говорила она.

Когда они познакомились, Гражина была санитаркой в их батальоне. Она хотела стать врачом, но родился Янек, и ей пришлось пойти на работу в городской совет. Там ее оценили как прекрасную машинистку, а потом она стала заместителем начальника отдела. Ольшак даже и не знал толком, в чем заключается ее работа, в этом лучше ориентировался Янек. “Мама, — часто говорил он, — когда мы идем вместе по улице, ты выглядишь как моя сверстница”. Она его обожала.

В другой комнате стоял стол Янека и шкафчик для его вещей. На стене фирменные наклейки отелей мира — увлечение Янека. Он очень любил географию, хотя и учился в политехническом.

Ольшак открыл шкаф сына. Что здесь творилось! На белье — книжки, тетради между рубашками, а внизу Ольшак заметил свою старую офицерскую сумку, о которой успел уже забыть. Он привстал на цыпочки, чтобы достать с верхней полки цветной свитер из тонкой шерсти. Ольшак видел его на Янеке, но как-то не интересовался, откуда он у него. Свитер был точно такой же, как и в магазине Антония Спавача, с такой же маркой французской фирмы. Ну да, так и есть. “Мой знакомый Войцех Козловский”.

Это произошло недалеко от толкучки. Ольшак подъехал на служебной машине и около пивного ларька, в котором заправляла старая перекупщица Маевская, хорошо известная Ольшаку, заметил Янека и Козловского. Инспектор пожал руку Козловскому и спросил сына, почему он не на лекциях. Янек пробормотал что-то о свободном дне, а Козловский широко улыбнулся. Наверняка из-за бинта на голове Ольшак сразу не узнал его тогда, в своем кабинете… На пороге появилась Гражина.

— Обед стынет, — сказала она. — Что ты здесь делаешь?

— Откуда этот свитер? — спросил Ольшак.

— Янек купил его по случаю на свои сбережения, — она улыбнулась.

— Сколько заплатил?

— Не помню. Ну что ты цепляешься к мальчику?

— Когда он придет?

— Скоро. Только проводит Боженку до остановки.

Значит, эта девушка все-таки была здесь!

Боженка.

В первый раз Ольшак слышал это имя. Инспектор с грустью

подумал, что, когда он уйдет на пенсию и у него появится свободное время, он вряд ли будет нужен еще Янеку.

На этот раз он действительно не замечал, что ел. Когда вошел Янек, сказав, как обычно, “привет, отец”, Ольшак сразу же спросил его о свитере.

— Хороший, правда? Ценная тряпка, — охотно объяснил сын, — и на все случаи жизни.

— Когда ты купил его?

— Перед каникулами, — сказал Янек.

— Пожалуй, еще в мае, — заметила мать.

— У кого и сколько заплатил?

— Что случилось? — Янек, казалось, не замечал серьезного тона отца.

— Отвечай, раз отец спрашивает.

Гражина удивленно посмотрела на мужа.

— Триста злотых, — ответил, помедлив, Янек. — А купил я у Козловского, помнишь, с которым я тебя знакомил. Он получил посылку из-за границы, и у него было три или четыре таких свитера.

— Откуда ты его знаешь?

— Козловского? — Янек рассмеялся. — Этого проныру все знают. Когда-то учился в нашем институте.

— И часто ты с ним встречаешься?

— Очень редко. С тех пор я его и не видел. А в чем дело?

Ну конечно, он должен сказать сыну, что думает о подобных контактах.

— А не кажется ли тебе, — взорвался вдруг Ольшак, — что такой свитер стоит гораздо дороже и, значит, получен нечестным путем?

— Нужно пользоваться случаем, — равнодушно ответил Янек.

— Где ты встречаешься с Козловским?

— Раз или два видел его в “Спутнике”. Да скажи ты наконец, в чем дело?

О послеобеденном отдыхе не могло быть и речи.

Когда Янек ушел в свою комнату, настала очередь объясняться с Гражиной. Пришлось сказать ей правду, так как она была не из тех, от кого можно легко отделаться.

— Я подозреваю, что этот свитер краденый.

Гражина внимательно смотрела на мужа сквозь очки. Когда-то у нее были огромные голубые глаза.

— Профессиональная бдительность?

— Не шути. Я действительно боюсь за Янека. А вдруг мне придется…

— Что придется?

— Получить от Янека официальные показания.

Она встала.

— Послушай, Вацек… Этого ты никогда не сделаешь… Если свитер краденый, Янек его отдаст. Только не вмешивай его в свои дела.

— Он сам вмешивается, — заметил инспектор.

— Янек порядочный и правдивый мальчик, — в голосе жены не было и тени сомнения. — Я сама с ним поговорю и попрошу больше не встречаться с этим Козловским.

— Гражина, мы ничего не знаем о Янеке.

— Ну не скажи, — ответила она сухо. — Это ты не знаешь, ведь у тебя никогда нет времени.

Позднее, когда он собирался уходить и снял с вешалки дождевик, так как на улице накрапывало, Гражина вернулась к этому разговору.

— Вацек, — сказала она тихо. Теперь в голосе ее явно слышалось беспокойство, — случилось что-нибудь серьезное?

— Не знаю, — искренне ответил Ольшак. — Может быть, это случайное совпадение. Видишь ли, то, что Козловский продавал свитеры, может иметь значение для одного следствия.

— И что ты сделаешь?

Он пожал плечами.

— Что бы ты ни предпринял, — произнесла жена, — не вмешивай в это Янека.

В управлении было тихо и пусто. Перечитывая протоколы показаний, Ольшак выпил свой кофе. Забежавший на минуту Кулич объявил, что завтра похороны Сельчика. Ольшак решил пойти, хотя и не отдавал себе отчета, зачем ему это нужно.

5

Пыль от промчавшегося мимо грузовика медленно осела, шум мотора исчез вдали, и снова слышался только стук колес повозки, на которой стоял гроб. Ухабистая дорога от костела до кладбищенских ворот, протяженностью около полукилометра, проходила вдоль старой стены и цветочных лотков. Людей в траурной процессии было мало, они медленно брели под слепящим солнцем и невольно ускорили шаги, когда на них повеяло кладбищенской прохладой. Шедший впереди ксендз поднял крест над головой и свернул в боковую аллею. Процессия миновала старые могилы, о которых уже никто не заботился. Ольшак немного отстал, облюбовал себе наблюдательный пункт на пригорке, с которого был виден ксендз, служивший панихиду, и все остальные, столпившиеся у гроба. Иоланта стояла рядом со старой женщиной в черном, теткой покойного. Ольшак познакомился с ней еще перед началом похорон у костела, где она вместе с Иолантой сидела на лавочке. У старушки была сухая ладонь, маленькие глазки внимательно изучали инспектора.

— Он был добрым мальчиком, — сказала она. — Каждый месяц присылал мне триста злотых.

Как она утверждала, Сельчик всегда помнил о ней, хотя виделись они редко. Иногда забегал на полчаса, когда приезжал в Варшаву. Он с детства был таким: вечно чем-то занят. После варшавского восстания, когда она взяла его к себе, он целыми днями лазил по развалинам и приносил домой бог знает что: всякий старый хлам, какую-то жесть. Все это пришлось выбросить, когда ей как заведующей столовой дали квартиру на Праге. Учился Конрад хорошо, ничего не скажешь, но друзей у него было мало, а может, она просто не знала о них. Когда подрос, много читал, и не обязательно учебники. Он всегда был тщеславным, часто говорил: “Посмотри, как люди живут, какая у них мебель, радиоприемники, одеваются как, а мы что?”

Много она ему дать не могла, но голодным он не ходил. А теперь чтобы сам?.. Когда пришла телеграмма, она думала, что произошел несчастный случай, автомобильная катастрофа. Никак не могла поверить Иоланте, что Конрад покончил с собой.

Старушка встала с лавочки и направилась к костелу.

— Ксендзу ни слова, — сказала она грозно. — Я бы не перенесла, если бы его как собаку зарыли в землю…

Ольшак задержал ее еще на минуту и спросил о часах. Да, после окончания школы она подарила ему хорошие заграничные часы, чтобы на всю жизнь. И выгравировала на них дату.

Ксендз окропил гроб, и могильщики взялись за лопаты.

Старушка заплакала. Иоланта неподвижно стояла с ней рядом, лицо ее было скрыто под темной вуалью. В косых лучах солнца, пробивающегося сквозь ветви деревьев, вся эта сцена выглядела несколько театральной. Инспектору казалось, что это длится слишком долго и уже надоело всем, равнодушным и наверняка уставшим. Профессор Гурен в черном, чересчур длинном пиджаке взял под руку жену и медленно направился к выходу. Барбара Кральская подошла к Иоланте. Дворник с женой держались чуть поодаль, как бы подчеркивая свою непричастность и в то же время готовность отдать последнюю дань уважения человеку, который не имел к ним никакого отношения. Высокого мужчину в коричневом костюме инспектор уже видел раньше: это был шеф Сельчика. Ольшак вспомнил о Роваке: в костеле он был, потом куда-то исчез. Инспектор оглянулся и заметил его рядом с собой. Очевидно, старший провизор стоял здесь давно, маленькой пилочкой он старательно чистил ногти и, казалось, был всецело поглощен этим занятием.

— Вы меня не заметили, — усмехнулся он. — А я тоже предпочитаю на все смотреть издали.

Старушка опустилась на колени на свежую землю, скрывшую гроб. Ксендз отдал кропило прислужнику и быстро направился по аллее к главным воротам.

Ольшак тоже двинулся к выходу, но Ровак задержал его:

— Подождите немного. Сейчас они столпятся у выхода, польются соболезнования. Неужели вам хочется на это смотреть?

Инспектор промолчал. Ровак вынул сигару.

— Такие так и кончают, — сказал он и взглянул на инспектора, как бы ожидая подтверждения своим словам. — Чистые, святые, недоступные, — добавил он неожиданно и тихо рассмеялся. — Но чем была бы жизнь без мелких грешков, не правда ли, пан инспектор?

— Я вас не совсем понимаю, — заметил сухо Ольшак и пошел по аллее; обе женщины в черном уже миновали ворота.

— Например, рюмочка коньяку, — шепнул Ровак. — После этих похорон поминок не будет, так что никого из нас не пригласят добром помянуть покойного. — Ровак облизал пересохшие губы. — Вы не представляете, каким он был жестоким человеком, этот Сельчик.

— И неподкупным, правда?

Лицо Ровака не дрогнуло.

— Простите, но из вас на каждом шагу, даже на похоронах, вылезает инспектор милиции. Неподкупным можно быть по-разному. Разве я, например, похож на человека, берущего взятки,

а? Впрочем, может, и похож, — признался он самокритично. — Вы считаете, что это так? Я не выставляю напоказ своей чистоты, не мозолю ею людям глаза, не являюсь служителем святой торговой инквизиции, я просто обыкновенный чиновник.

— Нечем хвалиться, пан Ровак?

— А вдруг есть? По-вашему, лучше смотреть на людей как на пустое место, не замечать девушек, знакомых? А он часто мог на тебя взглянуть словно на столб!

— О мертвых плохо не говорят, — напомнил Ольшак.

— Вы шутите. По-моему, вы только тем и занимаетесь, что вытягиваете из меня эти признания, делая вид, что они вас не интересуют.

— Вы его очень не любили?

— Не любил, — признался ревизор и замолчал.

На улице совершенно не было тени. Иоланта и тетка Сельчика уже уехали. Ровак пошел к служебной “варшаве” своего шефа. На автобусной остановке одиноко стояла Барбара Кральская. Инспектор подумал, что, собственно говоря, мог бы взять машину, но с ними в комендатуре вечные хлопоты, да, кроме того, он и не обязан был ехать на кладбище. Ольшак вдруг почувствовал, как он устал. “Слишком много ношусь по городу, — подумал он. — Вот спина и разболелась”. Инспектор встал рядом с Барбарой Кральской.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал он, может быть, излишне резко.

Она с удивлением посмотрела на него.

— Мне прийти в милицию?

— Нет, я сам зайду к вам на работу.

В автобус они сели вместе. Было еще несколько свободных мест, но на следующей остановке инспектор уступил свое место женщине с ребенком. Стоя в толпе, он смотрел сверху на темные, гладко причесанные волосы Кральской.

В последнее время Ольшак часто вспоминал ее. Сначала он думал, что она по каким-то неизвестным ему соображениям выгораживает мужа. Соседка сказала, что Кральский вернулся около часу ночи, то есть за несколько минут до смерти Сельчика. Показания Софьи Галан вряд ли стоило подвергать сомнению, с лестничной площадки действительно видна только дверь квартиры Кральских, это проверяли и он и Кулич. Да и зачем соседке врать? Значит, врала Кральская… Но почему? Даже если бы Кральский был свидетелем самоубийства, ему это ничем не грозило. Ольшак подумал, то богатое воображение осложняет жизнь офицера милиции, ибо он начинает строить слишком много версий. Но ничего не попишешь: приходится действовать

на ощупь. Инспектор решил еще сегодня допросить Войцеха Козловского. Может, все-таки стоит его выпустить? Сомнительно, чтобы прокурор подписал ордер на арест, ведь есть только признание, и никаких доказательств совершенного преступления. Гораздо большее значение, чем эта кража, имеет бумажка с адресом. Если действительно имеет… Этих “если” и “может быть” было слишком много. “Не стоит торопиться, — подумал инспектор, — вдруг что-нибудь прояснит дело”.

На Партизанской улице автобус попал в “пробку”. Кральская поднялась и, улыбнувшись Ольшаку на прощанье, стала протискиваться к выходу. Ольшак посмотрел на часы. Лясочак уже, наверное, ждал его в парке. Автобус медленно двигался по узенькой улочке, но, вырвавшись наконец на простор, бодро покатил к площади Свободы. От остановки до ворот парка было еще с полкилометра. Ольшак еле плелся, вспоминая слова врача. “Больше движения, Ольшак, — говорил тот, — ты ведешь сидячий образ жизни. Твоему сердцу нужен кислород”. Ну что ж, сегодня оно получило приличную порцию.

В парке было пусто. На лавочках центральной аллеи сидело несколько женщин с детьми, но на тропинке, ведущей к пруду, Ольшак никого не встретил. Только на деревянном горбатом мостике, соединяющем два озерца, инспектор заметил Лясочака.

— Я думал, вы уже не придете, — сказал тот, тревожно оглядываясь по сторонам.

Инспектор вынул пачку сигарет и предложил Лясочаку закурить, потом тяжело оперся о перила и с наслаждением затянулся. Лясочак молчал. Если бы он знал что-нибудь интересное, выложил бы сразу, не дожидаясь вопросов. Жил он у Виктории, скупщицы краденого, в одном из предместий. Виктория, разбитная бабенка, судилась уже неоднократно за нелегальную продажу водки и за спекуляцию. Со своими поклонниками она обращалась довольно грубо, кажется, даже била их. На толкучках, где она появлялась в цветастых платьях и высокой шляпе с полями, ее называли Графиней. Она не требовала от своих сожителей слишком многого, любила послушных и предоставляла им стол и жилье. Поклонник иногда приносил товар, покупал водку, но она никогда не настаивала, чтобы он слишком рисковал собой. Лясочак жил у нее уже несколько лет, побив своеобразный рекорд: так долго еще никто не задерживался у Графини. Жил он скверно. В кухне под окном стояла железная кровать, матрац был грязный и рваный, небрежно прикрытый цветным покрывалом. Под этой кроватью в коробке три года назад Ольшак нашел шубу, украденную у одной актрисы из квартиры на площади Свободы. Лясочак тогда сел в

тюрьму. Правда, срок получил небольшой, так как его удалось уличить только в перекупке краденого. Ольшак, который вел следствие по этому делу, решил побеседовать с Лясочаком, когда тот выходил из тюрьмы.

— Почему ты не хочешь работать? — спросил тогда инспектор.

Лясочак даже не ответил. Попросил папиросу, спрятал ее в карман и вернулся к Графине. Через несколько месяцев они встретились снова. Милицейский патруль застал Лясочака на месте преступления, когда тот взламывал дверцу "варшавы", чтобы стащить бутылку коньяка, оставленную на заднем сиденье. Лясочак попросил о свидании с Ольшаком. Похудевший, с синими кругами под глазами, он жадно смотрел на стакан чаю, стоящий на столе.

— Что, Графиня кормить перестала? — спросил Ольшак.

— Не хочу в тюрьму, — сказал Лясочак. — Честное слово, больше не буду.

Ольшак спрятал тогда протокол в ящик.

Позднее они встречались в парке или на остановке автобуса. Лясочак много рассказывал о преступном мире. Это доставляло ему некоторое удовольствие, ведь он был там ничем, простой пешкой, вором, которому ни разу так и не удалось сделать собственное дело. В одном он только был непоколебим: никогда не говорил о Графине, но инспектор чересчур не нажимал…

— Что-нибудь нашел? — спросил Ольшак.

Лясочак сжался и опустил глаза.

— Как сквозь землю провалилось, — сказал он и опять тревожно оглянулся. — Давайте сойдем с мостика, пан инспектор, здесь нас видно слишком хорошо. — Говорил он это каждый раз, когда разговор происходил в парке.

Они шли по пустынной аллейке, потом остановились под развесистым каштаном. Издалека доносились голоса детей.

— Излазил всю толкучку, пан инспектор. У Старосты, который торгует серебром, сейчас застой, никакого товара. Очевидно, это сделал кто-то не из наших…

— Ерунда, — пробормотал Ольшак.

— Ей-богу, пан инспектор. Сам удивляюсь. Для такой солидной работы требуется специалист…

— И без тебя знаю. А может, стоит спросить у Графини?

Лясочак сжался еще больше.

— Вы мне не верите? Я говорю чистую правду. У Графини ничего нет.

— Ну ладно, ладно. Приглядись на толкучке. Не думаю, чтобы вывезли это серебро. И еще одно. Меня интересуют часы

марки “Омега”, украденные, вероятно, третьего или четвертого сентября.

— Иголка в стоге сена, — заметил Лясочак.

— Не совсем, — Ольшак описал часы Сельчика и сказал, какая дата выгравирована на корпусе.

— Где их стибрили? — спросил Лясочак.

Инспектор пожал плечами, он не знал даже, были ли они украдены.

— Мне очень нужны эти часы, — сказал он.

Они приблизились к центральной аллее. Ольшак остановился.

— Пожалуй, все. Через три дня на этом же месте.

6

Ночью ему снилось, что он выслеживал Янека на длинной улице, на которой не было ни одного целого дома, только руины, кое-где входы в подвалы и крутые тропинки через развалины. Потом он вспомнил, что это Вроцлав 1945 года, но никак не мог понять, как очутился здесь Янек, ведь он родился только в сорок седьмом. Внезапно Янек оказался на верху оползня, и Ольшаку отчетливо была видна его фигура, протискивающаяся между обожженными стенами, которые соединялись вдали, образуя какой-то странный коридор. Ольшак хотел закричать и не мог, хотел протянуть руку и раздвинуть стены (они были мягкими, словно из пластилина, но уже начинали застывать) и понимал, что через минуту будет поздно.

Он проснулся и увидел над собой испуганное лицо Гражины.

Этот сон почему-то припомнился ему во время беседы с прокурором Стефаняком. Они знали друг друга много лет, можно даже сказать, были приятелями, хотя им и в голову не приходило таким словом определять свои отношения. Время от времени они распивали бутылочку у Стефаняка, который был холостяком и очень этим гордился.

“Ты удивительный чудак, — говаривал Стефаняк. — С виду мужчина как мужчина в соку, что называется, с брюшком, в меру пьющий, неглупый, а простейшее дело можешь представить так, что черт ногу сломит. И самое забавное, часто ты бываешь прав”.

— Ну что у тебя на сей раз, мосье Мегрэ? — приветствовал прокурор инспектора.

На сей раз речь шла о Козловском.

— Говорит, что обокрал Спавача? — улыбнулся прокурор. — А доказательства? Назови мне хотя бы кого-нибудь, кто покупал у Козловского такой свитер. Я вчера в “Деликатесах”, — перевел он

разговор, — купил венгерский коньяк, хороший, правда, чересчур пахучий, но, пожалуй, не хуже грузинского будет. Никогда не пил? Забегай вечерком, познакомлю с блондинкой, которая не прочь стать женой прокурора… Да отстань ты от меня с ордером на арест! Может, парень склонен к шизофрении?

Ольшак все-таки выбил из него этот ордер.

— Пойми, — говорил прокурор, — если Спавач не заявил о краже, то преступления не было. Каждый имеет право поступать со своей собственностью, как ему заблагорассудится. Впрочем, — добавил он, — бывают случаи, когда человек не сообщает о том, что его обокрали, боясь, что раскроются его собственные преступления. Это ты подозреваешь?

Ольшак и сам толком не знал, что он подозревает.

— Через неделю допрошу Козловского лично, — сказал, снисходительно улыбаясь, прокурор, подписывая ордер.

Это значило: если за неделю инспектор ничего не обнаружит, парня придется выпустить. И тогда он, Ольшак, обязан будет включить в дело показания Янека о свитере, купленном за триста злотых, а майор Керч наверняка поручит следствие кому-нибудь другому, ибо Ольшак станет заинтересованным лицом.

Инспектор поднялся, но прокурор предложил еще одну чашечку кофе. Конечно, Ольшак должен был отказаться: с его сердцем нельзя пить столько кофе, но он согласился. Кофе у прокурора был превосходным, очевидно, его секретарше пани Дороте был известен какой-то особый рецепт, или она просто не жалела кофе. Вдыхая аромат, инспектор наслаждался напитком и слушал рассуждения Стефаняка.

— Я не отрицаю, — говорил прокурор, — что в деле Сельчика есть что-то странное. Это каждому заметно, не только тебе. Не сердись, старик, ты же знаешь, что я ценю тебя, хотя ты часто носишься с сумасбродными идеями. Из твоего рассказа следует, что ты подозреваешь убийство. Ну какое же это убийство? Не вызывает ни малейшего сомнения, что Сельчик покончил счеты с жизнью сам. Попробуй заставить человека написать такую записку! На моем веку еще не случалось, чтобы жертва заботилась об алиби убийцы. Шантаж, принуждение, это звучит более правдоподобно, поэтому стоит заняться человеком, которого видела дворничиха и отпечатки пальцев которого были обнаружены в квартире. Ты говоришь о Кральской. Но какая здесь связь? Во всяком случае, держи меня в курсе и никого пока не арестовывай. Больше я тебе ничего подписывать не буду. И загляни на коньячок. Расскажешь о беседе с Кральской.

Ольшак хотел прямо из прокуратуры ехать в приемный пункт мастерской по ремонту электроприборов, где работала Барбара

Кральская, но зашел в парикмахерскую, и это спутало его планы. Усаживаясь в кресло, он взглянул на себя в зеркало и поморщился. Припухшее лицо, заплывшие глаза, под ними сеть густых морщин. Ольшак решил разориться на массаж, хотя никогда этого не делал, и ужасно сконфузился, когда в зеркале увидел входящего Кулича. Правда, у того были свои заботы. Усевшись в соседнее кресло, поручик доверительно сообщил, что близнецы всю ночь орали почти без перерыва, жена сбилась с ног, а брать домработницу слишком накладно, не говоря уже о том, что неизвестно, где ее найти.

Ольшак был уверен, что поручик злорадно улыбается при виде электрической машинки для массажа, хотя в это время мастер покрывал лицо Кулича густой мыльной пеной, а в таких случаях люди, как правило, редко улыбаются.

Из парикмахерской они вышли вместе, и Кулич сразу же доложил о том, что удалось выяснить о Кральском.

На совещание в Варшаву поехали трое, и среди них Кральский. Все они возвратились поездом, прибывающим в 21.07 третьего сентября. Таким образом, Кральский вопреки показаниям своей жены приехал за несколько часов до самоубийства Сельчика и, конечно же, мог вернуться домой в первом часу ночи, как это утверждала соседка.

— Мог, — улыбнулся Кулич, — но не вернулся.

Он разговаривал с Кральским на работе. Этот крупный неуклюжий мужчина примерно сорока лет был очень удивлен его визитом, сказав, что никогда не имел дела с милицией, но сразу же выразил готовность сообщить все, что ему было известно. Кулич объяснил, что речь идет о Сельчике, и поинтересовался, что Кральский может сказать о бывшем соседе. Кральский, не задумываясь, ответил, что он ничего не знает, и сослался на свою жену, которой могло быть известно о Сельчике чуточку больше: ведь именно она их когда-то познакомила. Кажется, Сельчик был женихом какой-то ее приятельницы. Несколько раз они сталкивались в лифте или на лестнице. Нет, он не производил на него приятного впечатления. Судя по всему, Сельчик был человек угрюмый, без чувства юмора, а юмор он, Кральский, ценит превыше всего. Кулич выслушал, не прерывая, этот длинный, но в конечном счете пустой монолог, а потом задал главный вопрос: что пан Кральский делал в тот вечер? Кральский замер и ответил не сразу.

— Вы, очевидно, разговаривали с моей женой, — наконец решился он, — и она сказала, что меня не было дома.

Кулич, ничего не подтверждая и не отрицая, выжидал.

— Я был на совещании в Варшаве, — продолжал Кральский

медленно и осторожно, как бы проверяя реакцию Кулича, но лицо поручика оставалось непроницаемым.

Кральский как будто оттаял, открыл пачку сигарет и предложил Куличу чашечку кофе.

— Пан поручик, — начал он, — я полагаю, то, где я был в тот вечер, не представляет для вас никакого интереса, но мне нет смысла запираться. Я вернулся из Варшавы в 21.07, однако домой не поехал. Моя жена сказала правду… — на мгновение он замолчал. — Надеюсь, вы меня понимаете. Ее я предупредил, что вернусь только на следующий день. Мои коллеги умеют быть деликатными… Кстати, если вас это интересует, — добавил он, — на вокзале я встретил Сельчика.

На этот раз удивился Кулич.

— На вокзале? — переспросил он. — В 21.07? А вы не ошибаетесь?

— Не ошибаюсь, — заявил муж Барбары. — Я как раз выходил из вагона-ресторана, ведь мы возвращались втроем, и вы сами понимаете… я увидел его на перроне. Я даже поклонился ему, хотя он был и моложе, но Сельчик меня не заметил, так как в это время появился тот, кого он ожидал.

— Кто это был?

— Откуда мне знать? Какой-то мужчина. На перроне не очень-то светло, да, впрочем, меня не слишком интересовало, кого ждал Сельчик.

— Может, вы обратили внимание на какую-нибудь особенность?

— Ну я не знаю. Мужчина в пальто и шляпе. — Кральский задумался. — Одного роста с Сельчиком. Впрочем, ведь вы не знали Сельчика? Больше я ничего не заметил. Сельчик подошел к нему, когда я уже уходил.

— Здоровались они приветливо?

— Я не смотрел. Вы, пан поручик, слишком многого от меня требуете.

Итак, от Иоланты Сельчик поехал на вокзал, после чего, очевидно, дождавшись незнакомца, привез его к себе домой, где их и увидела дворничиха. Кто же это был? Почему Иоланта Каштель ничего об этом не говорила? — подумал Ольшак, но на время отогнал от себя эти мысли, ибо Кулич еще не окончил своего рассказа.

— Однако в ту ночь вы все-таки вернулись домой? — сказал Кулич, обращаясь к Кральскому. Тот посмотрел на поручика с искренним удивлением. В глазах его появились жесткие огоньки.

— Ну, если это сказала моя жена, — ответил он, — то ей придется объясняться со мной за эту ложь.

— То есть надо понимать, вас не было дома? — Кулич являл собой спокойствие и предупредительность.

— Конечно. Той ночью я был в другом месте.

— Вы можете это доказать?

— А разве нужны доказательства? Меня в чем-то подозревают? Мне необходимо алиби?

— Нет, избави боже.

Кулич объяснил, что речь идет только о следствии, в котором необходимо перебрать все возможные варианты, чтобы остался единственный, искомый.

— Но это же было самоубийство?

— Самоубийства бывают разные, — ответил Кулич. — Представьте себе, что некто видел пана Кральского, возвращавшегося домой за несколько минут до самоубийства Сельчика. А вы это отрицаете. Кажется ли это подозрительным? Но вас никто ни в чем не подозревает, речь идет исключительно о выяснении некоторых обстоятельств.

Кральский сдался гораздо быстрее, чем этого ожидал Кулич. Он стал вдруг сердечным, сослался на мужскую солидарность и повсеместно известную деликатность работников милиции.

Его монолог даже несколько затянулся. Что греха таить, повествовал Кральский, его семейная жизнь с Барбарой не удалась. Он, Кральский, не видит в этом своей вины, ибо всегда любил дом, мечтал о покое, тишине, детях, жене, готовящей обед и терпеливо ожидающей возвращения мужа. В конце концов мужчине, занятому на трудной работе, это необходимо. Однако Барбара была не такой, она хотела сама работать, скучала без кино, любила рестораны и совершенно не заботилась о доме. Именно это отсутствие заботы об их общем хозяйстве, подчеркивал Кральский, склонило его, домоседа и приличного человека, искать другую женщину.

Кулич слушал, скучая. У Кральского были большие жилистые руки, пальцами он сдавливал чашку с кофе так сильно, что Куличу хотелось сказать: осторожней, сейчас она треснет.

Итак, Кральский нашел другую, прелестную девушку, но Барбаре об этом еще не говорил. Каждый мужчина имеет собственные цепи, которые удерживают его, даже если ясно, что семью сохранить невозможно. С большой неохотой Кральский дал адрес.

— Все это страшно неприятно для меня, — то и дело повторял он. — Если можно вас попросить…

Взяв у Кулича адрес, Ольшак сразу же поехал по нему.

Огромная квартира, перегруженная шкафами. Разноцветные подушки, стилизованный комод, на нем фотографии в рамках. На

одной — Кральский, на второй — пожилой мужчина, застывший в торжественной позе. Оказалось, что Кристина Боярская, вдова мужчины с фотографии, владелица процветающего овощного магазина. Конечно, в юности она мечтала совсем о другом, но вот умер муж, сбережений после него осталось немного, а она должна воспитывать дочь. Маленькая иссушенная женщина сидела на краю дивана и беспокойно смотрела на инспектора. Дочка скоро вернется, объясняла она, но, может, пан капитан скажет, что ему нужно, она всегда жила в согласии с милицией, — это может подтвердить их квартальный. Его жена, очень милая женщина, покупает у нее овощи.

Ольшак спросил о Кральском. Женщина оживилась, но беспокойство ее возросло.

— Это жених дочери, — объяснила она. — Они знакомы уже почти год, но знаете, как это бывает, у него хлопоты с разводом, ну и свадьба откладывается. Интересно, почему милиция им интересуется? Кральский солидный и порядочный человек, он намного старше Анны, но это даже лучше, если мужчина старше: будет больше любить свою молодую жену.

Ольшак объяснил, что милиция ничего не имеет против Кральского: речь идет об обычной формальности, которая не бросит тени на жениха ее дочери. Ольшак терпеть не мог таких разговоров. Очевидно, он все-таки поспешил, и алиби Кральского нужно было установить как-то иначе. Но все же спросил, помнит ли она вечер третьего сентября. Старушка замолчала и прищурилась, припоминая.

— Третьего сентября, — повторила она. — В семь часов я была в кино, после обеда торговала дочь, а потом я вернулась домой. По дороге зашла в “Деликатесы”. Анна просила купить какого-нибудь вина. Стась, то есть Кральский, был уже дома. А почему вы об этом спрашиваете?

— Так, пустяки, — ответил Ольшак. — Формальность. А когда пан Кральский ушел?

Пани Боярская молчала довольно долго, потом вытерла глаза платочком и спросила, на самом ли деле это так важно. Ей бы не хотелось об этом говорить, но если пан инспектор настаивает… Она женщина старого воспитания, вы понимаете, но эта молодежь… В общем, пан Кральский ушел только на следующий день… Кажется, после обеда, так как ему не нужно было идти на работу.

7

Сообщение поручика Кулича и беседа с Боярской

подтвердили, что Барбара Кральская не лгала, сказав, что муж ее не возвращался ночью. Однако соседка продолжала настаивать, что кто-то вошел к Кральским за несколько минут до смерти Сельчика. “Но кто? Скажет ли об этом сама Барбара? — размышлял Ольшак по дороге в приемный пункт, где работала Кральская. — Может, лучше вызвать ее в управление?” Однако Ольшак принадлежал, как говорил майор Керч, к “ходячим инспекторам”, он любил ездить по городу, разговаривать с людьми в их квартирах или на работе, объясняя это тем, что в милиции беседы бывают менее непринужденными.

На углу Партизанской улицы в витрине какой-то лавочки висело зеркало. Ольшак остановился и внимательно оглядел себя. После парикмахерской и при тусклом освещении он выглядел немного лучше, чем утром. Втянув живот, Ольшак попробовал посильнее затянуть ремень и подумал, что слишком мало заботится о себе. Прогулки ему не помогают, очевидно, лучше заняться спортом. Впрочем, какой там спорт с его-то сердцем и ревматизмом… Инспектор усмехнулся и прибавил шагу. Что же скажет Барбара Кральская? На этот раз Ольшак решил не задавать вопросов в лоб, а действовать постепенно и проявить максимум терпения. Интересно, почему эта женщина обманывает его? А может, врут Кральский и уважаемая пани Боярская? В этом деле почти все показания были сомнительными: Козловского, Спавача, Ровака… Инспектор засунул руку в карман и нащупал тряпичного клоуна. Нужно было спросить о нем Иоланту. И еще о человеке, которого ожидал на вокзале Сельчик.

В приемном пункте какой-то молодой человек в кожаной куртке объяснял, что пылесос после ремонта ревет так, что соседи протестуют. А ведь он просил… Кральская улыбнулась, и молодой человек замолчал. Барбара включила пылесос. Шум был такой, что на улице останавливались прохожие.

— Это фабричный дефект, — сказала Кральская. — Мы ничем помочь не можем.

Молодой человек схватил пылесос и выбежал на улицу.

— Сейчас я освобожусь, — Кральская повернулась к Ольшаку. — Только попрошу меня заменить.

Они присели за маленький столик у окна. Сменщица Кральской занялась элегантно одетой дамой, которая принесла электробритву.

— Импортные не чиним. Это можно только частным путем.

— Ну так закройте свою лавочку, — посоветовала дама.

Барбара, подкрасив губы, лукаво улыбнулась Ольшаку, и он испугался, что она может посчитать дело Сельчика только предлогом для знакомства с ней. Или она прикрывается этой

улыбкой? Ведь правды-то она не сказала.

Сменщица с интересом рассматривала их из-за прилавка, и теперь Ольшак пожалел, что не договорился о встрече в кафе. На его счастье, сменщицу отвлек какой-то вспыльчивый человек, красноречиво объяснявший, почему он собирается обратиться прямо в воеводский народный совет с просьбой прикрыть этот горе-ремонтный пункт. Его кофемолку ремонтировали уже трижды, но она вновь не работает…

— Почему я снова должна давать показания? — спросила Кральская внешне беззаботным тоном.

— Речь идет не о показаниях. Просто мне хотелось получить ответ на несколько вопросов и предложить, чтобы мы вместе установили некоторые факты. Все, конечно, останется между нами…

Барбара заверила, что ничто не доставит ей такого удовольствия, как возможность помочь пану инспектору.

— Я бы хотел кое-что спросить о вашем муже. — сказал Ольшак. — Что связывало его с Сельчиком?

Кральская искренне удивилась.

— Но они почти не были знакомы.

— Вы уверены в этом?

— Совершенно. В чем вы его подозреваете? — Она рассмеялась: — Стась и Сельчик? Надеюсь, это несерьезно, пан инспектор?

— Когда ваш муж вернулся из Варшавы? — Инспектор старался перейти на официальный тон.

— Четвертого, после обеда, я ведь говорила. Я пришла домой в половине восьмого, он уже спал. Он так устал…

— Бедняга, — посочувствовал Ольшак. — Может быть, я буду нескромен, если спрошу…

— Будете, — ответила она резко. — Надеюсь, наши супружеские отношения не являются предметом следствия.

— Конечно, — Ольшак утвердительно кивнул головой. — Поэтому вы мне скажете только то, что посчитаете нужным. Но рассудите сами: живущий рядом с вами человек покончил с собой при таинственных обстоятельствах…

— И поэтому моя личная жизнь становится предметом изучения?

— Я действительно не намерен этого делать. Но представьте себе: за несколько минут до смерти Сельчика пан Кральский возвращается домой, а его жена утверждает, что он вернулся на следующий день. Будь вы на моем месте, что бы вы подумали?

— Ерунда! Той ночью моего мужа в самом деле не было дома.

— Если вы не в состоянии отремонтировать настольную

лампу, то за что вам платят? — кричала у прилавка пышная дама в очках.

— Вы видите, какая у меня работа, — кивнула в ее сторону Кральская, закуривая. — Иногда просто больная возвращаешься домой.

У нее были длинные тонкие пальцы с красивыми, покрытыми лаком ногтями.

Ольшак молча вытащил из кармана сигареты.

— Мне известно, — сказал он наконец, — что тон ночью в вашу квартиру кто-то входил.

Ольшак ожидал растерянности или резкой отповеди, но Барбара стряхнула пепел и спокойно спросила:

— Ну и что?

— Это был не муж?

— Ну конечно, не муж. Ведь Стась вернулся только на следующий день.

— Этот мужчина вошел в вашу квартиру незадолго до смерти Сельчика.

— Неправда! — Вот теперь она смотрела на Ольшака с нескрываемым удивлением. — В то время ко мне никто не мог войти. Выходить мог, но значительно раньше.

— Пани Барбара, — заметил Ольшак, — у меня есть свидетели, которым нет смысла врать.

— Свидетели врут, — заметила она и, помолчав, добавила: — Странно…

— Может быть, вы все же соизволите со мной объясниться?

— Представьте себе, соизволю. — Кральская рассмеялась. — Вы очень симпатичны мне, пан инспектор. Сейчас вы услышите о невинном, — смутилась она, — приключении молодой женщины. Что вы на это скажете?

— Буду нем как могила.

Она наклонилась к нему и стала говорить почти шепотом:

— У моего мужа кто-то есть, я знаю. Мне уже давно необходимо было взять реванш, — она запнулась. — Впрочем, не в этом дело. Ко мне в тот вечер заходил один парень. Этого достаточно?

— Нет, — сказал Ольшак.

— Что еще?

— В котором часу он пришел и когда вышел?

— Пришли мы вместе около одиннадцати. До этого посидели в “Спутнике”. Вы там когда-нибудь бывали? Наверное, нет. Там собирается молодежь. Немного пьют, немного танцуют. В тот вечер я выпила больше, чем нужно… Он танцевал только со мной и очень мило за мной ухаживал. Честное слово. Потом он посадил

меня в такси, и мы поехали на Солдатскую. В кармане у него было еще полбутылки вермута. Впрочем, зачем я рассказываю вам о таких мелочах, достаточно, что дома мы выпили по рюмочке, а потом…

Инспектор не задавал вопросов, и Барбара рассмеялась.

— Потом, пан инспектор, все было как в повести для детей. Меня разморило, я заснула и последнее, что я помню, это звук захлопнувшейся двери. Это было самое большее в половине двенадцатого.

— Значит, он возвращался?

— Вы шутите, как он мог вернуться, если у него не было ключей? — Кральская задумалась. — Я отчетливо слышала стук двери. Вы же знаете, иногда сквозь сон хорошо слышно. Проснулась я только от вашего звонка. Больше я ничего не знаю.

Говорила ли она правду? А если да, то кого видела Софья Галак? Предположим, Кральский дал кому-нибудь ключи. Но откуда он мог знать, что его жены нет дома или что она спит так крепко? Крепко спит… Выпила рюмку вермута и сразу же заснула. Может, она была просто очень пьяной?

— Он был у вас в первый раз?

— Кто?

— Этот парень.

— Ну конечно. Разве похоже, что я систематически изменяю мужу?

И вот он, самый главный вопрос:

— А вы не скажете мне, как его зовут?

Женщина рассмеялась.

— Может, это странно, но я на самом деле не знаю. Честное слово. Он назвался Тадеком, а о фамилии я его не спрашивала.

— Что-то не очень верится. Когда вы с ним познакомились? — спросил инспектор.

— За два дня до этого, пан инспектор. Мне позвонила Иоланта…

— Иоланта Каштель, невеста Сельчика?

— Ну да, и сказала, что ей скучно, что Конрад снова занимается своей диссертацией и что мне, наверное, тоже невесело, так как Стася, как обычно, нет дома, и предложила сходить в “Спутник”.

— И что дальше?

— Ничего. Мы заказали два кофе и сидели себе смирненько, сплетничали о знакомых из нашего управления. За соседний столик сели двое мужчин: один пожилой и очень элегантный, а другой тот самый Тадек… Сначала они выпили по рюмочке, потом еще, а потом подсели к нам…

— Иоланта их знала?

— По-моему, нет. Пожилой был при деньгах, так как он заказывал и платил. Он принялся ухаживать за Иолантой, а Тадек за мной. Не скрою, он мне понравился.

— А Иоланте ее поклонник?

— Я, кажется, говорила вам, что Иоланта была влюблена в Сельчика. Потанцует, выпьет рюмочку вина и отделывается от парней. Такой у нее метод. А Тадек договорился о встрече со мной как раз на третье сентября.

— А что было после третьего сентября?

Барбара помолчала.

— Ну хорошо, — сказала она наконец. — Если я вам уже столько сказала, то могу и больше.

— Пожилые люди созданы для того, чтобы выслушивать исповеди.

— “Пожилые люди”, — передразнила его Кральская. — Мой муж ненамного моложе вас. Ну так вот, с того вечера я Тадека уже не видела. Я дважды заходила в “Спутник”, но его не заставала.

— А другого?

— Другой сидел с какой-то большой компанией, и у меня не было желания подходить. В конце концов он даже не поклонился.

Они помолчали. Седой человек ставил на прилавок электрический чайник, а напарница Кральской выписывала квитанцию.

— Это очень важно? — спросила Барбара тихо.

— Что?

— Ну все… Что кто-то мог войти ко мне в первом часу…

— Мне бы хотелось поговорить с этим парнем, — сказал Ольшак.

— Этого удовольствия я вам не могу доставить, — ответила Барбара довольно резко, но сразу же опомнилась: — Извините, но мне бы тоже хотелось с ним поговорить.

— Он вам понравился?

— Немного. Высокий, хорошо сложенный блондин, светлые глаза.

— А какие-нибудь особые приметы?

— Боже, ох уж эти офицеры милиции! Интересный, пан инспектор. Интересный и очень симпатичный.

Больше ей нечего было сказать. Барбара проводила инспектора до двери.

Все могло произойти примерно так… Человек, назвавшийся Тадеком, взял ключи, когда Барбара уснула, а потом вернулся в ее квартиру, около часа ночи. Зачем? Если бы у Кральской что-то

пропало, она наверняка бы сказала. Хотя это минутное замешательство, когда она вспомнила, что у ее знакомого не было ключей. И потом, когда Ольшак был в первый раз у Кральских четвертого сентября утром, хозяйка что-то искала в сумочке, как будто бы обеспокоенная. Может, нужно по-другому поставить вопрос. Зачем Тадек вообще выходил, если собирался вернуться в эту квартиру в час ночи? Кральская была уверена, что ее муж приедет только на следующий день, и вполне могла сказать об этом своему ухажеру. Или Тадек знал, когда появится Кральский? И наконец, главное: какую связь все это может иметь с самоубийством Сельчика. Час ночи… Тадек выходит в лоджию… Молодой, ловкий, перескакивает через барьер, и вот он уже в квартире Сельчика. А дальше? Заставляет написать эту пресловутую записку? Каким образом? Почему?

Гипотеза привела к абсурду. А может, Тадек хотел оказаться в квартире Сельчика после его смерти? Сколько у него было времени? Несколько минут до прибытия милиции. Этого могло хватить Но откуда он мог знать, что Сельчик выбросится из окна?

Так или иначе, прежде всего нужно было установить, кто этот Тадек. Это не казалось инспектору слишком трудным делом. Сразу же по возвращении в управление он вызвал сержанта Марысю Клею. Девушка вот уже несколько дней слонялась без дела, и майор Керч смотрел на это косо. “Отдай Марысю Чулику, — говорил он Ольшаку. — Ему всегда не хватает сотрудников”.

— В чем дело? — спросила Марыся.

— Речь идет о ресторане под названием “Спутник”.

Марыся рассмеялась.

— Кажется, мы должны там иметь постоянного представителя. Все время “Спутник” кому-нибудь нужен. Недавно Чулик посылал туда Костишевского, который целую неделю тратил деньги на кофе и ухаживал за девушками, но так ничего интересного и не обнаружил.

Ольшак объяснил ей, что нужно разыскать парня по имени Тадек, причем буквально в ближайшие часы. Известно, что приятель Тадека, пожилой и элегантный человек по имени Сташек, также бывает в “Спутнике”.

— Будет сделано, — ответила девушка. — У меня там есть ходы. А если парень хоть раз появится в “Спутнике”, кто-нибудь да должен его помнить.

Ольшак описал ей Барбару Кральскую, а потом уже по привычке посоветовал быть осторожнее. Мало ли на что могут быть способны некоторые посетители…

— Ухаживать за девушками, — ответила Марыся, — да

пускать пыль в глаза. Ничего интересного, знаю я эту публику. — Она критически разглядывала свои туфли. — Уже две недели ищу босоножки, — пожаловалась она, — и ничего не могу найти. Может, заняться обувными магазинами?

— Это не в нашем ведении, — ответил Ольшак.

Отправив Марысю и дождавшись кофе, он стал читать рапорт Келки. Келка не любил писать, охотнее рассказывал. Каждый инспектор знает, что отчеты сотрудника только скупые конспекты его обширных наблюдений.

“В 21.30 Антоний Спавач вошел в ресторан “Орбис”, где вышеупомянутый сел за столик с двумя мужчинами, личности которых мне удалось установить, а именно: Ровак Тадеуш и Желковский Винцент, снабженец фабрики “Анилана”. Скандалов или иных нарушений общественного порядка не наблюдалось”.

Рассказывал бы Келка это иначе. Примерно так:

— Сначала, пан инспектор, я увидел машину Желковского перед гостиницей “Орбис”, такой голубой “фиат”, на котором он ездит весь год и, очевидно, скоро поменяет… и никто, пан инспектор, не спросит его, откуда он берет деньги. Знакомый портье в “Орбисе” сразу мне сказал, что пан снабженец приехал, как всегда, на два дня и, как всегда, получил шестой номер с ванной. Ну я пошел на Варминьскую и сел у окна в кафе Ратайя, как раз напротив магазина Спавача. В этом кафе одна официантка думает, что я прихожу из-за нее, и строит мне глазки. Она дала мне двойной кофе, и я спокойно дожидался голубого “фиата”. По правде говоря, меня больше интересовал фабричный грузовик, который развозит товар фабрики “Анилана”. Голову даю на отсечение, пан инспектор, что Желковский поставляет Спавачу налево нейлон, но этому нет ни одного доказательства. “Фиат” приехал перед обедом. Желковский не из трусливых. Он поставил машину прямо перед магазином Спавача и вошел внутрь. Я, естественно, потащился за ним и начал торговаться с блондинкой, продавщицей, о цене свитера, пока она не сказала мне, что я, мол, плохо воспитан. Желковский со Спавачем сидели в задней комнате, стены там тонкие, но я ничего не услышал, так как говорили они очень тихо. Нет, вы мне скажите, пан инспектор, о чем могут говорить снабженец большой фабрики и торговец с Варминьской? Мне пришлось выйти из магазина и ждать Желковского еще полчаса. Он вернулся в гостиницу, а я засел в холле до самого вечера, так как был уверен, что они еще раз встретятся.

Спавач пришел в девять и сразу прошел в ресторан. Его уже ожидал тот ревизор, что курит сигары, Ровак. Неподалеку был свободный столик, я его сейчас же занял и заказал четвертинку,

чтобы официант оставил меня на время в покое. Спавач и Ровак разговаривали очень тихо, и я расслышал всего несколько слов… Спавач повысил голос и сказал что-то вроде: “Вы ошибаетесь, пан Тадеуш, у этой блондинки великолепные ноги”. Потом несколько раз повторилось слово “шахматы”. Спавач говорил о комиссионном, где их можно купить. Официант принес им заливную рыбу и рябиновую настойку, а проходя мимо меня, сделал вид, словно не заметил. Потом они выпили, Ровак залпом, а Спавач только пригубил, видно, боится водки… Нет, пан инспектор, я вовсе не утверждаю, что, если кто боится водки, у того совесть нечиста. Наконец появился Желковский. Я почему-то подумал, что хорошая получилась тройка: торговая инспекция, частная инициатива и снабжение. Желковский и Ровак между собой на “ты”. Желковский сказал: “Рад, что снова тебя вижу”, а Ровак только улыбнулся. Официант наконец принес мне четвертинку. Уже начались танцы, и их внимание привлекла одна очень милая пташка. Ровак хотел было встать из-за стола, чтобы пригласить ее на танец, но Желковский придержал его за рукав. Потом они стали говорить немного громче, так как официант принес очередную поллитровку. Ровак сказал: “Я не видел этого письма”. Спавач же, изрядно пьяный, хоть и пил меньше других, встал, держась за угол стола, и провозгласил: “Выпьем за упокой его души”. Ровак тоже поднял рюмку. “За упокой души Конрада Сельчика”, — повторил он.

Потом Спавач шептал что-то на ухо Роваку, а тот крутил головой и смотрел на меня. Долго так смотрел, а потом встал и подошел к моему столику.

“Я хочу с вами выпить, молодой человек”, — объявил он.

Я ответил согласием и спросил, чему обязан такой чести.

“Мне нравится ваша морда, — сказал Ровак. — Она не подходит к вашей работе”. — “К какой работе?” — спросил я, наполняя рюмки. “За холостяков, — произнес он и угостил меня сигарой. — Эта сигара куплена на собственные деньги. А вам за водку возвращают или нет?” Я покраснел, но оставался спокойным. “Что вы имеете в виду?” — спросил я вежливо. “Ничего, — уверил он меня. — У каждого человека есть свое хобби. Я, например, люблю пить на деньги Спавача. Но и вашу водку охотно пью. Предлагайте тост”.

“Может, за упокой умершего?” — предложил я. “Ах вы слышали?! Стенограмму нашей беседы я пришлю в следующий раз. А сейчас выпьем за здоровье моего друга, инспектора Ольшака”.

Что мне оставалось делать, пан инспектор? Я выпил. Этот Ровак какой-то странный, слишком уж самоуверенный.

Рапорт сержанта Келки кончился следующим образом: “Счет за этот дорогой ужин оплатил Спавач Антоний. Он (счет) составил 1456 злотых плюс 44 злотых чаевые”.

Инспектор Ольшак записал на карточке: “Шахматы. Может, именно шахматы взял этот Тадек из комнаты Сельчика? Установить, кто последний раз проводил ревизию в магазине Спавача”.

Версий было много, нерешенных вопросов еще больше. Двое в “Спутнике”, неизвестная личность на вокзале, снова Ровак.

Ольшак нашел служебный телефон Иоланты Каштель и договорился с ней на следующий день о встрече в квартире Сельчика. Он не собирался вызывать ее в милицию и нашел предлог.

— Вы хотели забрать кое-какие мелочи из квартиры жениха? Можем встретиться там завтра.

8

Инспектор открыл дверь в лоджию. Во дворе стояла тишина, только где-то на нижнем этаже выстукивали одним пальцем гаммы на пианино. Ольшак сел на тахту и взял в руки клоуна, но, подумав, спрятал его в карман. Интересно, заметит Иоланта отсутствие куклы? Три клоуна… У Сельчика, у Спавача, у ювелира. Прокурор Стефаняк рассмеялся: “Совпадение”. Ольшак показал клоуна Козловскому, однако на арестованного это не произвело никакого впечатления. “Кукла какая-то, — хмыкнул он. — Никогда такой не видел”. А вот Спавач побледнел, когда инспектор посадил клоуна себе на колено.

Ольшак подошел к столу и еще раз просмотрел ящики. Может, он что-нибудь пропустил? Нет, все как было: немногочисленные фотографии, документы. Инспектор задвинул ящики. Однако он не мог избавиться от какого-то мучительного ощущения, словно он что-то забыл или что-то ускользнуло от его внимания.

Снова вспомнилась Кральская. Вчера вечером она была в “Спутнике”. Марыся ее заметила и, конечно, подсела, завязала разговор. Они выпили кофе. Все-таки Марыся великолепно справляется с такими делами. Кральская показала ей Сташека, элегантного приятеля Тадека. Фамилия Сташека была Махулевич, однако в данный момент он мало интересовал инспектора. Сейчас нужно было добраться до Тадека, но тот в “Спутнике” не появился.

Вечером Ольшак пошел с женой в кино. Когда они вернулись, Янека еще не было. Он пришел только в час ночи. Ольшак не спал

и слышал, как сын возился на кухне, хотел встать и спросить, где он был, но раздумал. Получилось бы смешно и глупо. В конце концов Янек уже взрослый и делает то, что считает нужным…

Инспектор снова вышел в лоджию и сверху увидел Иоланту, которая наискосок пересекла двор и исчезла в подъезде. Когда Ольшак открыл ей дверь, она молча подала ему руку и вошла в комнату. Девушка села к столу — теперь инспектор видел только ее спину, — долго молчала, потом спросила:

— Можно открыть ящики?

— Конечно, — ответил инспектор.

Осторожно и очень медленно, как будто боясь что-то испортить, она вынимала бумаги, письма, фотографии и, старательно сортируя, раскладывала их.

— Что-то мало здесь бумаг, — сказал Ольшак.

— Я никогда не знала, что лежит в этих ящиках, — ответила Иоланта.

— И ни разу не заглянули?

— Нет. Я имела отношение только к посудному шкафчику. — Она улыбнулась. — Конрад не любил, когда рылись в его вещах.

— У него не было даже вашей фотографии?

— Он всегда говорил, что у него есть я, так зачем ему фотография. Вообще, Конрад не любил ненужных вещей и даже как-то сказал, что в нашем доме никогда не будет тех идиотских мелочей, которые так любят женщины. — Девушка встала и подошла к инспектору. — Вы знаете, иногда меня это пугало, и я боялась Конрада, не понимала его…

— Вы писали ему письма?

— Пару раз из отпуска, и знаю, что он их уничтожал. — Она пожала плечами. — Впрочем, мы с ним почти не расставались. Он мне тоже никогда не писал, только иногда оставлял записку: “Сегодня занят, не приду” и даже никогда не добавлял “целую” или “обнимаю”. Вообще, он не выносил сентиментальных приписок и всякой экзальтации.

— И все-таки вы его любили?

— Любила, — ответила Каштель серьезно. Она села на тахту и погладила покрывало. — Надеюсь, он меня тоже. Не правда ли, это единственная броская вещь в квартире? — переменила она тему. — Это покрывало я покупала.

Ольшак сел рядом с ней. Пожалуй, она была красивее Барбары Кральской, лучше сложена, с правильными чертами лица, но от нее веяло каким-то холодом.

— Я могу забрать эти бумаги? — спросила Иоланта.

— Конечно, — ответил инспектор. — Может быть, вы еще что-нибудь хотите взять?

Девушка обвела комнату глазами. Инспектор наблюдал за ней.

— Пожалуй, больше ничего, — ответила она. — Вот если только покрывало… Впрочем, нет, я не смогу на него смотреть.

— Еще один вопрос. Вы хорошо знаете Барбару Кральскую, не правда ли? — спросил Ольшак.

— Да. Это моя сослуживица.

— За два дня до смерти Сельчика вы были с ней в “Спутнике”.

Иоланта слабо улыбнулась.

— Я точно не помню, когда это было, но если Бася сказала, что за два дня до смерти Конрада, значит, так оно и есть. А почему вы об этом спрашиваете?

— Вы были в компании с двумя мужчинами?

— Да, я помню тот вечер, — подтвердила Иоланта. — Конрад никогда не обижался, если я ходила выпить чашку кофе и немного потанцевать. Он не ревновал, скорее был самоуверен и считал, что я не могу ему изменить.

— Сейчас меня интересуют те двое мужчин. Вы были с ними знакомы?

— Они сами подсели к нам. Вы ведь знаете, как это бывает… Две одинокие молодые женщины… Притом недурны собой, — она снова улыбнулась. — Откровенно говоря, и мы ничего не имели против, так как они вели себя вежливо и очень мило.

— Вы до этого их не видели?

— Нет, по-моему… Может, в “Спутнике”, но там всегда столько людей…

— А фамилии?

— Они нам представились, но я просто не запомнила. Одного звали Сташек, я танцевала с ним, а другого, по-моему, Тадек… Да, конечно, Тадек. Он еще так понравился Басе.

— Часто вы бывали с ней в “Спутнике”?.

— Нет, не очень. Бася ведь замужем, и мне только изредка удавалось ее вытащить. Прошу прощения, но почему вы так расспрашиваете о Басе? Ведь у нее ничего не было общего с Конрадом.

— Да, конечно, — подтвердил инспектор. — Просто, пока следствие не закончено, нас интересует все. Вы не знаете, например, как складываются супружеские отношения Кральских?

— По-моему, не очень хорошо, — сказала Иоланта. — Мне кажется, он изменяет ей, а она делает вид, что не замечает. Кральский неинтересный человек, и мне иногда кажется, что Басе все уже надоело. Я не понимаю этого союза. А вы что-нибудь подозреваете?

Инспектор не отвечал. Он думал о том, что Иоланта не заметила отсутствия клоуна. Или делала вид, что не заметила.

— Конрад не любил Басю, — продолжала Каштель. — Он вообще не любил моих приятельниц. Впрочем, у него самого было мало знакомых.

— Вам знакома фамилия Ровак?

— Да, я слышала о нем, — тихо сказала Иоланта. — Это сослуживец Конрада, не так ли?

— Они дружили?

— Не думаю.

— Нравился он вашему жениху?

Иоланта помолчала.

— По-моему, нет, — наконец ответила она.

— У Сельчика были знакомые, о которых вы не знали?

Она пожала плечами.

— Редкий мужчина все говорит женщине.

— Ваш жених ушел от вас около девяти. Он никого не ожидал? Не говорил ли он вам, что едет кого-то встречать на вокзал?

— На вокзал? — удивленно переспросила Иоланта. — Нет, пан инспектор, ничего не говорил. — Она закрыла лицо ладонями. — Скажите, он что, был на вокзале?

— Постарайтесь вспомнить, может, кто-то должен был приехать к нему, он кого-то ожидал?

— Нет, не припоминаю, — ответила Иоланта. — Знаю только, что он тогда очень спешил. Я ведь вам говорила. “У меня двенадцать минут времени”. Почему-то я даже подумала тогда о поезде. Но тетка никогда к нему не приезжала. Или он не хотел говорить из-за моей приятельницы? — размышляла Иоланта.

— Все может быть, — согласился Ольшак.

Он встал и прошелся по комнате, еще раз посмотрел на бумаги и фотографии, лежавшие на столе, на полку с ровно расставленными книгами.

— Пани Иоланта, — сказал он наконец, — прошу вас внимательно осмотреть комнату. Может, здесь чего-нибудь не хватает? Бывает так, что бросается в глаза отсутствие какого-то пустяка, какой-нибудь мелочи.

Иоланта поднялась с тахты и прошлась по комнате, подошла к книжной полке, к столу, потом взглянула на тахту, снова погладила покрывало.

— Нет, — ответила она. — По-моему, все так, как было, все на месте.

— Вы в этом уверены?

— Да.

Ольшак вынул из кармана клоуна, усадил его к себе на ладонь и внимательно посмотрел на Иоланту, но ее глаза были пустыми и ничего не выражали.

— Что это? — спросила только она.

— Тряпичный клоун. Вы никогда такого не видели?

Короткое замешательство. Нет, он не ошибался, она смешалась.

— Не видела, — ответила Иоланта. — Это какая-то игрушка.

Ольшак посадил куклу на тахту. Она даже шла к пестрому покрывалу.

— Он сидел здесь, — сказал инспектор.

— Не может быть. Конрад терпеть не мог игрушек, и такого клоуна у него никогда не было.

Инспектор осторожно взял клоуна с тахты и спрятал было его в карман брюк, но, передумав, переложил его в пиджак, как будто игрушка стала ценнее.

— Еще один вопрос. Какие сигареты курил пан Сельчик?

— Никаких, — ответила Иоланта спокойно. — Он терпеть не мог сигарет и говорил, что из-за этого не любит кафе и рестораны: в них всегда полно дыма.

— Однако перед смертью он курил. Отпечатки пальцев на окурке, которые мы обнаружили, принадлежат Сельчику. Это была французская сигарета.

— Не понимаю, — сказала Иоланта и встала. — Конрад никогда при мне не курил.

Они вышли вместе. На улице перед домом стояла “сирена” Иоланты. Отперев дверцу, она пригласила инспектора.

— Я могу подвезти вас, — сказала она. — Если вы, конечно, не боитесь.

— Не боюсь, — засмеялся Ольшак, но все-таки сел на заднее сиденье.

Иоланта повернула ключ, машина вздрогнула и двинулась с места. Ольшак достал сигареты и пошарил по карманам в поисках спичек. Они свернули на Партизанскую улицу и остановились перед светофором. Наконец он нашел спички, но Иоланта в этот момент так резко тронула машину, что коробок упал на пол. Ольшак с трудом нагнулся, сдвинул ногой коврик и под ним, почти у дверцы, заметил обрывок твердой бумаги. Он поднял его. Это был кусок картонной бирки, какие навешиваются на чемоданы в аэропортах. На бирке был номер и дата, однако инспектор пока не знал, пригодится ли эта находка.

— Что вы там нашли? — спросила Иоланта, останавливая машину перед управлением.

— Багажную бирку, — ответил Ольшак. Девушка удивилась.

— Вы не возили никого, у кого бы на чемодане была такая бирка?

Она недоуменно пожала плечами. Значит, если Сельчик был на вокзале, кого-то встретил, а потом привез к себе, то эта бирка может быть следом… единственным следом, оставленным мужчиной, который, как утверждает дворничиха, был обут в “смешные” ботинки.

9

Из крана тонкой струйкой текла чуть теплая вода. Значит, снова нужно будет вызывать мастера и прочищать колосник газовой колонки. Ольшак вздохнул, представив поиски слесаря, который, прежде чем прийти и потыкать проволочной щеткой в кольцо газового нагревателя и получить свои сто злотых, будет долгое время просто неуловим. Три, а то и четыре раза Ольшак сходит в жилконтору, чтобы услышать, что слесарь минуту назад вышел или еще не пришел: наконец он встретит его и, проклиная себя в душе, сунет в перемазанную маслом лапу двадцать злотых, говоря при этом: “Вот мой адрес, чтобы не забыли”. И только тогда специалист по прочистке колосников в газовых колонках, единственный в квартале и ценимый, как профессор редкой специальности, соизволит посетить его квартиру. Потом через две копирки выпишет счет, а Ольшак заплатит сколько нужно, естественно, не вспоминая о той двадцатке, так как между приличными людьми не ведутся разговоры на столь тривиальные темы. Что делать, человек к старости становится более терпимым. Еще пятнадцать или двадцать лет назад Ольшак ни за что бы не дал взятки типу, который зарабатывает наверняка больше его и который просто обязан прочистить этот чертов колосник, ибо это входит в его обязанности, так же как в обязанности Ольшака входит поимка бандитов, убийц или поиски мотивов самоубийства каких-то магистров экономики. И вдруг ему пришло в голову, что пятнадцать лет назад у него не было газовой колонки, они жили тогда втроем в маленькой комнатке с вечно дымящей железной печуркой. Конечно, Ольшак мог не давать мастеру “своего адреса”, но тогда пришлось бы ждать неделю или две, а он не в силах этого себе позволить, ибо привык к ежевечернему очень горячему душу и не может заснуть без него. “Отец смывает с себя грязь преступного мира”, — как-то сказал Янек, и кто знает, может, в этом шутливом высказывании была доля истины.

Ольшак закрыл кран (вода действительно становилась все холоднее, значит, все-таки придется идти в домоуправление) и,

отставив последнюю тарелку, вынул чистое посудное полотенце и стал вытирать посуду. Мытье посуды после обеда являлось его постоянной обязанностью… Янек моет посуду после завтрака и ужина и натирает пол, жена по дороге с работы делает покупки и готовит обед. У каждого свои обязанности, и Ольшак не считает себя обиженным из-за того, что после обеда должен носить цветастый фартук. Ему кажется справедливым, что, когда муж и жена работают, они поровну делят домашние обязанности. Он даже полюбил свои ежедневные полчаса над мойкой — здесь он один и может ни о чем не думать, оторваться в мыслях от своих дел, которые потом, когда он вернется в комнату и усядется в старом и удобном кресле, снова обступят его, хотя он и постарается их отогнать, делая вид, что читает газету или смотрит телевизор.

Вошла Гражина со стаканом и книжкой. Даже не глядя на название, он знал, что это учебник для автолюбителей. У нее на работе организовали курсы, и она с удивительным упорством старается понять разницу между двухтактным и четырехтактным двигателем.

— Компоту хочется, — сказала она.

— Сейчас достану лед, — ответил Ольшак и поцеловал жену в щеку. За двадцать два года совместной жизни Гражина мало изменилась: худенькая и маленькая, аккуратная, не бросающаяся в глаза. Только волосы утратили свой прежний цвет. А двадцать лет назад у нее были великолепные волосы.

— Проэкзаменуешь меня по правилам уличного движения?

— Разве что вечером. Сейчас не могу. Да, забыл тебе сказать, сюда зайдет Марыська.

— Хочешь, чтобы я ушла? — сказала жена просто.

— Ну зачем же, занимайся. В нашем доме будет три человека с водительскими правами и ни одной машины. А может, — добавил он неожиданно для себя, — все-таки купим “сирену”? Это нужно обмозговать.

— Если у тебя будет хотя бы полчаса свободного времени, — усмехнулась она. — А Марысю угости кофе и не забудь, что она любит с молоком.

Он снова остался один. Стопка тарелок таяла медленно. Жену не удивил визит Марыси, ее вообще ничем нельзя было удивить — ни телефонным звонком в четыре часа утра, ни даже тем, что однажды утром она застала в кухне дремлющего поручика Кулича, которому Ольшак приказал себя дождаться. Не удивляли ее пузатые папки с материалами следствия, которые он приносил домой и просматривал до поздней ночи, заслонив абажур лампы газетой, чтобы свет не мешал ей спать. Она знала сотрудников

мужа, по крайней мере, тех, с которыми ему приходилось работать чаще всего, привыкла к тому, что Ольшак переносил свой кабинет с пятого этажа воеводского управления в их двухкомнатную квартиру с маленькой кухней. Когда-то он объяснил, что работники милиции, расследуя какое-нибудь преступление, чтобы не нарушать конспирацию, не должны крутиться возле управления.

У них давно уже говорят о создании нескольких пунктов встреч в разных местах города, но все так и остается на словах, ибо помещений вечно не хватает, и, когда наконец председатель народного совета все-таки дает им ордер на квартиру, тут же оказывается, что именно сейчас кому-то из управления до зарезу необходима жилплощадь. В последнем таком пункте для конспиративных встреч, в том самом новом районе за железнодорожной станцией, где несколько дней назад выбросился из лоджии Сельчик, обосновался поручик Кулич, которого жена осчастливила близнецами. До этого поручик жил в гостинице, его жена — в общежитии, они стояли в очереди на однокомнатную квартиру, но близнецы решили дело. Ольшак сам пошел к шефу просить квартиру для Кулича, а теперь принимает Марысю Клею, старшего сержанта следственного отдела с детски-наивным лицом, в собственной кухне.

Инспектор убрал тарелки на полку, посмотрел на часы. Марыся должна вот-вот прийти. Своих сотрудников он приучил к пунктуальности. Ольшак поставил на газ кофейник, полученный в подарок от человека, которого он когда-то чуть не обвинил в отравлении жены кофе, приготовленным именно в этом кофейнике. Это было чертовски трудное расследование. Ольшаку тогда до самого финала казалось, что он пробирается сквозь липкую и склизкую мглу. Что же вело его тогда к раскрытию истины? Инстинкт? Шестое чувство? “Здесь плохо пахнет”, — говорил сам себе Ольшак в подобных случаях и в эти три слова вкладывал все свое беспокойство, все свои сомнения. В последний раз он подумал так, когда увидел этого идиотского клоуна, найденного под дверью ограбленного магазина ювелира, точно такого же, как в квартире самоубийцы, а потом в галантерейном магазине, владельцем которого был английский лорд с мещанской фамилией Спавач.

Ольшак закурил, ожидая, когда закипит кофе.

Из комнаты сына доносились звуки современной музыки. Удивительно, как Янек может заниматься в таком шуме.

Марыся улыбнулась, увидев шефа в цветастом фартуке, однако инспектор сделал вид, что не заметил этой улыбки, и подсунул девушке чашку с молоком.

— Ну что интересного?

— Саша Дистель, — громко ответила она.

— Что? — не понял Ольшак.

— По-моему, это поет Саша Дистель, — повторила девушка, кивая на стену, из-за которой раздавались не очень мелодичные звуки.

— Интересно, — сказал инспектор. — Мой сын тоже утверждает, что это пение.

— Конфликт поколений, — рассмеялась Марыся и, открыв портфельчик, положила на стол тряпичного клоуна.

— Четвертый, — удивился Ольшак. — Откуда он у тебя?

— Одолжила у своего поклонника, который так вас интересует. Надеюсь, что пан Махулевич не заметит его отсутствия. В прихожей у него стоит картонная коробка, в которой, по крайней мере, сотня таких шедевров хорошего вкуса.

Ольшак пригляделся к клоуну и только сейчас увидел, насколько кукла уродлива.

— Ты была у него в квартире? Закадрила его, как теперь говорится?

— Простите, шеф, но это он меня закадрил. Оказалось, что он любит маленьких блондинок с глупыми глазками.

Марыся красивая и интеллигентная девушка, а ее глаза, быть может чересчур округлые, но совсем не глупенькие, хотя и выражают вечное удивление миром, умеют многое увидеть. Но сейчас, слушая с должным вниманием столь необычный по своему стилю рапорт сержанта, Ольшак не мог, да и не хотел выходить из роли шефа.

— А он? Что за человек Махулевич? — Вопрос прозвучал несколько сухо.

— Говоря коротко — плейбой, — Марыся и не собиралась менять тон. — Внешне — франт с душой нараспашку, на хате — репродукции голых девиц, магник — четырехдорожечный “филипс”, хорошие записи битлзов, в баре фирменные напитки. Но ко мне отнесся как к сопливой девчонке. Не могу сказать, что в данном случае это доставило мне удовольствие: налил из бутылки с этикеткой “Белая лошадь” обыкновенной “Плиски”.

Ольшак, разумеется, знал, что Марысе двадцать семь лет, у нее шестилетний сын, но в это трудно поверить. Марыся выглядела лет на десять моложе, одевалась модно, даже экстравагантно. Ничего удивительного, что Махулевич попался на удочку и поверил всему, что она про себя рассказывала: двадцатилетняя девочка из провинции, богатые и до ужаса скучные родители, а она хочет вкусить жизнь большого города.

— Кроме этих клоунов, ничего интересного. Вероятнее всего,

клоуны производства его мастерской. Несколько лет назад у него даже был какой-то контракт на поставку продукции на экспорт: проверила своего кавалера по картотеке капитана Мязговского, — Марыся заглянула в блокнотик. — Ничего особенного. Четыре года назад у него было какое-то уголовно-финансовое дело: сокрытие доходов или что-то в этом роде. Больше ни в чем не замечен.

— Это я знаю, — кивнул инспектор. — А в “Спутнике”?

— Там сменили оркестр. — Марыся отхлебнула кофе. — Ударник — мой знакомый. Он обещал мне кое-что узнать. Ручаюсь — свой парень. О Тадеке слишком расспрашивать не пришлось, за меня это делает Барбара Кральская. Как я вам уже говорила, мы с ней друзья. Бедная девушка, она его по-настоящему любит.

— Кого? Тадека, который растворился в воздухе?

— Вы совершенно не знаете женщин, шеф, — сказала Марыся сердито и встала. — Она любит мужа. Мне очень жаль, что больше ничего не могу вам сообщить. Может, удастся еще что-нибудь прояснить у Махулевича. Вчера я была вынуждена быстро ретироваться.

— Не так уж мало ты узнала для первого раза, — сказал Ольшак и подбросил на ладони тряпичного клоуна.

“Если бы еще выяснить, что это страшилище символизирует, — размышлял инспектор после ухода Марыси. — А ведь оно должно что-нибудь обозначать: у покойного — клоун, у Броката — тоже, только с вырванным глазом. Интересно, отсутствие глаза что-нибудь значит? Ювелир Брокат делает вид или действительно не знает, что означает эта кукла? Его магазин ограбили, забрали на тридцать тысяч серебра. Есть ли связь между этим ограблением и появлением куклы? В свою очередь, Спавач говорит, что купил клоуна у случайной, торговки, но не признается, что его ограбили. Так все: таки грабили Спавача или нет? Если нет, зачем Козловскому наговаривать на себя? Боится чего-то, допустим! Может, даже хочет укрыться в милиции — и не такое приходится видеть за двадцать лет милицейской работы. Если человеку грозит опасность, он выбирает меньшее зло. Попасть в милицию менее неприятно, чем попасть под поезд. Но, очевидно, он все-таки не такой идиот, чтобы предполагать, что милиция арестует его исключительно по самообвинению. Наверное, просто хочет пересидеть несколько дней. О краже говорит с такой уверенностью, сыплет подробностями. Но тогда почему молчит пострадавший?”

Инспектор посмотрел в глаза-бусинки тряпичного клоуна, как будто хотел найти в них ответ.

За этим занятием и застал его Янек. Усевшись на табурет, он без спросу потянулся к отцовским сигаретам. Значительно взглянул на гору окурков в пепельнице.

— Не говори матери, — сказал Ольшак, встал и выбросил окурки. Он хорошо знал, что не должен столько курить. Жена прощает ему кофе, беспорядочное питание, готова даже не замечать его ночных бдений, но с сигаретами ведет беспощадную борьбу, требует, чтобы он выкуривал не больше десяти штук в день. Он выторговал себе двадцать, но ему редко удается сдержать слово. Две, а то и три пачки в течение дня, если он занят каким-нибудь трудным делом, как, например, теперь, когда нет ничего, за что можно было бы ухватиться.

— Персонал у тебя похорошел, — донесся до него голос Янека. — Ты это хоть заметил?

— А мне показалось, что тебе больше нравятся брюнетки?

— Уже знаешь? Мать?

— Видел как-то. Вы были так увлечены собой…

— Какое там, — смутился Янек. — Скажешь тоже — увлечены. Просто о чем-то болтали.

— Она интересная, — сказал Ольшак неуверенно. Он даже не присмотрелся к девушке, с которой видел сына на улице.

— Действительно ничего. Эта Каська тоже ничего. Может, даже лучше. Я встречал ее в “Спутнике” и даже как-то танцевал с ней.

Только сейчас инспектор понял, что Янек говорит о Марысе. Ну конечно, Марыся, посещая “Спутник”, придумала себе имя и фамилию.

— А что, — спросил он, — Марыся в последнее время часто бывает в “Спутнике”?

— В последнее время! — рассмеялся Янек. — По крайней мере, два года. Ее зовут Марыся? А я слышал, что ее называли Каськой.

— Два года? — искренне удивился Ольшак. Немного же он знает о личной жизни подчиненных. А почему бы ей не ходить в “Спутник”? Может, она любит танцевать. А это в городе единственное место, куда девушка вечером может прийти одна. Не говоря уже о том, что там завязываются полезные знакомства, которые могут когда-нибудь пригодиться. Марыся недавно получила повышение по службе за раскрытие шайки молодых угонщиков автомобилей. Кто знает, может, именно “Спутник” ей помог? В этом молодежном танцклубе должно происходить много интересных вещей.

— И ее всегда называют Каськой?

— А как же еще? — теперь удивился Янек. — Может, ей не

нравится ее настоящее имя? Я знал одну Мариолу, которая потом оказалась Казимирой. В “Спутнике” паспорта не спрашивают. Говорит — Каська, значит, Каська. Советую тебе как-нибудь заглянуть туда.

— Пожалуй, ты прав. Может, даже сегодня успею это сделать, — инспектор посмотрел на часы. — Ты подбросил мне одну хорошую идейку… Послушай, — он вдруг сообразил, почему Янек сидит с ним в кухне, вместо того чтобы слушать свой магнитофон, — как у тебя с деньгами?

— По правде говоря, катастрофично.

Ольшак достал бумажник и вытащил сотенную, подсчитывая одновременно, сколько дней осталось до первого числа.

— Больше не могу, — сказал он, оправдываясь, хотя в душе и сердился на себя за это. — Ты же знаешь, что мы откладываем на машину.

— Хватит, — ответил Янек. — Если хочешь, я могу ежедневно подкидывать тебе идейки.

10

Несмотря на позднее время, Ольшак зашел в лабораторию, попросил как можно скорее увеличить фотографию с удостоверения Козловского и с еще влажными снимками в кармане отправился в “Спутник”.

Никто из обгоняющих его пешеходов не распознал бы инспектора уголовного розыска в этом стареющем, одетом в мешковатый костюм мужчине. Смешно, но любая одежда сидит на нем мешком. Ольшак привык носить готовые костюмы, но каждый, даже самый лучший, костюм, когда его надевал Ольшак, становился серым (а он любил этот цвет) мешком. Однажды, когда у них появились свободные деньги (между приобретением стиральной машины и телевизором — вспоминал Ольшак), жена силой притащила его к лучшему в городе портному. Ольшак заплатил за пошив столько, что мог бы купить два готовых костюма, но через три дня оказалось, что его элегантный наряд стал похожим на все прежние. Гражина махнула рукой, а ему вообще наплевать было на одежду. Откровенно говоря, хорошо одеваться Ольшак считал недостойным мужчины, и его сердило, что Янек уделял слишком большое внимание нейлону и джерси.

В слове “Спутник” на неоновой вывеске не горела первая буква. Группа подростков оккупировала вход. Ольшак протиснулся сквозь молодежь и подошел к столику, за которым платиновая блондинка продавала входные билеты.

— Для членов клуба десять злотых, для остальных —

двадцать. Вы, очевидно, не член клуба? — улыбнулась она Ольшаку.

Инспектор молча положил две монеты по десять злотых. Он, конечно, мог показать свое удостоверение, но предпочел этого не делать. Стареющая прелестница не производила впечатления особы, умеющей хранить секреты, а Ольшаку меньше всего хотелось, чтобы интерес милиции к молодежному клубу “Спутник” стал всеобщей тайной.

— Вы предпочитаете сидеть внизу или наверху? — защебетала искусственная блондинка. — Пожилые мужчины обычно идут на балкон: оттуда все лучше видно. Но, может, вы хотите расположиться поближе к танцплощадке?

— Нет, определите меня лучше на балкон, — сказал Ольшак. Он спрятал в карман карточку с указанием столика, заметив, что блондинка вычеркнула на лежащей перед ней схеме его номер, и по узким, разрисованным под мрамор ступенькам поднялся, наверх. Середина зала внизу была свободна от столиков, и там в ритм музыке двигались танцующие пары. Инспектор заказал кофе и только тогда заметил, что другое место за его столиком занято, о чем свидетельствовала недопитая чашка кофе и надкусанное пирожное. Очевидно, его сосед, а может, и соседка, развлекается сейчас внизу.

Ольшак взглянул через балюстраду, как будто хотел кого-то отыскать среди танцующих, однако увидел только взбитые, почти одинаковой длины прически девушек и парней; изредка только, как скалистый островок, мелькала лысина пожилого донжуана. Ольшак полез в карман за сигаретами и наткнулся на фотографии. Вынув одну из них, он положил ее перед собой. Еще раз посмотрел вниз в надежде увидеть среди танцующих Басю Кральскую, но в этот момент оркестр замолк, и паркет мгновенно опустел. Услышав за спиной посапывание, инспектор обернулся, чтобы взглянуть на соседа по столику, и обомлел. Он ожидал всего, чего угодно, только не встречи с этим человеком.

— Добрый день, пан капитан, — поклонился Ровак и, машинально поправив белоснежный платок в кармане пиджака, протянул Ольшаку руку. Ладонь была холодная, мягкая и неприятная в прикосновении. — Вы уже кого-нибудь подцепили? Или пришли по службе?

— Нет, частным образом, — ответил Ольшак. — И потому прошу без титулов.

— Отлично. Должен признаться, что никак не ожидал увидеть вас здесь, хотя внутреннее чувство говорило мне, что рано или поздно мы еще встретимся. — Ровак пытался закурить сигару.

— Вы так считали?

— Знаете, — улыбнулся Ровак, — у меня хорошая память на лица. Осталось со времен оккупации. Если за мной в течение трех дней ходит какой-то курносый молодой человек, если я вижу его утром по дороге на работу и вечером несколько переодетого, когда выпиваю пару рюмок в ресторане, то поневоле догадываюсь, что в скором времени со мной захочет встретиться лично капитан Ольшак.

— Вы были в подполье? — Ольшак ушел в сторону от ответа.

— А что, непохоже? Ревизор ГТИ — и подполье. Причем не обычное подполье, пан Ольшак. Вы, очевидно, знаете, чем занимался батальон “Корморан”?

— Разведка, ликвидация предателей.

— Не только. Еще выявление провокаторов в собственных рядах, что-то вроде военной контрразведки. Два креста за доблесть и Виртути пятого класса. Последний пригодится мне, когда я пойду на пенсию. Двадцать пять процентов надбавки — это кое-что значит. Смешно? — Ровак протер очки.

— Не очень, — буркнул Ольшак. Он пытался представить себе этого невзрачного, не очень чисто выбритого человека в лоснящемся костюме, с небрежно завязанным галстуком, солдатом подпольной армии, той части этой армии, которая выполняла очень трудную задачу: выявление предателей.

— Так что вас привело сюда? — донесся до него голос Ровака.

— Люблю посмотреть на молодежь.

— И послушать современную музыку? — поморщился Ровак. — Значит, все-таки вы здесь по службе… — И прежде чем Ольшак успел сориентироваться, Ровак протянул руку к фотографии, лежащей на столе. — Этот молодой человек — Козловский, если не ошибаюсь? Он бывает здесь. Однако в последнее время его что-то не видно. Вы, наверное, слышали, с ним произошло какое-то неприятное происшествие.

— Да? — Ольшак удивился осведомленности Ровака, но, пожалуй, еще больше признанию ревизора в этом знакомстве. Что может связывать пожилого служащего с двадцатидвухлетним парнем, сбившимся с пути, бывшим студентом, работником подозрительной галантерейной мастерской? Ответ не заставил себя ждать.

— Его мать работает секретаршей нашего директора, знаете, такая типичная вдова, воспитавшая единственного ребенка. Тонны нежных чувств, которые она расточала, вскружили мальчишке голову. Время от времени, когда нет ни гроша в кармане, он заходит к ней на работу, и эта идиотка никогда ему не отказывает, а сама тонет в долгах. Такие матери — общественное зло, не правда ли?

— Вы от нее узнали о происшествии с сыном?

Ровак не ответил, разглядывая фотографию. Наконец протянул ее Ольшаку.

— Им уже интересуется милиция. Этим и должно было кончиться. И чего она хочет, эта молодежь? Все сразу? Деньги, много денег, миллионы? А может, они правы? — Ровак наклонился к Ольшаку. — Может, они лучше нас знают, как надо жить? Наша молодость прошла в боях, а потом мы сели за канцелярские столы. Пожалуйста, не перебивайте, — попросил Ровак, заметив нетерпеливый жест Ольшака. — Ведь и вы когда-то стреляли, командовали людьми, у вас была власть, настоящая власть. Я был командиром взвода. Если бы я приказал кому-нибудь из своих людей броситься с моста, он бы и не спросил зачем, а просто прыгнул — и все.

— Или из лоджии девятого этажа?

— А теперь… — Ровак оставил без внимания замечание Ольшака. — А теперь я сижу над бумажками в ожидании пенсии и пересчитываю свои ордена на двадцатипятипроцентную надбавку. Так что, может, они и правы, эти молодые, что хотят иметь деньги, квартиры, машины… Ведь, несмотря ни на что, на деньги можно купить все и каждого, ну почти каждого, — поправился он и отпил кофе из чашки.

— Ну не скажите, похоже, что Сельчика, — заметил Ольшак, — нельзя было купить. Может быть, именно поэтому его сейчас нет в живых.

— Не знаю, — Ровак пожал плечами. — Я уже говорил, что не люблю таких людей, с чересчур чистыми руками. Сказать откровенно, они вызывают во мне отвращение и кажутся подозрительными. Вам не надоело со мной?

— Напротив.

— Время от времени у человека возникает желание перед кем-нибудь излить душу. Может быть, я именно поэтому иногда завидую женатым, им есть перед кем выговориться. Вы часто бываете здесь?

— Первый раз, — признался Ольшак.

— Я же каждую неделю.

— От кого вы узнали о случае с Козловским? — спросил инспектор.

— От кого я мог узнать? — удивился Ровак. — Сам видел, как его несли в карету “скорой помощи”.

— Вы были на вокзале? — Ольшак даже подскочил на стуле.

— Ну и что? Иногда я захожу в вокзальный ресторан. Тем более что он в моей зоне инспекции. А что, этот малый хотел покончить с собой?

— Откуда я знаю? Среди ваших знакомых самоубийства становятся настоящей эпидемией. Сначала ваш шахматный партнер… Минутку, минутку, — прервал себя Ольшак. — Если вы знали этого парня, то наверняка его знал и Сельчик. А Козловский мог знать о Сельчике. Вы не в курсе?

— Козловского у нас на работе знали все, и он знал всех. А почему вы спрашиваете? Ведь Сельчик покончил с собой. Кстати, вы не нашли его миниатюрных шахмат? Я был в нескольких комиссионных, и нигде таких нет. А я так привык к ним. Если бы вы их нашли, я охотно купил бы их у наследников нашего Катона. Вы не знаете, кто после него наследует?

— Ни о каком наследстве не может быть и речи, пока не кончится следствие, — сказал Ольшак и сразу же пожалел о своих словах.

— Следствие? — как бы обрадовался Ровак. — Значит, все-таки вы считаете, что это не самоубийство?

— Нужно еще установить его мотивы.

— Мотивы, — улыбнулся Ровак. — А вам ни разу не хотелось бросить все и пустить себе пулю в лоб? Просто так, без мотивов, потому что плохая погода, что ломит в костях, что начальник свинья, а женщины… что, одним словом, почти все не имеет смысла.

— Нужно во всем искать смысл, — сказал Ольшак и устыдился банальности, прозвучавшей как фрагмент моральной проповеди.

Снизу донеслись звуки танго.

— Надеюсь, мы еще увидимся, — произнес Ровак. Поправляя белый платок, явно диссонировавший со всем его нарядом, он пошел к узкой лестнице, разрисованной под мрамор.

“Наверняка увидимся”, — подумал Ольшак. Этот Ровак интересовал его все больше: знал Козловского, был на вокзале именно в тот день, когда парня спихнули под колеса поезда. Говорит, что инспектировал вокзальный ресторан. Очень может быть. Но все же. Очевидно, какая-то связь между Козловским и Сельчиком существовала, но какая? Было ли это шапочным знакомством или их связывало нечто большее?

А может, это Ровака связывало что-то с Козловским? Странный тип. Подполье и эта тоска о миллионе.

Признался, что не любил Сельчика, но бывал у него. Кроме того, у Ровака был повод приходить в дом, где жил Сельчик. Ведь Гурены были соседями магистра экономики. Их лоджии разделялись только одной стенкой, а со стороны Гуренов в эту стенку был вбит крюк для бельевой веревки. Ольшак представил себе Ровака, перелезающего над девятиэтажной пропастью, и

сразу отбросил эту мысль.

Разумеется, Сельчик покончил с собой, так почему у инспектора засел в голове этот крюк? Неопровержимо доказано, что прощальное письмо написано той же рукой, что и неоконченная докторская диссертация, автобиография в отделе кадров ГТИ и последний отчет о ревизии, проведенной Сельчиком за два дня до смерти. Можно насильно принудить человека к самоубийству, хотя человек, которого выбрасывают из окна, оборонялся бы просто инстинктивно, а вскрытие не обнаружило никаких следов борьбы, но нельзя ведь, черт возьми, заставить кого-нибудь написать прощальное письмо такого содержания. Так что же здесь искать? Все ясно, и никто не будет в претензии, если инспектор закроет следствие и в почти пустую папку с делом Сельчика добавит последнюю бумажку: “Самоубийство по неустановленной причине”. Но что-то не позволяло Ольшаку написать эту фразу. Может быть, этот тряпичный клоун? А может, Ровак? Или же загадочное признание в краже, которой Козловский не совершал?

Инспектор посмотрел на лежавшую перед ним фотографию и вспомнил, зачем явился в “Спутник”. Если бы его предположения оказались верными, у него был бы хоть какой-нибудь след, какая-то зацепка. Нужно разыскать Басю Кральскую, в это время она должна уже прийти.

Ольшак подозвал официантку, заплатил за кофе и хотел было уже подняться, когда увидел Кральскую, направляющуюся в его сторону.

— Вы? — улыбнулась она.

— Из-за вас. Нельзя ли здесь найти тихий уголок? А то сейчас явится мой визави, а у меня нет охоты слушать его излияния.

— Зануда? — спросила Кральская, а когда он утвердительно кивнул головой, добавила: — Можно пойти в бар в погребке, там потише. Но только с одним условием: я плачу за себя сама.

Они спустились по узенькой лесенке без каких-либо следов мрамора на бетоне. Главное, здесь было тихо. Заказав по рюмке вина, они расположились в дальнем углу погребка.

— Ну как, нашли вы своего знакомого? Того, что покинул вас, когда вы заснули?

— Нет, не нашла.

— Хотелось бы, однако, узнать, почему вы так крепко спали той ночью?

— Мне нужно алиби? — Глаза Барбары широко раскрылись. Сейчас она была особенно хороша.

Ольшаку почему-то вспомнились слова Марыси Клеи. Неужели Кральская действительно влюблена в своего мужа?

— Вы меня в чем-то подозреваете?

— Нет. Только удивляюсь: вы спали так крепко, что вас не разбудило даже падение тела с девятого этажа на бетон, а потом вой сирен “скорой помощи” и милиции.

— Сама не понимаю. Я никогда так крепко не сплю…

— Вот именно, — сказал Ольшак. — И еще вопрос: вам бы хотелось встретиться с этим Тадеком?

Барбара взяла сигарету и затянулась дымом.

— Вы можете смеяться надо мной, но я чувствую, что меня провели. Не подумайте, избави боже, что этот Тадек чем-то особенно мне понравился — обыкновенный смазливый парень. Просто я наконец пришла к выводу, что мой, муж… — она замолчала, и Ольшак не прерывал ее. — Вас это, очевидно, не интересует, но вчера мы решили развестись. А тогда, несколько дней назад, мне казалось, что все еще можно поправить, и я хотела, чтобы он приревновал меня. Вы понимаете?

— Моя подчиненная сказала мне сегодня, что я ничего не смыслю в женщинах. Подозреваю, что она права. Но, кажется, я помогу вам разыскать неуловимого Тадека.

— В общем-то, я не уверена, действительно ли мне это так нужно.

— Это он? — Ольшак положил перед ней фотографию Козловского. Барбара внимательно разглядывала снимок.

— В жизни он гораздо интереснее. У вас есть его адрес?

— Да, но боюсь, что вы не сможете с ним побеседовать.

— Может, так оно и лучше, — сказала она. — Собственно говоря, какое мне теперь до этого дело!

— Вы никогда не теряли ключей? — Ольшак сменил тему. — У вас только один комплект?

— Второй у мужа. Вернее, был, — поправилась Кральская. — Стась уже съехал.

— А тогда, в ночь с третьего на четвертое сентября?

— Откуда вы знаете? Это, конечно, чепуха, ключи у меня не пропали, но, понимаете, утром я долго не могла их найти. Они у меня всегда в сумочке. Когда прихожу домой, машинально их туда кладу. И никогда еще не ошибалась, но в тот день после вашего ухода, когда я собралась выйти и хотела запереть квартиру, то никак не могла их найти. Перетрясла весь дом, и, представьте себе, они оказались в сумочке, но не в той, которой я постоянно пользуюсь, а в старой, где я держу чулки. Очевидно, я была сильно пьяна, так что ничего удивительного.

— Может быть, — сказал Ольшак. — Ну мне пора. А вы, наверное, останетесь?

Оказалось, что и ей пора идти, и они вышли вместе. Переходя

через улицу, она взяла его под руку. Ольшаку стало немного не по себе, он испугался, что его может увидеть Янек или кто-нибудь из управления. Очевидно, она заметила его замешательство, потому что сказала оправдываясь:

— На таких каблуках невозможно обойтись без мужской поддержки.

Она хотела сказать это свободно, но, наверное, ей передалось его беспокойство, поэтому фраза прозвучала фальшиво. Ольшак рассмеялся, его вдруг развеселила эта ситуация: кроме того, ему было приятно, что рядом с ним красивая женщина. Всю дорогу он развлекал ее невероятными рассказами о своей работе. И только перед домом на Солдатской поймал себя на мысли, что ему жаль с ней расставаться. Она также остановилась в нерешительности, как бы не зная, что делать дальше.

— Спокойной ночи, — сказал Ольшак, пожимая ей руку, и почувствовал прикосновение обручального кольца. — Мы еще увидимся, — он пытался придать своему голосу добродушный, почти отцовский тон, каким, по его мнению, должен говорить с двадцатидвухлетней женщиной мужчина старше ее почти вдвое, но ему стало грустно, когда она вбежала в подъезд.

Ольшак медленно пошел в сторону своего дома. “Значит, Козловский, — думал он, — был у нее в тот вечер, а потом она не могла найти ключей. Но зачем он еще раз входил в ее квартиру за несколько минут до трагического происшествия?”

Ровак подтвердил, что Сельчик и Козловский знали друг друга. Но обрывок записки, найденной в бумагах парня: “Солдатская, девятый этаж”, мог теперь означать адрес Баси Кральской, а не Сельчика, как вначале предполагалось. Хуже, что Козловский ничего не говорит о клоуне. Откуда он взялся у Сельчика? Действительно ли Спавач купил свой у торговки? Он непохож на человека, которого может тронуть бедность старухи, продающей тряпичные куколки. Во всяком случае, известно уже, что выпускает их Махулевич, а за два дня до самоубийства Махулевич и Тадек, то бишь Козловский, сидели за одним столиком с Басей Кральской и Иолантой, невестой Сельчика. Как все это увязать?

Дома уже все спали. Ольшак на цыпочках подошел к телефону, набрал номер дежурного по управлению.

— Доставьте мне утром Козловского, к восьми часам.

Он положил трубку и задумался. Есть ли в квартире Баси Кральской телефон? Потом вспомнил, что аппарат у нее стоит на низком столике у тахты. Может, найти в книге ее телефон и позвонить? Но что он ей скажет? Что взбесился на старости лет?

Ольшак вошел в ванную и включил горячую воду, но из душа

полилась едва теплая. “Нужно пойти в жилконтору, — подумал он перед тем, как заснуть, — и поймать слесаря”. Эта мысль внезапно успокоила его.

11

Однако утром все произошло не так, как он планировал. Во-первых, он проспал, во-вторых, в доме не оказалось кофе. Еще сонный, Ольшак пошел в контору, но она оказалась запертой, хотя вывеска гласила, что прием посетителей с семи часов. В кафе на углу, где время от времени он пил кофе, конечно, не такой, как из подаренного кофейника, но довольно сносный, на сей раз ему подали холодную бурду, и официантка спокойно объяснила, что машина сломалась и неизвестно, когда ее исправят. В довершение всего в своем кабинете вместо ожидаемого Козловского он увидел лысого трясущегося субъекта, а за своим столом — поручика Кулича. Правда, Кулич сразу же освободил место шефа, но Ольшак успел припомнить, что Кулич магистр юстиции и имеет такое же, если не большее, чем Ольшак, право занимать это место.

— Я приказал доставить Козловского, — проворчал инспектор. — Тебе не передавали?

— Да, шеф, но мне кажется, что это дело вас заинтересует. Пан Иероним Брокат явился сегодня чуть свет к нам и хочет дать показания.

Ольшак узнал его сразу. Это был тот самый ювелир, у которого месяц назад украли серебро, а взамен оставили одноглазого клоуна.

Инспектор открыл ящик стола. Одноглазый клоун лежал рядом с двумя другими.

— Продолжай, — сказал он Куличу, стараясь говорить как можно мягче. Ольшак злился на себя за минутную вспышку: ведь всем известно, какая теснота в управлении, и он сам не раз предлагал Куличу, если потребуется, пользоваться его кабинетом. Он вышел в секретариат, попросил принести ему большую чашку кофе, подумав, попросил еще две: для поручика Кулича и его посетителя. Прихлебывая кофе, он со все возрастающим интересом прислушивался к беседе, которую вели ювелир с желтым и гладким, словно пудинг, лицом и поручик Кулич.

— По порядку, — сказал Кулич. — Значит, вас предупредили о том, что готовится ограбление?

— Да, по телефону. Я думал, что это шутка. Кража произошла только через три недели после предупреждения, а тогда я решил, что меня только запугивают.

— Почему вы не обратились в милицию?

— Я же говорю: мне казалось, что все это липа и никакого грабежа не будет. Правда, несколько ночей после того

телефонного звонка я на всякий случай спал в магазине.

— Кто вам звонил?

— Женщина.

— Одна и та же? Было ли в ее голосе что-нибудь характерное?

— Не заметил, но узнал бы, если бы еще раз услышал.

— Вы ее видели?

— Один раз перед самым закрытием магазина, после того, как объяснил по телефону, что не намерен приобретать никаких игрушек. Она пришла под вечер и спросила, не изменил ли я своего решения. Я ответил, что нет.

— Как она выглядит?

— Темноволосая, по-моему, даже брюнетка. Она была в темных очках, таких, знаете, больших, закрывающих пол-лица. Сказала, что все покупают у нее клоунов и что она знает способ, чтобы и я покупал раз в месяц, недорого — полторы тысячи злотых за штуку.

Ольшак поднялся со своего места, открыл стол, вынул клоуна и показал его Брокату.

— Полторы тысячи, пан Брокат, за эти тряпки? А другие покупают. Почему?

— Не знаю. Не знаю, почему так дорого и почему покупают. Не знаю даже, покупают ли вообще, может, она врала.

— Я начинаю догадываться. Она вам угрожала чем-нибудь?

— Потом, по телефону, — ювелир вытер вспотевшее лицо ладонью.

— Потом угрожала ограблением, а сначала?

— Пан инспектор. Я же пришел добровольно, чтобы дать показания.

— Чтобы опровергнуть свои же ложные показания, — поправил его Кулич. — Это не одно и то же. Когда мы начали дело об ограблении вашего магазина, вы сказали, что видите эту игрушку первый раз в жизни.

— Итак, — перешел в нападение Ольшак, — что заставляло торговцев, владельцев частных магазинов, приобретать такие дорогие игрушки?

— Не только частных, — пробормотал Брокат.

— То есть работники государственных магазинов тоже покупали их? А вы не можете сказать мне почему? Если не можете, то я вам скажу. Эта женщина грозила, что в случае отказа от приобретения клоуна власти узнают о делах, которые торговцы предпочли бы утаить. Так чем конкретно она угрожала вам? Какие грехи хотела выявить?

— Она утверждала, что я скупаю валюту и у нее есть

доказательства… Но это неправда.

— Неправда, что есть доказательства? — улыбнулся Кулич.

— Я не торгую валютой. Когда-то, восемь лет назад, да, но за это я свое отсидел.

— Не волнуйтесь, пан Брокат. Если вы действительно торгуете валютой, то рано или поздно мы с вами встретимся. В вашу пользу говорит то, что вы не хотели приобретать эти игрушки; против вас — что тянули с признанием столько времени. Почему вы решили признаться именно сейчас?

У ювелира снова задрожал подбородок, задергались руки. “Почему этот вопрос напугал его?” — подумал Ольшак.

— Не знаю, — пробормотал ювелир. — Просто решил, что так будет лучше. Ну и, в общем, совесть меня замучила.

— Конкретно, когда в вас совесть зашевелилась? Вчера, может, сегодня ночью?

У пана Броката снова задрожали веки. Что же случилось вчера, если Иероним Брокат, владелец процветающего ювелирного магазина, решил, что называется, расколоться? Снова шантаж? Этот тип явно чего-то боится. Кто еще так боялся? Ну конечно, Козловский. Его тоже мучили угрызения совести. Умолял, чтоб его посадили. Значит, женщина, продающая по неправдоподобно высокой цене тряпичные игрушки, может запугать и молодого сильного мужчину, и старого пройдоху из торгового полусвета, прошедшего, как говорится, и огонь, и воду, и медные трубы.

— Еще одно, пан Брокат. То, что клоун, найденный в вашем магазине, был одноглазым, имеет какое-нибудь значение?

— Одноглазым? Нет, не знаю.

Судя по выражению лица, ювелир действительно не понимал, в чем дело. Этот визит в милицию стоил ему немало нервов. Тогда почему он пришел? Человек, потерявший сорок тысяч, сначала скрывает от милиции факт, который мог бы привести к поимке бандитов, а потом ни с того ни с сего приходит и сам все выкладывает как по нотам?

Ольшак допивал уже вторую чашку кофе. Отправив Кулича с Брокатом писать протокол, он приказал привести Козловского. Что-то не нравилось ему в этом деле. Каждый день прибавляет новые подробности, которые, вместо того чтобы прояснить ситуацию, все сильнее ее запутывают. Правда, одно инспектор знает наверняка: клоун означает шантаж, своего рода расписку в получении дани. Однако узнал он об этом как-то чересчур легко. Итак, если это только шантаж, клоун у Сельчика означает, что и он стал жертвой. Что же нужно было скрывать тридцатитрехлетнему магистру экономики, ревизору ГТИ,

известному своей неподкупностью? Почему-то инспектору вспомнились слова Ровака, что тот недолюбливает людей с чересчур чистыми руками. Может, в этом есть какой-то смысл? Если шантажисты имели ключик к Сельчику, то самоубийство объяснимо. Ему нечем было платить. Он получал две с половиной тысячи злотых в месяц, жил скромно, питался в столовой, сумел из своей зарплаты выкроить на жилищный кооператив, отложил на сберкнижке около восьми тысяч. “Надо будет проверить, — отметил про себя Ольшак, — не снимал ли Сельчик с книжки в последнее время крупных сумм. И Козловский. Какую роль он здесь играет?”

Мысли инспектора прервал приход Козловского в сопровождении милиционера. Измятый пиджак, ботинки без шнурков…

— Садись, — Ольшак показал на стул. — Значит, наврал нам?

— Нет.

— Спавач утверждает, что не было у него никакой кражи ни в мае, ни в апреле, ни в июне. Никогда, понимаешь? Может быть, ты обворовал не Спавача, а другой магазин? Назови адрес, мы проверим.

— Я хорошо помню, что это был магазин Спавача.

— А может, ты только планировал ограбление?

— Я украл около тридцати свитеров.

— И что с ними стало?

— Загнал. На базаре. За полцены. Несколько штук сбыл в “Спутнике”.

Ольшак вспомнил свитер Янека. Именно в то время сын купил его у Козловского, так что, может, это и правда.

— Ты помнишь, кому продавал, Тадек?

Парень вздрогнул и ощетинился.

— Меня зовут Войцех, а не Тадек.

— Однако некоторым девушкам ты представляешься как Тадек.

— Ну вы же знаете, пан капитан, как это с девушками… — Козловский старался придать своему голосу шутливый и фамильярный тон, но Ольшак чувствовал, что это только маска, что Козловский сейчас сосредоточен и напряжен.

— Одна девушка, довольно интересная, искала тебя в “Спутнике”. Ты знаешь, о ком я говорю… Она живет на Солдатской.

— У меня столько знакомых девиц, — Козловский силился поддержать взятый тон, но это у него никак не получалось. Страх вылезал из него, как солома из лопнувшего тюфяка.

— Ты догадываешься, кого я имею в виду. Ты был у нее в день

смерти Конрада Сельчика, усыпил ее, украл ключи, а потом ночью, когда девушка спала, вернулся в ее квартиру, перелез через стенку, разделяющую лоджию Кральской от лоджии Сельчика, и… — инспектор сделал паузу.

— Нет! — крикнул задержанный. — Я этого не делал! Это Сташек! Я только ключи… Я ему отдал ключи… — Неожиданно Козловский побледнел, разрыдался, сделал попытку встать и упал на пол прямо под ноги Ольшаку. Этого инспектор никак не ожидал.

Прежде чем успел прибежать с первого этажа врач, секретарша вылила на Козловского полграфина воды.

— Шок, — констатировал доктор. — У него было какое-то сильное потрясение. Может, чего-то испугался, — он воткнул иглу в руку парня. — Нужно дать ему несколько дней отдыха.

— Плохо, — сказал Ольшак. — Мы не закончили интересный разговор.

— Сейчас он ничего тебе не скажет, — врач кивнул на стеклянные, отсутствующие глаза Козловского. — Убийца?

— Не знаю, — сказал Ольшак. — Не знаю еще многих вещей. Например, мне неизвестно, можно ли убить самоубийцу.

Дождавшись, когда врач уйдет, Ольшак попросил у секретарши третью за сегодняшнее утро чашку кофе.

Доктор не любил, когда пациенты не выполняли его указаний. А кофе инспектору он запретил категорически.

12

Едва он закрыл за собой дверь вагона, как экспресс, следующий в Варшаву, дернулся, и уже через минуту Ольшак увидел из окна проплывающие мимо строения. Поезд, набирая скорость, миновал застекленные цехи нового комбината, а когда Ольшак на минутку вошел в купе, чтобы положить портфель на полку, и, возвратившись в коридор, мимоходом бросил взгляд в окно, то увидел уже только исчезающую башню релейной станции на Бернардинском холме. Инспектор вспомнил, что ничего не ел с утра, а утром успел только перехватить один бутерброд, так как спешил в жилконтору.

Вагон-ресторан был полон. Ольшак с трудом нашел свободное место за столиком, где, судя по обрывкам разговора, три снабженца “обмывали” заключенные в его городе сделки.

День был горячим. Едва увезли Козловского, как пришло известие из Варшавы, что багажные бирки, подобные найденной в машине Иоланты Каштель, выдавались пассажирам рейса № 114 Париж — Варшава третьего сентября, то есть за день до смерти

Сельчика. Варшава сообщала, что этим рейсом прибыло сорок восемь человек, из которых двадцать девять задержались в Польше, а остальные после краткого пребывания на аэродроме проследовали дальше. Инспектору передали список двадцати девяти оставшихся пассажиров. Семеро французов, английская супружеская пара, американец, индус, остальные поляки. Кто-то из этих людей был в их городе, и, если верить Иоланте, самое позднее третьего сентября, так как она чужих в своей машине не возила. Сельчик иногда брал ее "сирену". В день смерти он вышел около девяти. Известно, что поехал на вокзал, может, именно, за этим пассажиром из самолета, который и обронил в машине Иоланты кусочек багажной бирки.

Ольшак вызвал Келку, изрядно подрастерявшего после встречи с Роваком былую самоуверенность, и послал его со списком по всем отелям города, не минуя даже пригородного кемпинга. Едва молодой человек вышел, как к инспектору ворвалась Марыся Клея и, не говоря ни слова, положила на стол фотокопию какого-то отпечатанного на машинке списка.

— Что это? — спросил Ольшак.

— Прошу прощения, что так поздно, шеф, но в лаборатории столько работы. Я дала им пленку в восемь, проявили только час назад. Фотография была еще мокрой, но я все-таки решила кое-что проверить. Не знаю, может, мне достанется за эту инициативу.

Ольшак, рассматривая снимок, одним ухом прислушивался к Марысиной болтовне. Что это? С первого взгляда видно, что это список магазинов, главным образом частных. Кое-что начинало проясняться.

— Ты нашла его у Махулевича?

— Да, шеф, правда, я не знала, имеет ли это какую-нибудь связь с нашим делом, но минуту назад Кулич рассказал мне о показаниях ювелира Броката, так что все одно к одному. Я испробовала свои способности фотолюбителя, когда мой поклонник решил угостить меня кофе.

В списке фигурировали сорок девять магазинов. Перед названием торгового предприятия или фамилией владельца, а также адреса стоял педантичный номер.

— Броката в этом списке нет, а Спавач есть, — заметил Ольшак. — Скорее всего это приобретатели игрушек. Так в чем заключалась твоя инициатива?

— Был у меня один план, и, по-моему, неплохой. Пока в лаборатории возились со снимками, я пошла в ГТИ и под разными предлогами взяла образцы шрифта всех трех машинок, которые там есть. — Марыся вынула из сумки и положила перед

Ольшаком страницу машинописного текста. — Видите “е” и “т”? Эти литеры повреждены. В последнем номере “Криминалистического обозрения” мне попалась статья о сравнении машинописных шрифтов. Конечно, нужно будет послать на экспертизу, но мне кажется, что это и так не вызывает сомнения.

— Эта страничка, — спросил Ольшак, — отпечатана на машинке в комнате ревизоров?

— Да. Старый “ундервуд”, который стоит в шкафу. Доступ к ней имеют только Ровак и Сельчик, то есть Сельчик уже не имеет к ней доступа.

— Молодец, — похвалил Ольшак. — А с Роваком разговаривала?

— Он был где-то на ревизии. Ключ от комнаты и шкафа я взяла у курьера. Шеф, — продолжала девушка, улыбаясь, — у меня еще одна мысль. Черный парик и солнечные очки не так уж трудно приобрести. У нас есть список сорока девяти покупателей клоунов. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Думаешь, удастся подработать немного денег для нашего отдела? Все равно мы с тобой их не увидим. Интересно, сколько они платят за тряпичную куклу? Полторы тысячи — это высшая или низшая ставка? Нужно посетить прежде всего государственные магазины. Частные интересуют меня сейчас меньше.

Когда Ольшак вышел из кабинета, то с удивлением обнаружил, что уже одиннадцатый час. Стоя выпил в секретариате четвертую за сегодняшнее утро чашку кофе.

В парке у пруда его поджидал Лясочак. Он мелко крошил булку и бросал оголодавшим карпам.

— Стоит их немножко подкормить, чтобы к сочельнику были жирными, — лукаво улыбнулся Лясочак. Он был в хорошем настроении, значит, что-то узнал.

— Если вас поймают, Лясочак, не рассчитывайте на мое заступничество.

Ольшак знал, что этот босяк придумал себе интересную забаву. Через брючную штанину он опускал в пруд леску, на конце которой был нацеплен крючок с наживкой. Когда какой-нибудь карп соблазнялся, Лясочак вытягивал его через дыру в кармане на берег. Но сейчас, особенно издали, все действия Лясочака выглядели совершенно безобидно: пожилой человек кормит рыбок в пруду.

— Шеф, — отозвался Лясочак, — это я только иногда, ради шутки. Ведь и у меня может быть хобби…

— Что у тебя нового?

— Узнал, где часы с датой. Стоило мне это восемь бигосов, два с половиной литра “Выборовой”, не считая потерянного времени.

— Где эти часы?

— У Иренки, что ходит по вечерам в “Розу ветров”. Помните, такая черная, высокая. Это стоит четвертинки, верно? А другую вы будете мне должны, когда я скажу, от кого она получила эти часы.

— Согласен.

Лясочак широко улыбнулся, обнажив выщербленные зубы, и от удовольствия потер руки.

— Эти часы Иренка получила от Зенона Бабули, ну, того ненормального, который за двадцать злотых даст любому в морду, — захихикал Лясочак.

— Бабуля?

Инспектор с трудом вспомнил приземистого человека с монгольскими чертами лица. Потомственный босяк, с которым, хотя и ловили его неоднократно, ничего нельзя было поделать, поскольку психиатры с удивительным единодушием признавали у него идиотизм. Он был слишком здоров, чтобы отправить его в сумасшедший дом, и одновременно достаточно невменяем, чтобы любой суд применял к нему чрезвычайно мягкие меры. Обремененный тяжелой наследственностью, алкоголик и сын алкоголиков, он никогда не работал больше двух часов в сутки, ибо запросы его были как у животного: сожрать что-нибудь и поспать. Бабуля был так насыщен алкоголем, что даже кружка пива валила его с ног.

— Бабуля у кого-то увел эти часы.

— Догадываюсь, что не купил, — сказал Ольшак. — Ну и что он тебе поведал?

— Выпил полкружки и начал нести какую-то ерунду. Вы же знаете, какой он: голова дурная, разум как у грудного ребенка. Говорит, жаль было их оставлять, что если бы они упали с девятого этажа, то наверняка бы разбились. Короче говоря, дурачок. Кто бы стал выбрасывать часы с девятого этажа?

У Ольшака было большое желание покинуть Лясочака и немедленно бежать в управление, но он не хотел, чтобы Лясочак догадался, какой важности информацию он только что сообщил. Поэтому инспектор поболтал с ним несколько минут, переменив тему, как будто история с часами его мало интересовала, спросил о серебре ювелира Броката, но Лясочак стал клясться и божиться, что не мог отыскать никаких следов и не знает, кто организовал кражу у ювелира.

— Может, это кто из любителей, — сказал Лясочак.

Ольшак оставил его у пруда, хотя был почти уверен, что Лясочак примется ловить карпов, но сейчас это его не волновало. Дело начинало проясняться. Бабуля, пожалевший часы, которые могут разбиться, упав с девятого этажа, — это уже было кое-что.

Из машины, оставленной в одной из аллей парка, он соединился с управлением, поймал Кулича и приказал ему разослать людей на поиски Бабули. Конечно, найти его будет не так-то легко. Такие, как Бабуля, обычно нигде не прописаны, а если и прописаны, то редко их можно застать по указанному адресу. Придется перетрясти несколько притонов, прежде чем удастся его разыскать. Все это было известно Ольшаку, но его рассердило, когда Кулич заныл, что не знает, сможет ли он сделать это до ночи.

— Достань его хоть из-под земли, но он должен быть у меня сегодня.

Положив трубку радиотелефона, Ольшак приказал отвезти его в магазин Спавача.

От владельца частного магазина пахло, как всегда, лавандой, на нем был голубой галстук-бабочка в белый горошек и твидовый пиджак. Блондинки в магазине не было, и хозяин сам стоял за прилавком.

— Чем могу быть полезен, пан капитан?

— Пожалуйста, закройте магазин ненадолго, минут на десять. Нужно поговорить.

Ольшак заметил, что движения Спавача стали менее уверенными, и это обрадовало его, ибо хотя инспектор и не признавался, но он чувствовал себя не в своей тарелке, разговаривая с этим стареющим денди с ногтями, полированными и ухоженными, как у женщин.

— Вы ведь любите мартини, пан капитан, не так ли? Или что-нибудь покрепче?

— Благодарю, на этот раз у меня недолгий разговор, — Ольшак заметил, что клоун покоится на прежнем месте, и спросил прямо: — Сколько вы платите ежемесячно?

— Что вы имеете в виду? Налоги?

— На худой конец можно и так назвать. Так сколько вы платите в месяц за клоуна?

Спавач тяжело опустился на стул, не пытаясь уже разыгрывать из себя лорда. В одно мгновение он осунулся так, как будто этот вопрос выпустил из него весь воздух.

— Пан капитан… — начал он неуверенно.

— Сколько?! — почти выкрикнул Ольшак.

— Две.

— Каждый месяц?

— Вот уже три с половиной года.

— Так у вас уже довольно много этих игрушек?

— На полке сорок второй, — сказал Спавач хмуро. — А что было делать? Ведь меня шантажировали.

— Вы могли прийти в милицию. Мы поймали бы шантажистов, и все было бы в порядке.

Спавач молчал. И инспектор прекрасно понимал, что означало это молчание. Шантажистам было известно, что Спавач не пойдет в милицию, не может пойти, если не хочет, чтобы всплыли кое-какие его грешки. И грешки немалые, если он так послушно платил две тысячи злотых в месяц.

— Вы, конечно, не скажете, чем вам угрожали и что обещал шантажист сообщить в милицию, если вы вздумаете его выдать?

— Это была женщина.

— Брюнетка в темных очках?

— Да, она приносила клоунов. Она же пришла после ограбления. Но иногда звонил и мужчина.

— Значит, вас все-таки ограбили?

— Да, в мае. У меня были плохие обороты. Знаете, в это время года люди откладывают на отпуск, никто не покупает трикотажных вещей летом. Мертвый сезон. Я хотел платить меньше, но она не согласилась, и через несколько дней магазин обворовали. В ту ночь она позвонила, сообщила об ограблении и спросила, не изменил ли я своего решения. Я тотчас поехал в магазин, чтобы проверить: товара не хватало больше чем на двадцать тысяч злотых.

— И вы не подумали сообщить об этом в милицию?

Снова молчание. Спавач вынул из пачки американскую сигарету и, забыв о хороших манерах, не угостив Ольшака, глубоко затянулся.

— Утром женщина пришла и сказала, что мне все возвратят, а я заплачу десять тысяч “за науку”, как она выразилась, и добавила, что они уважают аккуратных плательщиков.

— И все возвратили?

— Кроме двух или трех свитеров. Разумеется, я заплатил. А что оставалось делать?

— Недавно вы были в “Орбисе” со снабженцем завода искусственного волокна. Вы торгуете не только шерстяным трикотажем, не так ли?

Спавач съежился, как бы стараясь уменьшиться, оттянул бабочку, словно она его душила.

— У меня все накладные в порядке.

— И все же вы им платили. Скоро выясним почему. В ресторане с вами был еще кое-кто. Вы помните?

— Это мой старый знакомый.

— Который работает ревизором в ГТИ и зовется Тадеушем Роваком. Подумайте, кто мог знать о некоторых, скажем, нарушениях правил торговли, выявление которых причинило бы вам неприятности? Ваш магазин всегда ревизовал Ровак?

— О нет. Ревизоры ГТИ сменяются довольно часто. Только за последние два года это дело стабилизировалось, если можно так выразиться.

— Меня интересует как раз последнее время.

— Несколько лет назад приходил покойный Сельчик. Могу вас заверить, что он ни разу не обнаружил у меня никаких нарушений. Если бы вы были с ним знакомы, вы бы знали, что этот скрупулезный человек не пропускал ничего. Торговые работники боялись его как огня. Когда он начал работать, некоторые пытались делать ему подарки, но Сельчик пригрозил, что, если это повторится, он передаст дело прокурору. Кажется, раз или два он выполнил свою угрозу.

— А ревизор Ровак не сообщал в милицию о попытках делать ему подарки? Или ему подарков не предлагали?

— Об этом я ничего не знаю. Я говорил уже вам, что Ровак мой старый знакомый. — К Спавачу постепенно возвращались спокойствие и уверенность.

— Думаю, что мы еще встретимся, пан Спавач. Очевидно, с вами захотят поговорить работники отдела борьбы с хозяйственными преступлениями. На всякий случай прошу вас не выезжать из города без нашего на то согласия.

— В чем меня подозревают?

— Мы уже говорили об этом. Сокрытие преступления — тоже преступление: это предусмотрено уголовным кодексом. Естественно, многое зависит от вашей откровенности. Всего хорошего, пан Спавач. — Невольно Ольшак впал в тон сидящего против него человека: — Мне очень неприятно, что пришлось отнять у пана столько времени…

Рывок поезда на повороте вывел Ольшака из задумчивости. Три снабженца понизили голоса, рассказывая что-то друг другу шепотом и разражаясь смехом. Содержание одного анекдота, рассказанного чуть громче остальных, дошло до Ольшака, и он улыбнулся: ему еще не приходилось его слышать. Официант, передвигающийся по вагону с ловкостью канатоходца, убрал тарелку из-под супа и сразу же принес отбивную. Ольшак задумался: может ли он позволить себе еще одну чашку кофе? День сегодня выдался исключительно трудный, и поэтому инспектор решил заказать.

Когда он вернулся от Спавача, в управлении его уже

поджидал Келка, проверявший в гостиницах по списку пассажиров рейса Париж — Варшава. У сержанта было довольное лицо — значит, вернулся не с пустыми руками.

Только один из пассажиров рейса № 114 посетил их город и останавливался в гостинице “Центральная”. Номер зарезервировал Конрад Сельчик за два дня до приезда французского подданного Жана Ромбе.

Француз появился третьего числа около половины десятого. Счет оплатил на следующее утро купонами “Орбиса”. В тот же день он покинул гостиницу. Портье припомнил, что вызывал для иностранца такси и что тот приказал отвезти его на вокзал.

Ольшак выслал срочную радиограмму в бюро регистрации иностранцев при Главном управлении в Варшаве и через два часа получил ответ, что Жан Ромбе остановился в гостинице “Европейская” и занимает № 37 на четвертом этаже…

Именно поэтому Ольшак едет сейчас в поезде. До отхода экспресса у него оставалось не более двадцати минут. Инспектор не успел даже позвонить Гражине, попросил только секретаршу сообщить ей, что вернется завтра утром.

Кофе, принесенный официантом-эквилибристом, неожиданно оказался хорошим. Ольшак пил его очень маленькими глотками, чтобы продлить удовольствие, и чувствовал, что с каждым глотком уходит сонное состояние, вызванное обильным обедом.

Что же общего у Жана Ромбе и Конрада Сельчика? Конечно, этот француз мог оказаться тем человеком в “смешных” ботинках, которые запечатлелись в памяти дворничихи, мывшей пол в лифте! Она видела эти ботинки в половине десятого, а поезд приходит в 21.07. Все сходится. Впрочем, связь между этими людьми не вызывает сомнений, ведь Сельчик заказывал номер. Неужели француз приезжал специально к Сельчику? А если да, то почему он ночевал в отеле?

Правда, в квартире Сельчика была одна довольно-таки узкая тахта, но в таком случае польское гостеприимство обязывало принять гостя в доме, а самому переночевать у кого-нибудь, ну хотя бы у Иоланты.

Кстати, об Иоланте. Почему она не вспоминала о приезде иностранца? Только сказала, что Сельчик посмотрел на часы, сорвался и убежал, прихватив ключ от машины. Сельчик был неразговорчивым и скрытным. Так она его охарактеризовала. Скрытным. Но ведь приезд иностранца — исключительное событие в жизни магистра экономики, а уж невеста должна была об этом знать.

Инспектор вернулся в купе. У него было только два попутчика: ксендз, занятый чтением требника, и пожилая

женщина, с увлечением поглощавшая потрепанный детектив. Инспектор узнал обложку серии “Серебряный ключ” и подумал, что было бы интересно когда-нибудь прочитать в книге о деле, которое он обязан распутать, хотя он прекрасно понимал, что в ней все выглядело бы совсем по-другому. Вместо него, Ольшака, наверняка выступал бы элегантный детектив с трубкой, который с самого начала имел бы несколько версий, из коих выбрал бы наиболее правдоподобную и ошеломил бы читателя неожиданной концовкой. У него же нет никаких версий, сплошные сомнения и туманы, факты не увязываются, никакой логической конструкции в них усмотреть невозможно. И вообще, следствие развивается помимо его воли. Кажется, что кто-то руководит его действиями, а он всего лишь марионетка, паяц. Да, да, именно игрушечный клоун в чьих-то руках.

Когда он изучал обстоятельства смерти Сельчика, тряпичный клоун на тахте ничего ему не говорил. Правда, кукла выглядела какой-то лишней в вылизанной квартире магистра, но откуда могло быть известно, что у нее есть определенное назначение? Потом Козловский, необычное происшествие на вокзале и адрес: “Солдатская, девятый этаж”. Так получилось, что парень хотел говорить именно с ним, в то время когда инспектор мысленно был на девятом этаже дома по Солдатской улице. А потом оказалось, что в записке вовсе не адрес Сельчика, а, предположим, Баси Кральской. Но вместо прояснения новое осложнение. Козловский дает девушке снотворное и выходит с ее ключами. И происходит это именно в ночь убийства, ибо Ольшак уже не сомневается, что это убийство.

Теперь еще этот Бабуля, пожалевший часы, которые могут разбиться при падении с девятого этажа. Лясочак решил, что Бабуля заговаривается. Кто станет выбрасывать часы с девятого этажа? Но Ольшак знает, что их могли выбросить вместе с владельцем. “Я отдал ключи Сташеку”, — сказал Козловский, и больше инспектор ничего не успел от него узнать. Так кому же он передал эти ключи? Бабуле? Нет, имя Бабули — Зенон. Значит, кто-то, кого зовут Сташек, отдал их Бабуле. Тот вошел в квартиру и выбросил Конрада Сельчика из лоджии, предварительно сняв с него часы. Теоретически это возможно. Сельчик был довольно худощавый, весил шестьдесят пять — семьдесят килограммов, и Бабуля мог шутя перебросить его через барьер. Потом ему необходимо было выйти, но двери были заперты изнутри, даже цепочка заложена. Через лоджию и квартиру Кральской? Может, для этого и усыпил ее Козловский?

Это уже кое-как увязывается. Если бы не одна мелочь: прощальная записка самоубийцы. “Прошу никого не винить”. И

ошибки здесь быть не может — это почерк Сельчика. На большом листе бумаги вполне ясные буквы. Автор детективной повести облегчил бы себе дело, написав, что Сельчика, например, загипнотизировали. Ольшак не может себе этого позволить. У Керча и Стефаняка это не пройдет. Конечно, Сельчика можно было усыпить, тогда выбросить его на улицу не составляло бы труда, а обнаружить незначительную долю снотворного через несколько часов почти невозможно. Впрочем, опять эта записка. Выходит, что Сельчик написал ее, выпил снотворное и ждал, пока его кто-нибудь выбросит из окна? Чепуха!

Пожилая женщина напротив не выдержала и начала перелистывать последние страницы книги, чтобы узнать имя преступника. Ольшак многое бы дал за такую же возможность. Но последний раздел детектива, в котором он участвует, еще не написан. В архивах полиции многих стран лежат тонны никому не нужных дел. Дел, не раскрытых до конца. Иногда объяснение приходит само собой, много лет спустя, другие навсегда остаются загадкой. Может, и то дело, что ведет сейчас Ольшак, станет одним из таких?

Попробуем подойти к ним с другой стороны. Клоуны. Кто-то, очевидно, по роду своей службы, например, работая в ГТИ, получил материалы, обличающие многих торговцев и директоров магазинов. По крайней мере, сорока девяти из них. Но ведь список, найденный в квартире Махулевича, может быть неполным. Пытались же шантажировать ювелира Броката, которого в списке не было. Шантажист установил месячную дань, а клоуны были своего рода распиской. Клоуны и список свидетельствуют против Махулевича, но мог ли этот плейбой, гоняющийся за юбками и коллекционирующий пластинки битлзов, иметь материалы, оглашение которых представляло в невыгодном свете частных торговцев и директоров государственных магазинов? Список был напечатан на машинке, в комнате ревизоров ГТИ. След достаточно выразительный, значит, кто-то из них: Сельчик или Ровак. Любой из них знал довольно много, по крайней мере, мог знать такое, что приводило бы торговцев в трепет. Неужели неподкупный Сельчик начал что-то подозревать? Откуда у него клоун? А Ровак? Говорит, что хотел бы иметь большие деньги, а может, он уже имеет их? Почти пятьдесят коммерсантов, по полторы тысячи злотых с каждого, — это около семидесяти пяти тысяч ежемесячно, около миллиона в год. Как долго это продолжалось? Спавач платил три с половиной года, а другие? Нужно проверить.

Ровак действовал в подполье, у него была группа преданных людей. Может, он хотел повторить эксперимент, действовать на

этот раз на свой страх и риск? Козловский мог быть одним из подручных. Его непонятный страх, неубедительное объяснение случая на вокзале и одновременно признание в краже со взломом, о которой милиция даже не подозревала, неужели все это только для того, чтобы укрыться в тюрьме? Чего он боится? И Ровак был тогда на вокзале. Кому Козловский отдал ключи? И снова круг замыкается на Бабуле и швейцарских часах, которые ему было жаль выбрасывать с девятого этажа. Но все это не объясняет записки, которую Сельчик написал перед смертью.

Очевидно, инспектор задремал, так как вдруг увидел направленное на него дуло автомата склонившегося Ровака и услышал его шепот:

— Я недолюбливаю типов с чересчур чистыми руками. Недолюбливаю, понимаешь?

Прошло несколько секунд, прежде чем Ольшак понял, что это не Ровак, а проводник, который трясет его за плечо.

— Ну и крепко же вы спите, — сказал проводник с завистью. — Уже подъезжаем к Варшаве.

У вокзала, как он и просил в телефонограмме в Главное управление, его ожидала милицейская “варшава”. Упитанного человека средних лет с головой лысой, как яйцо, Ольшак знал. Они неоднократно сталкивались по работе.

— Привет, старик! — сказал капитан Беджицкий. — Я решил, может, на что-нибудь тебе пригожусь. Хочешь пощупать француза?

Беджицкий долгое время жил во Франции, его помощь могла оказаться неоценимой, ибо Ольшак до сих пор не имел времени даже подумать, что его знания французского языка исчерпываются несколькими словами, которые он произносил с ужасным акцентом.

— Благодарю, — Ольшак крепко пожал руку Беджицкого.

— Что же он у вас натворил? — спросил капитан. — Здесь он держится необычайно деликатно. Почти не выходит из гостиницы. Мы на всякий случай за ним незаметно наблюдали. Не знаем, зачем он тебе понадобился. Да, чуть не забыл! Прислали какие-то новые факты, установленные уже после твоего отъезда. Поезжай в “Европейскую”, — обратился он к шоферу, одновременно протягивая Ольшаку свернутую телетайпную ленту.

Там значилось: “Француз появился в “Центральной” около 21.30, оставил чемодан и вышел. Возвратился спустя полтора часа, портье проводил его наверх. В полночь француз позвонил администратору с просьбой прислать доктора, ибо почувствовал себя плохо. Вызвали “скорую помощь”, которая прибыла в 0.22,

что проверено по регистрационной книге. “Скорая” пробыла у француза до 1.30. Врач определил у него почечные колики, сделал успокаивающий укол. В 9.00 француз заказал завтрак в номер и сразу после этого покинул гостиницу. Бабуля у нас, но с часами что-то крутит. Утверждает, что нашел их в трамвае за два дня до случая на Солдатской. Козловский пришел в себя в тюремной больнице, но доктор запретил с ним разговаривать. Машину высылаю к утреннему экспрессу. В случае перемен прошу уведомить. Поручик Кулич”.

Деловой парень этот Кулич, времени зря не терял. Ольшак знает, сколько работы требует установление нескольких фактов, которые умещаются на полутора метрах телетайпной ленты. А Куличу хватает собственных неслужебных хлопот. Хотя бы эти близнецы, которые ожидают поручика дома.

Шофер с шиком затормозил у подъезда гостиницы.

— Вот и приехали. Пошли, браток, сейчас проверим, не забыл ли я французский.

Беджицкий повел Ольшака в мраморный холл отеля, обменялся несколькими словами с молодым человеком в замшевой куртке, с трубкой в зубах, склонившимся над “Нью-Йорк таймс”, и вернулся к Ольшаку.

— Все в порядке, наш клиент у себя.

13

Ольшак проснулся с ужасной головной болью. За окном начинало светать. Он посмотрел на часы — через полчаса будет дома. Инспектор выбрался из неудобной постели. Он не любил спальных вагонов, но вчера выхода не было: с утра его ждала напряженнейшая работа. Ольшак был сильно измучен поездкой в Варшаву, добил его ужин у Беджицких. Капитан, узнав, что до отхода поезда Ольшака еще четыре часа, затащил его к себе. Ужин был обильный, не обошлось без пары рюмок домашней смородиновой наливки. В результате Ольшак снова чуть было не опоздал на поезд, но зато уснул сразу и всю ночь проспал, чего ему никогда в спальном вагоне не удавалось. Инспектор быстро оделся, чтобы успеть выпить кофе у проводника. На вокзале, как и было договорено, его ждала машина из управления.

Домой он вошел на цыпочках, но осторожность оказалась ненужной, так как Гражина уже не спала, а сон Янека не прервала бы даже артиллерийская канонада. Ольшак чмокнул жену в щеку, погладил по волосам, выпил приготовленный кофе, принял душ, отметив, что колонка исправлена (вероятно, вчера жене удалось поймать слесаря), и только после этого проснулся по-настоящему.

Бреясь перед зеркалом, он вспомнил вчерашний разговор в тридцать седьмом номере варшавской гостиницы “Европейская”.

Француз был небольшого роста, почти как Сельчик, с гладко прилизанными волосами и тонкими усиками. Собственно, слово “француз” в данном случае не очень подходило. Капитан Беджицкий оказался ненужным, так как мосье Жан Ромбе родился в Сталевой Воле и звался Яном Ромбеком, пока еще ребенком не попал с родителями во Францию. Говорил он по-польски довольно прилично, только иногда вставлял французские слова. “Ни то ни се, — сказал потом капитан Беджицкий. — Польский почти уже забыл, а французскому еще толком не научился. Такая уж у них судьба, братец, — добавил он. — Дети эмигрантов”.

Они застали Ромбека сидящим в кресле. На ногах у него были только носки, и это сразу бросилось в глаза инспектору, ибо, помня показания дворничихи, он в первую очередь непроизвольно посмотрел на ноги француза. В следующее мгновение, однако, он увидел у дивана ботинки, о которых говорила дворничиха. Действительно, такой фасон в Польше не носили. По крайней мере, Ольшак таких не видел. Ничего удивительного, что дворничиха запомнила их. С двойной прошивкой и удивительной застежкой, они казались меньше, чем были на самом деле, если в них умещалась нога француза.

— О, пардон! — улыбнулся Ромбек. — Забыл домашние туфли. Чем могу быть полезен?

Ольшак показал ему удостоверение. Ему было приятно, что с французом можно говорить без переводчика.

— Несколько дней назад вы посетили одного человека в N.

— Да, — ответил тот, — в этом городе я навещал своего кузена Конрада Сельчика. А в чем дело?

— Конрад Сельчик трагически погиб в ночь с третьего на четвертое сентября. Я веду следствие. — Инспектору не хотелось выкладывать этому человеку сразу все, что ему было известно, он решил дозировать информацию. В первый момент его поразило сообщение, что француз был кузеном Сельчика. Сейчас, присмотревшись к нему, Ольшак заметил даже какое-то сходство с фотографией покойного, которую он получил на следующий день после происшествия на Солдатской.

— Oh, terrible! Это ужасно, — поправился Ромбек. — Это ужасно, — повторил он, — хотя этого и можно было ожидать.

— Прошу вас, расскажите все, что вам известно.

— Сельчик — мой двоюродный брат. Мы переписывались в течение нескольких лет, хотя никогда не виделись. Встретились мы только третьего сентября, да, это было третьего, в день моего приезда. Еще в письмах мы договорились, что он будет ждать

меня на вокзале. Конрад был с машиной. Я не знал, что у него есть автомобиль, — Ромбек запнулся, подыскивая нужное слово, — его будущей жены, — нашелся он.

— Как вы узнали друг друга?

— Мы об этом тоже подумали и обменялись фотографиями. Вы сказали, — Ромбек посмотрел Ольшаку в глаза, — он трагически погиб. Что это было, самоубийство?

— Вы позволите сначала задать вам несколько вопросов?

— Bien, понимаю. Полиция везде одинакова. Предпочитает спрашивать, а не отвечать. — Ромбек слабо улыбнулся. Было видно, что он взволнован, хотя старался взять себя в руки. Известие о смерти кузена потрясло его. Он вынул пачку сигарет (“Галуаз”, — заметил Ольшак), предложил их Беджицкому и инспектору и закурил сам.

— Вы говорите, что именно этого можно было ожидать. Правильно ли я вас понял? Невеста пана Сельчика и все, кто его знал, были удивлены его смертью.

— Он был очень взволнован. — Ромбек внезапно закашлялся, поперхнувшись дымом. — Я пытался понять, что его угнетает, — продолжал он через мгновение. — Думал даже, что мой приезд не ко времени, иногда это случается, не правда ли? — Он говорил медленно, старательно подбирая слова, и лишь иногда неправильно поставленное ударение действовало на слух, словно скрежетание металла по стеклу. — Он ничего не хотел мне говорить ни в машине, ни позднее дома. Только за ужином совершенно неожиданно попросил у меня, нет, это не то слово, он потребовал, чтобы я дал ему тысячу долларов. Я не ожидал этого и был чрезвычайно удивлен. Конрад никогда и ни о чем не просил, напротив, присылал мне книги и пластинки, а когда однажды, желая его отблагодарить, я послал ему кое-какие мелочи, ну, знаете, нейлоновые рубашки, которые у нас очень дешевы, он был буквально оскорблен. Он написал мне, что у него все идет хорошо, он работает, купил квартиру и доволен жизнью. Именно поэтому меня удивило его требование. Тысяча долларов — это пять тысяч франков, куча денег, почти автомобиль, конечно, дешевый автомобиль. Я неплохо зарабатываю, и на моем текущем счету в банке лежит несколько тысяч долларов, однако это бесцеремонное требование поразило меня. Естественно, я спросил, зачем ему столько денег. Сначала Сельчик не хотел отвечать. Но потом довольно туманно намекнул на какой-то шантаж, на то, что кто-то требует от него денег и, если он не заплатит, его карьера кончена.

— И вы дали ему деньги?

— Но, мосье инспектор, кто же носит при себе такую сумму?

Перед поездкой в Польшу я купил в бюро путешествий купоны “Орбиса” на оплату отелей и ресторанов. У меня, конечно, было несколько сот франков и чековая книжка, но Конрад не смог бы реализовать в Польше этот чек. Я посоветовал ему пойти в полицию, то есть в милицию.

— И что он ответил?

— Сказал, что если не достанет этих денег, то ему остается только покончить с собой. Поэтому я и спросил вас, не была ли его смерть самоубийством. Mon Dieu, если бы я знал, что он это сделает, я достал бы ему эти деньги и переправил бы их в Польшу… Но знаете, знакомые предупреждали меня перед отъездом, что некоторые наши земляки, не все, конечно, думают, что мы там, на Западе, гребем деньги лопатами. Я сказал Конраду об этом, вспылил, так как был на него зол, прошу простить мне это. Я уехал отсюда ребенком, и в первый же день приезда такая история! Расстались мы не прощаясь. Я чувствовал себя обиженным. Думал, что Конрад придет в гостиницу, чтобы извиниться, но он не появился. Все это подействовало на меня, я расстроился, и, как это иногда случается со мной, у меня начался приступ. — Ромбек приложил руку к почкам, — забыл, как это называется, что-то вроде укола.

— Почечные колики, — вставил Ольшак.

— Да, именно так называл это доктор из “Скорой помощи”. Очень симпатичный человек и очень сердечный. Просидел около меня несколько часов.

— До половины первого.

— Вы и это знаете? Ах, понимаю, иногда читаю детективы. У нас есть такой писатель — Сименон, вы слышали? Герой его произведений — комиссар Мегрэ. Мне кажется, что он похож на вас, только он курит трубку, по крайней мере, в фильмах. — Ромбек остановился, как бы что-то припоминая. — Бедный Конрад, — сказал он, помолчав. — А вам неизвестно, почему он это сделал? Вы не обнаружили тех шантажистов? Это действительно ужасно! — Ромбек встал, подошел к окну и распахнул его.

— Вы вспоминали здесь о будущей жене Конрада Сельчика. Он вам говорил что-нибудь о ней?

— Конрад писал, что намеревается жениться. Я думал, что он представит ее мне. Так, наверное, и произошло бы, если бы не этот странный разговор между нами. Мне хотелось пробыть у него, по крайней мере, три или четыре дня и только потом посетить Краков, Закопане, Варшаву. Я приехал лишь на десять дней, так как мой шеф не отпускал меня на более долгий срок. Я работаю директором отдела рекламы большой фирмы

электронного оборудования. Это очень хорошая работа, только на отпуск почти не остается времени.

— Значит, вы так и не увидели Иоланту Каштель?

— Да, действительно, ее звали Иоланта. Я уже, кажется, говорил, что не знаю даже, как она выглядит. А жаль. Конрад писал мне, что она замечательная девушка, что они хорошо понимают друг друга…

— Когда вы возвращаетесь во Францию?

— Через три дня. Я купил обратный билет еще в Париже. Но решил, что обязательно снова приеду в Польшу. Эта прекрасная страна сильно изменилась. Может быть, наша фирма будет с вами торговать. Жаль Конрада… Теперь у меня никого здесь не осталось.

— Давайте еще раз вернемся к вашему вечернему разговору. Прошу вас, попробуйте сосредоточиться и припомнить, не называл ли Сельчик каких-нибудь имен или не говорил что-либо о человеке, который его шантажирует. Может быть, это помогло бы нам.

— Попробую. Конрад сказал: “Это страшный человек, холодный и беспощадный”. Да, вспомнил! — подскочил Ромбек. — Этот человек играет в шахматы. Конрад сказал: “Холодный, расчетливый шахматист, который умеет предвидеть на пять ходов вперед”. И добавил еще: “Или он меня убьет, или я вынужден буду покончить с собой…”

Уходя, Ольшак попросил у Ромбека спички, объяснив, что его сын филуменист.

Как только они с Беджицким вышли из отеля, Ольшак старательно завернул коробок в приготовленную салфетку. Необходимо снять отпечатки пальцев с этого коробка и сравнить с обнаруженными в квартире Сельчика. Хотя Ромбек и не отрицал, что был там, формальности необходимо выполнить.

…Ольшак побрился и уже надевал пиджак, когда зазвонил телефон. Звонил Кулич.

— Шеф, Бабуля раскалывается!

Действительно, Бабуля “раскалывался”. Поручик ожидал Ольшака в его кабинете. Стенографист устроился за столом, Бабуля сидел, полуразвалясь, в кресле.

— Ничего вы мне не сделаете, — захихикал он, увидев входящего Ольшака.

— Расскажи еще раз, как все было, пану инспектору. Он тоже хочет послушать, — обратился к нему Кулич. Глаза поручика были припухшими, очевидно, близнецы снова не давали ему спать.

— Могу и повторить, почему же нет? Все равно вы ничего мне

не сделаете. Значит, у него были ключи, и он остановил машину перед таким высоким домом. Ну, сами знаете, перед каким, верно? Ну, в новом районе. Там не разобрать, какая где улица. Ну, значит, подъехали мы на машине, а потом поднялись на лифте на самый верх. Он дал мне ключи, приказал отпереть дверь, но перед этим проверил, есть ли у меня перчатки, и велел ни до чего не дотрагиваться. Потом приказал запереть дверь изнутри на цепочку и повернуть ключ, ну, я это и сделал, а он сам вошел в соседнюю квартиру, тут же, рядом, от которой также имел ключи. А потом я увидел его уже на балконе, там был такой общий балкон, только стенка его разделяла. Ну, значит, я подтащил покойника, как он мне приказал, и положил его на барьер, а потом он подал мне руку, и я перелез на другой балкон. Боялся смотреть вниз, — снова захихикал Бабуля, — жутко высоко. У меня ноги дрожат, когда я с моста вниз смотрю. Значит, он велел мне не смотреть, держаться за стену и его руку. Кое-как перелез. А потом достаточно было немного высунуться, приподнять покойнику ноги, чтобы он грохнулся вниз головой.

— Покойнику? — только теперь спросил Ольшак. Еще раньше он хотел задать несколько вопросов, но знал, что такого оратора, как Бабуля, лучше не прерывать.

— Конечно, живого ведь я бы не выбросил, а покойнику все равно.

— Но прежде ты снял с него часы?

— Было дело. А вы бы удержались? Жаль мне их стало.

— Откуда ты знал, что он мертв?

— Он мне сказал.

— Кто он?

— Ну я же говорил. Пан Махулевич, который привез меня на машине.

— Человек, которого ты выбросил, стал мертвецом только на земле. А когда ты снимал с него часы, он был еще жив.

Ольшак рассчитывал, что эти слова испугают Бабулю и тот начнет доказывать, что не знал этого, или, наоборот, замолчит. Но такой реакции он не ожидал. Бабуля сдвинул брови, на лице его отразилось что-то вроде работы мысли.

— Может быть, — сказал он наконец спокойно. — Я сразу об этом подумал, когда были на балконе, а потом в квартире, где спала такая красивая женщина. Пан Махулевич не позволил мне даже дотронуться до нее. И вообще, мы сидели тихо, как мыши, по крайней мере, два часа.

— Значит, ты сказал Махулевичу, что тебе показалось, будто тот человек жив…

— Да, он вроде дышал. Я так и сказал. Но Махулевич обозвал

меня дураком. А я и сам знаю, что я дурак. И поэтому вы мне ничего не сделаете.

— Сколько ты получил за это?

— Пять, как и договаривались. Если бы я наверняка знал, что покойник еще живой, то Махулевичу пришлось бы раскошелиться на две тысячи.

— Но ты же получил пять, — вставил Кулич.

— Пять сотен, — терпеливо объяснил Бабуля. — Значит, он меня обманул и тот парень был еще жив? — Он задумчиво покрутил головой. И все продолжал что-то бормотать, пока капрал выводил его из кабинета Ольшака.

— Ну и как? — спросил Кулич.

— Хорошая работа, — похвалил Ольшак. — Махулевича взять сейчас же. Если ты в состоянии, поговори с ним, прежде чем я вернусь. Потом я возьму его в оборот. Ты плохо выглядишь.

— Интересно, как бы ты выглядел, выстирав и выгладив сто двадцать пеленок? Вот если бы у нас родилась четверня, как под Познанью, мы бы хоть няньку получили, а так приходится мучиться самим.

14

По дороге к месту работы Иоланты Каштель Ольшак попытался мысленно привести в порядок полученные сведения. Интуитивно он чувствовал, что дело подходит к концу, что восстановление недостающих звеньев — вопрос ближайшего времени.

Итак, некто, имеющий доступ к материалам, компрометирующим многих здешних частных торговцев и директоров государственных магазинов, решает на этом заработать. Это расчетливый человек, шахматист, способный предвидеть на несколько ходов вперед. Он знает условия конспиративной работы и решает организовать банду шантажистов. Известно, что он склонил на свою сторону Махулевича. Может быть, и на него имел компрометирующие материалы.

Известно также, что в этой банде есть молодая женщина, брюнетка в темных очках. Непонятно, почему Ольшаку вдруг припомнилась девушка, с которой он как-то видел на улице Янека. Однако инспектор отогнал от себя эту нелепую мысль. Цвет волос ни о чем еще не говорит, женщине перекрасить волосы ничего не стоит. Остается лишь голос, который можно установить при очных ставках. Но сейчас не с кем устраивать очных ставок, это дело будущего, придется еще долго разбираться, прежде чем

отправить кое-кого на государственное содержание. Итак, Махулевич входит в эту банду и наверняка играет в ней не последнюю скрипку, поставляя автору замысла тряпичных клоунов. Нужно выяснить, кому он их передает: главарю или этой женщине? Знает ли он ее? Если организатор всего этого мероприятия человек расчетливый, то скорее всего он будет стараться, чтобы как можно меньше людей было посвящено в его настоящую роль.

Нет, что-то здесь не сходится. Сегодня утром звонил Лясочак с известием, которое представляет в совершенно ином свете показания ювелира Броката. Пропавшее серебро нашлось. К Брокату сразу же послали следователя. Ювелир сначала пытался отвертеться, однако вскоре признался, что действительно под задней дверью магазина нашел подброшенный сверток. Уверяет, что не платил за это никакого выкупа. Но тогда чем же вызван этот благородный поступок? Метод возвращения украденных вещей уже был проверен на Спаваче: доморощенному лорду это стоило дорого.

“А может, — зародилась вдруг у Ольшака почти абсурдная мысль, — возвращение серебра — оплата за услугу, которую оказал ювелир, раскрывая милиции весь механизм действия банды?” Это объясняло бы непонятный страх ювелира и то странное чувство, которое не покидало Ольшака с самого начала следствия, что кто-то направляет его усилия в поисках правды, более или менее ловко подсовывая материал для разоблачения банды. Неужели конкуренты? А может, кто-то поссорился с главарем и хочет выдать милиции всю шайку? Но зачем? А может — снова совершенно абсурдная мысль, — сам главарь ведет эту игру? Но опять же с какой целью? Или у него еще что-то за душой? Может, хочет отвести внимание от чего-то? Или его забавляет эта игра, или он маньяк, психопат, уверовавший, что ему все сойдет с рук?..

Ну и что из этого? Все это лишь домыслы, предположения, тени улик, и никаких доказательств. Он не может даже арестовать Ровака. Неужели тот шантажист так продумал детали, что, уничтожив весь старательно налаженный механизм, сам остался в тени? Но ведь есть Махулевич, против которого набралось столько, что можно уже предъявлять обвинение. Припертый к стене, он наверняка скажет о своем шефе, если только он его знает. Да и сам он был не простой пешкой в шайке…

Теперь Сельчик. Ромбеку он сказал о шантаже, а Иоланте — нет. Отпечатки пальцев на спичечном коробке идентичны обнаруженным в квартире Сельчика, такие же были и на окурке, найденном в лоджии. Этого следовало ожидать. Что же дальше?

От Ромбека удалось узнать только, что Сельчик боялся какого-то шахматиста. Может, Сельчик напал на след шантажистов и ему объявили шах, подсунув клоуна. То есть дело об убийстве по-прежнему остается невыясненным. Необъяснимо и прощальное письмо…

Только одно могло бы все объяснить: если предположить, что Сельчик, а не Ровак был главарем шайки. Ведь магистр экономики мог знать столько же, сколько и Ровак. Репутация неподкупного ревизора ему совсем не мешала, напротив, он был вне подозрений. Но вот в один прекрасный день Сельчик приходит к выводу, что жизнь ему надоела. Он пишет прощальное письмо, выпивает снотворное, разыгрывая перед Иолантой и ее приятельницей расстроенного человека, ведет идиотский разговор со своим кузеном. А перед этим по телефону договаривается с Махулевичем о том, чтобы выбросить из окна человека, проживающего на Солдатской улице.

Махулевич, естественно, не подозревает, о ком идет речь, а если к тому же не знает Сельчика в лицо, то не догадывается, что шеф имеет в виду самого себя. Впрочем, Сельчик подстраховывается тем, что приказывает Махулевичу оставаться в соседней лоджии, в его же квартире действует Бабуля, который, конечно же, не имеет понятия, кто такой Сельчик. Потом он пишет прощальное письмо и, приняв снотворное, спокойно ожидает, когда Бабуля придет и выбросит его из окна. Ничего не скажешь, прелестный способ самоубийства. И какая головоломка для следствия! Но зачем такие сложности? Мало ли других способов лишить себя жизни?

“Вот до чего можно додуматься”, — улыбнулся про себя Ольшак, но где-то в глубине души он понимал, что только эта совершенно идиотская версия объяснила бы прощальное письмо самоубийцы, не отвергая одновременно подтвержденного показаниями Бабули факта убийства.

Инспектор остановился перед высоким зданием, где помещалось несколько учреждений. В одном из них работала Иоланта Каштель. К сожалению, в секретариате директора, где Ольшак надеялся ее застать, он увидел пожилую полную даму, которая привела его в изумление скоростью, с которой она ударяла по клавишам машинки. Если бы можно было дать ей двойную ставку, Ольшак, не задумываясь, предложил бы ей работу у себя, но это практически было невозможно, ибо по смете машинистке полагается определенная зарплата и никто не вправе нарушать финансовую дисциплину. Так что шансы переманить эту даму в управление невелики. Женщина допечатала фразу и, не отрывая рук от клавиш, вопросительно взглянула на Ольшака.

Она объяснила, что пани Каштель больна.

…Однако Иоланта в своем воздушном халатике больной не казалась. Девушка не удивилась приходу инспектора и пригласила его в свою комнату, извинившись за хаос, который там царил. На столе стоял чемодан, набитый разными тряпками.

— Прошу прощения, пан капитан, но сегодня я занялась зимними вещами.

Ольшак, в свою очередь, извинился за внезапный приход, о котором у него не было времени предупредить пани Каштель. Здесь он немного покривил душой, ибо на самом — деле ему необходимо было застать Иоланту врасплох, чтобы не дать ей времени приготовиться к разговору, и удивился, что этого не достиг. Правда, Иоланта не выглядела больной, но, боже мой, Ольшак не собирался проверять ее служебную дисциплину и прекрасно понимал, что молодая женщина после всех выпавших на ее долю переживаний имеет право немного отдохнуть, а домашние дела, как известно, отличная разрядка для нервов. Но сейчас Иоланта не казалась и подавленной, напротив, она была спокойной, холодной, сдержанной.

На маленьком столике стояла фотография Сельчика, перевязанная черной ленточкой. Такая демонстрация траура показалась Ольшаку несколько искусственной, фальшивой, но какое, в конце концов, ему дело, как Иоланта чтит память своего умершего жениха. Он взял в руки карточку и некоторое время разглядывал ее. Он заметил, что с обратной стороны фотография подклеена плотной бумагой. Инспектор отставил ее и огляделся. На крючке висел клетчатый халат, под ним стояли большие домашние туфли. Иоланта заметила его взгляд.

— Я еще ничего не трогала, все осталось так, как было при Конраде. Очевидно, мне придется поменять комнату, а жаль, мне она нравилась. Вы ведь знаете, как трудно снять недорогое жилье, да еще с телефоном. Но пока я отсюда не уеду, не смогу дотронуться до его вещей.

— Понимаю, — проворчал Ольшак. — Вам очень тяжело.

У него вдруг появилось непреодолимое желание спросить ее, носит ли она черный парик, однако он с трудом от этого удержался.

— Пани Иоланта, — сказал он, — дело усложняется. Я вынужден задать вам несколько вопросов.

— Если я смогу вам чем-нибудь помочь… Скажите мне правду: вы считаете, что это не было самоубийством? — И, не дождавшись ответа, добавила: — Его убили? Но как же это возможно, ведь есть письмо…

— Я бы сам хотел это знать. В вашей машине — вы, наверное,

помните — мне попался обрывок багажной бирки. Я спрашивал еще, что вы можете об этом сказать.

— Не имею понятия, — ответила Иоланта. — Может, Конрад кого-то подвозил?

— Мне известно даже кого: своего кузена из Франции, если мне не изменяет память, рекламного агента какой-то большой фирмы. Жан Ромбек, так его зовут, был в день смерти вашего жениха здесь. Пан Сельчик встретил его на вокзале и на вашей машине привез его к себе. Почему вы скрыли это от нас?

В ее глазах появилось удивление.

— Приехал Жан? Именно в тот день? Конрад мне ничего не говорил.

— Но вы знали, что у Сельчика во Франции есть кузен, который намерен его посетить?

— Я знала о существовании Жана, но даже не имела понятия, что он собирается в Польшу. Мне известно, что они переписывались с Конрадом и, — она задумалась, — пожалуй, больше ничего.

— Однако мы не нашли ни одного письма в квартире на Солдатской.

— Ох, я же говорила, что Конрад был педантичен до неестественности. Не принято говорить плохо об умершем, но меня всегда раздражала его чрезмерная аккуратность. Он выбрасывал все ненужные бумаги, даже мои письма.

— Вы говорите, что в тот вечер он очень спешил, смотрел на часы и, сказав, что в его распоряжении только двенадцать минут, убежал. И вас в самом деле не заинтересовало, куда он так спешил?

— Простите, но мы доверяли друг другу, — ответила Иоланта холодно. — Если кто-то из нас хотел сказать что-нибудь, то говорил. Конрад знал, например, что я люблю танцевать. Иногда я сообщала ему, что иду в “Спутник”. Он же презирал такое времяпрепровождение, предпочитая работать над докторской диссертацией или читать толстые книги по экономике, названия которых я даже не понимала. Мы действительно любили друг друга и поэтому решили, что, поскольку у нас разные интересы, будем их взаимно уважать.

— Пан Сельчик не жаловался вам на денежные трудности? Не был ли в последнее время чем-то озабочен?

— Зарабатывали мы немного, но оба не любили расточительности. У меня есть тетка в Англии, которая присылает мне кое-какие тряпки, а я люблю хорошо одеться. Конрад же не заботился ни об одежде, ни о еде и поэтому очень мало тратил на себя. Когда он решил купить себе квартиру, я

спросила, не нужно ли ему денег. Ведь она должна была стать нашей общей квартирой, а я как раз скопила на заграничную поездку несколько тысяч злотых. Конрад ответил мне, что деньги он уже внес, чтобы я не беспокоилась и отправлялась в свое путешествие, о котором столько мечтала.

— И вы поехали?

— Наша группа выезжает только пятнадцатого ноября, через два месяца, но теперь я не знаю, поеду ли. Всю жизнь мечтала побывать в Италии, увидеть Венецию, Падую, Флоренцию, а теперь, — она приложила платочек к глазам, — сама не знаю. Ничего мне не хочется, все утратило смысл. Вы даже не представляете, каким человеком был Конрад.

— Значит, у него не было финансовых затруднений. Тогда зачем же ему понадобилась тысяча долларов? И притом срочно.

— Тысяча долларов? Это очень большие деньги. Я получу, — Иоланта улыбнулась впервые за время разговора, — всего двенадцать долларов на карманные расходы. Не знаю, в самом деле, не знаю.

— Он просил у пана Ромбека тысячу долларов. Говорил о каком-то шантаже. Женщина должна была почувствовать что-то неладное, тем более любящая женщина…

— Конрад был какой-то беспокойный в последнее время, это правда. Боялся ли он чего-нибудь? Сейчас, когда вы об этом сказали, мне начинает казаться, что действительно боялся.

— Он ничего не говорил о том, что кто-то его шантажирует?

— Нет, об этом разговора не было, но кое-что я теперь вспоминаю. Не знаю, имеет ли это какое-нибудь значение, но Конрад сказал как-то об одном знакомом: “Этот холодный негодяй меня ненавидит”. Я еще спросила, кого он имеет в виду, уж не начальника ли. Он отрицательно покачал головой. Больше я ничего от него не добилась. Вечером, когда мы после ужина собрались спать, он спросил: “Разве не идиотизм носить к полосатой сорочке белый платок в кармашке пиджака? Я удивилась, так как не совсем поняла его вопрос, и до сих пор не знаю, что Конрад хотел этим сказать. Я даже не пыталась расспрашивать, ибо знала, что ничего не добьюсь от него, и отделалась каким-то банальным ответом, вроде того, что если это кому-то нравится, но почему бы не носить. Но Конрад так мне ничего и не объяснил. — Иоланта смотрела в окно, словно избегла взгляда Ольшака.

Инспектор встал и молча пожал ей руку.

— Вы все же поезжайте в Италию, — сказал он уже в дверях. — Нужно уметь забывать, иначе нельзя жить.

И неизвестно почему ему вспомнилось вдруг лицо Баси

Кральской.

15

На следующий день до трех часов о Махулевиче не было никаких известий. Ольшак приказал на всякий случай сообщить его приметы и номер его автомобиля всем милицейским постам воеводства и патрульным дорожной инспекции и подумывал уже, что придется через Главное управление объявить общий розыск. Но этого не потребовалось, так как Махулевич неожиданно появился у себя на квартире, где со вчерашнего дня его ждал Кулич со своими людьми. Махулевич был скорее удивлен, нежели испуган, арестом. Очевидно, Марыся Клея неплохо сыграла роль провинциалки, если Махулевич ничего не подозревал.

“Очень точно она его охарактеризовала”, — решил Ольшак, когда к нему привели Махулевича.

— Не понимаю, пан капитан, что вам от меня нужно. Дела я веду честно. Мое предприятие приносит доход государству, недавно я снова заключил контракт о поставках продукции на экспорт.

— Вы собираетесь продавать за границу клоунов? — невинно спросил Ольшак, положив перед арестованным тряпичную куколку. — Их выпускает ваше предприятие, не так ли?

— Да, — ответил Махулевич, внимательно разглядывая игрушку. — Мы выпускали их год назад, а сейчас прекратили из-за отсутствия сбыта. У меня осталось еще несколько сот непроданных. Ну что же, торговля требует риска, — улыбнулся он спокойно. — Тайна покупательских вкусов. Сегодня клоуны идут нарасхват, а завтра на них никто не хочет смотреть. К сожалению, финотдел не хочет понять трудностей, с которыми сталкивается частный предприниматель, и чем он ежеминутно рискует.

— Если судить по цене, которую вы назначали за это тряпичное безобразие, — сказал Ольшак, — риск должен быть большим.

— Не понимаю, о чем вы, — рассмеялся Махулевич. — Оптовая цена за клоуна, установленная комиссией цен, составляет, если мне не изменяет память, девятнадцать злотых. При покупке более пятисот штук я делал пятипроцентную скидку. К сожалению, только однажды у меня была такая приятная возможность. Я продал сразу две тысячи штук. Мне показалось, что клоуны пойдут хорошо, но ошибся.

— Кому вы продали две тысячи?

— Ах вот вы о чем! Этим уже интересовались и ГТИ, и финотдел. Как-то появилась у меня молодая женщина. Сказала,

что хотела бы приобрести две тысячи клоунов. Естественно, на складе у меня столько не было, поэтому мы заключили договор, вернее, обговорили условия, ибо я избегаю ненужных формальностей, которые так нервируют нас в общественной торговле. И действительно, эта женщина приехала через неделю, заплатила мне все, что причиталось, минус скидка и забрала игрушки. Только я ее и видел. Я куда-то затерял копию счета, поэтому через несколько недель написал по адресу, который она мне оставила: “Варшава, улица Мархлевского, павильон № 49”. Однако вскоре получил ответ, что в указанном месте адресат не значится. Меня это очень удивило, и при первом же посещении Варшавы я пошел в управление торговли, где мне сказали, что владельца магазина с фамилией, которую назвала мне эта женщина, в Варшаве нет. В итоге я так и не получил копии счета, что пронырливому ревизору Роваку из ГТИ сразу же показалось подозрительным.

— А вам бы не показалось? — спросил Ольшак. — Кто-то покупает две тысячи клоунов и исчезает без следа.

— Но мне заплатили наличными, пан капитан. Это меня несколько удивило, но я подумал, а вдруг у моей покупательницы две тысячи детей, — Махулевич опять улыбнулся, довольный своей шуткой.

“Он держится так, — подумал Ольшак, — будто ждал моих вопросов и заранее приготовил на них ответы”.

— Та женщина — брюнетка в черных очках, не так ли?

— Конечно, — ответил машинально Махулевич.

— Почему “конечно”? — наступал Ольшак.

— Особа, таинственно исчезнувшая после приобретения двух тысяч клоунов, должна выглядеть таинственно, не правда ли? Пан инспектор прекрасно ее себе представил.

Махулевич явно издевался над ним, и Ольшак не выдержал.

— Приведите задержанного! — рявкнул он в трубку. Но Махулевич не смутился, увидев Бабулю.

— Это он? — спросил Ольшак.

— А как же! — подтвердил Бабуля. — Кому же еще быть? Я ведь говорил — пан Махулевич.

Инспектор жестом попросил увести Бабулю.

— Вы знаете этого человека?

— Этого идиота? Разумеется. Иногда я использую его на складе, когда нужно перетащить какую-нибудь тяжесть. Сильный, бестия.

— И поэтому вы наняли его для того, чтобы сбросить Сельчика с девятого этажа.

Махулевич беспокойно заерзал на стуле.

— Что вы делали в ночь с третьего на четвертое сентября?

— Не помню. Сомневаюсь, чтобы и вы помнили, чем занимались в ту ночь.

— Я помню, — сказал Ольшак. — В ту ночь я осматривал тело человека, который выбросился, а оказалось, что его выбросил из лоджии Бабуля, которому вы заплатили пятьсот злотых и помогли перебраться из квартиры Сельчика в соседнюю лоджию Кральских, пани Барбары Кральской, — поправился инспектор неизвестно для чего.

— Прошу прощения, — Махулевич наклонился в его сторону, — на такое серьезное обвинение могу сказать только то, что готов привести к вам трех своих знакомых, с которыми провел ночь с третьего на четвертое сентября. Мы играли в бридж, пили водку, и они в случае нужды могут присягнуть, что я не выходил из дома. Что вы скажете на это? Что представите суду? Показания идиота, невменяемость которого подтверждалась неоднократно и которому можно внушить все, что угодно?

— Я постараюсь, — спокойно ответил Ольшак, — арестовать ваших приятелей по обвинению в даче ложных показаний. Кроме того, представлю суду Войцеха Козловского, который утверждает, что вручил вам ключи, украденные у Барбары Кральской, а также приведу показания соседки покойного, — здесь инспектор пошел на риск, — которая видела, как вы входили в квартиру Барбары Кральской около часа ночи.

Махулевич потянулся к пачке сигарет, лежавших перед Ольшаком. Капитан пододвинул ему спички и подождал, пока тот прикурит.

— Все ясно, — произнес наконец Махулевич. — Жить недолго, но интенсивно — таков мой девиз. Что вы хотите от меня услышать? Знаю, что чистосердечное признание суд примет во внимание. Я юрист, правда, без диплома.

— Зачем вы это сделали?

— Мне было приказано. Сельчик был мертв. Нужно было создать видимость самоубийства.

— Сельчик был жив. И это было убийство. И вы его участник. Кто вам приказал?

— Человек, который держал меня в руках, который мог… Впрочем, это ни к чему…

— Который мог вас посадить на несколько лет, что, кстати, вас и сейчас не минует. Соучастие в убийстве — это не шутка, и жизнь ваша в тюрьме будет совсем не короткая и далеко не интенсивная.

— Могу поклясться, что я ничего не знал, думал, что Сельчик мертв. Так мне сказал… — Махулевич запнулся.

— Шеф, — докончил за него Ольшак. — Кто он?

— Не знаю. Я никогда не видел его в лицо.

— Он руководил вами по телефону? — с иронией спросил Ольшак.

— Иногда да, но обычно отдавал приказания при встрече.

— Значит, все-таки вы видели его?

— В лицо — никогда. Все происходило так. В назначенный день и час я останавливал машину с погашенными фарами на двадцатом километре Варшавского шоссе. Ждать приходилось несколько минут, потом появлялся шеф, открывал дверцу и садился на заднее сиденье прямо за мной. Мне нельзя было оглядываться. Перед каждым свиданием я должен был обвязывать зеркальце заднего обзора носовым платком. Мы все обговаривали, то есть он давал мне поручения и деньги.

— Много?

— Десять тысяч ежемесячно.

— Какие же поручения?

— Запугать какого-нибудь торговца, организовать кражу. У меня была группа парней, таких, как Козловский.

— А что вы делали с украденными вещами?

— Передавали шефу.

— Когда вы получили приказание убить Сельчика?

— Я не убивал, — возмутился Махулевич. — Мне было поручено организовать выброс тела из окна. На убийство я бы никогда не решился, и если бы знал… — он запнулся, как бы поняв, что пошел бы на все, поскольку шеф держал его в руках. — В прошлую среду, — сказал он, помолчав.

— Неделю назад, — констатировал Ольшак. — Немного же у вас было времени для приготовлений. Вы встретились опять на Варшавском шоссе в темной машине?

— Мы встречались там всегда каждую неделю. То есть шеф иногда не являлся, но я всегда должен был его ждать в двадцать два часа. Однажды он появился только через месяц.

Ольшак взглянул на часы. Шел пятый час. Еще есть время: ведь сегодня среда. Шеф, конечно, может не появиться, но все-таки…

— Ключи от вашей машины! Мы сегодня воспользуемся ею, надеюсь, вы не будете возражать? Помощь в поимке преступника также может быть принята судом во внимание.

— Знаю, — ответил Махулевич. — Ключи среди вещей, которые у меня отобрали при аресте.

Ольшак еще успел вздремнуть перед операцией, но сон не улучшил его настроения. Поездка на Варшавское шоссе — только формальность. Инспектор знал, кто будет ожидать его на

двадцатом километре, но что-то мешало ему чувствовать себя победителем. Чересчур легко дается ему победа. Через час он поймает неуловимого шефа банды, терроризировавшей торговых работников их города, человека, который отдал приказ убрать Сельчика… Во время дальнейшего допроса Махулевич показал, что знал ревизора ГТИ только понаслышке, сам к нему никаких претензий не имел, а только исполнял приказ своего шефа. Но ведь и поимка главаря не объяснит последнего письма Сельчика. В беспокойном мозгу крутятся какие-то наблюдения, обрывки разговоров, которые Ольшак никуда не может пристроить, и все-таки они его беспокоят. Почему, например, француз сидел в одних носках? “Чушь! Просто я заработался”, — решил инспектор.

Перед зданием управления уже стояла машина Махулевича, а в черной “Волге” Ольшак увидел Кулича и помахал ему рукой.

Инспектор с наслаждением развалился на мягком сиденье автомобиля. Едва он дотронулся до педали, как машина рванулась с места. Ольшак даже вздрогнул. Ему редко приходилось водить машину, а если он и садился за руль, то чаще всего старой милицейской “Волги”, разболтанный ход которой напоминал трусцу стельной коровы. Уже через минуту он полностью освоился с управлением машины. Хорошо, что сейчас его не видит жена, мечтающая о собственном автомобиле! Едва выехав за черту города, Ольшак сильнее надавил на педаль. Машина шла почти бесшумно, дальний свет разгонял темноту, и равномерный шелест шин нагонял дремоту. Инспектор бросил взгляд на спидометр: сто сорок километров в час! А ему казалось, что не больше восьмидесяти. Живи хоть сто лет, но никогда у тебя не будет подобной машины! А вот Махулевич мог позволить себе такую. Единственная разница в их положении, что Махулевич отправится на длительную отсидку, а он будет наслаждаться свободой. “И все-таки мы купим машину!” — решил Ольшак и сбавил скорость. Где-то здесь должен быть двадцатый километр. Ольшак развернулся: Махулевич всегда ставил машину, развернувшись к городу. Инспектор выключил фары и посмотрел на часы. Еще десять минут. Он знал, что невдалеке за поворотом стоит “Волга” с Куличем, а в ближайших кустах притаились его люди. Прождут ли они напрасно или этот тип все-таки появится? Тогда в “Спутнике” он говорил, что мечтает о миллионах… А может, ему нравится сама игра?

Инспектор переложил пистолет из кобуры в карман пиджака. Если тот заподозрит неладное, то пойдет на все. Махулевич показал на допросе, что во время бесед со своим шефом ощущал между лопатками прикосновение твердого предмета. Значит, у

него есть оружие.

Больше всего инспектор хотел, чтобы незнакомцем, который сядет в машину, оказался не старший ревизор Государственной торговой инспекции Тадеуш Ровак. Ольшаку по-своему нравился этот человек. Но ведь сколько улик накопилось! Правда, никаких прямых доказательств, одни подозрения, но их такое множество, что это не может быть случайностью. Только почему все идет так гладко? Достаточно было забрать из квартиры Сельчика клоуна, и тогда сам черт не связал бы его смерть с действиями шантажистов, о существовании которых милиция даже не подозревала. “Просто повезло”, — подумал инспектор, но это его не успокоило. Ольшак взглянул на часы: оставалось еще три минуты.

“Ну хорошо, — продолжал размышлять инспектор. — Ровак хотел иметь деньги и такую жизнь, как у Махулевича, хотя был совершенно другим человеком, ибо Махулевич наслаждался жизнью, так как слишком глуп, чтобы ею не наслаждаться. Но ведь Ровак — умный человек и умеет смотреть на себя со стороны. Он прекрасно понимает, что катание девочек на автомобиле не принесет ему того, о чем он мечтает. Если он, старший контролер ГТИ, зарабатывающий две с половиной тысячи злотых в месяц, начнет раскатывать по городу на шикарном автомобиле, то быстро перестанет быть работником ГТИ, а также, очевидно, и свободным человеком. Наверняка Ровак закрывает глаза на мелкие нарушения торговых операций. С этим Ольшак готов согласиться. Подтверждением тому мог быть, например, ужин в обществе Спавача. Но миллионы… Нужно не иметь воображения, чтобы серьезно мечтать о миллионах. К этой роли подходил бы только один человек, но его нет в живых, его сбросили с девятого этажа, и Ольшак до сих пор не знает почему. “А может, — мелькнула у него мысль, — он хотел сбежать с этими деньгами за границу?”

Недавно, припомнил Ольшак, на черном рынке был замечен усиленный спрос на доллары. Кто-то скупал исключительно крупные купюры, самые меньшие по пятьдесят долларов. Милицейский отдел борьбы с хищениями в народном хозяйстве не сумел установить, кого они интересовали. Во всяком случае, Ольшак помнит, что повышение курса прекратилось всего две недели назад, а перед этим доллары у них в городе шли на черном рынке по наивысшей в Польше цене. И это было, отметил про себя Ольшак, всего две недели назад, то есть незадолго до смерти Сельчика. “Заграница, — услышал он хорошо знакомый сигнал внутренней тревоги, — кто-то недавно говорил ему о выезде за границу. Ах да, Иоланта Каштель, которая мечтала о

путешествии в Италию, но поездка откладывается". Почему она улыбалась с такой иронией, когда говорила о двенадцати долларах на карманные расходы? Поляки, впервые отправляющиеся за границу, вообще думают, что двенадцать долларов соответствуют, по крайней мере, стоимости злотых, которые платят за них на черном рынке.

Инспектор снова представил комнату Иоланты, ее халат и большие мужские домашние туфли, которые, как она утверждала, у нее не хватает мужества убрать. Что его во всем этом беспокоит?

Светящиеся стрелки часов показывали семь минут одиннадцатого. Если никто не появится в течение трех минут, можно будет уезжать. Махулевич говорил, что ждал обычно только десять минут. Значит, главарь сегодня уже не появится. Нужно ли повторять эксперимент в следующую среду? А может, преступник давно разгадал все действия Ольшака и решил поиграть с ним?

Инспектор включил фары и хотел уже дать газ, когда услышал шаги бегущего человека. Он быстро выключил свет и напрягся в ожидании.

К его удивлению, человек открыл переднюю дверцу вместо задней и сел на сиденье рядом с ним. Незнакомец тяжело дышал и как будто не мог произнести ни слова. Ольшак включил свет в машине и увидел зажмурившегося Ровака.

— Вы не можете, — выдавил тот наконец из себя, — подбросить меня в город?

В первую минуту он не узнал Ольшака.

— С удовольствием, пан Ровак, — ответил инспектор. — Я ждал именно вас. Игра кончена.

— Это вы, пан капитан? Я и не узнал. Увидал автомобиль и испугался, что вы уедете. Эта девка бросила меня в поле как собаку. Но я разыщу ее и скажу пару ласковых слов. Она иногда заходит в "Спутник".

— Обо всем вы расскажете у меня в кабинете.

— Я и сейчас могу рассказать, — Ровак тяжело хватал воздух. — Лучшая девушка в "Спутнике", да еще с машиной. Позволяет за собой ухаживать, весь вечер танцует только со мной, а потом предлагает поехать за город в машине и вдруг ни с того ни с сего выбрасывает человека на шоссе…

Снова эта идиотская тревога. Почему приходят ему в голову совершенно абсурдные мысли?

— В довершение всего, пан капитан, я надел сегодня новые ботинки, которые мне малы. Купил, так как понравился фасон, но жмут ужасно, и я боялся, что придется все двадцать километров

топать пешком. Понимаете, после танцев ноги у меня опухли, и, если вы позволите, я бы с удовольствием разулся. — Ровак вдруг замолчал, как бы вспомнив что-то. — Простите, — сказал он, — вы говорите, что именно меня здесь ждали? Или я не расслышал?

Ольшак не ответил. Он нажал на тормоз с такой силой, что Ровак чуть не ударился головой о стекло.

— Вы запомнили номер и марку ее машины? — спросил инспектор.

— Да, — сказал Ровак, все еще держась за щиток. — Серая "сирена", две последние цифры — 19.

— Идиот, — произнес сквозь зубы Ольшак и, заметив удивленный взгляд Ровака, добавил: — Это не о вас. Я дал себя водить за нос, а все было так просто.

— Что? — не понял Ровак. Он уже успел снять один ботинок и массировал натертую ногу.

Не ответив, Ольшак нажал на клаксон. Через мгновение к ним приблизилась "Волга", из которой выскочил Кулич.

— Слушай, — сказал Ольшак, — я чуть не совершил ужасную ошибку, но, — он посмотрел на часы, — все еще поправимо, во всяком случае, мне так кажется. Мы вели себя, как эти глупые тряпичные клоуны. Кто-то дергал нас за ниточки, словно марионеток, но, кажется, пересолил. Вот поедешь по этому адресу. — Ольшак подал Куличу бумажку. — Предварительно запроси ордер на обыск, но искать тебе ничего не нужно. На маленьком столике стоит фотография, обвязанная черной лентой. Забери ее. Она подклеена с обратной стороны, и там должна быть какая-то надпись. Отдай снимок в лабораторию, поставь всех на ноги, но мы должны прочитать эту надпись, даже если она замазана или выведена. Это очень важно. Сообщи в Варшаву, чтобы приготовили мне оперативную группу. Было бы хорошо, если бы включили в нее Беджицкого. Я поеду на машине Махулевича, так будет быстрее. Понимаешь? Я должен быть там на рассвете!

Кулич кивнул головой и побежал к "Волге". Ольшак дал газ, развернулся, и почти в ту же секунду стрелка спидометра подскочила к цифре 80.

— Что вы делаете? Куда вы меня везете? — спросил Ровак. Он ничего не понимал.

— Это прекрасно, что вы купили ботинки на размер меньше, — сказал Ольшак и еще сильнее надавил на педаль. Не глядя на удивленного Ровака, он добавил: — Кажется, мы увидим шахматы, которые вам так нравились.

На варшавском аэродроме их уже ожидал Беджицкий со своими людьми. Он передал Ольшаку радиограмму от Кулича. Как и предполагал инспектор, на обороте снимка была надпись. Кулич сообщал также, что Козловский рассказал санитарке в больнице, кто его спихнул на рельсы. Теперь все стало на свои места.

— Автобус сейчас подойдет. На всякий случай там едет наш человек.

— Он напрасно теряет время, — сказал Ольшак. Инспектор заметил серую “сирену”, которая стояла перед зданием международного аэровокзала. В это время подъехал автобус аэродрома. Раздался голос диктора:

— Пассажиры, отлетающие рейсом Варшава — Париж, приглашаются для выполнения паспортных и таможенных формальностей.

Затем последовал текст на английском и французском.

Беджицкий что-то сказал Ольшаку, тот кивнул, хотя на самом деле ничего не расслышал. Он смотрел, как мужчина, вышедший из автобуса, и молодая женщина, закрывшая дверцу серой “сирены”, вошли в зал и смешались с толпой пассажиров.

— Пожалуй, мне пора, — сказал Ольшак. — Твои люди на месте?

Беджицкий кивнул:

— Любишь ты эффекты!

— Все должно быть сделано чисто: и текст по радио, и появление моего человека. Впрочем, сам все увидишь.

Ольшак медленно подходил к интересовавшей его паре. Мужчина и женщина разговаривали вполголоса. Собственно, говорила только Иоланта. Ольшак увидел слезы на ее глазах. Мужчина стоял рядом с ней молча, серьезный и сосредоточенный.

— Рад вас снова видеть, мосье Ромбек, — произнес инспектор. — О, так вы разыскали невесту своего кузена? — Он сделал вид, что только сейчас увидел Иоланту. Она побледнела, зато мужчина даже не дрогнул. — Вы кое-что забыли, — инспектор опустил руку в карман.

— Я не понимаю, мосье инспектор.

Ольшак раскрыл ладонь. Тряпичный клоун помялся в кармане и от этого казался еще уродливее. И в это мгновение раздался голос диктора.

— Пан Конрад Сельчик, вас просят пройти к справочному бюро. Повторяю. Пан Конрад Сельчик, вас просят подойти к справочному бюро.

“Лицо бесстрастного картежника”, — подумал Ольшак, но в этот момент Иоланта отшатнулась к балюстраде и испуганно

вскрикнула. В их сторону направлялся, смешно подпрыгивая (тесные ботинки все еще продолжали жать), старший ревизор Ровак. И, прежде чем Ольшак успел сориентироваться, мужчина бросился в сторону двери. Теперь Ольшак мог понаблюдать за работой группы Беджицкого. Молодой человек, стоявший опершись о косяк двери и сонно сосавший сигарету, в одно мгновение утратил вялость и кинулся к беглецу, носильщик, сгибавшийся под тяжестью чемоданов, бросил их под ноги Сельчика, и тот упал. Ольшак защелкнул наручники.

— Возьмите его, — сказал он. — И не забудьте о даме. Эта пара стоит друг друга. Я выпью кофе в аэропорту и вернусь, домой, так как даже не успел предупредить жену об этом веселом путешествии.

— Ни за что! — воскликнул Беджицкий. — Я так просто тебя не выпущу. Сейчас поедешь завтракать ко мне. Выпьешь хорошего кофе и расскажешь все по порядку…

— …Итак, — подводил Ольшак итог своего рассказа спустя два часа, допивая неизвестно которую по счету чашку кофе, — все было проделано очень ловко, и, если бы не несколько случайностей, мы никогда бы этого не распутали. Сельчик был бы сейчас уже на Западе. Естественно, под именем Жана Ромбе, французского подданного. Быть может, где-нибудь в Италии он встретился бы с Иолантой, которая наверняка “выбрала бы свободу”, хотя я не исключаю возможности, что он мог оставить ее с носом. Таких людей, как Сельчик, чувствами не проймешь. Впрочем, мы уже никогда не узнаем, как все это было бы на самом деле.

Вероятно, чтобы не возбуждать ни чьих-либо подозрений, ни чрезмерного любопытства французской полиции, “мосье Ромбе” написал бы письмо своему патрону, конечно, на машинке, в котором отказался бы от занимаемой должности и сообщил, что едет в другое полушарие, где ему предлагаются лучшие условия. Чем бы он рисковал? Самое большее — патрон подумал бы, что его директор рекламы свихнулся, но в конце концов люди способны на большие глупости, и махнул бы рукой. А мы бы считали, что Сельчик покончил жизнь самоубийством или, в худшем случае, был убит. Обращаю твое внимание, что труп опознавала одна Иоланта, другим было достаточно увидеть белый свитер. Впрочем, кто опознает лицо человека, ударившегося головой о бетон при падении с девятого этажа? А письмо было написано, несомненно, рукой Сельчика. Та же самая рука написала автобиографию в ГТИ, заполнила там анкету, написала несколько разделов докторской диссертации. Можно ли иметь какие-нибудь сомнения?

Все началось несколько лет назад, подробности установит следствие, которое только теперь пойдет по-настоящему. Сельчик, работая в торговой инспекции и закрывая глаза на некоторые злоупотребления, мог бы иметь какие-то доходы от торговцев. Но он не хотел торговать в розницу, его не устраивали мелкие подношения, он хотел быть богатым, очень богатым. Но, предположим, он имел бы большие деньги. Что бы он с ними делал, оставаясь в Польше? Ну купил бы малолитражку, домик в предместье… Сельчику этого было мало. По моим подсчетам, еще очень приблизительным, он, шантажируя торговцев, собрал около шести миллионов злотых. Покупая на черном рынке доллары в среднем по сто злотых за штуку, он собрал около шестидесяти тысяч.

И тут подворачивается случай. Стосковавшийся по родине кузен разыскивает Сельчика. А может, это Сельчик нашел Ромбе? И тут появляется идея инсценировать собственную смерть, влезть в шкуру француза и попробовать поискать счастья на Западе. Ты можешь спросить, зачем ему нужно было это убийство? Ведь он мог уехать под собственным именем, например, по приглашению того же кузена. Ромбе наверняка не отказал бы ему в этом. Но беглецов там годами держат в специальных лагерях, вербуют в шпионы, а такая перспектива едва ли улыбалась Сельчику. Затем деньги: беглец, располагающий огромной суммой денег, — это в глазах тамошней полиции и контрразведки скорее уголовник, нежели политический эмигрант. Кроме того, у мосье Ромбе был счет в банке. Несколько десятков тысяч франков дополнят имеющуюся сумму, и никто не удивится в Эквадоре или Перу, что французский подданный Жан Ромбе приехал, чтобы приумножить там свой капитал. Но, чтобы облачиться в шкуру Ромбе, его нужно было сначала убить. Так зародился этот план.

Дело облегчало родственное сходство, о котором Сельчик знал по присланным фотографиям. Одна из них, подписанная с оборотной стороны, стояла на столе Иоланты Каштель, перевязанная черной ленточкой. Фотографии подклеивают тогда, когда они погнуты или поломаны, но эта была целой. Впрочем, мы к этому еще вернемся. Добавлю только, что фотография Ромбе, как сообщил в радиограмме Кулич, имеет дату трехлетней давности. Это очень важная подробность. Три года назад Ромбе еще не носил усов. О них Сельчик узнал по снимкам, присланным позже. Я говорил тебе, что меня ужасно удивило, почему покойный брился перед самоубийством. Так вот, Сельчик должен был сбрить Ромбе усы, предварительно дав ему снотворное.

Таков был план. А теперь о его выполнении. Сельчик обменивает польские деньги на доллары — я уже говорил тебе,

что всего две недели назад на черном рынке закончилась долларовая лихорадка, — и поджидает кузена. Конечно, Иоланта во все посвящена. Именно поэтому она приглашает в тот вечер подругу из провинции, чтобы та подтвердила, что Сельчик был чем-то взволнован, а затем смогла бы установить его личность, разумеется, только по свитеру, в котором видела его в первый и в последний раз.

Итак, Сельчик приезжает на вокзал, встречает кузена, грузит багаж в машину, а по дороге объясняет, что не может, к сожалению, принять его у себя, так как в квартире только одна тахта, но что он заказал номер в гостинице. Сельчик останавливает машину, вытаскивает чемодан Ромбе, очевидно, накидывает его плащ под предлогом, что на улице прохладно, берет паспорт француза и направляется в гостиницу. Машину он, вероятно, оставил на солидном расстоянии от входа, так что имеет возможность в какой-нибудь подворотне приклеить заранее приготовленные усики. Администратору он представляется как Жан Ромбе, оставляет чемодан, предупредив, что вернется позднее, и бежит к машине. Усики, естественно, прячутся в карман.

В лифте их видит дворничиха, которая замечает необычные ботинки и тем самым первая подтверждает наше предположение, что в тот вечер у Сельчика кто-то был. Наверное, он всыпал снотворное уже в первую рюмку. Не забывай, что времени у него не так много, а он должен усыпить француза, поменяться с ним одеждой, отдать ключи Махулевичу, либо положить их в условленное место, подогнать машину к дому Иоланты и вернуться в гостиницу под видом Жана Ромбе. Будучи педантом, он на всякий случай устраивает алиби французу: симулирует приступ и держит возле себя врача до того времени, когда, согласно его плану, с Ромбе будет покончено. Не забудь, какую роль здесь играет фактор времени. Иоланта должна прибыть именно в тот момент, когда будет выброшено тело, поскольку только тогда никто даже на минуту не усомнится в личности покойника. Все устраивается так, что и не подкопаешься.

— Нет, не совсем. Ведь Сельчик не предвидел, что Бабуля пожалеет часы, которые могут разбиться.

— Он не мог этого предвидеть, и мне показалось подозрительным, что в доме такого педантичного человека, каким был Сельчик, нет ни одних часов. В конечном счете они привели меня к Бабуле.

— А шахматы? — спросил Беджицкий.

— Проверим его багаж, очевидно, они там. У каждого человека есть какая-нибудь вещь, с которой он не хочет

расставаться… Но идем дальше. Следующим утром Сельчик, уже как мосье Ромбе, уезжает в Варшаву. Ему нужно переждать десять дней. Во-первых, у него в кармане обратный билет в Париж, во-вторых, он не должен привлекать к себе внимания. Если кузен приехал на десять дней, значит, он должен прожить здесь десять дней. Но на вокзале Сельчик неожиданно встречает Козловского, у которого, очевидно, вытягивается лицо, так как в утренней газете напечатано о самоубийстве ревизора ГТИ. В довершение всего Козловский причастен к преступлению, поскольку украл для Махулевича ключи от квартиры, соседствующей с квартирой самоубийцы. Реакция Сельчика мгновенна: он сталкивает Козловского под колеса приближающегося паровоза. Сельчик не знает, что парню повезло и он получил только легкие ушибы, не знает, что этот случай наведет нас в конце концов на верный след. Впрочем, он этого не боится.

— Не боится? — удивился Беджицкий.

— Совершенство его плана основано на том, что Сельчик неплохой шахматист и умеет предугадывать действия противника на несколько ходов вперед. Его противником был я, значит, он ставил себя на мое место. И тут выплывает история с клоунами.

— Я именно об этом и хотел тебя спросить. Зачем он оставил у себя клоуна, который должен был рано или поздно навести милицию на след.

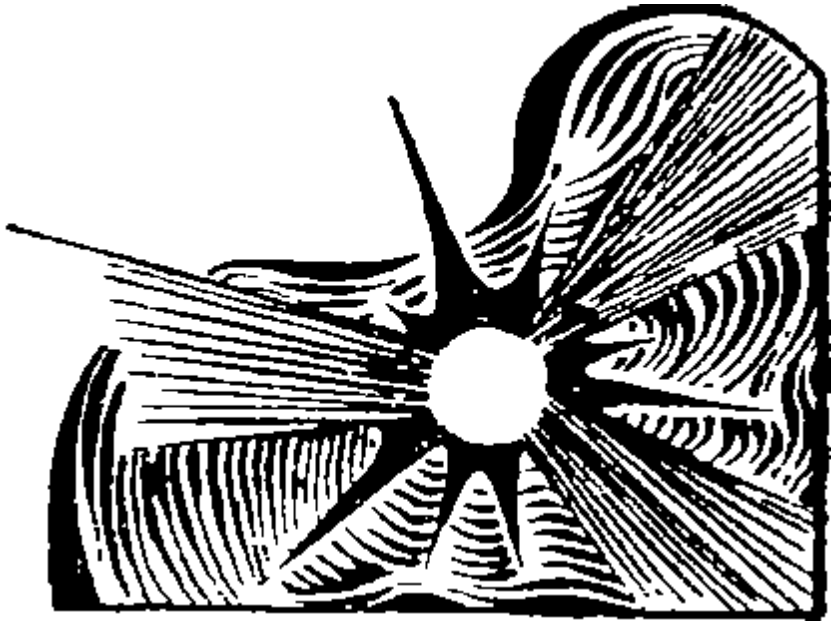
— Он решил откупиться от меня своей бандой. У Сельчика была тройная система подстраховки. Сначала он подсунул мне самоубийство. Если я проглочу этот кусок — все в порядке, и мосье Ромбе может спокойно уехать. Помни, что он должен переждать десять дней и, следовательно, в течение этого времени чем-то занять меня. Ну а если версия самоубийства покажется мне неправдоподобной? Сельчик понимал, что все предусмотреть невозможно. И действительно. Отсутствие часов и бритье перед самоубийством не понравились мне с самого начала. Предвидя это, Сельчик подкинул мне клоуна, как второй охранительный барьер. Показания Иоланты, что в последнее время он был сам не свой, неожиданный визит Броката, объяснявшего сразу механизм действия шантажистов, — скорее всего к этому визиту его принудил телефонный звонок Иоланты, угрожавшей чем-нибудь ювелиру, — плюс показания самого Сельчика, уже как Ромбе, должны были убедить меня, что магистр экономики стал жертвой шантажа. Этому служило и организованное им в “Спутнике” свидание Иоланты и Баси Кральской с Махулевичем и Козловским, встреча, которая, естественно, не могла ускользнуть от нашего внимания. Сельчик хотел навести нас на след Махулевича, которому предварительно подбросил известный нам

список “покупателей” тряпичных клоунов, чтобы мы, избави боже, не имели никаких сомнений насчет причастности Махулевича к банде. Однако, если бы нам и этого показалось мало, Сельчик приготовил более солидную приманку — самого главаря шайки. Он знал, что лучше всех на эту роль подходит Ровак. Именно поэтому во время нашей встречи в гостинице “Европейская” мосье Ромбе как бы невзначай вспомнил о коллеге Сельчика — “шахматисте”; именно поэтому Иоланта упомянула в разговоре со мной о платочке в нагрудном кармане. Наконец, с этой же целью она отвезла незадачливого ухажера на двадцатый километр Варшавского шоссе. К счастью, у Ровака были тесные ботинки. И вот тогда я вспомнил, что у человека, лежавшего на бетонных плитах двора на Солдатской улице, была довольно маленькая ступня и один ботинок соскочил с ноги при падении. Вспомнил я и Ромбе в “Европейской”, встретившего нас, как ты помнишь, в одних носках. И потом большие домашние туфли в комнате Иоланты Каштель. У Сельчика была большая ступня. И еще такая мелочь: Сельчик не курил, вообще не переносил табачного дыма. Помнишь, когда Ромбе подавился дымом и вынужден был открыть окно? Этот факт я тогда не мог ни к чему прицепить. Потом, траурная ленточка на фотографии. У них все было предусмотрено. Иоланта каждую минуту могла ждать моего визита и подготовилась к тому, чтобы убедить меня, что человек на фотографии и есть Сельчик. Риск здесь был небольшой, поскольку фотографии в отделе кадров ГТИ и в дипломе Сельчика насчитывали добрый десяток лет. Но чрезмерная педантичность меня раздражает, и, оказывается, не напрасно. — Ольшак посмотрел на часы. — Ну мне пора. У тебя еще есть вопросы?

— Да, — хитро улыбнулся Беджицкий. — Эта девушка, о которой ты говорил, Кральская, или как ее там…

— Время — чудесный исцелитель. Хочу надеяться, что она встретит человека более интересного, чем ее муж, и у них будут дети. Лучше всего — близнецы.

Перевод с польского С. Соколовой.



Виктор САПАРИН *

Дмитрий БИЛЕНКИН *

Владимир МИХАНОВСКИЙ *

Юрий ТУПИЦЫН *

фантастика

Виталий МЕЛЕНТЬЕВ *

Кира СОШИНСКАЯ *

Род СЕРЛИНГ *

А. Е. ВАН-ВОГТ *

Мишель ДЕМЮТ *

Рэй БРЭДБЕРИ *

Виктор Сапарин
НА ВОСЬМОМ КИЛОМЕТРЕ

1

Гордон захлопнул дверцу кабины и вопросительно взглянул на Кашкина. Широкое лицо того расплылось еще шире.

“Валяй”, — говорила его улыбка.

Гордон повернул ключ стартера. Взвыли моторы, и вихрелет, поднимая огромные клубы пыли, оторвался от земли.

Они откинулись в своих сиденьях друг против друга, как в гондоле фуникулера. Вихрелет шел по крутой наклонной линии, нацеленной на мачту, установленную где-то у вершины восьмитысячника. Далекие белые зубцы были отчетливо видны в обзорное окно на фоне столь же далекого голубого неба.

— Поехали, — с удовольствием произнес Кашкин. Гордон промолчал.

Но Кашкин не мог молчать.

— Месяц испытаний — и в книжке еще один зачет. На восемь километров ближе к Луне. Не правда ли, напоминает настольную игру “Вверх-вниз”? Попадешь на несчастливую клеточку — и начинай сначала, а то и другую профессию выбирай.

Гордон пожал плечами.

“Раз это необходимо, то о чем говорить”, — перевел Кашкин. Он вздохнул.

Гордон уставился в окно с таким каменным, упрямым выражением, что не могло оставаться сомнений: он-то все испытания выдержит, сколько их там ни будет.

В окне проплывали горные хребты, похожие на сросшихся и окаменелых ящеров. Между ними зеленели долины, на пологом склоне паслись овцы — мирный и очень земной пейзаж.

На высоте пяти километров задул ветер: машину стало раскачивать. Вихрелет шел по прямой линии вдоль невидимого радиолуча, иногда повисая над пропастью, а иногда приближаясь к обледенелому выступу горы. На одном участке они попали в метель. Все вокруг заволокло, белые сумерки перешли в ночь; в кабине зажглась лампочка.

Потом сразу посветлело. Еще минута — и солнце ворвалось в кабину. Даже на лице Гордона заиграла улыбка, а впрочем, такое впечатление мог создать просто солнечный блик.

В окне проносились острые, в черных трещинах скалы, белые нависающие карнизы, почти вертикальные склоны, спадающие застывшим занавесом. Снег лежал на гранях, повернутых под разными углами к небу. Сверкающий на солнце и в ярких голубых

лоскутах там, где падала тень.

— Тут полно мест, куда даже в наши дни не ступала нога человека, — с удовольствием произнес Кашкин. — Неудивительно: забраться в такие дебри потруднее, чем взойти на вершину по уже проложенным тропам.

Станция вынырнула из-за очень крутого ската — даже не отвесного, а с отрицательным углом. Если соскользнешь с такого ската, будешь лететь, как в пустоте. Кто не выдерживал постоянного соседства с опасностью за время практики, мог рассчитывать съездить на Луну только по туристской путевке.

Вихрелет чуть наклонился, а может быть, так только показалось путешественникам: они увидели что-то вроде косо приколоченной полки, примыкающей к почти вертикальной стене. В длину площадка не превышала трех четвертей километра, а ширина ее колебалась от пятидесяти до ста метров. Вдоль наружного края стояли высокие столбы, между которыми была натянута сетка с крупными ячеями.

Кашкин удивился:

— Что, они здесь в футбол играют, что ли?

Но территория станции меньше всего напоминала футбольное поле. Неровная, во вмятинах, усыпанная обломками скал, она неприятно наклонялась к внешнему краю.

По всему участку кто-то щедрой рукой разбросал будки с приборами, зеркала на массивных тумбах, ловушки космических частиц и фантастической формы сооружения, о назначении которых сразу трудно было догадаться.

— Решили, видимо, испытать нашу работоспособность, — снова заметил Кашкин. — Скучать не будем!

Гордон опять промолчал.

“Ну и держи свои впечатления про себя”, — подумал Кашкин и радостно заорал:

— Приготовиться к посадке! С прибытием на Луну! Пассажирам надеть скафандры!

Гордон покосился на Кашкина, но протянул руку к пакету в багажной сетке.

Вихрелет подошел к мачте на краю площадки и, подняв снежную метель, осторожно сел.

Гордон и Кашкин надели скафандры. С таким же расположением застежек и карманов, как у лунных, с такими же прочнейшими прозрачными шлемами.

Распахнув дверцу кабины, Кашкин вышел на порог, постоял секунду и прыгнул в снег. Он почувствовал, что у него словно развернулись крылья. Мягкий скафандр раздулся, как аэростат, и Кашкин пролетел метра на полтора дальше, чем рассчитывал. Не

Луна, конечно, но считаться с поправочным коэффициентом при любом физическом усилии отныне придется.

Гордон приземлился рядом, и они зашагали к станции.

Когда они вышли на возвышение, Кашкин огляделся и подумал, что защитную сетку не мешало бы поднять на метр, а то и на два. Если задует ветер, к тому же под гору, недолго и перелететь наподобие волейбольного мяча.

“Наверное, все рассчитано, — успокоил он себя. — На самой небось грани. Риск, конечно, есть. Без риска вся затея ничего не стоит”.

Ему вдруг стало весело. Захотелось побежать, слепить снежок и бросить в Гордона. Тот продвигался осторожно, словно на каждом шагу его подстерегала ядовитая змея или другая неведомая опасность.

Конечно, получить травму здесь проще простого. И вихрелет отвезет тебя вниз, а па Луну полетит кто-то другой, потому что в твоей зачетной книжке в графе “Практика на высокогорной станции” появится прочерк. Осторожность тут вроде дисциплины, по которой ставят баллы.

Помещение станции было вырублено в теле горы. Над входом нависал толстый козырек. На Луне такие козырьки прикрывали от метеоритов; здесь, вероятно, защищали от скатывающихся сверху камней.

На стук кулаком в дверь никто не отозвался.

Кашкин принялся раскручивать штурвал рядом с дверью. Массивная плита на невидимых шарнирах стала медленно отходить.

“Чего они прячутся? — подумал Кашкин. — Могли бы и встретить”.

Шлюзовая камера свободно вмещала двух человек. Наружная дверь закрылась, послышалось слабое шипение — скафандры стали “худеть”, открылась вторая, внутренняя, дверь. Вошедшие очутились в комнате с закругленными углами. По стенам располагались шкафчики, циферблаты, краны, тьма всякого оборудования. В одном из углов возвышалось бюро с раскрытым журналом дежурств и высокой тумбой с вращающимся сиденьем. Салон. Рабочий кабинет. И одновременно — столовая. Посредине комнаты стоял обеденный стол, накрытый на четверых и окруженный четырьмя креслами.

— Ребята! — закричал Кашкин, отстегнув шлем. — Смена пришла. Где вы там?

Ответа не было.

Пока Гордон методически, по всем правилам освобождался от скафандра, Кашкин успел заглянуть в спальню, лабораторию,

камбуз. Открыл дверь туалета и неизвестно зачем пустил воду из крана над раковиной.

Растерянная улыбка поползла по его лицу.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Они еще не перешли на “ты”. Кашкин счел момент подходящим.

Гордон подошел к бюро. Он увидел на раскрытой странице дневника дежурств готовую запись о сдаче и приеме станции. Она была помечена сегодняшним числом: оставалось поставить подписи.

Из камбуза доносился аппетитный запах обеда.

— А может быть, — произнес неуверенно Кашкин, — может быть, это входит в программу испытаний?

Среди практикантов ходили слухи, что для каждой пары стажеров подготавливался специальный сюрприз, чтобы посмотреть, как кандидаты в “лунатики” станут себя вести в неожиданной ситуации.

— Нужно допросить протоколиста, — быстро сообразил Гордон.

Он подошел к неширокому раструбу, выступающему из стены, щелкнул тумблерами “вопросы” и “ответы”.

— Где Горышев и Дубровский? — громко спросил он.

“Горышев отправился ко всем чертям, — ответил протоколист. — Дубровский последовал за ним”, — добавила машина после паузы.

— Что за чертовщина? — вытаращил глаза Кашкин. — Машина спятила!

— Когда ушли Горышев и Дубровский? — спокойно задал вопрос Гордон. Он говорил почти таким же ровным голосом, каким отвечала машина.

“Горышев — в 13.20. Дубровский — спустя десять минут”.

Кашкин посмотрел на часы.

— За двадцать минут до нашего прибытия! Значит, они там, снаружи… Как же мы проглядели?

Он шагнул к входной двери.

Дверь не поддавалась. Кашкин сильнее дернул рукоятку. Тогда дверь произнесла:

“Застегнуть скафандр!”

Кашкин досадливо крякнул.

Тут все вещи связаны сигнализацией — скафандры, дверь, протоколист, и, конечно, промах Кашкина уже зафиксирован где-нибудь на магнитной нити и войдет в обобщенную сводку его ошибок. Впрочем, пока это учеба, тренировка, первый день… Эти милые автоматы научат Кашкина необходимой автоматичности.

Не в том ли смысл всей практики на станции — в конечном и, надо надеяться, суммарном балле?

— На площадке никого не было, — сказал Гордон. — Я внимательно оглядел ее с вихрелета.

Кашкин стоял посреди комнаты в скафандре, который он так и не успел снять.

— Надо послушать запись их разговоров, — сообразил он наконец. — Самых последних.

“Неплохая идея”, — отразилось на лице Гордона. Разыскав счетчик времени, он стал крутить диски.

— Ставлю на 13.17.

Машина весело заговорила голосом Горышева:

“— Ну я пошел встречать этих чертей. А тебе ни пуха ни пера!

— Пошел ко всем чертям! — Дубровский произнес традиционную фразу почти без всякого выражения.

— Советую отладить юмор!

— Хватит”, — ворчливый голос человека, занятого работой.

Звук закрывающейся двери.

— Так, — вмешался Кашкин. — Черти — мы. Горышев пошел нас встречать. А что делал Дубровский?

— Тсс… — Гордон предостерегающе поднял руку.

Шорохи. Вздох. Тонкий пронзительный свист. Стук упавшего предмета. Быстрые шаги. Чмоканье двери.

— Теперь пойдет пауза до нашего прихода.

— Есть запись наружной обстановки? — спросил Гордой протоколиста.

— Второй канал неисправен.

Гордон пощелкал тумблером “Второй канал”.

— Действительно. Итак, подведем итоги. Что можно считать установленным? Горышев пошел нас встречать. Дубровский чинил неисправный наружный канал, чтобы сдать станцию в порядке. Горышев о чем-то не подозревал. Дубровский побежал предупредить его об этом, а может быть, и нас. Неизвестное “что-то” предположительно связано с загадочным свистом.

— Логично. Если только… если только все это не розыгрыш! Давай обыщем как следует помещения станции. Может быть, мальчики сидят где-нибудь в стенном шкафу. И посмеиваются над нами.

— Проверим на всякий случай.

Они обследовали заново каждую пядь. Заглядывали под кровати, под стол и кресла, открывали двери и дверки, не исключая шкафчика дежурной аптечки.

— Все, — сказал Кашкин, отряхивая пыль с коленей. — Если они не превратились в мышей, их здесь пег. Значит, они прячутся

снаружи. Надевай скафандр.

Выйдя на площадку, они увидели, что от двери станции по свежевыпавшему снегу тянутся две пары следов, которые прежде не привлекли их внимания. Следы шли в направлении, противоположном тому, откуда прибыли Кашкин и Гордон после высадки с вихрелета.

— Выходит, Горышев встречал не нас. Значит, черти не мы! — воскликнул Кашкин. — Кто же… Что за черт!

Они прошли всего несколько десятков шагов по следам. Дальше следы обрывались. Вокруг лежали снежные заструги, чистые и нетронутые.

Кашкин невольно поднял глаза к небу.

— Не улетели же они? Какие черти могли их унести?

Небеса не дали ответа.

Тогда Кашкин огляделся по сторонам. Он увидел на скалистой стене, к которой примыкала площадка, изображение черепа и скрещенных костей. Рядом со знаком, предупреждающим об опасности, намалеванным прямо на скале, виднелась грубо сколоченная дверь. Очевидно, она прикрывала нишу или вход в небольшую пещеру.

— Трансформаторная будка? Склад?

— В описании станции ничего не говорится на этот счет, — твердо сказал Гордон.

— Ты, наверное, выучил его наизусть, — позавидовал Кашкин. — Значит, хибару соорудили Горышев и Дубровский.

— И не сообщили на Землю?

— А надо докладывать о таких пустяках?

— В еженедельной сводке. Ты не читал инструкции?

— Я полагал, что успею почитать ее здесь. Так, может быть, они там и сидят? Соорудили эту штуку, чтобы нас озадачить, и нарочно не сообщали!

— А следы?

— Разберемся после. Какой-нибудь трюк… От этих мальчиков всего можно ждать.

Подойдя к двери, они обнаружили висящий на ней странный предмет. Кашкин потрогал металлическую скобу, соединенную с коротким цилиндром.

— А это еще что за знак?

— Это не знак, а замок.

— Из какого музея?

— Сами сделали.

— Выходит, там их нет. Но для чего мог им понадобиться замок?

— Запирать.

— Что и от кого?

— Я не удивлюсь, если это “что-то” или этот “кто-то” свистит.

Кашкин заинтригованно гмыкнул.

— Что говорит по этому поводу инструкция?

— По инструкции мы обязаны сообщать обо всем необычном на Землю. Но связь будет только в шесть утра. Так устроен передатчик.

— Игра в Луну? Значит, до утра они могут морочить нам голову! Самое лучшее — сделать вид, что ничего не произошло. Им надоест — и они вылезут сами.

— Я предлагаю. — Гордон нахмурился. — Первое — не разлучаться, ходить вдвоем, как в патруле. Второе — разыскать ключи, выяснить, что за дверью.

— Ты встревожен?

— Мы не знаем, что тут происходит.

2

— Где может быть ключ? — Кашкин посмотрел на стены. — Раньше их вешали на гвоздь. Я читал в каком-то романе. Но здесь нет гвоздей.

— Их держали еще в ящиках письменного стола.

— Спросим протоколиста. Для чего-то он существует. Слушай, друг. — Кашкин обернулся к воспринимающему приказания раструбу. — Ты слышишь?

“Слышу”, — ответила машина.

— Не знаешь, где ключ?

“Нет”.

— Вообще о ключе Горышев и Дубровский при тебе разговаривали?

“Нет”.

— А о чем они разговаривали?

“О разном”.

— Толковый ответ. А о чем больше всего в последнее время?

“О “снежном человеке”.

— Это еще что за зверь?

“Человекообразная обезьяна”, — сообщил протоколист.

— Ну и что они говорили?

“Горышев говорил, что он встретил “снежного человека”.

— Черт возьми! — оживился Кашкин. Он вопросительно посмотрел на Гордона.

— Чепуха, — сказал Гордон. — Старая легенда. Обезьяна, если она и существовала, вымерла лет двести назад. Никто ее не видел. Из ученых.

— Воспроизведи разговор, — потребовал Кашкин у протоколиста. — Самый первый. О “снежном человеке”.

“Это продолжение разговора, — сообщил протоколист. — Начала я не слышал. Разговор начался на территории, а наружный канал… — протоколист запнулся, — пошаливал. Воспроизвожу запись”.

“— Хватит мистификаций, — послышался голос Дубровского. — Сначала ты выдумал, что нашел куст земляники в снегу, а я, как дурак, бегал его смотреть. Потом ты сказал, что у тебя болят зубы каждый раз перед тем, как надают лавины, и я пытался построить теорию с ультразвуками. Теперь ты фантазируешь насчет “снежного человека”.

— Почему фантазирую?

— Ты очень несерьезный человек. Я даже не знаю, что о тебе думать.

— А что ты думаешь об этих фотографиях?”

— Фотографии! — воскликнул Кашкин. — Горышев показал фотографии?

“Да, — подтвердила машина. — Шесть фото”.

— Где фотографии?

Кашкин подпрыгнул от нетерпения.

“В ящике бюро”.

Даже Гордон не выдержал. Он подошел к бюро и стал выдвигать один ящик за другим. Очень скоро он положил на стол шесть снимков.

С небольшими изменениями в ракурсе они изображали одно и то же существо, походившее не то на обезьяну, не то на дикого человека. Низкий лоб с выдающимися надбровными дугами, неразвитый нос, покатые плечи, длинные узловатые руки и короткие, как у медведя, ноги. “Снежный человек” стоял, прислонившись спиной к скале, чуть наклонясь вперед, повернув голову. Глаза едва различались под нависшими волосами.

— Да… Красавец! — восхитился Кашкин. — Но какова сенсация! — пришел он в еще больший восторг. — Вот это, я понимаю, открытие!

— Почему они о нем умалчивали? — в недоумении произнес Гордон. — Не понимаю… Почему, — спросил он протоколиста, — сообщение о “снежном человеке” не передали на Землю?

“Горышев сказал, чтобы сообщение передал Дубровский. Дубровский говорил, чтобы передавал сообщение Горышев”.

— Нелепый спор, — удивился Гордон. — Почему Горышев хотел, чтобы передавал Дубровский?

“Потому что Дубровский в эти дни был старшим смены”.

— А почему Дубровский считал, что сообщить о “снежном

человеке” должен Горышев?

“Потому что Горышев сделал открытие”.

Кашкин вдруг свистнул.

— А что, если их утащили “снежные люди”?

— Какие еще “снежные люди”? — рассердился Гордон. — На снимках одна и та же обезьяна.

— Но не могла же эта обезьяна существовать в одиночку! Их, может быть, целое стадо. Дубровский чинил наружный канал, включил его на какую-то секунду, услышал свист вожака и бросился на выручку Горышева. Они утащили и его.

— Не оставив следов на снегу?

— Может быть, они прыгают метров на двадцать сразу?

— С такими ногами не прыгнешь!

— Тогда могли бросить аркан или еще что-нибудь. И втянуть прямо на скалы. Уж, наверное, “снежные люди” — отличные скалолазы.

— Гм… — Гордон заколебался. — Ты, я смотрю, фантазер.

— Теперь понятно, почему они сделали замок, — продолжал возбужденно Кашкин. — Простой засов обезьяна легко откроет. Замок — против денежного человека”. Но что они прячут на складе? Ну-ка, — обернулся он к протоколисту, — можешь ответить на такой вопрос: что на складе, понимаешь, там, в пещере, снаружи, под замком?

“Снежный человек”, — ответил протоколист.

— Вот это номер… — озадаченно прошептал Кашкин. — Были бы мы хороши, если бы нашли ключ и открыли дверь. Так вот что означает череп с костями! Напоминание об осторожности.

— Надо взять сверло, — сказал Гордон, — и фонарик.

…Осмотрев внимательно дверь, они убедились, что в толстых досках кто-то уже пробурил с десяток отверстии.

— Для воздуха, — сообразил Кашкин. — А замок — чтобы сородичи не выручили.

Он прильнул к одной из дырок.

Гордон пристроился к соседнему отверстию.

Луч фонарика уперся в стену пещеры.

Оба вздрогнули. Прямо против них, прижавшись к стене, стояло существо, которое они только что рассматривали на снимках.

“Снежный человек” стоял в позе напряженной неподвижности. Крупными ноздрями, обращенными вперед, он, видимо, втягивал воздух. Ростом он превышал человека.

— Осторожнее… — прошептал Кашкин. — Видишь, в лапище камень! Запустит в глаз…

Оба затаили дыхание. Ни звука не доносилось и из пещеры.

“Снежный человек” замер.

Гордон переместил фонарик, приложил к другому отверстию. Луч ударил в скошенный лоб, сверкнули в бурых космах точечки зрачков.

Что-то знакомое показалось Кашкину в этом взгляде.

— А ну-ка пошумим! — предложил он вдруг.

И принялся барабанить в дверь рукояткой сверла.

Обезьяна даже не шевельнулась.

— Сдохла? Мумия?

Труп? Кашкин уже снимал замок.

— Бутафория, — бросил он. — Не требуется никакого ключа.

Он распахнул дверь. У стены все в той же позе, в точности повторяющей изображение на фото, стояло чудовище, еще более страшное при дневном свете.

Кашкин подошел к “снежному человеку” и взял его за подбородок.

— Камень, — сказал он. — А глаза — из застежек от комбинезона.

Теперь и Гордон мог убедиться, что из стены выступал горельеф.

— Сработано грубо, но впечатляет, — произнес Кашкин. Он отступил на шаг. — Конечно, люди дотошные найдут разные отступления в анатомии. Но ведь как живой!

— Грандиозная мистификация, — нахмурился Гордон.

Они обернулись и посмотрели на заснеженную площадку, где обрывались следы.

— Был миг, — признался Гордон, — когда я подумал, что, может быть, они заперты здесь, в пещере. Ты с твоими фантазиями подействовал и на мое воображение. Какой-то конфликт со “снежным человеком” мог кончиться тем, что они оказались бы внутри, а он снаружи: защелкнуть замок обезьяне ничего не стоит.

— Они увидели бы нас в дырку и подняли шум.

— Про дырки я не знал.

— Где же все-таки ребята?

Тихо. Безветренно. Снежинка, слетевшая с кручи, сверкая на солнце, легла на белую пелену.

Впервые чувство тревоги словно пронзило Кашкина. Опасности не бутафорские, а самые настоящие окружали живущих на восьмом километре к Луне.

— Мы не приблизились к решению загадки ни на шаг, — огорченно резюмировал Кашкин.

И тут же хлопнул себя по лбу. Удар, правда, пришелся по пластиковому шлему.

— Мы дураки, — убежденно сказал он. — Самые настоящие остолопы. Мы не подумали о ветре.

— При чем здесь ветер? — удивился Гордон.

— Несчастье! — воскликнул Кашкин. — Произошло несчастье. Их унесло ветром!

— Ну знаешь…

Но Кашкин уже шагал к месту, где обрывались следы.

— Местность идет под уклон. Видишь? Порыв ветра — и их нет.

— Я скорее поверю, что они провалились сквозь землю, — сказал Гордон.

Он попробовал сделать несколько шагов в направлении, куда вели следы. Снег был неглубокий, едва больше, чем по щиколотку, грунт под ним твердый.

— Здесь не провалишься. Ни ямы, ни канавы.

— Я же говорю: их подхватил порыв ветра.

— В ветер я не верю, — возразил Гордон. — Мы прилетели — был полный штиль. Но давай посмотрим.

До ограды шла снежная целина. Дальше сквозь редкие ячеи сетки виднелся склон, прямо уходящий вниз. Шагах в пятнадцати начинался уже обрыв. На снегу ни царапины.

— Если они перелетели через ограду, — неуверенно сказал Кашкин, — то их пронесло прямо туда…

Он вздрогнул.

— Ты куда?

Кашкин, цепляясь за проволочные узлы, лез на сетчатую стену.

“Выходить за границы территории станции категорически запрещено”, — глухим твердым голосом произнес ближайший столб.

— Интересно, что сказал этот столб, — пробурчал зло Кашкин, — когда Горышев и Дубровский пролетели тут по воздуху. Все предусмотрено, а людей нет!

Кашкин продолжал висеть на сетке, не обращая внимания на предупреждающие возгласы столба. Наконец он слез.

— Ничего не видно.

— Поговорить еще раз с протоколистом? — в раздумье произнес Гордон.

— Эта машина только сбила нас с толку! — Кашкин говорил с досадой: — Не понимает юмора, не знает студенческих поговорок — представляю, как она изобразит наше поведение. В ее изложении мы будем выглядеть полными идиотами. Я — во всяком случае. Ты, конечно, ей больше импонируешь.

— Ты зря злишься! Машина ни в чем не виновата. Горышев

специально мистифицировал Дубровского. И уж если он поверил в “снежного человека”, чего ты хочешь от машины! Главная беда и том, что неизвестно, о чем спрашивать протоколиста. Нужны новые данные, тогда появятся и новые вопросы. Знаешь что? Посмотрим показания всех приборов за час до нашего прибытия!

— Вдруг зафиксировали землетрясение?

— Я бы не исключил и землетрясения.

Они еще раз оглядели площадку, сверкающую голубизной под безоблачным небом. Будки и будочки, приборы, стоящие открыто, и ни одного следа возле них.

— Сегодня их не осматривали, — заметил Кашкин.

— По расписанию это должны делать мы. Их проверяют раз в два дня. Регистрационные устройства — внутри станции.

3

Поделив ленты с графиками, они уселись за стол и, сдвинув в сторону тарелки, погрузились в изучение материалов.

— Землетрясения не было, — констатировал Кашкин. — Не считая двух, эпицентры которых находились в четырех и в шести тысячах километров отсюда.

— В солнечной радиации особенного ничего не происходило, — бормотал Гордон. — Космические лучи — в норме.

Они смотрели все подряд.

Еще шуршание лент, нечленораздельные восклицания. И вдруг…

— Вот! — воскликнул Кашкин. — Я говорил.

Он поднес к глазам Гордона голубоватую ленту. Гордон взглянул на зубец, в который уткнулся палец Кашкина.

— Что это?

— Ветер. Видишь — почти прямая линия? Штиль. И вдруг — острый всплеск. Затем затухающие зигзаги. И снова штиль — ровная линия. По времени… по времени… сходится! 13 часов 34 минуты. Сильный порыв ветра! Что?

— Сильный? — Гордон взял из рук Кашкина ленту. — Где тут масштаб? Ну знаешь, таким порывом двух взрослых мужчин не поднимешь в воздух.

— Ты забыл про скафандры! Они же настоящие аэростаты. Ты знаешь: чем сильнее ветер, тем плотнее становится воздух. И вот наступает момент, когда…

— Срабатывают клапаны, — холодно закончил Гордон. — Подъемная сила скафандров постоянна. Специально устроено, чтобы походило на постоянную разницу в весе на Луне.

Но Кашкина не так легко было заставить отказаться от мысли, если она его захватила.

— Тут ничего не стоит упасть и стукнуться, — сказал он. — Ударился клапаном о камень — и пожалуйста: клапан вышел из строя.

— У обоих сразу?

Кашкин задумался не больше чем на секунду.

— У одного. Дубровский вспомнил про неисправный клапан в скафандре Горышева и побежал за ним. Только схватил его, тут вдруг задул ветер и перенес обоих через сетку.

Кашкин так ясно представил себе картину, что вскочил с кресла.

— Надо взять трос и обследовать провал. Плевать на то, что скажет по этому поводу бетонный столб.

Он сделал шаг к двери.

“Скафандр”, — равнодушно заметила дверь. Кашкин остановился и стал оглядывать себя. Гордон махнул рукой.

— Версия отпадает, — устало сказал он. — Дверь не выпустит человека в неисправном скафандре. Если в скафандре что-то не в порядке, он сам просигнализирует об этом.

Кашкин медленно вернулся на свое место.

Гордон молчал на этот раз очень долго. Он напоминал шахматиста, ищущего ответ на сложный ход противника.

— Секрет, наверное, самый простой, — сказал он наконец. — Тебе не кажется, что Дубровский и Горышев просто не могли никуда исчезнуть с территории станции? Вихрелет исключается. На скальную стену не забраться даже альпинистам. Через забор не перелетишь. До сих пор мы разбирали варианты того, как они покинули территорию станции. Теперь предположим, что они здесь.

— Как же ты объяснишь следы?

— Следы могут не иметь никакого отношения к исчезновению Горышева и Дубровского.

— Новая версия?!

— Просто я более критически оцениваю факты. Следы могут быть старыми.

— Снег свежий.

— А ты знаешь, как здесь падает снег? Здесь ветры дуют под всеми углами. Старые следы могли оказаться в зоне случайного затишья.

— Но ведь не можем же мы обследовать всю территорию сантиметр за сантиметром, переворачивая каждый камень, наподобие того, как обыскивали эти комнаты? Нам не хватило бы и двух педель.

— Разумеется. Если до шести утра ничего не придумаем, сообщим на Землю, вызовем люден. Но что делать сейчас? У тебя есть идея? Пусть самая фантастическая!

— Увы, — уныло сказал Кашкин, — моя фантазия иссякла.

— У меня тоже нет никакой гипотезы, — сознался Гордон. — Ну давай подумаем, — предложил он. И погрузился в размышления.

Но Кашкин не мог долго оставаться наедине с собой. Он стал думать вслух:

— Интересно, как выглядят эти парни? — Он покряхтел. — Очень разные люди, судя по тому, что мы о них успели узнать. Горышев может выдумать любую ерунду. Дубровский — мужик серьезный. Если берется за что-нибудь, то уж это дело: исправление канала наружной связи, исследование… Что он исследовал, когда Горышев принялся морочить ему голову своим "снежным человеком"? Не помнишь?

— Что-то связанное с ультразвуком. Кажется, способы предупреждения о лавинах.

Кашкин оживился.

— Послушай, — обратился он к протоколисту, — здесь бывают лавины?

— В горах-то? — удивился Гордон. — Где же им еще быть?

— Я не тебя спрашиваю. На территории станции лавины бывают? Ну, шевели своими клетками! Что-то ты долго соображаешь!

"Лавиноопасен западный участок", — ответил протоколист.

— Лавины сильные?

"Слабые. Большие лавины минуют станцию".

— Ты думаешь… — просветлел Гордон.

— Вот именно. Мы шли от Горышева, а надо было идти от Дубровского. Ну-ка, машина! Дубровский конструировал прибор для прогнозирования лавин?

"Да", — ответил протоколист.

— Где прибор?

"Установлен на территории станции".

— Где именно?

"На западном участке".

— В каком месте?

"Дубровский нанес на карту".

— Где карта?

"В нижнем ящике бюро".

— Гениальная машина! Беру назад все критические замечания. Нашел карту? — обратился он к. Гордону.

Тот рылся в ящике бюро.

— Вот она, — Гордон расстелил карту на столе. — Западный участок — там, куда вели следы.

— А место, где установлен прибор, помечено?

— Сейчас… Тут много всяких пометок. Ага, есть надпись: “Лавиноскоп”.

— Отлично! — Кашкин сидел в кресле, скрестив руки на груди, и не глядел на карту. — Теперь нанеси на карту следы до того места, где они обрываются. Нанес?

— Примерно так.

— Приложи линейку, — в голосе Кашкина звучали торжествующие ноты. — Проведи линию от конца следов к точке с надписью: “Лавиноскоп”. Провал? Вот на этой линии и надо их искать.

4

— Прибора нет, — сообщил Гордон. Он держал в руках карту и сличал ее с местностью. — Может быть, Дубровский передвинул его, — добавил он с сомнением.

— Рельеф на карте показан?

— Нет, это план.

— Можешь определить место, где должен находиться лавиноскоп?

— Видишь черный камень, выступающий из снега? Правее, метров десять.

— Туда и возьмем прицел.

Они двигались по белому полю, тыча лопатами в снег. Поверхность снега оставалась ровной, но грунт под ногами понемногу понижался. Они словно входили в реку. Вот уже по колено.

Гордон издал восклицание и провалился по пояс.

— Тут яма.

— Начнем прокладывать траншею.

Снег был легкий и сыпучий. Он плохо держался на лопатах.

Через полчаса они выдохлись.

— Передышка пять минут, — объявил Кашкин.

Гордон оперся на лопату.

— Расскажи, как тебе рисуется картина?

— Проще простого, — ответил Кашкин. — В этом отношении ты оказался прав. Дубровский мудрил над прибором, улавливающим наступление лавин. Что-то должно предшествовать падению лавины. Какие-то процессы внутри нас, помимо накопления самой массы снега. Ведь лавины обрушиваются и при полном безветрии. Что-то подготавливает их

к тому, что они срываются от хлопка в ладоши. Видимо, я неспециалист, только предполагаю, — это связано как-то с ультразвуками или может быть обнаружено с помощью ультразвука. Когда Горышев пошутил, что у него ноют зубы перед падением лавины, Дубровский допустил, что так могло быть на самом деле. Его прибор работает с ультразвуками, а перевести их на слышимый звук ничего не стоит. Свист — это и есть сигнал о том, что лавина вот-вот обрушится. Свист ничего не говорит о времени, когда это произойдет. Связь между Дубровским и Горышевым не действовала — наружный канал вышел из строя. Работала только связь с приборами. Она осуществляется по особым каналам. Дубровский услышал свист и побежал предупредить Горышева. Лавина настигла их где-то вот тут. Засыпала следы, их обоих и прибор. Лавина небольшая, может быть, слабый отросток — поэтому на общем виде местности она особенно не отразилась. Мы ведь не знаем, как выглядит эта местность по-настоящему. Вернее, как она выглядела вчера. Здесь все меняется каждый лень. Есть и косвенное подтверждение — воздушная волна от лавины зафиксирована ветромером.

— В твоем рассуждении, — сказал Гордон, берясь за лопату, — есть одна логическая неувязка. Зачем Горышев пошел в направлении, прямо противоположном тому, где находится посадочная площадка вихрелета? Ведь черти, которых он пошел встречать, мы, а не “снежные люди”.

— Не берусь объяснить. Оставим какие-то разгадки до встречи.

Они покопали еще минут двадцать. Снег вокруг лежал уже на уровне плеч. Казалось, они уходили больше в глубину, чем продвигались вперед.

— Мы можем провести траншею мимо, — не выдержал Гордон. — Ведь они не ходят по линейке. У них наверняка тут тропы, по которым они шагают от будки к будке.

— Я думаю, в экстренном случае они должны были побежать по прямой.

Лопата Кашкина уткнулась во что-то тугое и твердое.

Он отбросил лопату и опустился на колени. Из снега торчала ребристая подошва с каблуком в форме подковы.

Человек лежал вдоль направления траншеи, и им пришлось изрядно повозиться, пока они отрыли его. Последней освободили от снега голову. Тут только человек зашевелился. Он сел. Сквозь шлем, облепленный снегом, различались квадратное лицо, твердый подбородок, голубые глаза. Человек провел рукавицей по поверхности шлема, оставив прозрачную полосу. Затем рывком сел.

— Дубровский, — представился он. — Горышева откопали?

— Где его засыпало?

— У лавиноскопа. Сейчас покажу.

Дубровский поднялся на ноги. Широкоплечий, баскетбольного роста.

— Сколько осталось кислорода? — поинтересовался Гордон.

Дубровский взглянул на счетчик на рукаве.

— На двадцать девять минут.

— А у Горышева?

— Не больше. Запас ограничивают, чтобы приучить к экономии и к постоянному контролю за дыханием.

Гордон и Кашкин переглянулись.

— Мы не успеем. За час мы прошли меньше половины расстояния до лавиноскопа.

Дубровский взглянул на лопату.

— Чем вы копаете?

— Всем, что нашли па станции.

— В сарае снегомет.

Кашкин побежал к складу.

— Из-за этого дурацкого “снежного человека”, — рассердился Гордон, — мы не осмотрели склада. Игра могла кончиться очень плохо…

Он вспомнил про череп с костями, и ему захотелось выругаться.

Дубровский сделал несколько движении руками и окончательно пришел в себя.

Кашкин притащил снегомет, по виду напоминающий плуг. Дубровский направил острие в сторону торцовой стойки траншеи, сжал рукоятки. Тотчас снежные вихри забили в стороны, снегомет двинулся вперед, вонзаясь в нетронутый пласт. Дубровский шел ровным шагом, положив руки па рукоятки, и, покручивая ими, управлял механизмом.

С каждым шагом ход углублялся.

— Тут ложбина, — пояснил Дубровский. — Скаты играют роль звукоулавливателя. Я поставил лавиноскоп в самом глубоком месте.

5

Горышев не лежал, а сидел под трехметровым пластом снега. Он зашевелился сразу же, едва получил возможность двигаться. Рядом в раскопанном снегу торчала головка лавиноскопа, шестигранная, похожая на большую гайку.

— Кислород? — спросил Гордон. — На красной черте.

Гордон и Кашкин подхватили Горышева под руки. Невысокого роста, смуглый, с выражением нетерпения на лице, он двигал руками и ногами, словно хотел согреться. Они побежали к станции. Дубровский еле поспевал с лопатами и снегометом на плече.

Вдруг Горышев остановился.

— Зубы, — сказал он.

— Что с зубами? — спросил Гордон.

— Ноют.

Дубровский поморщился.

— Опять начинается… Еще не отдышался, а уже…

— Смотрите! — воскликнул Кашкин.

С дальнего склона покатилась белая струйка. Дубровский бросил в снег лопаты и “плуг” и побежал к лавиноскопу.

6

Придя на станцию, Гордон и Кашкин помогли Горышеву снять скафандр и усадили его за стол. Вскоре появился Дубровский.

— Зафиксировал, — объявил он с порога. У Дубровского был довольный вид.

— Еды, — попросил Горышев. — Я так проголодался, пока возился под снегом.

— А я не двигался, — сказал Дубровский, расстегивая скафандр. — Даже спал.

— Выдержка, — удивился Кашкин.

— Экономия кислорода, — объяснил Дубровский.

Разогреть обед было делом минуты.

— Я вижу, спячка благотворно сказывается на аппетите, — заметил Горышев, глядя, как Дубровский отправляет в рот кусок за куском. — Теперь я понимаю, почему медведи весной голодные.

— При чем здесь медведи? — Дубровский пожал квадратными плечами. — Медведь спит всю зиму. И существует за счет накопленных запасов жира.

— Да, я забыл вам представить своего напарника, — сказал трагическим тоном Горышев. — Должен предупредить: этот юноша не понимает юмора.

— Не люблю глупых шуток, — подтвердил Дубровский.

— Например, про зубы.

— С зубами я был не прав, — серьезно сказал Дубровский. — Охотно приношу извинения. Последний случай очень убедительный.

— Ну вот! — жалобно воскликнул Горышев. — А с зубами я как раз пошутил.

— У него не отличишь, — с огорчением произнес Дубровский, — когда он говорит серьезно, а когда паясничает.

— В первый раз зубы у меня действительно болели, — пояснил Горышев. — Но это оттого, что я пил ледяную воду. Про лавину я сболтнул просто так. А она вдруг возьми и свались.

Гордон решил прервать перепалку.

— Как вы очутились у лавиноскопа? — спросил он.

— Глупость, — усмехнулся Горышев. — У меня заныли зубы. Честное слово! — предупредил он реплику Дубровского. — И я подумал… Ну, понимаете, Дубровский со своим серьезным отношением ко всему на свете может хоть кого сбить с толку. В общем я… мне пришло в голову… Вдруг и правда зубы имеют отношение к лавинам? Смешная мысль, конечно. Я отлично понимаю. Ну, я пошел к лавиноскопу поглядеть, что он показывает. Тут лавина меня и накрыла.

— Ну хорошо, а “снежный человек”? — спросил Гордон, откидываясь в кресле.

Они покончили с обедом. На столе стояла ваза с фруктами.

— Попробуйте каждый день общаться с человеком, у которого нет чувства юмора, — горячо заговорил Горышев. — Я в шутку сказал, что в снегу расцвела земляника. Он поверил. Я сострил про ноющие зубы, он стал писать диссертацию. Тогда с досады я выдумал историю со “снежным человеком”.

Он взял яблоко и принялся грызть его.

Дубровский встал из-за стола и, не проронив ни слова, взялся за дело, от которого оторвался три часа назад. Он поднял с пола отвертку и, придвинув кресло к панели, принялся искать повреждение в блоке наружного канала.

Гордон изучающе глядел на Горышева.

— Жаль, — сказал он после паузы, — что вам не придется работать на Луне.

Подвижное лицо того выразило удивление.

— Почему?

— А вы смогли бы вдвоем с Дубровским дежурить год?

— Нет, — вырвалось у Горышева. — И я заявляю самоотвод, — сказал он более спокойно. — Ведь пары можно подбирать в разных комбинациях, — разъяснил он. — И есть станции, где дежурят по шесть человек.

— И на каждое место — три кандидата! — воскликнул Кашкнн. — Кажется, я начинаю понимать, для чего нас сюда присылают! Горышев улыбнулся.

— Если вы имеете в виду совместимость характеров, —

протянул он, — то… в конце концов чувство юмора…

Гордон резко остановил его.

— Я тоже не лишен чувства юмора, — заявил он. — Но с вами я не стал бы дежурить.

Кашкин после небольшого раздумья присоединился.

— Я, пожалуй, тоже. Хотя характер у меня легкий. Даже с налетом легкомыслия.

Горышев испытующе поглядел на друзей.

— Три человека — три несовместимости, — подытожил Гордон.

— Достаточно, чтобы вылететь из кандидатов, — резюмировал Кашкин.

— Вы шутите? — воскликнул Горышев.

Он вдруг повеселел.

— Люблю парней с юмором.

Гордон сказал Кашкину, как если бы Горышева не было:

— Тебе не кажется, что его следует оставить на Земле из чисто научных соображении? Ведь это же просто феномен. Я не так уж сильно разбираюсь в лавинах, ультразвуках и симпатической нервной системе, но что рее эти совпадения не случайны, совершенно очевидно.

— Еще бы! — немедленно откликнулся Кашкин. — Три попадания из трех возможных! Какой прибор даст на первых порах такую стопроцентную точность! Приклеить миниатюрные датчики — и, пожалуйста, готовый лавиноскоп. Что там Дубровский с его опытами!

— Готово, — сказал Дубровский, захлопывая дверцу панели. — Так какой опыт собирается поставить на себе Горышев?

— Чудо! — воскликнул Горышев. — Свершилось! Вы свидетели. Дубровский произнес первую остроту. За месяц. А может быть, первую в жизни. Занесем в протокол.

— Почему острота? — удивился Дубровский. — Я говорю серьезно.

— О боги! Есть отчего заныть зубам, — простонал Горышев. С видом мученика он замотал головой.

— Что, следует ждать лавины? — осведомился Кашкин.

И тут же послышался свист. Затем донесся шум, как от далекого поезда, и звук удара.

— Наружный канал действует, — удовлетворенно сказал Дубровский. — Лавиноскоп сработал.

— Горышев тоже, — в тон ему заметил Кашкин.

— Горышев среагировал раньше, — уточнил Гордон. — Так и занесем в протокол.

Что-то в тоне Гордона насторожило Горышева. Тот был слишком серьезен.

— Вы этого не сделаете?

Горышев с тревогой и надеждой смотрел на Кашкина и Гордона.

— Почему же? — сухо сказал Гордон. — Мы обязаны это сделать. Наука не может проходить мимо таких фактов.

— В конце концов, это не по-товарищески, — лицо Горышева искривилось.

— А вы можете судить, что такое по-товарищески, а что нет? — сказал Гордон. — Вы даже не заметили, что сейчас происходит товарищеский суд. Ваши товарищи, ваши коллеги выносят свое суждение о вас. Двое уже проголосовали “против”.

У Горышева сделалось удивленное лицо.

— По отношению к кому я поступил не по-товарищески?

— К Дубровскому.

— Я?! — Горышев широко раскрыл глаза. — Я полез смотреть лавиноскоп только для того, чтобы обрадовать его. И меня засыпало лавиной. Не откопай вы меня в последний момент, не было бы кого судить сейчас.

— Это разные вещи, — сказал Гордон. — Я имею в виду историю со “снежным человеком”.

Горышев все еще ничего не понимал:

— Обыкновенный розыгрыш. Занятие скульптурой — мое увлечение. Я потратил неделю: мне хотелось произвести полный эффект. Он все сорвал, сказав, чтобы я сам сообщил на Землю о своей находке.

— А вы представляете, — холодно произнес Гордон, — хотя бы сейчас представляете, что произошло бы, если бы Дубровский радировал о вашем “снежном человеке”? Над кем смеялся бы весь мир?

— Есть границы розыгрыша, — подтвердил Кашкин. — Одно дело в студенческой компании, другое — на всю планету. Тут юмор уже кончается. Название другое.

Горышев в растерянности смял салфетку.

— Мы, совершенно очевидно, по-разному понимаем, что такое юмор, — заметил Гордон.

— Ну что ж, все прояснилось, — сказал Кашкин. Ему не терпелось закончить неприятный разговор. — Остается расписаться в книге дежурств.

— А я? — завопил Горышев. — А как же я? Это ваша… шутка?! Вы…

— Обыкновенный розыгрыш, — жестко произнес Гордон. — Так, кажется, вы называете подобные шутки. Теперь вы ощутили,

что это такое? — Но тут же сжалился: — Ладно, насчет зубов мы действительно пошутили… Но если говорить серьезно, то у вас, по-моему, только один шанс.

Горышев с надеждой посмотрел на Гордона.

— Дубровский, — сказал тот.

— Да, уж такого кроткого парня поискать во всей вселенной, — кивнул Кашкин.

— Провожать не нужно, — сказал Дубровский. — И так потеряно много времени.

Он щелкнул тумблером. На стене засветился экран.

— Вот, можете глядеть.

7

Две фигуры на экране медленно двигались к вихрелету. Одна, высокая, шагала спокойно, другая, маленькая, подскакивала и размахивала руками.

— Шутки шутками, — засмеялся вдруг Гордон, — но самое смешное будет, если между зубами и лавинами и на самом деле обнаружится связь. В принципе исключить этого нельзя. Но первое, самое серьезное испытание выдержал ты, — сказал он другим тоном. — Если бы не ты, не твоя догадка и энергия, Дубровский и Горышев лежали бы под снегом. С тобой не пропадешь!

Вихрелет поднялся над площадкой и исчез из виду.

— Интересно, — подумал Кашкин вслух, — что будет с нами через месяц? — И ответил: — Я, наверное, стану более сдержанным. Обзаведусь методичностью. Ты, наоборот, прихватишь от меня избыток легкомыслия.

На лице Гордона появилось знакомое Кашкину выражение каменного упрямства: “Я свой характер так просто менять не собираюсь”. Кашкин вздохнул.

— Один протоколист останется, каким он был, — продолжал он рассуждать. — А ведь мог бы набраться качеств от каждого практиканта. Вот бы стал занятным собеседником. Было бы с кем коротать часы.

— Протоколист должен оставаться протоколистом, — возразил Гордон. — Он протоколирует, и на этом его функции кончаются. Его записи психологи проанализируют потом с помощью других машин. Здесь испытываются, а точнее сказать, притираются характеры людей. Машина не должна участвовать в игре.

— А ты разговорился, — обрадовался Кашкин. — В первый час ты не вымолвил и десяти слов.

— Просто я собираюсь обходиться без слов там, где это можно. Если слово не содержит информации, зачем оно? Слова служат для передачи мыслей.

— А разве любые слова, произносимые человеком, не содержат информацию?

— Вопрос — о чем?

— Мало ли о чем. О чем угодно. О чувствах человека, о его настроении.

— II даже о его характере, — усмехнулся Гордон. — Например, о болтливости. Такую информацию достаточно получить один раз. В дальнейшем она уже не нужна.

— Кроме необходимости обмениваться мыслями, у человека бывает и потребность делиться чувствами! — простонал Кашкин.

— Для этого слов нужно совсем немного. Одно — два. Остальные обычно не несут уже ничего нового.

— Но ведь человек не информационная машина! — воскликнул Кашкин. — Я говорю о чисто человеческих потребностях.

— Люди разные, — пожал плечами Гордон. — Одному нужно одно, другому — другое.

— Начался первый спор.

“Ну, кажется, мне работы хватит”, — мог бы подумать протоколист, если бы машина могла думать.

Дмитрий Биленкин
ПРОВЕРКА НА РАЗУМНОСТЬ

Питер все медлил, хотя следовало, не колеблясь, войти, разбудить Эва, если тот спал, и сознаться, что ему, инженеру-звездолетчику первого класса Питеру Фанни, померещился призрак.

Это произошло в одном из тех дальних отсеков, где нудная вибрация напоминала о близости аннигиляторов пространства-времени. Рядом была заперта сила, которая могла разнести небольшую планету, и сознание невольно настораживалось в этих тесных, скупо освещенных и наполненных дрожью переходах.

Питер чувствовал себя, впрочем, как обычно. Вероятно, он даже удивился бы, узнав, что в нем, хозяине всей этой чудовищной махины, дремлет то самое беспокойство, которое испытывал его далекий предок, когда мощь природы выдавала себя бликом зарниц или грозным запахом хищника на тропе.

Он уже заканчивал обход, когда его приковал к месту тихий, невозможный здесь звук покашливания.

Он обернулся.

Никого, ничего. Пустой коридор, тусклая эмаль стен, змеятся тени кабелей и труб. И явственное, как прикосновение паутины к лицу, ощущение чужого взгляда.

— Олег, это ты? — напряженно крикнул Питер.

Коридор молчал. Питер был один, совершенно один в чреве мерно работающей машины.

Мгновение спустя Питер осознал нелепость, даже постыдность, своей позы и решительно шагнул к месту, откуда раздался звук, передвигая поближе сумку с тестерами и тем самым как бы давая понять, что готов немедля устранить любую кашляющую, чихающую или хихикающую неисправность.

Не сделал он, однако, и двух шагов, как от стены наискось метнулось столь бесформенное и стремительное тело, что память запечатлела как бы рванувшийся клуб черного дыма, который, исчезая за утлом, блеснул из своей темной глубины двумя кроваво-красными зрачками.

Когда ослабевшие ноги вынесли Питера на площадку, куда скрылось “нечто”, там не было ничего, кроме зеркально повторяющих друг друга, наполненных дрожью коридоров. Задыхаясь, Питер пробежал в оба конца, оглянулся, и расстояние, отделяющее его от жилых помещений звездолета впервые показалось ему пугающеогромным.

Случай был, конечно, предельно ясен. Бывало и раньше, что

нагрузка долгого полета сказывалась на нервах звездолетчиков, хотя, насколько Питер мог припомнить, призраки еще никогда никому не мерещились.

Тем хуже его положение. О происшедшем он обязан доложить врачу, то есть старине Эву, а что последует затем, нетрудно представить.

Ему стало ужасно жаль себя. Это несправедливо, несправедливо, несправедливо! Почему с ним? За что? Как это вообще могло случиться, ведь он чувствовал себя не хуже обычного!

— Эв, ты спишь? — негромко спросил он перед закрытой дверью.

Праздный вопрос. Разумеется, в этот поздний час корабельной ночи главный врач и биолог экспедиции отсыпался после трудных дней работы на Биссере. Движет, и не надо будить его сию секунду?

Питер погладил подбородок, соображая. Он обязан предстать перед врачом, верно. Он обязан рассказать о том, что было. Но есть разница — предстать сейчас или немного позже. Большая разница! Вряд ли его реакция сейчас в норме. Вот если он отдохнет, отоспится, тогда, быть может…

Решено. Твердым шагом Питер Фанни прошел в свою каюту, разделся и лег. Его больше не трясло. В каюте было тихо. Здесь ничто не напоминало о той скорости, с которой звездолет, торопясь к Земле, преодолевал пространство.

Несколько минут спустя Питер уснул. У него, как и полагается звездолетчику, были крепкие нервы.

Но спал он дурно. Там, на Земле, где он очутился, он лежал в гамаке, который вдруг оказался паутиной, и сердце захолонуло, потому что паука нигде не было, но он должен был появиться. Питер знал, что он рядом, даже чувствовал прикосновение мохнатых лап, а шевельнуться не было возможности, и, что самое страшное, паук был невидим. Потом, все еще лежа в паутине, Питер смотрел в микроскоп, и это, как он понимал, был его последний шанс не провалиться на экзамене, от которого зависело все. Микроскоп, однако, вместо паука показывал усики Эва, рыжие, нахальные усики, и Питер в отчаянии думал, что не окончательный же это экзамен, хотя отлично понимал во сне, что окончательный. Страшным усилием он отшвырнул негодный микроскоп, чтобы взять новый; тот упал, покатился, как шар, и шар этот, расширяясь, блеснул ледяным пламенем, отчего сердце Питера оборвалось, ибо это был уже не шар, а сгусток нейтронной звезды. “Вот, значит, как возникают галактики…” — мелькнуло в парализованном ужасом мозгу.

Какой-то шум оборвал кошмар Питера. Он вскочил прислушиваясь. Отчаянно колотилось сердце, но явь уже поборола видения. Отчетливый стук и, похоже, крики раздавались где-то рядом. Чуть ли не в туалете, который был по соседству. Еще не совсем очнувшись, Питер выскочил в коридор. Так и есть: кто-то изнутри с проклятиями барабанил в запертую дверь туалета, что само по себе было дико.

Питер рванул дверь, и оттуда, как кот из мешка, вылетел Олег.

— Это чьи еще шуточки?! — рявкнул он, не давая Питеру опомниться. — Тоже мне, развлечение, юмор на уровне амебы, остроты пещерных туалетов!

— Разве они тогда были? — в остолбенении спросил Питер.

Вопрос был столь нелеп, что оба замерли и уставились друг на друга.

— Дадут, наконец, людям поспать? — послышался сзади недовольный голос. Скрипнула дверь, в коридор, моргая и щурясь, высунулась голова Эва. — Что за суета и суматоха?

Он обвел взглядом полуодетых космонавтов.

— Олега тут заперли, — растерянно пробормотал Питер.

— А! — сказал Эв. — В реакторе еще никого не спалили? Самое время, по-моему.

— Факт тот, что дверь запирали с хихиканьем, — буркнул Олег. — Хотел бы я знать…

— Великий секрет загадочной тайны, — кивнул Эв. — Звездолет у нас или что?

— Это мог сделать неисправный киберуборщик, — нашелся Питер.

— Ага! — глаза Эва блеснули. — Окутанный галактическим мраком утюг зловеще подкрадывался к шлепанцам спящего космонавта… Кстати, Питер, что ты сделал со своими шлепанцами?

— С чем?

Все смотрели на ноги Питера. На его дырявые, испещренные пурпурными пятнами ночные туфли.

— Край света, — вздохнул Олег. — Полным-полно шутников.

— Правда, Питер, чем это ты их?

— Эв… — голос Питера дрогнул. — Мне надо поговорить с тобой, Эв…

— Ерунда! — Эв отшвырнул ленту миограммы. Она зацепилась за переключатель и повисла, раскачиваясь. — Какой призрак? Диагност уверяет, что ты здоров, и я с этим сундуком согласен.

— Уверяю тебя…

— Сильное нервное возбуждение, не более того. Все базисные реакции…

— А туфли?

— Что — туфли? При чем здесь туфли? Ну прожег гы их чем-нибудь…

— Чем?..

— Компотом! — заорал Эв. — Щами! Чего ты добиваешься? Полным-полно шутников, как выразился Олег. И все острят. Будят среди ночи… Тени убиенных, хихикая, запирают у них, видите ли, двери… Сейчас я дам тебе такую дозу успокоительного, такую дозу…

Он потянулся к столу, но так и не взял ампулу. В дверях стоял Антон Ресми. Стоял и смотрел таким взглядом, что Питеру захотелось немедленно исчезнуть.

— Так, — капитан шагнул к Эву. — Как к биологу и медику нашей экспедиции, у меня к вам маленький вопрос: мышь способна превратиться, скажем, в четвертое измерение?

— Антон, — глаза Эва округлились. — Неужто и ты записался в шутники?

— В шутники? Я тебя спрашиваю: где звери?

— Звери?

— Да, звери.

— С Биссеры?

— С Биссеры.

— Там, где им положено быть. А что? — Ничего. Просто их там нет.

— Как… нет?

— Вот я и хотел бы узнать — как.

— Но этого не может быть.

— Верно.

— Антон, этого не может быть!! Что за глупый розыгрыш!

Эв посмотрел на Питера, словно приглашая его разделить возмущение, снова взглянул на капитана, — и краска сбежала с его лица.

“Да, — подумал Питер, разглядывая из-за плеча Эва витализационные колпаки, — если кто-нибудь и сошел с ума, то уж, во всяком случае, не я. Это надо же!”

По всему пространству камеры тянулись маленькие и большие прозрачные саркофаги, в которых автоматы поддерживали среду, необходимую для того, чтобы добытые на Биссере экземпляры находились в живом, по усыпленном состоянии. По крайней мере, треть саркофагов была пуста. Не просто, а, так сказать, вызывающе пуста, потому что в них зияли внушительных размеров оплавленные дыры.

На пульте, словно в насмешку, горели зеленые огоньки, что означало исправную работу витализационных автоматов. Запоздало и вроде бы обиженно мигали сигналы систем контроля за жизнедеятельностью, которым уже нечего было контролировать.

— Ну и как прикажете это объяснить?

Ответа не последовало. Эв был так бледен, что его рыжеватые усики казались теперь пламенными.

— Не надо волноваться, — капитан мягко опустил руку ему на плечо. — Исчезли, если не ошибаюсь, стеггры, асфеты, троянцы, катуши и эти… как их?..

— Миссандры, — прошептал Эв.

— …Миссандры. А псевдогады остались. Может, это что-нибудь объясняет?

Эв покачал головой.

— Витализационный уровень усыпления поддерживается во всех герметичных колпаках на оптимальном для всей группы уровне, — он говорил монотонно, как зазубренный урок. — Из этого следует возможность, что для отдельного индивида данный уровень окажется мал, и существо проснется. Но в данном случае контролирующий автомат немедленно увеличит подачу смеси… Что он и сделал. Ничего не понимаю… Ведь так прожечь колпак можно только искровым разрядом! — воскликнул он.

— Может быть, у кого-нибудь из этих существ… — начал было капитан, но Эв отчаянно замотал головой.

— Я их видел на корабле, — внезапно сказал Питер.

Все разом обернулись к нему. Он коротко доложил о “призраке”.

— Очевидно, это был катуш, — проронил задумавшийся Эв.

— Нет, — возразил Питер. — Катуша я знаю. Это был не катуш.

— Неважно, — тихо сказал капитан. — Значит, Эв, никакого объяснения ты дать не можешь?

— Нет.

— Ладно, будем действовать без объяснений. Даю общий сигнал тревоги.

У входа в рубку Эв взял капитана за локоть.

— У меня есть объяснение. Я не хотел говорить при Питере.

— Да? — Эв почувствовал, как под его рукой напряглись мускулы.

— Капитан, звери сами не могли выбраться. Это исключено. Их выпустили, Антон.

— Ты понимаешь, что говоришь?!

— Именно поэтому я настаиваю на общей проверке состояния

всего экипажа.

Капитан вытер выступивший на лбу пот.

— Кого ты подозреваешь? — спросил он глухо.

— Если бы я только что не освидетельствовал Питера, я бы сказал — Питер. Но это не Питер. Я об этом не хочу даже думать, но ведь кто-то запер Олега? И кто-то облил туфли Питера кислотой.

— И тем не менее, — жестко сказал капитан, — разрешения на поголовное обследование я не дам.

— Но…

— Эв, пожар не тушат под возгласы: “Среди нас поджигатель!”

В это время Питер, стоя на своем посту, с недоумением разглядывал запястье левой руки. Только сейчас ему бросилась в глаза точка, какая бывает после укола, в том месте, где под кожей синеет вена.

“Чепуха какая-то! Но, может, следует сказать?”

Сначала никто не сомневался, что изловить каких-то глупых зверьков ничего не стоит, но вскоре с этим заблуждением пришлось расстаться. Хозяйство звездолета занимало несколько квадратных километров, и при его конструировании никому в голову не могла прийти мысль, что оно может стать полем охоты. Раза два, правда, удалось спугнуть существо, которое немедленно взмыло над преследователями, чтобы скрыться в путанице ярусов, лифтовых клетей и переходов. Поскольку единственным летающим экземпляром фауны Биссеры на корабле был миссандр, то это, очевидно, и был миссандр. Но куда делись остальные?

Предложение настроить киберуборщиков на поиск сбежавших было сразу же отвергнуто Эвом — он знал, что обычных роботов нельзя натравить на белковое, то есть родственное человеку, существо. Биологические же автоматы, с помощью которых он сам охотился на Биссере, были бесполезны в тесных корабельных пространствах.

Чем больше Эв раздумывал над случившимся, тем меньше все это ему нравилось. Гипотеза о сумасшедшем, который вскрыл витализационные камеры, была скверным, хотя и правдоподобным, допущением. Однако в ней имелся крохотный изъян. Предположим, животных кто-то выпустил. А дальше? Ведь воздух Биссеры мало походил на земной! Как же они им дышат? Но дышат, это же факт.

Своими сомнениями он, наконец, поделился с капитаном.

— Это как же так? — опешил Ресми. — Ты изучал их и даже не знаешь, чем они могут дышать, а чем нет?

— Ты вправе меня упрекать, Антон. Но кто, как не ты, срезал биологическую программу? Знаю, знаю, экстренный вызов Земли, мы требуемся, — как всегда сверхсрочно, — в противоположном квадранте? Галактики. А мне каково? Что я мог сделать за оставшееся время? Это же типичный аврал! Спешим, вечно спешим. Сегодня одна звезда, завтра — другая, давай-давай, дел невпроворот, оглянуться некогда, а что в результате? Не думай, пожалуйста, что я снимаю с себя ответственность, но…

— Спешим, это верно. Иначе нас, возможно, не было бы среди звезд. Так как они все-таки приспособились?

— Высокая пластичность метаболизма, очевидно. Она у них действительно высокая.

— Хорошо, выяснишь после поимки. Что за идея у тебя насчет ловушек?

Они обсудили новую тактику. Их то и дело перебивали голоса поисковиков. “Капитан, на неведомых дорожках хозяйства Питера отмечены следы невиданных зверей…” Реплику перебил мрачный голос Питера: “Я давно говорил, что нам не хватает киберуборщиков. Они не успевают с обеспыливанием”. — “Ладно, ладно, — отвечали ему с иронией. — Мы закрываем глаза, а вот кто закроет глаза техкомиссии?” — “Не издевайтесь, ребята, никакая это не пыль, просто пепел. Механики тайком покуривали”. — “И не механики вовсе, а зверюшки Эва. Раз уж они смогли удрать, то почему бы им на радостях не затянуться?”

Капитан с досадой приглушил звук.

Ему было не по себе. Зверюшки его мало беспокоили, — куда они денутся! — но сумасшедший на борту… Требование держаться по двое было встречено недоуменным пожатием плеч — пусть. Хорошо, что никто ни о чем не догадывается. А вот он прозевал, тут никуда не денешься. Капитан за все в ответе, что бы ни случилось, так было, есть и будет. И для него, Ресми, это единственно правильная жизнь, — обо всем заботиться, все предусматривать и при любых обстоятельствах быть сильнее обстоятельств. Он всегда подстерегал слепой случай, теперь случай подстерег его, и не значит ли это, что он выдохся? Капитана охватила бессильная ярость. Нет, нет, он еще им всем покажет!..

Кому? Зверям? Обстоятельствам? Самому себе?

Ресми подавил волнение, прежде чем Эв успел его заметить.

— Возможно, этот план даст лучшие результаты, — он холодно посмотрел на протянутый чертеж. — Объясни техникам, что надо сделать. Я соберу команду.

— И неплохо бы позавтракать, — заметил Эв. — Я лично после всех передряг готов съесть жареного миссандра.

Выйдя из рубки, он заметил Питера, который явно ждал его появления.

— Вот, — сказал Питер, показывая тыльную сторону запястья. — Будешь смеяться или нет, но только, честное слово, сам себя я не колол…

Эв вгляделся, и ему стало не по себе.

Завтрак начался смешками, но вскоре они прекратились, так мрачен был капитан. “Чего это он? — шепотом спросил Олег. — Подумаешь, звери разбежались…” — “Да, но теперь над ним будет смеяться вся Галактика”, — ответил сосед. “Смеяться, положим, будут над Эвом”. — “Всем нам достанется. Слушай, а девушки сегодня что-то уж слишком надушились”. — “А, ты тоже заметил!” — “Мертвый не заметит”.

Капитан поднял голову.

— Муса!

— Полон внимания, капитан.

— Что у вас там с вентиляцией. Откуда запах?

— Я так понимаю, что наши милые женщины… Бурный протест заставил его умолкнуть.

— Это и не духи вовсе!

— Уж мы-то, женщины, в этом кое-что смыслим!

— Отставить! — Стало очень тихо. — Бригада систем воздухообеспечения, немедленно перекрыть…

Капитан не успел закончить, ибо потянуло таким смрадом, что на пол полетели отброшенные стулья, все вскочили, и тут же взвыла сирена.

Эв и Ресми сидели спиной друг к другу, чтобы контролировать все наспех установленные в рубке экраны. Оба остались в масках, хотя смрад исчез так же быстро, как и возник.

Передатчики были установлены на всех магистральных пересечениях, и там же, под потолком, находились примитивные, но достаточно надежные ловушки. Оставалось сидеть и ждать, пока в поле зрения не очутится кто-нибудь из беглецов.

Минуты шли за минутами, и ничего не происходило. Селектор молчал, — людям теперь было не до шуточек. Сжимая оружие за плотно задраенными дверями, они охраняли жизненно важные центры корабля и ждали. Никто не мог сказать чего.

— Наконец-то!

Эв мгновенно нажал кнопку.

Возникшее на экране существо замерло, будто почуяв неладное. Поздно, — оно уже билось в гибких силикетовых сетях.

— Попался! — воскликнул капитан.

— Угу, — отозвался Эв. — Хотел бы я знать, кто…

— Как кто? Это же асфет.

— Крылатый асфет.

— Крылатый?!

Да, у бившегося в сетях существа были крылья. Как у миссандра. И шесть конечностей. Как у асфета. И трубчатый голый хвост, какого вообще ни у кого не было.

— Эв, — в голосе капитана была мольба. — Ты же биолог, Эв, ты же ловил их. Объясни хоть что-нибудь!

Лицо Эва было мертвенным.

— Эв! — капитан потряс его за плечо.

— Смотри.

Существо затихло. Темным клубком оно лежало на полу, и лишь его трубчатый хвост слабо шевелился. Нет, не шевелился. У капитана отвисла челюсть. Конец хвоста медленно, но неуклонно раздваивался. Хвост превращался в некое подобие ножниц, и лезвия этих странных ножниц явственно заострялись. Вот они захватили пару силикетовых петель… сомкнулись…

“Но это же силикет”, — отрешенно подумал капитан.

Хвост выпустил петли — они ему не поддались. Теперь менялся его цвет — из коричневого в серо-стальной. Он снова раскрылся — было заметно, что его “лезвия” укоротились, — захватил обвисшую складку сети. Люди содрогнулись, услышав хруст силикета. Еще несколько взмахов гибкого, раздвоенного, лязгающего хвоста, — существо стряхнуло с себя обрывки сети, и экран опустел”

— Ну, — Эв повернулся к капитану, — бей меня, я заслужил. Какой же я идиот?..

— Ты… ты что-нибудь понял?

— Да все же ясно! — плачущим голосом воскликнул Эв. — Они перекраивают свое тело!

— Это я видел. То есть мы оба это наблюдали. Оно, конечно… Провалиться мне, если я что-то понял!

— Слушай, — быстро заговорил Эв. — Нет никаких асфетов, миссандров и всех прочих. Это все одно и то же. Совсем другой тип эволюции. Где были мои глаза раньше! Это же грандиозно!

— Но выше моего разумения, — сухо сказал капитан. — Надо что-то делать.

— Надо понять, и ты поймешь. Сядь. На Земле волк — всегда волк, куропатка — всегда куропатка, амеба — всегда амеба. Но тела их, в общем, состоят из одинаковых клеток, биохимия у них тоже сходная. Они часть единого целого. Как графин, стакан, зеркало…

— Зеркало? — машинально переспросил капитан.

— Ну да, все это стекло. Земная эволюция расщепила единое биологическое вещество на тысячи, миллионы независимых, не

превращаемых друг в друга форм. А здесь эти формы превращаемы. Слон на Биссере может превратиться в кита или стадо кроликов, потому что все это одно и то же. Организм, как угодно и во что угодно перестраивающий свое тело. По приказу нервных клеток.

— По приказу?

— Вот-вот. На Земле биологическому веществу ту или иную форму придают внешние условия. Они медленно, но неуклонно лепят непохожие виды. Здесь, мы видели, это происходит сразу и целенаправленно. И это все объясняет! Пробудился один-единственный организм. Пробудился и вырастил — другого слова не подберу — противогаз. Вырастил — как мы берем нужный инструмент — какое-то орудие для взлома камеры. И освободил остальных.

— Значит, никакого сумасшедшего не было. — Капитан вздохнул с облегчением.

— Подожди радоваться. Вывод может быть только один.

— Ты уверен? Может быть, все-таки природа…

— Так быстро и так сознательно? Антон, давай смотреть правде в глаза. Возможно, это разум.

— Разум, — капитан взглянул на свои сжатые кулаки. — Не укладывается в голове. Мы не могли так чудовищно ошибиться.

— Могли, Антон, могли! “Быстрей, быстрей, потом разберемся, это животные, дело ясное, чего мешкать?” Это я так действовал, Антон. А автоматы опомниться жертвам не дают. Пикирующий прыжок, доза универсального снотворного, готовы, голубчики!

— Но на Биссере нет никаких признаков цивилизации!

— Верно, там нет ни городов, ни машин, ни дорог. А зачем они существам, которые могут превращать свое тело в машины, приборы, материалы, как только в них есть нужда?

— Невозможно, Эв. Живое вещество неспособно дать развитой цивилизации все, что ей необходимо.

— Да? Будто реактивных двигателей, лекарств, радиолокаторов, энергобатарей не было в природе до того, как их создали мы! А ты представляешь, на что способно живое вещество, которым управляет разум? Эта нелепая, невозможная, абсурдная, с нашей точки зрения, цивилизация, возможно, более совершенна, чем наша. Я, по крайней мере, не смог бы выбраться из-под колпака, да и ты тоже. Не потому, что я глупее, а потому, что без машин, инструментов, приборов я ничто. А у них все это всегда с собой. Между прочим: они исследовали Питера, пока тот спал. Между прочим: они могли отравить нас, пока мы не принимали их всерьез. Что качаешь головой? Гипотеза

“сумасшедший на корабле” кажется теперь заманчивой?

— Готов ее предпочесть тому, что ты сказал. Их действия на корабле, к счастью, не выглядят разумными.

— Наши действия тоже были далеки от мудрости.

— Межпланетная война на звездолете, этого еще не хватало! Сейчас мы проверим, разумны они или нет.

Однако проверка ничего не дала. Напрасными оказались все взлелеянные теорией способы завязывания контактов; их стопроцентная кабинетная надежность испустила дух в безмолвных пространствах корабля. Напряжение сгустилось. Всех мучали одни и те же вопросы. Не понимают или не хотят понять? Что означают все их поступки? Встреча Питера с “призраком”, допустим, была случайной. Но так ли случайно кто-то проник к нему, когда он спал? Для чего? Чтобы взять кровь на анализ? Или проверить съедобность человека? А туфли, при чем здесь туфли? И запертая дверь? Одно нелепей другого!

Почему они затаились?

На корабле стояла тишина, какой еще никогда не было. Ни шороха шагов, ни звука голоса, молчание “ничейного пространства”, которое вот-вот могло взорваться грохотом боя. Томительно и нервно тянулось время, а с ним уходила надежда на мирный исход.

К вечеру наступил перелом. Экраны, посредством которых капитан и биолог продолжали вести наблюдения, один за другим подернулись рябью. Один за другим они стали меркнуть, как задутые ветром свечи.

Так наступил момент, которого все ждали и все боялись.

Обхватив голову руками, капитан, не мигая, смотрел на потемневшие экраны.

Он знал, какого приказа от него ждут. Приказа двинуться с дезинтеграторами живой материи, чтобы размазать по стенам беглецов, где бы они ни скрывались. Пока не поздно. Пока есть время. А может, его уже нет?

Но так же твердо капитан знал, что ни Земля, ни его собственный экипаж, ни он сам не простят бойни, если в словах Эва окажется хоть доля правды. Потом, когда все будет кончено, когда пугающая неизвестность останется позади, люди опомнятся. Страх забудется, его сменят сожаление и горечь, так как гибель неведомых существ — это еще и конец уверенности людей в том, что они способны понять все, с чем столкнулись. Та уверенность, которая до сих пор оправдывалась и смело вела человека по звездным мирам. И вера в свою гуманность погибнет тоже.

Капитан испытывал отчаяние прижатого к стене человека,

отчаяние, которое готово было гневом обрушиться на Эва, на всех теоретиков, которые должны были предвидеть и оказались слепы, которые обязаны были найти выход, а вместо этого завели в тупик. Гнев пробудил решимость отдать, наконец, приказ, ибо известно, что в опасной ситуации даже плохое решение лучше бездействия. Палец капитана стремительно лег на кнопку селектора.

— Подожди! — вскричал Эв. — Я, кажется, догадался!

— Быстрей, быстрей!

— Надо выпустить остальных животных.

— Что?

— Слушай. Они начали партию, так?

— Ну? — Палец все еще лежал на кнопке селектора.

— Чем мы ответили на их действия? Облавой. В ответ они заставили нас зажать нос. Что сделали мы? Расставили ловушки. Что сделали они?

— К чему ты клонишь?

— К тому, что каждый наш шаг был для них прямой и грозной опасностью. Каждый их ответный поступок был скорей демонстрацией угрозы. Наш враг — не исчадье ада, таким сделали его наше непонимание и наш испуг.

— Хотел бы я, чтобы это не были домыслы.

— Это не домыслы! Неверны были исходные посыл1 ки стратегии контактов, и все равно взаимопонимание возможно. Пойми! Мы пытались объясниться с ними на уровне умственных абстракций, научных понятий да еще в ситуации, когда, с их точки зрения, мы — исчадье ада. Нужно обращаться к корню, к самому корню! Он есть, общий для всех существ. Зло для любой формы жизни все то, что мешает, вредит, угрожает ее существованию; добро — все, что ей благоприятствует. Так везде, под всеми солнцами, это очевидно, как дважды два, ибо в противном случае, перепутав знаки плюс и минус, жизнь обрекает себя на гибель. Ни одна цивилизация не может безнаказанно менять критерии “хорошо” и “плохо”. Поэтому у нас есть шанс, ненадежный, но им надо воспользоваться. Теперь решай.

Капитан задумался.

— Ты сам пойдешь? — В его голосе не было уверенности.

— Да.

— Ты можешь не вернуться.

— Я первый заварил эту кашу.

Мышцы затылка одеревенели от напряжения, но Эв не оборачивался. Он все время ощущал на себе взгляд, даже там, где на много метров вокруг не могло укрыться существо, крупнее мыши.

Всю силу своей воли он тратил на то, чтобы идти неторопливо. Он шел знакомыми переходами, которые казались теперь чужими и бесконечными. Собственно говоря, не шел, а балансировал на хрупком мосту надежд и недоказанных предположений, который мог рухнуть в любую секунду. Что ж, не он первый таким образом проверял прочность своих теорий.

Возле третьего или четвертого перекрестка он вынужден был остановиться, потому что в стене зияло сквозное отверстие. Так вот, значит, как они обходили ловушки! При мысли о том, сколько и каких коммуникаций находится в этих стенах, Эв содрогнулся. На полу лежала груда металлической пыли. Эв поднялся на цыпочки и заглянул внутрь отверстия. То, что он увидел, могло напугать кого угодно. Ни одна коммуникация не была повреждена, но все они были аккуратно обнажены, как сосуды на операционном поле. “Мы-то думали, что в любую секунду можем прихлопнуть их, как мух. Но почему, почему они разрешили мне это увидеть?”

“Потому что это ничего не меняет, — сам себе ответил Эв. — Потому что первая же наша попытка заделать отверстия будет парализована, — они перережут гомеостатические цепи, и двигатель…”

Об этом лучше было не думать.

Он засек еще два отверстия, прежде чем показалась массивная дверь витализационных камер. Он откатил ее и, не медля ни секунды, приступил к оживлению псевдогадов. Пока он манипулировал с аппаратурой, создавал в помещении воздух Биссеры, ему все время казалось, что дверь, которую он оставил открытой, вот-вот задвинется.

И когда он все закончил, когда животные скользнули в темные углы, забились там, ему захотелось прислониться к стене и закрыть глаза.

Но ему надо было еще кое-что сделать. Снять ловушки. Последний дружеский жест… Не воспримут ли они его как капитуляцию?

Эв оглянулся на выпущенных им существ. Какая-то тварь сопела за колпаком, но остальные сидели тихо, будто их не было вовсе. Шипели насосы, нагнетая инопланетный воздух. Бедные, парализованные страхом низшие существа чужой планеты. А каково было высшим, разумным? Что-то чудовищное обрушилось на них там, где они чувствовали себя в полной безопасности, занимались своими делами и не предвидели никакой беды, — разве что в последний миг их поразила падающая с неба тень. Затем ужас, мрак и пробуждение неизвестно где, в чужом и враждебном мире.

“Конечно, их первые действия были нелепы, — подумал Эв, затворяя дверь. — Впрочем, их поступки, возможно, нелепы лишь с нашей точки зрения. Рассудок они во всяком случае сохранили. Значит, не все потеряно. Для них… И может быть, для нас”.

Он тут же одернул себя. Нет никаких доказательств, что они правильно истолковали его поступок.

Никаких? Но ведь он до сих пор жив! Хватило бы у него самого выдержки в точно такой же ситуации, или он бы поддался соблазну покончить с врагом, коль скоро он сам идет в руки?

Цивилизация, диаметрально противоположная нашей. Обращенная внутрь себя цивилизация. Наглухо закрытый для нас мир, ибо мы не понимаем, как можно создавать все, что надо, из собственного тела, а им, видимо, невдомек, как можно жить иначе.

Да, чего-чего, а стандарта вселенная лишена.

Осталось семь неубранных ловушек. Пять. Две. Ни одной.

Эв возвращался обессиленный. Все так же сопровождали его невидимые глаза. Ничего не изменилось.

Нет, изменилось. Отверстия, мимо которых он шел, зияли, как прежде. Все, кроме последнего. Оно было заделано так аккуратно, что место, где оно находилось, выдавал лишь свежий блеск металла.

Описывая в пространстве чудовищную дугу, звездолет поворачивал к Биссере.

— Больше неприятностей не будет? — с надеждой спросил капитан.

— Не стоит заранее обольщаться, — ответил Эв. — Хорошее отношение способна понять даже гадюка. Но если бы мы очутились в их корабле, то мы бы сочли, что он устроен по принципу наших звездолетов. Нам вряд ли пришла бы в голову мысль, что это не корабль, а, скажем, чрево живого существа. Думаю, им не легче. Но поступки красноречивей слов, а действия друг друга мы, кажется, начали понимать. Все обойдется, Антон.

Действительно, все обошлось, хотя неприятностей было столько, что, когда люки, наконец, распахнулись, капитан вздохнул с таким облегчением, будто с плеч свалился по меньшей мере Эльбрус.

— Чего они медлят? — Нетерпение его дошло до точки, когда миновало более часа, а из люка никто не показался. — Не могут же они не чуять ветра родины?

Эв пожал плечами.

Но они появились. Они мячиком скатились по аппарели и тут же взмыли в зеленое ласковое небо Биссеры. Оно приняло их, но пробыли они в нем недолго.

— Чистые жеребята, — сказал капитан, глядя в бинокль на прыгающие по холмам живые шары.

— Кажется, я сообразил, почему они задержались, — заметил Эв. — Спустимся. Я буду очень разочарован, если моя догадка не оправдается.

— Вот, — он погладил металл, который свеже блестел там, где перед посадкой зияли дыры. — Они задержались, чтобы исправить свою ошибку, когда поняли, что мы исправили свою. Разум, он все-таки везде разум; без понимания других ему трудно уцелеть, но так ли?

Владимир Михановский
МАСТЕРСКАЯ ЧАРЛИ МАКГРОУНА

Городишко Тристаун невелик. Ратуша, массивный банк да еще, пожалуй, тюрьма — вот и все тристаунские достопримечательности. Жизнь в городе шла тихо, сонно… Сонно. Со снов все и началось.

1

Грузный, опустившийся Чарли и в эту ночь, как всегда, боялся уснуть. Около полуночи он опустил йоги в шлепанцы и поднялся наверх подышать свежим воздухом. Самодовольная луна щедро озаряла своим сиянием и плоские крыши коттеджей-близнецов, и шпиль ратуши, неуклюже торчащий поодаль, и змеевидную речонку, которая сейчас показалась Чарлзу полной таинственности. С речки тянуло сыростью н доносился оглушительный лягушачий концерт.

Возвращаться вниз, в неуютную холостяцкую комнату, не хотелось. В голову лезли невеселые мысли. Ничего-то он не скопил про черный день. Всю жизнь гнул спину на компанию. А что толку?

Чарли остановил задумчивый взгляд на внушительном банке, затем перевел его на темный куб тюрьмы и вздохнул. Нет, операция гортани ему явно не по карману. Правда, врач, взяв за визит свои пятнадцать монет, немного утешил Чарли, сказав, что болезнь не смертельна, но что это за жизнь, когда каждую ночь тебя мучают кошмары.

— Подумайте над операцией, — сказал врач.

Легко сказать — подумайте!

Чарли глянул на банк и снова вздохнул.

Сплюнул вниз на поблескивающую брусчатку мостовой.

Лучше что угодно, чем эта пакость. Едва смыкаются веки, как

приходит кошмар, от которого Чарли тотчас просыпается в холодном поту. Кто-то душит его костлявыми пальцами. Чарли изо всех сил старается вырваться, но тщетно. Он хватает жилистые руки врага, издает хриплый крик… И просыпается. И так каждую ночь.

Розовый купол через улицу ярко светился. Ночной клуб процветал. Ветерок доносил джазовые всхлипы, временами женский визг вперемежку с пьяными выкриками.

Ночная птица, хлопая крыльями, пролетела над террасой. Чарли протер веки, отгоняя дремоту.

А ведь Чарли Макгроун был когда-то, черт возьми, неплохим инженером!

Стало прохладно. Зевнув, Чарли запахнул плотнее халат и отправился в лабораторию, как он громко величал тесную клетушку, заставленную приборами и старыми инструментами.

Слава богу, есть работа. Миссис Джонсон принесла вчера утром руку, жалуется, что пальцы перестали сгибаться. Видно, опять что-то с координацией движении. Надо будет как следует проверить контакты. Конечно, что там ни говори, а своя рука лучше. С тех пор как миссис Джонсон ампутировали руку, года три тому назад, бедная миссис бессчетное множество раз обращалась к Чарли. Видно, негодяи из протезной компании подсунули ей низший сорт, выдав его за первый. Каждый раз перед переменой погоды руку крутило, рука нуждалась в непрерывном ремонте и замене деталей. У других клиентов Чарли были сходные истории. Но и то сказать: не будь в протезной компании негодяев — что бы жевал Чарли?

Часы пробили четверть четвертого.

Покончив с пластиковой рукой миссис, Чарли устало опустился на стул и привычно натянул наушники биопамяти; он очень любил вести дневник — вся нижняя полка шкафа была заставлена от корки до корки исписанными магнитными блоками. Блоки хранили — правда, неизвестно для чего — хронику жизни Чарли, обильно сдобренную его излияниями.

В оконце пробивался тусклый рассвет. Чарли снял наушники, раскрыл скрипучий шкаф и прибавил заполненный кубик блока к внушительной батарее прежних. “Здесь вся история моей жизни”, — подумал Чарли, осторожно прикрывая дверцу. Инженер Макгроун не был лишен тщеславия.

На выходе Чарли больно ударился об острый угол какого-то ящика. Чарли нагнулся и с усилием поставил на стол старый биоизлучатель. Макгроун купил его по случаю еще в те далекие годы, когда он работал в Уэстерне. С тех пор пользоваться излучателем Макгроуну не приходилось.

Чарли отер рукавом пыль с антенны.

Вздремнуть бы немного. Но опять придет этот кошмар.

А что, если?..

Пораженный неясной еще мыслью, Чарли бросился назад к шкафу и, рывком открыв дверцу, схватил первый попавшийся блок и вернулся к биопреобразователю. Руки старчески дрожали. В неверном утреннем свете Чарли едва разобрал выцветшую надпись, давным-давно сделанную им на блоке: “Запад. Лето. Мой первый отпуск”.

Пульт настройки… реле времени… Чарли чертыхнулся: средний нерв перегорел — придется сменить.

В общем, несмотря на чрезвычайную простоту идеи Чарлза Макгроуна, канители с избытком хватило н і целый день.

Зато последующую ночь Чарли впервые спал спокойно. Его никто не душил. Макгроуну снились клеверные луга под далеким Питерстауном, в котором Чарли работал много лет назад, ароматные поля Западного побережья и ласковые руки мисс Шеллы.

Макгроун проснулся с блаженной улыбкой. Утренний городишко еще дремал. По улице проехал реабиль, доверху груженный бревнами, и Чарли, чихнув от пыли, с неудовольствием прикрыл окно.

В прихожей звякнул звонок.

— Доброе утро, Чарли, — сказала миссис Джонсон. — Как моя рука?

— Что можно, я сделал, — сказал Макгроун. — По конструкция центрального нерва, как вы знаете, слишком неудачна…

— Замучила она меня, — пожаловалась миссис Джонсон, беря под мышку розовую руку, — Ноет и ноет.

— Купите новую, — посоветовал Чарли, наверно, в двадцатый раз.

— Новая дорого стоит, — сказала, как всегда, миссис Джонсон.

Макгроун промолчал.

— Поверите, даже во сне не дает покоя… — сказала миссис Джонсон.

— Во сне? — оживился Чарли. — Да вы присядьте…

— Знаете, Макгроун, ночью даже хуже, чем днем, — сказала она. — Днем как-то забываешься…

— А хотели бы вы, чтобы ночью рука вас не мучила? — спросил Чарли с загадочной улыбкой.

— Хотела бы? Господи! Да я бы все отдала! — воскликнула миссис Джонсон.

— К чему все? Это будет стоить гораздо дешевле, — заметил Чарли. — Вы будете видеть сны.

— Сны?.. — разочарованно протянула миссис Джонсон.

— Да, сны, какие только вы захотите. И вы забудете обо всем…

Миссис Джонсон молчала, не зная, что сказать.

— Что бы, к примеру, вы пожелали увидеть сегодня ночью? — опросил Чарли.

2

— Я заказала на три часа пополуночи воскресную проповедь преподобного Мартина, — сказала седая дама, набожно закатывая глаза, — а вместо этого вы подсунули мне бон быков…

— Вероятно, произошло небольшое смещение…

— Может быть, по-вашему, преподобный Мартин и бык — это одно и то же? — не слушая, закончила дама заготовленную тираду.

— Я этого не говорил, — улыбнулся Макгроун.

— Еще чего не хватало! — на миг дама задохнулась от негодования.

— Однако согласитесь, что все ваши предыдущие заказы…

— Но быки, понимаете — быки! — седой хохолок дамы трясся от возмущения.

— Надеюсь, это больше не повторится, — сказал Макгроун примирительно. — Видите ли, сейчас столько заказом со всего Тристауна…

— Я понимаю, — сказала дама.

— Может быть, вы больше не хотите?.. — сказал Макгроун, сделав нетерпеливый жест.

— О, что вы, мистер Чарлз! — испугалась дама. Она положила на стол аккуратно запечатанный конверт и сказала: — Я хотела бы сегодня ночью увидеть покойного мужа… — Она на минуту умолкла и поднесла кружевной платочек к глазам.

— Есть у вас его фото? — спросил Чарли.

— Конечно, я ведь знаю… — засуетилась дама. — Я ведь знаю. Пожалуйста! — Она протянула Макгроуну выцветшую фотографию.

На Чарли слегка презрительно смотрел худощавый широкоскулый мужчина в новенькой, с иголочки, форме космонавта.

— Что ж, это можно, — сказал Макгроун, кладя фотографию на конверт.

— О, благодарю вас! — просияла дама и направилась к

двери.

— Следующий! — крикнул Макгроун в коридор. Едва не столкнувшись с дамой, в комнату вошел крутоплечий парень спортивного вида.

— Опять в кредит? — сурово сказал Макгроун.

— Честное слово, в последний раз, мистер Чарлз, — виновато улыбнулся парень.

— Чего ты хотел на ночь?

— Заказ прежний, — сказал парень, глядя на Чарли. — Какой-нибудь необитаемый остров. Чтобы не было никого. И тишина… Этот проклятый конвейер доведет меня скоро до сумасшествия, это точно.

— Ладно, — сказал Макгроун. — Подыщем тебе остров. Ты живешь там же?

— Да, координаты прежние.

— Ну ступай.

Обрадованный парень быстро пошел к выходу, видимо боясь, что Макгроун может передумать.

— Вот что, — сказал Макгроун вдогонку, — скажи там, что сегодня я больше не принимаю. Все. Лавочка закрыта.

Из раскрытой двери послышался недовольный гул голосов.

— Тридцать заказчиков — предел, — провозгласил Макгроун, держась обеими руками за створки. — Вас много, а я один. Приходите завтра с утра пораньше.

— Сейчас моя очередь, — сказала молодая девушка с бледным лицом. — Может быть, вы меня примете?

— Нет, дорогая, ничего не выйдет. И так мощность на пределе, — сказал Макгроун и закрыл дверь.

Макгроун не соврал. Его биопередатчик каждую ночь работал на полную мощность, и все-таки выполнить все заказы Чарли был не в состоянии. Поток их, подобно снежной лавине, возрастал с каждым днем. Тот хотел по соответствующему тарифу повидаться во сне с другом детства, давным-давно затерявшимся в жизненном круговороте. Другой желал поохотиться в джунглях, как это описывается в завлекательной книжке. Третий интересовался — с познавательной целью — увеселительными заведениями на Монмартре… И так до бесконечности.

Надо сказать, не все посетители уходили от Макгроуна удовлетворенными. Некоторым приходилось отказывать. Это происходило в тех случаях, когда Макгроун не располагал необходимой информацией. Такое иногда бывало, хотя книжные полки Чарлза ломились от толстенных справочных томов и рулонов кинопленки. И текущий счет… Чарли подошел к окну и с удовлетворением остановил взгляд на солидном здании банка.

Все шло хорошо, и только досадный случай с седой дамой слегка испортил Чарли настроение.

Через полгода инженер Чарлз Макгроун переселился в новый, солидный особняк. Прежний владелец особняка — фабрикант фотоэлементов для роботов — разорился, не выдержав конкуренции. Неудачливый фабрикант переехал в пригород, выговорив себе у Макгроуна пожизненное право заказывать любые сны, по выбору.

К этому времени предприятие Чарлза Макгроуна настолько разрослось, что штат из добрых трех десятков подручных еле-еле справлялся с наплывом заказов. Свое изобретение Макгроун продолжал держать в строгом секрете. Новые усовершенствованные биопередатчики были установлены в глубоком подвале, окна которого еще прежний владелец укрепил бронированными решетками. Не удовольствовавшись этим, Макгроун установил дополнительно еще и электростатическую защиту, так что даже воробей не мог теперь безнаказанно подлететь к окнам таинственного подвала.

С некоторых пор невооруженным взглядом можно было заметить, что темп жизни в Тристауне явно замедлился.

Рано вечером жизнь в городе замирала. Улицы становились все малолюднее. Каждый торопился домой — поскорее добраться до постели, позабыть на время дневные тяготы и заботы и встретиться во сне с теми, кто дорог и мил, с теми, кого давно уже нет.

Резко упал интерес ко всякого рода зрелищам. Кинозалы пустовали. Увеселительные заведения лопались одно за другим, словно мыльные пузыри. Знаменитым кафешантан “Розовый купол”, близ которого Макгроун жил с год назад (лучше сказать, не жил, а прозябал), прогорел — не стало клиентов, а его хозяин пустил себе пулю в лоб.

Сильно упал спрос на видеозоры. К чему торчать по вечерам у экрана, убивая время на идиотские зрелища? Можно лечь спать, предварительно на нужное время заказав у доброго Чарли все, что только душе угодно, и притом за умеренную плату.

Зрелищные компании подняли было возню, намереваясь возбудить судебное дело против Макгроуна, которому пришлось пережить немало неприятных минут. К счастью, шум быстро замяли фармацевтические фирмы, доходы которых необычайно возросли. Фирмы не поспевали производить снотворные таблетки, которые расхватывали молниеносно. Спрос на таблетки непрерывно возрастал, так как каждому, естественно, хотелось но возможности продлить приятные минуты. Некоторое время Макгроуну удавалось с помощью солидных взносов утихомирить

тлеющие страсти, однако так не могло продолжаться долго.

3

— Эй ты, суррогат! — окликнул Макгроун, отрываясь от деловых бумаг.

Перед Чарли немедленно выросла статная фигура с застывшей улыбкой на пластиковом лице.

— Сигару! — сказал Чарли.

Робот заученно-подобострастным движением протянул хозяину роскошную сигару, но закурить Чарли не успел. Дверь кабинета без стука распахнулась, и на пороге появились двое верзил в небесно-голубой форме полиции.

— Чарлз Макгроун? — сказал один из них, пристально глядя на владельца кабинета.

Чарли побледнел.

— Вы не ошиблись, господа, — изрек важно робот все с той же улыбкой, казавшейся приклеенной.

— Вы арестованы, — сказал один из вошедших. Он локтем отодвинул робота и шагнул к Чарли.

— …Итак, подсудимый Макгроун, вы отказываетесь признать себя виновным?

— В чем виновным? — невозмутимо спросил Макгроун, не обращая внимания на суетящихся репортеров.

— В том, что предосудительными действиями чрезмерно продлили время сна граждан Тристауна, чем вызвали хаос в деловой жизни города.

— Но, почтенные судьи, я вовсе не старался удлинить время сна. Я всего лишь выполнял заказы, о которых здесь говорилось. Заказы на сны. Свобода предпринимательства…

— Так кто же, по-вашему, виноват? — перебил его прокурор. — Кто вызвал в Тристауне “сонную опасность”, которая грозит перекинуться на всю страну?

— Виноваты фабриканты снотворного, — сказал Макгроун.

По залу пронесся шумок.

— Однако же не кажется ли вам странным, Чарлз Макгроун, что до появления вашего предприятия снотворные пилюли не были в таком ходу? — язвительно заметил прокурор. — Вся вина лежит на вас, Чарлз Макгроун.

— Со всей торжественностью заявляю: я ни в чем не виноват! — Макгроун неожиданно перешел на крик.

Присяжные недоуменно переглянулись.

— Да вы, если хотите знать, не судить меня должны, а поставить мне памятник при жизни! — продолжал Макгроун. —

Вписать мое имя золотыми буквами в книгу почетных граждан Тристауна!

Битком набитый зал напоминал теперь растревоженный улей. Такое не часто услышишь! Слепящие вспышки юпитеров освещали вдохновенное лицо Макгроуна и его протянутую руку.

— Я приносил людям радость! — гремел Макгроун.

— Но только во сне, — успел вставить прокурор.

— Да, во сне! — подхватил Макгроун. — А кто виноват, что они не видят ее наяву?

— Прекратить! — завизжал судья, но Макгроун уже закусил удила.

— В сны люди уходили, чтобы хоть немного отдохнуть от горестей и забот, от адского грохота и безумного ритма, который несет с собой атомная цивилизация. Я создал мастерскую радости…

— Призрачной! — выкрикнул прокурор.

— А вы можете предложить им другую? — сказал Макгроун, широким жестом обведя зал.

— Заседание прекращается! — завопил судья.

Сто двадцать дней длился процесс. Были опрошены сотни свидетелей — клиентов Макгроуна, созданы десятки пухлых томов, приобщенных к делу.

Потом адвокаты Макгроуна обжаловал и решение суда. В свою очередь, новое решение обжаловали адвокаты противной стороны, предводительствуемой могущественной фирмой “Экранируют и компания”.

В поединок вступили силы, по сравнению с которыми Макгроун представлял собой не более чем пешку.

До окончательного решения заведение Чарлза Макгроуна опечатали. Чарли давно разорился. В счет погашения судебных издержек ему пришлось поступить рассыльным в контору фирмы “Фармако и компания”, выступавшей в защиту Макгроуна.

Жители Тристауна часто встречают на улицах городка его сутуловатую фигуру. Чарли быстро шагает, стараясь не глядеть на окружающих. Большая поливиниловая сумка, перекинутая через плечо, хлопает его по боку в такт торопливым шагам.

Юрий Тупицын
ХОДОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Транспланетный рейдер “Вихрь” готовился к старту ходовых испытаний. Матово поблескивая черным бронированным корпусом, он лежал на стартовом столе, нацелившись острым носом на Полярную звезду, а под ним неторопливо вращалась громада старт-спутника, казавшаяся снежно-белой в яростных лучах космического солнца.

Командир рейдера Ларин, опоясанный страховочными ремнями, сидел за ходовым пультом корабля, то и дело поглядывая на циферблат хронометра. В ходовой рубке было непривычно тихо, сиротливо стояли пустые кресла вахтенной группы. Ходовые испытания есть ходовые испытания. Они проводятся по однообразной и простой программе в непосредственной близости от старт-спутника. Задействовать для ее выполнения весь экипаж нет никакого смысла, особенно если учесть известный элемент риска. Вот почему в ходовой рубке рейдера так пустынно и тихо, вот почему экипаж гигантского корабля сейчас до смешного мал — командир да инженер-оператор, разместившийся далеко от него, в кормовом отсеке, у самого сердца рейдера — плазменного реактора.

— “Вихрь”, я “Спутник”, — послышался неторопливый бас руководителя испытаний, — как меня слышите?

— “Вихрь” на приеме. Слышу хорошо, — ответил Ларин.

— Андрей Николаевич, — проговорил руководитель, подчеркивая этим обращением неофициальность разговора, — вы опаздываете с запуском уже на две минуты.

— Опаздываем, — невозмутимо согласился Ларин.

— Вы бы поторопили своего Шегеля!

Ларин усмехнулся.

— Пусть повозится. Я предпочитаю, чтобы экипаж возился до старта, а не после него.

— Всему есть пределы, — сердито сказал руководитель испытаний и отключился.

Ларин снова усмехнулся, подумал и перешел на внутреннюю связь.

— Как у вас дела, Олег Орестович? — спокойно спросил он.

— Все в порядке, — флегматично пропел тенорок Шегеля. — Ну и намудрила же фирма с замком для ремней!

— К старту готовы?

— Готов! — бодро откликнулся оператор. Ларин перешел на внешнюю связь.

— “Спутник”, я “Вихрь”. Прошу запуск.

— “Вихрю” запуск разрешаю, — удовлетворенно пробасил руководитель испытаний.

— Понял, — ответил Ларин и подал команду оператору: — К запуску!

— Есть к запуску! — откликнулся Шегель.

Пока оператор делал подготовительные включения, Ларин уселся в кресле поудобнее, подтянул привязные ремни и внутренне подобрался — запуск плазменного реактора не шутка. Эти компактные сверхмощные ядерные машины открывают перед космонавтикой невиданные перспективы, но они еще не доведены до кондиции и полны эксплуатационных загадок. Иногда на них находит, и они начинают капризничать, да так капризничать, что становится жарко. Недаром испытания плазменных реакторов разрешены только в космосе на высоте не менее пятисот километров от Земли. Только после двухчасовой обкатки можно составить определенное мнение о годности реактора. Для этого, собственно, и проводятся ходовые испытания.

— Реактор подготовлен, — доложил Шегель.

— Запуск!

Ларин откинул пластмассовый предохранительный колпачок и нажал пусковую кнопку. Вот и все действия, которые должен выполнить командир, остальное — дело автоматики. Ларин смотрел на контрольное табло, на индикаторах которого одна за другой проходили управляющие команды. Подчиняясь этим командам, из горячей зоны реактора в строго рассчитанном темпе выходит сетка стоп-устройства, и в ней начинает циркулировать могучий плазменный поток. Мощность его должна быть строго определенной, чуть меньше — реактор недодаст десятки процентов мощности, чуть больше — плазма пробьется сквозь защиту, и реактор начнет капризничать. Ну а если плазма повредит автоматику, то будет совсем худо. Но если думать об этом, то лучше вообще не садиться в кресло испытателя.

Размышления Ларина прервала контрольная лампа реактора — сигнализируя о нормальном запуске, она вспыхнула ярким зеленым светом. Ларин облегченно вздохнул, поправил наушники и стал ждать доклада Шегеля. Нормальный запуск — понятие относительное. Только оператор, вооруженный специальными приборами и еще больше — специальными знаниями, может дать окончательное заключение о работе этой сложнейшей ядерной машины. Прошло десять секунд, потом еще десять. Ларин нетерпеливо шевельнулся и собрался было уже запросить, в чем дело, когда послышался спокойный тенорок Шегеля:

— Не нравится мне реактор, Андрей Николаевич.

Брови Ларина сдвинулись.

— А конкретнее?

— Во время запуска было три заброса активности и сбой с повторением операции. Мне кажется, где-то есть утечка плазмы.

Ларин слушал оператора с большим вниманием. Конечно, Шегелю еще далеко до классного оператора-космонавта. Плазменная техника развивалась так бурно, что специалистов не хватало. Многим научным работникам пришлось покинуть институты, лаборатории и отправиться в космос. Одним из них был и Шегель. В нем еще крепко сидит закваска кабинетного ученого, зато он великолепный знаток своего дела. Когда Ларин выбрал его в напарники для испытаний, многие удивились, а кое-кто прямо заявил Ларину, что он делает серьезную ошибку. Но Ларин только посмеивался: он знал, что делал. Шегель был одним из соавторов проекта ходового плазменного реактора и знал его как самого себя. Инженером-оператором он стал как-то неожиданно. Поговаривали, что это связано с некой романтической историей. Краем уха Ларин слышал: у Шегеля была неудачная любовь. Он отправился в космос якобы для того, чтобы доказать ей, а может быть, и самому себе, что он не только способный кабинетный ученый, но и настоящий мужчина. Ларин не знал, правда ли это. Он не любил копаться в интимной жизни других людей, а сам Шегель никогда не заговаривал на эту тему. Во всяком случае, подобные акты самоутверждения характерны для людей шегелевского толка. Как бы то ни было, Шегель был превосходным специалистом, и Ларин его слушал с большим вниманием. Когда оператор обстоятельно высказал все, что он думает о капризах своенравной машины, Ларин невозмутимо спросил:

— Каковы ваши предложения?

— Предложения? — с ноткой недоумения переспросил Шегель.

— Предложения, — подтвердил Ларин, — будем продолжать испытания или стоп реактору?

Шегель кашлянул и замялся. Да Ларин и сам хорошо знал, как это не просто произнести — стоп реактору! Ну хорошо, во время запуска реактор забарахлил, но он все-таки вышел на рабочий режим! Остановить реактор — значит, по крайней мере, на сутки задержать испытания, результатов которых, прямо-таки сгорая от нетерпения, ждут специалисты. Мало того, остановить реактор — значит косвенно выразить недоверие группе плазменников, которая готовила реактор, дать возможность кое-кому заподозрить тебя, мягко говоря, в излишней осторожности, да и вообще поставить на карту свое реноме испытателя!

Конечно, если в реакторе действительно обнаружатся неполадки, все эти соображения гроша ломаного стоить не будут, но поди-ка узнай — есть там неполадки или нет! Если бы это было известно заранее, незачем было бы проводить и сами испытания.

— Стоп реактору — это, конечно, слишком, — проговорил наконец Шегель, — а вот прогнать его на всех режимах вплоть до форсажа стоит.

— Резонно, — согласился Ларин и нажал кнопку внешней связи.

— "Спутник", я "Вихрь". Имею арегулярность работы реактора в пределах допусков. Прошу пробный выход на форсаж.

— Понял, ждите.

Через десять секунд послышалась скороговорка главного плазменника:

— "Вихрь", прошу на связь оператора.

— Оператор слушает, — отозвался Шегель.

— Что там стряслось, Олег Орестович?

Между инженерами начался оживленный разговор, столь густо пересыпанный специальными терминами, что разобраться в нем могли лишь посвященные. Ларин вначале прислушивался с интересом, потом потерял нить рассуждений, запутался и заскучал. Нечаянно, боковым зрением он заметил, как контрольная лампа реактора, горевшая зеленым светом, вдруг сменила его на желтый и начала мерно мигать. Секунду Ларин смотрел на нее, ничего не понимая. Потом с некоторым усилием и скрипом воспринял случившееся — реактор вышел на форсаж! Вышел на форсаж, хотя Ларин слышал все еще продолжающуюся дискуссию о том, можно и целесообразно ли производить эту операцию! Что-то случилось. Что? Неисправность сигнализации? Ошибочное механическое действие Шегеля? Или самопроизвольное возрастание активности?

— Оператор, — вклинился Ларин в разговор специалистов, — проверьте режим реактора!

— Режим? — удивился Шегель и замолчал. — Реактор на форсаже, — удивленно доложил он через секунду, — это вы включили?

Этот вопрос разом все поставил на свои места. У Ларина екнуло сердце и засосало под ложечкой. Страх, самый обыкновенный страх. Случилось самое неприятное из того, что может вообще случиться на ядерном корабле, — реактор пошел вразнос, подбираясь к бесконтрольному режиму, который закономерно венчается сверхмощным взрывом. Привычным, давно отработанным усилием воли Ларин загнал страх в самые

подвалы сознания. С этого момента Ларин словно раздвоился. Один Ларин, командир рейдера и опытнейший испытатель, действовал четко, продуманно, не теряя напрасно ни одного мгновения, а другой, живой, чувствующий Ларин смотрел на него со стороны и, вообще говоря, не совсем верил в происходящее. Авария реактора? Чепуха! Не может наяву случиться такая нелепость!

— Стоп реактору, — коротко приказал Ларин и вышел на внешнюю связь.

— “Спутник”, я “Вихрь”. Авария реактора. Тревога!

— Что вы говорите? — изумился главный плазменник.

В наушниках что-то клацнуло, видимо, руководитель испытаний задел за тангенту, выхватывая из рук инженера микрофон.

— “Спутник” понял, — послышался его торопливый голос, — объявляю тревогу!

Ларин следил за контрольным табло. На индикаторе одна за другой пробегали стоп-команды: первая, вторая, третья. Ларин был уже готов сбросить с плеч невидимый тяжкий груз, но четвертая? Четвертая, главная? Зависла, проклятая! Неужели автоматику успело сжечь?

— Отказ стоп-системы, перешел на аварийную, — с некоторым недоумением доложил Шегель.

Он еще не осознал до конца, что произошло.

— Тревога объявлена, — послышался подчеркнуто спокойный бас руководителя испытаний.

Ларин знал, что скрывается за этим спокойствием: пронзительный вой сирен, яркие мигающие надписи: “Ядерная тревога!”, вереницы людей, спешащих под защиту лучевых экранов, щелканье герметически закрывающихся переборок и молчаливые, сосредоточенные спасатели, натягивающие скафандры высшей защиты. А четвертая, решающая команда снова зависла, зависла, проклятая!

— Отказ аварийной, перешел на дубль! — прокричал Шегель.

Вот когда случившееся стало раскрываться перед ним во всей своей грозной неотвратимости!

— “Вихрь”, я “Спутник”. Уточните ситуацию.

— Ждите! — отрезал Ларин.

Он не спускал глаз с контрольного табло. Сейчас за считанные мгновения должна была решиться судьба “Вихря”. Единственный шанс оставался для его спасенья. Шегель привел в действие дубль-аварийную стоп-систему. Она сработает напрямую, от аккумуляторов, минуя блок автоматики. Все четыре стоп-команды при этом проходят разом. Правда, реактор после

этого подлежит обязательной переборке, зато вероятность срабатывания стоп-системы возрастает во много раз. Если сетку не успело сжечь, реактор остановится!

Но он не остановился.

— Отказ дублю! Реактор вышел из-под контроля! — выкрикнул Шегель.

Все, рейдер обречен… Взрыв реактора неизбежен. Теперь Ларин должен сделать так, чтобы этот взрыв наделал как можно меньше бед.

— “Спутник”, я “Вихрь”. Реактор вышел из-под контроля. Обеспечьте старт.

— Понял. Старт разрешаю.

Ларин снял рейдер со стопоров и выжал ходовую педаль Легкая перегрузка, и стрелки приборов дали знать, что корабль тронулся с места.

— Реактор вышел из-под контроля! Вы меня поняли? Реактор вышел из-под контроля! — кричал между тем Шегель.

Похоже, сорвался и потерял голову. Да разве мудрено? Ядерный взрыв неизбежен. Только спокойно, от старт-спутника надо отойти на самом малом ходу, а то выходная струя двигателя наделает немало бед.

— Понял, Олег Орестович, — будничным тоном ответил он Шегелю. — Сколько до взрыва?

— Мало! Реактор неуправляем!

— Точнее. Сколько до взрыва, — холодно сказал Ларин.

— Это… это надо посчитать по производным.

— Посчитайте.

— По… понял.

Старт-спутник остался в стороне. Ларин довернул рейдер на маяк входных ворот зоны испытаний и прибавил ход.

— Я “Вихрь”. Освободите первую зону.

— Зона свободна.

Теперь остались пустяки. Надо катапультировать экипаж, пройти ворота зоны, дать кораблю самый большой ход и катапультироваться самому. В защитной капсуле. Остальное — дело спасателей. Но Шегеля катапультировать рано, он еще нужен.

— Я “Вихрь”. Готовьтесь принять оператора.

— Понял. Спасательный бот следует за вами.

Хотя бы раз использовался этот бот по своему прямому назначению? А теперь пробил и его час, придется лезть в самое пекло. Как только не называли этот курбастенький кораблик охочие до шутки и острого словца космонавты! “Колобок”, “черепаха”, “бронтозавр”. Истинно “колобок”! Корпус у него

больше метра толщиной, он и термоядерное облако проскочит.

— Командир, до взрыва сто девяносто плюс-минус пять секунд, — четко доложил Шегель.

Молодчина, взял себя в руки! Ларин пустил секундомер и вышел на внешнюю связь.

— Я “Вихрь”. Подхожу к зоне. Имею резерв три минуты.

— Понял, три минуты.

Большая стрелка десятисекундника резво бегала по циферблату. Оборот — десять секунд. Еще семнадцать оборотов с лишним успеет она сделать, а потом “Вихрь” превратится в раскаленное ничто, в маленькое злое солнце, испепеляющее все вокруг.

— Бот, я “Вихрь”. Готовьтесь принять оператора.

— Я бот, понял. Иду рядом, слежу за вами.

— Андрей Николаевич, — послышался возбужденный голос Шегеля, — есть выход!

Это было как гром среди ясного неба!

— Выход? — оторопело переспросил Ларин.

— Можно попробовать “заморозить” реактор ходом. Форсажным ходом! Гарантия успеха — процентов тридцать пять!

— Понял! Все понял!

Как это просто! Почему он сам не додумался до этого? И почему до этого вообще никто не додумался? Может быть, потому, что “замораживать” аварийный реактор — это все равно что ходить по краю пропасти с завязанными глазами?

При разгоне корабля из горячей зоны реактора с колоссальной скоростью выбрасывается плазма, а поэтому активность этой зоны на ходу заметно меньше, чем при холостой работе, когда плазма “варит” самое себя без всякой полезной отдачи. Это все давно известно. Если, например, с места резко дать сразу максимальный, форсажный ход, то утечка плазмы будет такой большой, что температура горячей зоны может упасть ниже нормы, и тогда термоядерная реакция прекратится. Реактор остановится, “замерзнет”, как говорят специалисты.

Да, все это давно известно, но вот Шегеля озарило, и он понял, что можно “заморозить” не только нормальный, но и аварийный реактор. А почему бы и нет? Попытаться сбросить готовую взорваться, закритическую плазму через рабочее сопло, гонять рейдер на форсаже до тех пор, пока реактор не “замерзнет”. А уж если ничего не выйдет, то в самый последний момент катапультироваться в защитной капсуле. Конечно, полностью от проникающей радиации она не защитит, и он получит добрую порцию рентген, но ведь для чего-то существует и медицина! А разве красавец рейдер, над созданием которого

три года работали лучшие инженеры Земли, не стоит риска?

Да, это будет бег по краю пропасти, риск, расчет на удачу, игра! Даже не игра, а бой. Встречный бой со стихией, рвущейся на свободу из-под контроля человека. Вряд ли честно от этого боя уклоняться.

— Командир, рискнем? — азартно спрашивал Шегель.

Ларин бросил взгляд на секундомер. Время еще есть, две с лишним минуты. И принял решение.

— Бот, я “Вихрь”. Катапультирую оператора.

— Бот понял, готов.

Какое-то мгновение Ларин помедлил.

— Олег Орестович, катапультируйтесь.

— А… а вы?

— Попробую заморозить реактор.

— Но это… нечестно! Реактор — мое дело! Я остаюсь!

Он прав, он тысячу раз прав! И все-таки Ларин не мог оставить его на борту. Дело было даже не в человеколюбии и благородстве. “Замораживание” аварийного реактора требовало отдачи на самую грань возможного. Одним своим присутствием на борту Шегель связал бы ему руки. Ларин не сделал бы и половины того, на что был потенциально способен.

— Оператор, — раздельно сказал он, — немедленно катапультируйтесь.

— Понял, — дрожащим от обиды голосом ответил Шегель.

Послышался легкий щелчок — это были отстреляны узлы крепления кресла оператора, а потом хлопок. Ларин проследил по экрану за траекторией полета капсулы и, убедившись, что все в порядке, облегченно вздохнул. Он остался на корабле один.

— Бот, оператор катапультирован. Меня не ждите.

— Я бот, оператора принимаем. Вас не понял.

Ларин не стал повторять, не было времени.

— Я “Вихрь”. Имею резерв две минуты. Стартую, пробую заморозить реактор.

И хотя все уже было решено, какое-то короткое мгновение Ларин помедлил. Не то чтобы он колебался: пути назад не было. Просто бой за рейдер требовал отличной формы, надо было принести себя в порядок, собраться. Так медлит штангист, уже нагнувшись и обхватив гриф штанги с рекордным весом.

— “Вихрь”, вам одна минута. Затем срочное катапультирование!

— Понял. Пошел, не мешайте.

Ларин энергично выжал ходовую педаль. Тело сразу налилось свинцом, отяжелели веки, отвисли щеки, в глазах поплыл туман… А вот и темнота! Мгновение, и Ларин убрал ногу с педали. Рейдер

рывком вышел на малый ход, провал в сознании длился доли секунды. Так и было задумано. Однако желтая лампа реактора мигает по-прежнему. А ну еще раз!

Да, так и было задумано. Ларин сознательно шел на риск, на тонкое балансирование на самой грани дозволенного. Он знал, что сбить накал реактора, а потом и “заморозить” его можно только максимальным ускорением рабочего тела. Надо было жать на ходовую педаль, жать до потери сознания в самом буквальном смысле этого слова. Но в самый последний, критический момент надо было остановиться! Стоило пропустить это мгновение, стоило чуть затянуть перегрузку, как темнота в глазах могла перейти и полную потерю сознания, а в такой обстановке это было равносильно катастрофе. Такая балансировка на самой грани допустимой перегрузки была смертельно опасной, требовала абсолютного самообладания и уверенности в себе, но только она одна и повышала существенно вероятность успеха в этом бою.

Ларин сделал не менее десятка попыток, когда, вынырнув из темноты мгновенного небытия, заметил на приборной доске уже не желтую, а зеленую контрольную лампу. Он-таки сбил накал реактора!

Ларин прокричал “ура”, и в тот же самый момент до его слуха донесся подчеркнуто спокойный, требовательный голос руководителя испытаний:

— Ларин, я “Спутник”. Катапультируйтесь.

Все, резервное время кончилось, надо выходить из боя. И это в тот самый момент, когда удалось сбить накал! Лучше бы тогда и не начинать, легче было бы бросить корабль. Ведь Ларин уверен — еще немного, и реактор “замерзнет”. А так — все напрасно: термоядерная реакция не потухла, плазма продолжает нагнетаться, и стоит дать реактору небольшую передышку, как он снова выйдет на закритический режим.

А что, если попробовать еще раз?

— Ларин, срочно катапультируйтесь!

Один-единственный, последний раз?

— Ларин! Немедленно катапультируйтесь!

Нет, преступно не использовать последний шанс! Ларин щелчком выключил радиостанцию — ведь просил не мешать — и снова энергично выжал ходовую педаль. Когда потемнело в глазах, он не отпустил ее, как это делал в прошлых попытках, а прижал еще чуточку. Ту самую чуточку, которой, может быть, и не хватало все это время. Он ведь знал, что реактор вот-вот “замерзнет”.

Очнулся он не сразу, а словно просыпаясь после глубокого

сна. Очнулся и некоторое время недоуменно смотрел на приборную доску. Потом разом вспомнил все, и сердце у него екнуло — значит, все-таки не удержался на тонкой грани дозволенного. Глаза его привычно обежали контрольные приборы и остановились на ярком красном огне. Это был злой, угрожающий сигнал. Глядя на него, Ларин понял, что проиграл бой. Проиграл в самый последний момент, когда победа была рядом, рукой подать. Проиграл бездарно — перестарался. Пока он был без сознания-, реактор успел выйти на закритический режим. Взрыв реактора мог произойти буквально каждый миг, катапультироваться бессмысленно.

Странно, но Ларин не испугался. Он был слишком измотан, чувства его притупились так, словно по ним прошлись грубым рашпилем. Глаза заливал пот, от перегрузок ныли кости, голова была тяжелой, как после бессонной ночи. Что взрыв? Это не страшно. Он ничего не успеет почувствовать. Просто исчезнет. В тысячные доли секунды температура подскочит до нескольких сот миллионов градусов. Все испарится — реактор, рейдер и он, Ларин. Все превратится в первозданные атомы. Ларин закрыл глаза и обессиленно откинулся на спинку кресла.

И вдруг теперь, когда борьба была уже завершена, когда Ларину ничего больше не оставалось, как сидеть и ждать неизбежного, страх смерти внезапно и властно затопил каждую клеточку его большого, живого тела. Он не хотел умирать! Это было жестоко и несправедливо! Стискивая челюсти до боли в зубах, Ларин из последних сил сдерживал ужас перед небытием. “Скорее же, скорее!” — торопил он и молил ядерный взрыв. Но взрыва все не было.

Тогда он открыл глаза и как в тумане увидел перед собой приборную доску. Пот залил глаза и мешал видеть. Ларин тряхнул головой и почувствовал, как бешено, мощными толчками забилось сердце. Контрольная лампа реактора не горела. Не горела совсем! Реактор “замерз”! Красный сигнал горел на щитке командной радиостанции. Он горел потому, что его звал, умолял ответить и никак не мог дозваться старт-спутник. Только измотав себя перегрузками, Ларин мог попасть в такой просак!

Ларин потянулся к выключателю радиостанции, но рука не послушалась. Она была чужой, незнакомой. Она крупно дрожала, и Ларин ничего не мог поделать с этими странными, не своими движениями. Нахмурив брови, он с трудом подчинил себе руку и дотянулся до выключателя.

— Ларин! Немедленно катапультируйтесь! — кричал руководитель испытаний.

Прямо ладонью Ларин вытер лицо и, откинувшись на спинку

кресла, передохнул. Потом нажал кнопку внешней связи.

— “Спутник”, я “Вихрь”, — начал Ларин и замолчал, удивляясь тому, каким огромным и неповоротливым стал у него язык.

— “Спутник”, я “Вихрь”, — повторил Ларин, старательно выговаривая каждое слово, — реактор заморожен. Хода не имею. Прошу буксир.

После мгновения изумленной тишины космос взорвался пестрым хором голосов и криков. Говорили и кричали разом и руководитель испытаний, и его дублер, и спасательный бот, и главная радиостанция старт-спутника, и даже контрольная радиостанция самой Земли.

— Ура!..

— Молодчина, Андрей!

— Победа!

— Слава Ларину!

А потом глухо прозвучал чей-то слабый, сдавленный голос, и наступила оглушающая тишина. Только слабый шорох космических помех, шепот далеких звезд нарушали ее. И в этой тишине все тот же слабый голос с трудом проговорил:

— Ан… Андрей Николаевич!

Ларин узнал голос Шегеля.

И устало улыбнулся.

Виталий Мелентьев
ШУМИТ ТИШИНА

Ночной разговор начался с моего утверждения, что Азовское море — самое земное из всех. Соединенное бесчисленными проливами с океаном, оно глубоко врезается в толщу Европейского континента.

Иные даже утверждают, что оно как бы не море, а скорее озеро — вода в нем малосоленая, в нем нет приливов и отливов, нет и коренных морских обитателей.

И все-таки оно море!

От его серой ласковой воды пахнет йодистым простором и свежестью, звезды над ним яркие и четкие. Под шум азовских волн на человека накатывает необычное созерцательное состояние, когда мысли и образы рождаются словно бы не в мозгу, а где-то внутри тела. Мнятся невиданные, угадываемые создания, сердце распирает тоска о неизведанном, или, точнее, изведанном, но забытом. Словно возвращается время детства и ранней юности, когда запросто летал или плавал в выдуманном — родня и ровня всему неясному, что было вокруг.

Вокруг Азовского моря — безбрежные, как океан, теплые и ласковые степи. Так, вероятно, выглядел берег той обетованной земли, на которую вышли рыбообразные предки. Ведь не могли они, безногие, бескрылые, выползти на скалы, на каменную осыпь — колючую и обжигающую днем, замораживающую ночью.

Азовское море, как ни одно другое, прогревается ровно на всю глубину и поэтому несет в себе густой, парной не столько запах, сколько дух водных равнин. И этот парной дух, причудливо сплетаясь с горьковатым, пряным, как привкус морской воды, запахом степных пространств, тоже, вероятно, манил наших предков. Развиваясь в определенной среде, они должны были выползать только на такие вот берега, и запахом и теплом своим похожие на привычное для них дно.

Может быть, поэтому с особой силой на Азовском море накатывает на человека древнее и властное, едва ли объяснимое словами чувство, которое мы условно называем чувством единения с природой. Впрочем, сейчас вот говорят о клеточной памяти человека, и многое из того, что каждый переживал на морском берегу, становится как-то обыденно просто и в то же время грандиозно сложно.

Может быть, в самом деле память клеток влияет на психический мир человека. Ведь всякий знает, что никто не лечит неврастеников с такой мудрой и бережной простотой, как лунные вечера на берегу моря, как мерцание звезд над его маслянисто-черной гладью, как его штормы и истомные штили. Недаром бывает, что человек, никогда не видевший море, так тянется к нему. И нет ничего удивительного в предсказании писателя Ефремова о том, что будущим межзвездным путешественникам эта память клеток будет мешать больше, чем трудности на героическом пути познания нового.

— Верно сказано, — перебил меня собеседник, высокий и стройный старик. — Хотя…

Мы случайно встретились в этот вечерний час на берегу, долго молчали, поначалу ощущая взаимную неприязнь — человеку у моря иногда очень важно побыть одному. Потом незаметно разговорились.

— Вот именно — память клеток. Она живет помимо нашей воли, и ее, конечно, можно и подавить и заглушить, но можно и усилить — ведь есть в ней и нечто замечательное, я бы даже сказал — возвышенное. И в то же время словно бы растворяющее человека в чем-то огромном — в природе, что ли, в бытии… — Старик долго смотрел на ровное, матовое в свете звезд стекло воды и добавил: — А вы, видно, здешний — “г” у вас мягкое, южное, но и пошатались, видно, по белу свету всласть: говорок у

вас — как бы это половчее выразиться? — разномастный.

— Говорок и у вас разномастный.

— Я здесь родился. — Старик усмехнулся. — А потом сбежал. — Он подумал и утвердил: — Именно сбежал, а теперь… обратно бегаю.

На западе, за черным и безмолвным Таганрогским заливом, дрожало светлое марегю городских огней. Неожиданно и небо над дальним городом, и черная духовитая гладь моря вспыхнули багровыми и алыми отсветами, стало тревожно и неуютно. То, чем мы жили на пахнущем тлением и рыбой глинистом берегу, стало исчезать.

— На мартенах шлак выпускают, — отметил старик.

Мы смотрели на полыхание багровых отсветов, и, когда увидели, как звездное небо опять улеглось на дрожащее марево обычных городских огней, старик закурил и стал говорить:

— Вот память клеток теперь выплыла, и, может, еще что выплывет, что люди иногда и замечали или чувствовали, но понять не могли. Вот вы, наверно, тоже слышали рассказы о том, что в старое время осетра, белуги, севрюги здесь было невпроворот. И в иной год шли они так густо, что каюки ломали.

Были такие рассказы-легенды о путинах, когда на базарах красная рыба стоила гроши, а икра — паюсная, зернистая — продавалась бочками, а свежая — жировая — была дешевле постного масла.

— Вы не задумывались, почему такого не бывает теперь? Ну, знаю, знаю… Война, браконьерство, плотины, что перегородили пути к нерестилищам, — все это так. Но коль скоро и вам эти места знакомы, то не можете не согласиться, что и в прошлые времена в этих вот местах красную рыбу брали варварски. Можно сказать, современные браконьеры — просто ангелы по сравнению с тогдашними честными рыбаками.

В этом была своя правда. И Дон в гирлах и выше перегораживали сплошными сетями, и в море ставили посуду — длинную, километра в два — три, веревку, увешанную ярусами остро отточенных крючков. Красная рыба натыкалась на эти крючки, кололась и рвалась в сторону. Только сотая из таких ободранных рыбин запутывалась в “посуде”, а девяносто девять, обрывая кожу и тело о голые страшные крючья, вырывалась и уплывала в море залечивать раны или помирать. И все-таки было той рыбы так много, что даже уроженец этих мест А.П.Чехов отмечал, что в каждом русском трактире обязательно подается белуга с хреном, и недоумевал: сколько же ее нужно для этого вылавливать!

— Всего я понять не могу, да и вы не поймете, мало мы еще

знаем. Но я верю, что ученые найдут пути, по которым рыба опять вернется в море, и будет оно кишмя кишеть и красней рыбой, и рыбцом, и таранью, и даже тем же самым бычком — хоть песчаником, хоть подкаменником-черномазиком. Но в одном я уверен, что тех необыкновенных путин, о которых нет-нет да и вспомнят местные старики, уже не будет. И не потому, что рыбы будет меньше, а по другой причине.

Погодите, не спрашивайте, раз я начал рассказывать — расскажу до точки. Вы, видно, человек с блажью в голове, если в такую ночь можете сидеть здесь, не то в степу, не то на море, и думать свою думку. А поскольку и я с блажинкой, так мы с вами общий язык найдем, и, может быть, вы мне кое-что и объясните: опять-таки вижу, что вы за наукой следите более обстоятельно, чем я.

Видите правее — огоньки. Вот то и есть родные огоньки. Поначалу там поселились, как говорили, “двойные казаки” Казаки в квадрате. Почему? А потому, что казаки — это русские люди, сбежавшие в свое время от помещиков и богатеев в надежде на добрую жизнь. Но потом и у самих вольных казаков образовались своп богатеи. Так вот сюда пришли те казаки, которые сбежали от своей казачьей верхушки. Ну и, понятно, народ это был отпетый, никого и ничего не боявшийся. До того не боявшийся, что во время Крымской войны они атаковали английские военные корабли в… конном строю. И представьте, победили. Случай невероятный, однако справедливый. Бомбардировавшие Таганрог английские корабли вынуждены были отойти от берегов: подул норд-ост, а по-казачьи — “верховка”. Ветер выгнал воду из Таганрогского залива, и корабли сели на мель. Вот тут и атаковали их казаки в квадрате. Отчаянный, говорю, народец был… Ну, может быть, еще и потому, что места тут уж больно просторные.

Я знал — места действительно просторные. Гладь моря, бурокрасные лбы глинистых отрогов над нею и гладь степи. Крепкий, как настой чабреца и водорослей, провяленный солнцем, небывалый воздух. В глубоких балках с обрывистыми берегами на провесне ползут ручейки, но к середине лета исчезают. Однако в балках пахнет сыростью, и не морской, а дальней, равнинной, домашней сыростью, словно подчеркивающей просторность и чистоту этих мест.

Жили тут по-всякому — кто пахал, кто рыбалил, кто кое-чем промышлял, в том числе и мелким разбоем.

Был недалеко от наших мест превосходный бугор, словно обрезанный с двух сторон глубокими балками. Как раз к нему и подходили густые косяки красной рыбы…

Нет уж, вы не перебивайте. Знаю, что вы скажете — красная рыба косяками не ходит. Это не селедка. Правильно. Только отчасти. К этому бугру красная рыба приходила именно косяками, и такими густыми, какими ходит только селедка или хамса.

На несколько суток столько сюда осетров, севрюг и белуг и даже стерляди набивалось, что просто диву давались. Над заливом в эти дни и особенно ночи прямо-таки скрежет стоял, словно в первый, самый густой ледоход па реке, — с таким остервенением рыба терлась друг о друга своими костяными наростами. Вода становилась как перекипяченный калмыцкий чай, густой, темный, — ил со дна поднимался; куда ни глянь, везде мелькали рыбьи хвосты, как косые паруса маленьких рыбачьих байд. Повсюду торчали, нюхая наш необыкновенный воздух, колючие рыбьи носы.

От того необыкновенного рыбьего средоточия, костяного шуршания, всплесков, а может, и еще из-за чего-нибудь на душе было муторно, злобно и тоскливо. Хотелось словно бы вырваться из чего-то, уйти в совершенную неизвестность, но в какую-то такую, которую не то что знаешь, а как бы предугадываешь.

Под это костяное шуршание все время казалось, что и рыба тоскует и печалится оттого, что не дано ей выйти на берег, не дано подышать степным вперемешку с морским, необыкновенным воздухом, поползать, пошуршать шелковистым ковылем и горькой полынью.

Не знаю, как кому, но мне в такие годы — а они на моей памяти были всего раза три, не более — казалось, что рыба приходит в эти места не случайно, что ей надоело болтаться в сырой воде, а как выбраться на сухую землю, она не знает.

Вот в такие ее приходы и жирели местные рыбаки. Били они эту рыбу баграми, тянули руками, оглоушивали деревянными молотами, которыми лед для ледников колют, совершенно сатанея от крови, слизи и невиданного богатства. Но вот что удивительно — как ни жадничали, как ни лютовали, а все-таки почти никто больше двух дней такой бойни не выдерживал. Плевался в сердцах, ругался и решал: “Хай она сказится, и та рыба, и то богатство — совсем с ума спятить можно!”

На третий день рыба еще как бы толкалась, как бы раздумывала и осознавала, что на берег ей не выбраться, что необыкновенный воздух не для нее, и начинала медленно расходиться. После этого пропадала она надолго и ловилась в заливе, как всегда ловится. А в необыкновенные годы косячного хода вот как раз на таганрогском базаре икра и стояла кадками и макитрами.

И еще было замечено, что после такого уловистого года на превосходном том бугре поднимался невиданный бурьян — жирный, пахучий и такой густой, что продраться сквозь него не было никакой возможности. На второй год бурьян был поменьше, потом еще меньше, а потом все входило в норму. Ясно, что косить тот бурьян никто не косил, и, может, потому земля на бугре была иссиня-черной, и чернозем тот был приметно толще, чем по соседству, а сам бугор — выше.

Ясное дело, на такую землю под самым косячным местом зарились многие. То тот, то другой, бывало, перебирался, строился, огороды разводил, птицу-живность. Может, от бурьянов или еще от чего, но каждый, кто здесь поселялся, словно бы пропитывался грустным, желчным бурьянным запахом и задумывался. Умирать, правда, никто не умирал. Наоборот, даже старики словно бы крепчали и молодели — морщинок у них становилось меньше, спина распрямлялась, а главное — глаза молодели. Пропадала в них стариковская тускловатость, и появлялось что-то туманное, грустное, но молодое.

Однако жить здесь никто подолгу не жил. Два, три, редко четыре года. Потом новоселы распродавали живность, скарб, каюки с бандами, бросали мазанки и уходили. И никто в родные селения не возвращался: всех тянули дальние места. Растекались люди по всей России, а иные нанимались на заграничные пароходы и вовсе пропадали.

На Чертовом бугре при мне никто не селился. Только остатки саманных хибар — груды оплывшей глины с соломой — на провесне проступали сквозь прошлогодний бурьян. Вот этими-то хибарами и попрекал меня отец:

“Я тебя растил, я тебя кохал, а ты совсем сдурел — повадился на Чертов бугор. Ты шо, не знаешь, шо оттуда только сумные думки тягают? Полудурком решил стать? Ты ж как то перекати-поле — хоть “верховка” потянет, хоть “низовка”, а тебя все волочит не знаю куда. Будешь забываться, помяни мое слово, — еще занесет тебя к Чепурихе, как то перекати-поле”.

Долго он ругался и грозил, что опять пороть начнет, но только напрасно — парень я был из крепких, а батя у меня уже в годах. Однако слова его меня проняли, да не с той стороны.

Справа от бугра шла Чепурихина балка. Под осень, когда из Сальских и Задонских степей задувала “верховка”, кубарем летели призрачные кружевные шары перекати-поля и оседали, как бы проваливаясь, в глубокой и извилистой Чепурихиной балке. Этим перекати-полем всю нашу недлинную и не очень уж лютую зиму и топила свою халупу Чепуриха.

А коль скоро с топкой в наших местах испокон веков

трудновато — степи же кругом, — люди говорили, что Чепурихе и тут черт помогает.

Но не перекати-поле было виноватым, что Чепуриху не любили и твердо верили, что она с чертом не в прятки играет. Самые старые наши старики говорили, что еще в их молодости Чепуриха была ну, может, чуть помоложе, чем в мою пору. Известно было, что первого мужа она похоронила, второго унесли в море льды, третий был убит по пьяной драке. С той поры замуж Чепуриха не выходила — жила вольной казачкой, но казаки, а также народ прохожий у нее гостевали.

Баб наших это очень злило. Ведь по всем правилам должна была та Чепуриха быть древней старухой, а к ней нет-нет да и сбегал какой ни то зажиточный, справный хозяин. Сбегал, жил у нее в халупе, потом подобру-поздорову собирался и уходил в неизвестном направлении. Все знали: раз съякшался человек с Чепурихой — на родное поселье его не жди. Задурит его Чепуриха, и уйдет он за своей дурной долей черт те куда.

Ну и го сказать, могла задурить Чепуриха? Могла. Одевалась она чистенько, гладенько, во асе яркое и ловкое. Станет она в церкви в сторонке — смуглая, прямая, как тот тополь, и казаки не на царские врата, а на нее вызверяются. Бабы, конечно, шипят.

Посмотреть, конечно, было на что, хотя Чепуриха казалась и не очень красивой. У нас бабы и красивее бывали. Но жила в Чепурихе задумчивая приятность. Глаза темные, смирные, но с легкой усмешечкой в уголках, между беленьких морщинок. Лицо чистое, но сразу видно — женщина немолодая. Рот великоватый, губы не очень уж яркие, но улыбчивые, с лукавинкой. Нет, ничего особенного в ней не было, а все ж таки…

Имени ее давно никто не помнил, а называли все Чепурихой. Это опять-таки от ее любви к своеобычному наряду, к ярким, чистым краскам, оттого что вся она была очень уж аккуратная с виду, не оплывшая, а крепкая, хоть и раздавшаяся в талии, высокогрудая, смуглая. Идет, и сразу видно — следит за собой женщина, чепу-рится.

Но почему, спрашивается, хоть и не любили люди Чепуриху, а мирились с ней?

А все потому, что никто, кроме нее, не знал, в какой день должны были подойти к Чертовому бугру косяки красной рыбы. Как она это узнавала, от кого и по какому случаю, никто понять не мог. Но только она узнавала. Годами, бывало, не показывалась по нашим поселеньям, а то вдруг шла прямо по домам и говорила:

— Собирайтесь, люди добрые, на разбой — рыба завтра к утру будет.

И ни разу не ошиблась. В заливе закипала вода, из нее торчали роговые, принюхивающиеся к берегу, к незнакомой желанной земле печальные рыбьи носы.

Вот так и получилось, что отец своей ругней заставил меня вспомнить о Чепурихе. А как вспомнил — так уж забыть не мог и в один раздумчивый, прокаленный солнцем вечер не выдержал и спустился с бугра до ее халупы.

Халупа как халупа. Дверь и окно возле нее. В самый овраг выходит маленькое оконце — отдушник из клетухи. Там у нее куры, да гусаки, да овцы с поросенком. Рядом с хибарой — погребок с клуней поверху. Вот и все хозяйство.

Под застрехой, как водится, перец висит, таранка с чебаком вялится. И — чистота. В наших местах бабы аккуратистки. Чистоту любят и чистоту блюдут. А у Чепурихи так аж блестело все. Дворик перед хатой выметен, дорожка вымощена плитняком, в балочку — ступеньки. А сама хата аж переливается, не иначе крейду — это мел — она с мылом мешала. Понизу и возле окон — разноцветные разводы, как у полтавчанок.

Осмотрел я все ее хозяйство, а зайти к ней не могу — боюсь чего-то. Верно говорят — если брехать долго, так все равно что-нибудь да останется. И ведь не верил я в людскую брехню, а в душе что-то ворочалось. Однако тут она сама на порог вышла, остановилась, руки под грудь убрала и смотрит на меня. Глаза темные, внимательные и улыбчивые.

“Что, казак, батьки не испугался, а передо мной струсил?”

“Зачем струсил? Просто… Пошто непрошеным в дверь гуркотеть?”

Она улыбнулась. Так улыбнулась, что я сразу понял, почему даже семейные у нее пропадали.

“Ну что ж… Заходи. Гостем будешь”.

Зашел, осмотрелся. Хата и хата. Стол да пара табуреток. В комнате кровать, комод с зеркалом, юбки на стене на палочке, как на вешалке. Полы земляные, примазанные глиной, притушенные песочком. Пахнет вкусно — травками, топленым молоком и еще чем-то здоровым.

Сижу молчу. Она прислонилась к притолоке, руки под грудью сжала и тоже молчит, только глаза светятся — интересные глаза. Как в них ни взглянешь, они все кажутся другими, и от этой удивительной их разности становится постепенно не по себе. Жутко мне под такими глазами было, да еще в тишине. От страха, должно быть, чтоб самому себе казаться смелым, я и вякнул:

“Смотрю на тебя, тетка Чепуриха, и не пойму: почему тебя люди считают чертовкой?”

Она вскинула брови, усмехнулась, руками под грудью

перебрала, но промолчала. А я возьми и продолжи:

“Понять не могу, а чувствую — есть в тебе что-то от нечистого. Есть!”

Сказал и побледнел: обидится, выгонит, на всю округу ославит, а то еще напустит порчу. Ведь хоть жила на отшибе, а вот, поди ж ты, знала, что меня батя ругал, знала, что бабы сплетничали. Значит, кто-то ж ходил к ней, передавал пересуды.

Но Чепуриха не обиделась, вздохнула и ответила очень раздумчиво:

“Другого б отшила так, что навек запомнил, а при тебя слыхала. Потому говорю — сама, дружок, не знаю. Чистое ли тут дело, нечистое — не знаю, а только сама на себя смотрю и себя не понимаю. Иной раз, веришь, аж зареву. Но разве бабьи слезы когда-нибудь помогали? Так ничего и не знаю”.

“Как же так? Живешь, а не знаешь? Так не бывает”.

Она вспыхнула, выпрямилась, но ничего не ответила, круто повернулась и вышла. Я посидел, посидел, тоже вышел и ждал ее до той поры, пока на небе не потускнел Чумацкий шлях. Но так и не дождался.

Несколько дней все думал о ней — неприятно, что из-за собственной трусости обидел человека, да еще в тот момент, когда у тоге человека мне навстречу как будто открылось сердце. Не выдержал и пришел. Сел на приступочках, сижу, смотрю на море. Слышу, Чепуриха вышла, стала надо мной и молчит. Весь вечер так она и простояла, а я просидел. И ни словом, ни полсловом не обмолвились. И, знаете, от этой тишины, от молчания мне как-то хорошо стало. Как будто внутри что-то отпустило и голова стала свежем.

Через пару дней опять зашел, и мы с ней тем же порядком промолчали весь вечер. И уж не знаю, на какой раз, но только она первая затеяла разговор:

“Шалый ты все-таки парень. Ох и шалый!.. Помяни мое слово — не усидишь ты в здешних местах”.

“Это почему?” — не оборачиваясь, спросил я.

“Да так уж, видно, на роду тебе написано”.

“Говорят, что тот, кто возле тебя покрутится, обязательно далеко уходит”.

“То верно, — согласилась Чепуриха, и в голосе у нее прозвучала словно бы гордость и в то же время горечь. — Но только ты одно прикинь по себе — почему они сюда приходили? — Я сообразил не сразу, и она нетерпеливо пояснила: — А как думаешь, к тетке с такой славой, как у меня, придет человек степенный, распорядительный, у которого в голове все дома и все на местах? — Я молчал, и она уже рассерженно

продолжала: — Ко мне только такой и придет, который уже в душе своей ни черта, ни людей не боится, которому уже все надоело. Душа у него наболит, намается, хочется ему от той проклятой жизни, которая ему крылья режет, сбежать, а еще не может. И не может не потому, что слабый, — такие слабыми не бывают, а потому, что не знает, как сбежать и куда сбежать. Вот и идет ко мне. Надеется, что я его с нечистой силой сведу и она ему все подрасскажет. Вы ж народ такой. Хоть и слывете "двойными казаками", а тоже на рожон не больно лезете. Все наверняка хочется, чтоб не прогадать. А того, дураки, не понимаете, что настоящая свобода потому и свобода, что она без расчета вашего паскудного, без хаты, без скотины, без жирной жинки под боком, без своей земли за перелазом".

Долго она говорила, а вернее сказать, ругалась, к чувствовал я — правильно говорит. Человек, которому все в жизни нравится, ни на Чертов бугор не вылезет звезды считать, ни тем более в Чепурихину балку не скатится.

Это уж когда человек внутренне надорвется и остановится, чтобы осмотреться, самого себя послушать и в самом себе разобраться, — тогда он и на бугор полезет, и в балку покатится. А уж там, за той внутренней чертой, ему и в самом деле уже не многое страшно, потому что он уже сам все знает: и как родные-соседи о нем говорят, и как здороваются с опаской, и смотрят на него нехорошо. Потому что видят — выкатился человек, как горошина из общего мешка. Сам он уже в мешок не запрыгнет, а поднимать его и обратно заталкивать вроде бы расчета нет: гороха в мешке и так много.

С того вечера стали мы уже подробней толковать, но чаще всего просто молчали.

Очень хорошо было с ней молчать. И опять я понял тех, кто у нее пропадал.

Возле нее я становился как-то чище, крепче, и голова становилась такой ясной и понятливой, что прямо удивительно было, как же я до сей поры мог жить такой неинтересной жизнью. Невольно приходили на мысль рассказы бывалых людей — а у нас их хоть пруд пруди, — и хотелось самому распрямиться да попробовать, какова она, настоящая-то жизнишка, на вкус, на цвет и на излом.

Чепуриха меня уже не дичилась. Но того первого, чистого порыва не случалось, да и улыбчивого света в ее глазах я не видел. А без него, мне казалось, спрашивать о ее потаенном — дело гиблое. Может быть, еще и потому, что понимал — должен я благодарить ее за то, что открывает она своей женской, а не бабьей душой какую-то большую и светлую правду. А какую

именно, толком не понимал.

Но одно твердо знал — все, кто бывал у нее, все были перед ней чисты. И она перед ними и перед людьми тоже чистая. Потому что не баба таким требовалась, а совсем иное. Сильное, светлое и обязательно чистое: люди-то от грязи, от недуги бежали, и если б они и тут то же встретили — они б ушли, потому что бывают в человеческой жизни такие переломные моменты.

Недавно я вычитал, что будто бы человеческий организм, весь, до самой последней клетки, обновляется не то за четыре, не то за семь лет. Точно сейчас я уже не помню, но думаю, что это правильно, и не потому, что это наука доказала, а потому, что сам это постоянно в себе ощущаю. Все вроде идет нормально, правильно, а вдруг закрутит, заноет — и все хочется переделать.

Слабые в таком разе начинают пить, а кто посильнее — тот в дорогу собирается и в иной раз всю судьбу меняет. А бывают и сильные, да трусливые. Те помаются, зло на других сорвут и успокаиваются. В то лето, наверное, и во мне шло такое обновление клеток, и они, молодые, чуткие, с острой памятью, мытарили меня, звали к новой жизни.

Видно, и Чепуриха то чуяла, потому что в редкие наши разговоры она никогда меня не отговаривала, а только вздыхала.

“Я б далеко ушла, на самый край света, за новой жизнью, да боюсь”.

“А чего? Ты ж вроде не из пугливых. Живешь одна, даже злыдней не боишься”.

“Смерти я боюсь, вот чего. Тут уж не верю, а знаю: уйду отсюда — и скоро помру. Потому и держусь”.

А почему — опять не сказала.

Уже перед осенью сидели мы на берегу, слушали, как море глину перемывает, и Чепуриха вдруг разговорилась.

“Откуда я знаю, почему рыба придет? А от земли… Земля мне рассказывает. — Она помолчала и бросила ракушку жемчужницы в воду. Ракушка скользнула по волне, зачерпнула краешком и пошла на дно. — Заметил — без звука утонула? Вот так и мне земля рассказывает — без всякого звука. Тишиной”.

Должно быть, у меня был глуповатый вид, потому что Чепуриха рассмеялась — звонко и неудержимо. И тут в ее глазах мелькнуло то самое выражение простоты, открытости и чистоты, которое я так долго ждал.

“Думаешь, сумасшедшая? И то верно — на слово в такое не поверишь. Пойдем, сам послушаешь”.

Она вскочила с прогретого за день песка и, не оглядываясь, пошла к балке. Пс тропинке мы поднялись чуть выше ее халупы, потом спустились на самое дно балки и подошли к яме.

Таких ям в наших местах много. Из них хозяйки берут глину на подмазку саманных домов, на затирание земляных полов. Эта яма была большая, просторная — видно, глину из нее брали давно. Чепуриха остановилась и взяла меня за руку.

“Как прихожу сюда за глиной, так притаюсь и жду. Земля поначалу молчит, а уж потом, как прислушаюсь, из нее поднимается шум. Ровный, спорый, словно из большой морской раковины. Понимаешь, шумит тишина. Шумит и шумит. А в иные дни бывает так, что шум усиливается, и получается гул. И — щелчок. Далекий такой, неверный щелчок, а потом — снова гул. Гудит, гудит… И все в тебе сдавливается, сердце замирает, а на душе становится не то страшно, не то прекрасно. Вся ты словно уже не тут живешь. Мысли какие-то странные, точно молодые, радостные, но вся ты не то что старой становишься, а умной очень. До самого последнего лоскутика все понимаешь. Потом гул затихает, сердце отпускает, и тишина опять начинает шуметь. Шумит, шумит… Как в раковине. И словно бы та раковина в тебе самой. Нет, ты сам послушай. Такому поверить на слово невозможно”.

Мы залезли в яму, сели на корточки и притулились спинами и затылками к мягкой прохладной глине. Медленно умирали звуки, которые мы принесли с собой, и постепенно приходила полная, совершенная тишина. Она жила несколько минут, а может быть, и секунд, потому что время здесь, как, должно быть, в межпланетных полетах, двигалось по иным законам.

Потом из тишины стал прорезываться шум. Не гул, а именно шум. Потому что гул — это ровный звук, на одной ноте, а шум — это разноголосица, точно где-то глубоко под землей, а может, в стороне работают машины, или вразнобой бьют волны, или шумит далекий базар.

Мы долго прислушивались, и я, помню, стал даже различать в этом общем шуме как бы отдельные гулы. Сердце стало замирать, и от этого замирания на душе и в самом деле становилось не то страшно, не то прекрасно. Опять пришли мысли — очень умные, прозорливые, но какие именно — сказать было трудно: не хватало во мне чего-то. Это уж теперь я понимаю — не хватало знаний. Ведь чтобы понять собственные мысли, нужно сравнить их с чем-нибудь.

Когда мы вышли в балку, я и в самом деле чувствовал себя помолодевшим — тело стало легким, звенящим, упругим. И умным, мудрым. Словно передо мной открылось то, что недоступно другим.

“Ну вот, — задумчиво сказала Чепуриха, — сам слыхал и сам пережил. А что это такое — не знаю. Только знаю, когда шум

вдруг усилится так, что с потолка той ямы начинают сочиться подсохшие глининки, — я жду сильных щелчков. В эти дни я из ямы не вылезаю — сижу и жду. Как только услышу такие щелчки — так и бегу к вам звать на разбой. Позову, а сама ухожу в степь. Иду, кружусь, петляю и просто сама чувствую — молодею я. Молодею — и все тут! Что-то делается во мне невероятное, такое, что я и б самом деле верю — сидит под нашим бугром черт и чего-то наколдовывает. И мнится мне, что рыба приплывает к нам как раз за тем, чтобы послушать, что ей этот самый черт наколдует".

Чепуриха вздохнула и сникла: она показалась грустной и мудрой.

"Потом все проходит, я возвращаюсь и потихоньку начинаю стареть. Старею, старею, а все не состарюсь. Ты думаешь, сколько мне лет?"

Она смотрела строго и отчужденно, словно в суде, ожидая приговора. Я смутился и пробормотал, что, наверное, за сорок.

"За сорок"… — передразнила она. — Мне, милый ты мой малыш, скоро уже семьдесят стукнет. А я вон какая. В церковь сходить и то неприятно: мужики косятся. Хоть бы поослепли все до одного, кобели несчастные".

Столько горечи и злобы неожиданно прорвалось в ней, что я растерялся. Чепуриха отвернулась и долго смотрела на еле заметные тогда таганрогские огни.

"Ушла бы отсюда, новую бы жизнь наладила, но чувствую — не уйти. Как привязанная здесь живу".

"Почему?"

"А потому, что умирать мне не хочется. Понимаешь? Жизнь — уж больно интересная штука. Вот и вижу мало, а интересно. И еще… Еще хочется мне узнать, что же это сидит там, под бугром. — Она прижала руки к груди и страстно выдохнула: — Очень хочется! — И, словно застыдившись себя, сердито закончила: — Вот оттого и сижу здесь!"

…Старик умолк, и мы долго смотрели на теплое стекло воды. Залив был загадочно умиротворен, и впервые мне показалась неприятной эта умиротворенность. Я нетерпеливо спросил:

— А дальше что?

— Что ж дальше? Еще с месяц я просидел возле Чепурихи, послушал подземного черта, а когда отец поднял на меня руку, ушел. Нанялся матросом, кочевал. Потом война, революция, партизанил на Дальнем Востоке, учился кое-чему. Там и осел — тоже, доложу я вам, удивительный край. Потом вышел на пенсию, и времени думать у меня стало много. Лежишь под утро, не спится, и начинаешь вспоминать. И вот как раз под такую

раздумчивую минуту я услышал, что наша ракета ушла в сторону Венеры. И я подумал…

Даже не подумал, а представил — лежит сейчас наша ракета где-нибудь на Венере, а приборы на ней работают. Работают и шлют свои сигналы, которые мы поймать не можем, а тамошние, венерианские, обитатели приплывают к берегу и слушают их. И слушают не ушами — может быть, ушей у них еще и нет, а всем своим телом, каждой своей клеткой. Ведь, как вы, вероятно, знаете, красная рыба — осетр, белуга, севрюга, стерлядь — старейшие рыбы на нашей Земле. Как они умудрились не измениться, я не знаю, но факт остается фактом: они самые древние обитатели нашей планеты. Улавливаете, что я хочу сказать?

— Вы думаете, что и под Чертовым бугром лежал какой-нибудь космический корабль, который излучал сигналы? Рыба чувствовала их телом, клетками и приплывала слушать эти сигналы?

— Вот именно. Известно же, что рыба реагирует и вроде бы даже переговаривается между собой с помощью всяких там ультразвуков. И даже с помощью ею же создаваемого магнитного поля.

— Фантастично, но… логично.

Старик оживился и уже смелее, возбужденный, заговорил, как о чем-то близком и выношенном:

— Вот именно эта логичность меня и убеждает. Как мы теперь, так когда-то другие мыслящие существа задумали отправиться на соседние планеты. Но они понимали, что наблюдение за такими планетами с помощью даже совершенных приборов еще не может дать для них достаточно материала. И прислали добросовестного автоматического разведчика. Он должен был сообщить, вероятно, немногое — есть ли кислород или другой необходимый состав газов на нашей планете, температуру ее- поверхности, может быть, некоторые особенности жизни. Я даже допускаю, что на нем были телевизионные установки. Разведчик прилетел, приземлился в центре огромного материка и начал добросовестно передавать сигналы. Но пока они долетели до пославших, прошли годы, а может быть, и века. А тут на Земле случилась катастрофа, и разведчик погрузился в новое море. На него осаживались песок и глина, но он все слал и слал свои сигналы, верно и точно выполняя свою службу. Потом морское дно поднялось, вода отступила, и он оказался под бугром.

Должно быть, передатчики были сильные. Но могли ли они работать постоянно? Думаю, нет. Потребовались бы огромные

источники энергии. Значит, в разведчике были особенные аккумуляторы. Энергия накапливалась в них постепенно, а в свой час — а час этот определяется по законам той планеты, откуда прилетел разведчик, — аккумуляторы срабатывали и выплескивали порцию сигналов, слушать которые приплывала самая древняя рыба на Земле. Ну а поскольку времясчисление на той планете, которая прислала разведчика, было не таким, как на Земле, сигналы передавались, как нам казалось, нерегулярно. Просто мы тогда не умели уловить закономерности. Были для этого слишком темными и все списывали на нечистого.

— Логично, но почему вы думаете, что красная рыба больше никогда не приплывает к Чертову бугру?

— Уверен, не приплывает, — быстро откликнулся старик и погрустнел. — Я уж тут разведку провел.

— И что же?

— В общем так… Еще в гражданскую войну эти места оккупировали немцы. В Чепурихинской балочке они организовали склад боеприпасов. Ну, его и… рванули. И видно, что-то сдвинулось: сколько я людей ни спрашивал, никогда больше красная рыба к бугру не приходила.

— А… Чепуриха?

— Так ведь что ж… Хибары Чепурихиной не осталось, а сама она куда-то уехала.

Мы опять умолкли. Я спросил:

— А в чем же, по-вашему, секрет чепурихинского долголетия? В каких-нибудь неведомых излучениях небесного разведчика?

— Конечно, — убежденно ответил старик. — Кто же теперь не знает, что рак — это слишком быстрое и неуправляемое размножение клеток, которое, в частности, можно приостановить излучениями. А можно быть уверенным в том, что наука уже открыла все излучения? Вон ведь одних элементарных частиц уже больше сотни открыли, а все открывают и открывают. Так почему же мы не можем думать, что там, под Чертовым бугром, выбрасывались какие-то особые, может быть, еще не открытые, а может, и открытые, да неизученные излучения частиц, и они не только служили источником энергии для межзвездных сигналов, но и влияли на наши земные клетки, заставляли их быстрее и увереннее проходить цикл обновления? Я в это верю! И еще я верю, что найдут люди такие лучи или потоки каких-нибудь частиц, которые продлят человеку жизнь, — ведь живут же некоторые по полтора века.

— Ну это не от облучения.

— Вы уверены? Вы жизнь этих долгожителей исследовали? Заметьте, между прочим, кузнецы по всем правилам должны жить

недолго, профессия вредная. А они живут дольше всех. Почему? А у огня. А огонь, он тоже, знаете… Ведь в степи, в лесу, у костра… как у моря вот в такой час: и оторваться не можешь, и в сердце раздумье.

Мы снова смолкли и уставились в парной, дышащий тайной залив, а потом стали смотреть дальше — в открытое море.

Всходила полная багряная луна. Всходила она медленно, кособочась от усилий, и было в ее заспанном лике что-то необыкновенно привлекательное, домашнее.

Море зарозовело, и тут небо над Таганрогом опять заиграло огненными бликами, быстрыми и тревожными: мартеновские печи выдавали плавку.

Багровые лунные отсветы и блики живого металла переливались на морской глади, тревожа сердце, поднимая в нем что-то забытое, деятельное, как будто вернулась молодость: хотелось выкинуть что-нибудь хлесткое, над чем можно будет посмеяться. И старик действительно рассмеялся.

— Нет, правы ученые, совершенно правы! Есть в нас какая-то особенная память. Должно быть, и в самом деле память клеток. Но, думается мне… Одним словом, если севрюги и осетры выставляли свои носы, чтобы хлебнуть нашего прокаленного воздуха, то ведь видели же они и эту луну, и наше солнце? Ведь они же зрячие. И уж если есть в наших клетках память моря и огня, то есть и память луны, память солнца, память звезд. Как вы думаете, есть? Понимаете, не в сознании, а в клетках!

— Должна быть. Ведь и луна, и солнце, и звезды всегда висели над всем живым и обязательно влияли на них. Потом, хотим мы того или не хотим, но ведь из космоса постоянно пробиваются к нам всевозможные излучения, и, вероятно, какие-то из них тоже влияют на нас. Но как — мы еще не знаем. И наконец…

Я осекся. Старик явно не слушал. Он тихонько и счастливо смеялся.

— Память клеток… Прав писатель Ефремов: есть она в человеке. Но не помешает нам она в межзвездных путешествиях! Наоборот! Именно память клеток толкает нас ввысь, к звездам. Ведь если севрюги, понимаете, самые старые рыбы на Земле, рвались вверх, к Солнцу, то что говорить о человеке? Как же должен рваться человек! Ведь в его клетках память и амеб, и севрюг, и птиц, и летчиков, и космонавтов. И все они рвались к Солнцу, к звездам. Вот потому и я думаю — память человеческих клеток не только не будет мешать в космических полетах, а, наоборот, поведет людей туда, где не бывала даже их мечта. И это незнаемое, но угадываемое будет прекрасно.

Старик торжествующе смолк, а я облегченно рассмеялся и подумал, что мы излишне часто непривычные мысли, всплески неясных чувств принимаем за опасное отклонение от нормы, забывая, что, может быть, как раj в них и есть будущее.

Кира Сошинская
БЕДОЛАГА

Мы вышли к Хайлыру двадцатого числа. Для этого пришлось сделать большой крюк, но никто из нас даже не пикнул. В Хайлыре нас ждало оборудование, а кроме того, Седов должен был договориться с председателем местного колхоза о лошадях и рабочих, — мы будем закладывать шурфы на водоразделе.

Мы думали, приедем в Хайлыр, вымоемся в бане, а потом, чистые, пахнущие мылом и осиновыми венениками, усядемся на берегу ловить в озере тайменей или кого-нибудь помельче. И проходящие мимо жители Хайлыра (общим числом сорок человек) будут говорить нам: “Ну как ловится?”, и мы будем отвечать: “Благодарствуем, однако”. Такая у нас должна была наступить жизнь.

Уже на дальних подходах к Хайлыру мы заподозрили что-то неладное. Над широкой безлесной долиной подымались дымы. Мы еще не могли разглядеть за холмами источников этих дымов, но все это напоминало долину гейзеров на Камчатке.

— Или всесоюзный слет туристов, — сказал Ким.

— Или Клондайк в пору “золотой лихорадки”, — сказал Руслан, более начитанный, чем Ким.

Над нами пролетели гуськом три вертолета, снижаясь к долине. С заднего вертолета увидели нас и скинули красный вымпел. “Привет отважным девушкам-ужгородкам!” — обнаружили мы в нем записку. После этого нас охватило подозрительное уныние.

— А это Хайлыр? — спросила я.

— Ошибиться трудно, — ответил Седов. — Двести четырнадцать километров до ближайшего поселка.

— Да что я, в Хайлыре не был, что ли? — обиделся Иван Никитич. — Сейчас перевалим у той лиственницы и увидим.

И мы увидели. Сам Хайлыр, пожалуй, не изменился. Те же два десятка домиков, то же Хайлырское озеро — длинное, серое. Те же высокие голые сопки за дальним берегом.

Но все остальное резко изменилось. На склоне долины, вдоль озера, а также продолжением единственной улицы Хайлыра толпились палатки и подобные же временные сооружения для жилья. На ровной площадке за сельпо стояли рядами вертолеты,

и время от времени какой-нибудь из них начинал перебирать винтовыми лопастями, будто раздумывая, не улететь ли ему отсюда. Посадочная площадка была обнесена неровной стеной ящиков, мешков и загадочных предметов разного размера. Вдоль улицы поселка не спеша ехало по временным рельсам сооружение, похожее на портальный кран. На вершине сооружения сидел человек с киноаппаратом и сверху снимал кипящую жизнь.

Честно говоря, меня больше всего поразила серая “Волга” с шашечками на боках и ярко горящим зеленым огоньком. “Волга” стояла перед сельсоветом, и местные собаки недоверчиво обнюхивали ее задний бампер. Я их понимала — в Хайлыр не ведет ни одна дорога, а от реки двадцать три километра тропой через сопки.

На краю поселка выстроился небольшой оркестр. Оркестр сверкал трубами, и гулкие звуки настраивающихся инструментов долетали даже до нас.

— Все ясно, — сказал Руслан. — Снимается кино.

На склоне нас обогнали двигавшиеся размеренным полубегом девушки, покрытые здоровым бронзовым загаром. Девушки сказали нам хором:

— Физкультпривет!

Руслан сказал им вслед:

— Привет отважным девушкам-ужгородкам!

Девушки остановились, развернулись к нам фронтом и ответили:

— Спа-си-бо!

— Вот угадал, — удивился Иван Никитич.

Мы пристроились в хвост девичьему отряду.

При виде колонны оркестр грянул “Сормовскую лирическую”. Под ногами побрякивали консервные банки и взлетали орлятами обрывки местных и центральных газет.

Ведомые Иваном Никитичем, мы задами прошли к избе председателя. Последнее, что мы увидели, перед тем как нырнуть в избу, были два вертолета, которые совместно волокли по небу непонятное сооружение из железной арматуры.

Мы не ожидали застать председателя, но застали его. Председатель был на вид мрачен и недружелюбен.

— Здравствуй, Савватий, — сказал Иван Никитич, снимая кепку с поломанным козырьком.

— А, — сказал председатель. — И ты тоже, Иван.

— Вот приехали, — сказал Иван Никитич. — Тебе из Ильинского звонили о нас?

— О всех звонили, — сказал председатель. — А я телефон

сломал. Нарочно. Трубку оторвал и в озеро бросил. Кого привелто?

— С партией я. Вот Седов, наш начальник.

— Здравствуйте, — выдвинулся вперед Седов. — Тут оборудование должно быть. И о лошадях поговорить надо.

— Так вы не на озеро?

— Какое озеро?

— Так вы по делу?

— Разумеется, — сказал Седов. — А что тут у вас?

— Да уж ты, Савватий, прости, — сказал Иван Никитич, — мы попросту. В баньке хотели помыться. А у тебя тут кино.

— Какое такое кино? — спросил Савватий. Потом подумал и сказал удрученно: — Кино, сплошное кино. Да вы садитесь. Откуда идете?

— С Улятая.

— Лукича видали?

— Привет передавал.

— За привет спасибо.

За окном загромыхал приближающийся оркестр.

— Ты б, Савватий, рассказал людям, — произнес, усаживаясь на скамью, Иван Никитич.

“Бух-бух!” — хлопал барабан.

— Если бы я знал, — сказал председатель, — то своими руками его в озере утопил.

— Кого это?

— Расторгуева, кого же еще?

— Что ж это он натворил?

— Сначала я все думал — так, обычаями интересуется. Я ему деда моего полсунул — любитель байки рассказывать. Вот дед и разжег его., как костер. Он и меня спрашивал, а я говорю: “Да, слыхал от стариков”.

— Так ты по порядку, — сказал Иван Никитич.

Но по порядку не получалось. Все время за окном мельтешили разнообразно одетые люди, потом к стеклу прижалась седая голова, принадлежавшая очень толстому человеку, и человек, возя бородой по раме, стал знаками объяснять, что хотел бы купить свежего молочка.

— Из Москвы, — сказал председатель. — Очень уважаемый человек, специалист. — Председатель достал из кармана записную книжку и прочел: — По римскому праву.

— А что ходит?

— Молока свежего ищет. Даже к озеру не подходил еще.

— Да ты расскажи, Савватий. не томи. Считай, люди второй месяц в тайге, никого не видели, а тут у тебя такое веселье.

— Это все Расторгуев. Правда, отольются ему мои слезки, — и председатель более или менее связно рассказал о трагедии, постигшей поселок.

Приехал в прошлом году человек по фамилии Расторгуев. Вреда никто от него не ждал. Был он в экспедиции, да сломал ногу. Так что экспедиция ушла дальше, оставила его лечиться в Хайлыре. Поковылял товарищ Расторгуев по берегу озера и увидел в нем волнение. Озеро-то небольшое, но очень рыбное. Выгодное для колхоза озеро. Он о выгоде не подумал, а решил, что в озере водится неведомый науке зверь или ящер. Вернулся в Хайлыр и начал у стариков спрашивать, что они об этом чудовище знают. Ну старики, конечно, не хотят в грязь лицом ударить. “Есть, — говорят, — у нас чудовище, боимся, — говорят, — к озеру ходить в ясную погоду. Змей у нас — дракон там обитает”.

Сказали ему об этом старики, закурили и пошли к озеру рыбу ловить, план для колхоза выполнять. А Расторгуев записал их имена-фамилии на бумажку, подлечил йогу, нащелкал снимков и уехал в центр. Прошло месяца три, снег выпал, дни короче стали, пурга завыла. Пришла почта. В почте номер областной газеты, и статья в ней Расторгуева, младшего научного сотрудника. “Чудовище озера Хайлыр” называется. И все почти как по правде описано. И озеро, и поселок, и то, что старики говорят, — с упоминанием их имен и отчеств. Потом рассуждения некоторые про английских чудовищ, которых уже вот-вот найдут, а у нас до сих пор ничего не было. Потом еще фотография, на которой ничего разобрать нельзя. И призыв искать и искать чудовище реликтового типа. После статьи было от редакции послесловье. Редакция писала, что как хорошо, что уже скоро найдем чудовище. Прошло еще несколько месяцев, я московский журнал “Популярные знания” статью перепечатал. И фотографию Расторгуева, потому что на фотографии, которую он на озере снял, ничего разобрать нельзя было. Но там уже эта статья не одна была. Два доктора наук на нее опровержение написали и доказали, что в Хайлырском озере никаких драконов водиться не может, потому что там фауна не такая. И еще один доктор написал, что водиться, конечно, не может, но все равно это очень интересно.

— Ну а вы-то что? Есть у вас чудовище? — вдруг заинтересовался Руслан.

— Какое чудовище? — В голосе председателя вспыхнула угроза, но тут же устало затухла, будто не в силах был он поддерживать в себе накал негодования.

— Ну которое Расторгуев видел?

— Старики, они мало ли что говорят? Старикам верить не всегда надо… Ну вот, значит, только подсохло с весны, звонок мне из района: “Что скрываешь чудовище?” Это Лукича сын, ты его, Иван Никитич, знаешь Так вот, звонит он теперь мне, говорит: “Я главный районный ветеринар и очень интересуюсь, почему с мест сигналов не было”. Я говорю: “Чепуха это все, у меня половина мужиков на лесозаготовках, некому рыбу ловить, а еще геологи скоро нагрянут, и каждой партии рабочих давай. Так что некогда чудовищами заниматься”. А он мне: “Если, — говорит, — поймаешь собственными местными силами, иметь тебе награду, и всему району слава мировая”.

— Вот стервец! — сказал Иван Никитич. — Славу мировую захотел.

— Я ему и говорю: “Ты перестань мне агитацию разводить, лучше бы нам механика прислали, — движок вторую неделю не работает”. Ну, поговорили, а еще через неделю снова звонок. Из области. Просят, значит, приготовить восемь мест в нашей гостинице или в Доме колхозника для научной комиссии. Проверять будут. Посмеялись мы, какие у нас дома для приезжих, но две избы выделили. А там уж началось. Что ни день — новая группа. Тут уж и туристы добрались, и какие-то филологи, и… да я тебе прочитаю, кто вчера приехал.

Председатель достал пухлую записную книжку, полистал ее и прочел:

— “Девятнадцатое. Приехали на чудовище глядеть: юных натуралистов из поселка Казачьего — семнадцать человек с руководителем, делегация Союза композиторов — три человека и один рояль, туристов-одиночек — сто сорок четыре человека, представителей магаданского Общества слепых — два человека и поводырь, альпинистов-перворазрядников — восемь, аквалангистов-черноморцев…”

— Ты погоди, Савватий, — сказал Иван Никитич. — Ты нам скажи, чего изнуряешься? Ведь слава-то какая.

— Какая слава? Какая слава? Думаешь, кто, кроме того специалиста, которому парное молоко нужно, обо мне знает? А так, кроме мороки да возни, никакой радости. Думаешь, хоть одна рыбина в озере осталась? Мне весь план рыболовный на восемь лет сорвали, охоту вокруг уничтожили… Кто мог — все в тайгу подались. Только старухи остались.

Председатель поднялся из-за стола и пошел, ссутулясь, в угол, где висел длинный серый дождевик.

— Хоть нашли чего? — спросил Руслан.

— А кто их поймет? Чуть стемнеет, начинают видеть. То один, то другой. А совсем темно станет, так каждый второй

видит.

Седов молчал в углу. Я так поняла, что он думал о рабочих, которых нам не нанять, и о грузе, который не найти среди всего обилия товаров, сваленных в этом пустынном уголке.

…Озеро и на самом деле было небольшим, полкилометра в диаметре. Серая поверхность его была довольно плотно уставлена плавучими средствами, — от катеров на подводных крыльях до грубо сработанных плотов и отдельных бревен. Рыбу в озере уже всю выловили — берег был покрыт тонким слоем мелкой чешуи. Энтузиасты громко переговаривались, ссорились порой из-за удобного места, падали в воду и пели хоровые песни.

Береговые наблюдатели обладали в массе более совершенной аппаратурой. Бинокли, старинные медные подзорные трубы и почему-то несколько теодолитов. Суровые молодцы, постукивая молотами, монтировали громадную клетку из железной арматуры.

— Чепуха какая-то, — сказал Ким. — Я пойду баню поищу, там сейчас, наверное, совсем пусто.

В этот момент издалека, от того берега, раздался неясный, но громкий вопль. Вопль прокатился по всему озеру, приобретая по мере движения вопросительные интонации. Затрепетали подзорные трубы, и со словами “оно”, “оно!” все помчались к берегу.

Но тревога оказалась ложной. Тут же выяснилось — крикнули с дежурного вертолета, — у одного из катеров подломилось подводное крыло. Ким ушел искать баню, а мы с Русланом остались на берегу. Еще раза два поднималась тревога, но оба раза она оказывалась ложной. Начало темнеть, и сильно похолодало. Загорелись костры.

— Пошли, что ли? — сказала я Руслану.

Руслан, в котором здоровый скепсис одолел, наконец, любознательность, согласился со мной. Так мы покинули таинственное озеро.

А утром я вышла снова на берег озера, просто погулять. Берег оказался неожиданно пустынным. “Клондайк” спал. Он поздно ложился и поздно вставал. Только вертолеты гудели на посадочной площадке да Седов зычно ругался с пилотами.

Чем дальше я шла по берегу, тем меньше встречалось кострищ и банок из-под сгущенного молока. Наконец я вышла к сопкам дальнего берега. Здесь природа сохранилась почти в полной чистоте, если не считать отдельных обгорелых дровин да чьих-то очков, прибитых волнами.

Поселок казался издалека мирным и тихим; и если бы не несколько ранних дымков, можно было подумать, что весь

вчерашний день приснился.

Солнце принялось вылезать понемножку из-за сопки, и туман над озером заволновался, расползаясь по берегам.

Я вынула из кармана краюху хлеба и откусила кусок. Стоя есть было неудобно. Поэтому я подошла к самому берегу и села на камень, выдающийся далеко в воду.

Вода передо мной заволновалась, расступилась, и из нее показалась длинная черная шея с маленькой головой и большими печальными глазами. Шея была настолько худа, что позвонки далеко выпирали, натягивая кожу.

“Ага, это и есть чудовище, — подумала я и не стала двигаться, чтобы его не спугнуть. — То-то я всех удивлю!”

Чудовище выползло на мелководье, с трудом помогая себе худым хвостом, и робко покачало головой перед моим носом. Я смерила его на глазок — получилось метров семь — восемь. Не очень крупное чудовище.

Чудовище, наконец, решилось, наклонило голову к моей руке, взяло острыми частыми зубами с ладони кусок хлеба и, тяжело вздохнув, проглотило его. Краюха медленно продвигалась по шее, и я видела ее движение, пока она не исчезла в желудке. Чудовище закрыло глаза от наслаждения. Потом понюхало мою руку и обнаружило, что хлеб кончился.

Издалека от поселка донесся голос громкоговорителя: “Начинаем утреннюю зарядку”. Услышав последовавшие за этим бодрые музыкальные фразы, чудовище сделало попытку выбраться на берег и уйти в тайгу. Но ласты не держали объемистое тело, легонько трещали ребра, и складки кожи задевали о плавник. Крупная слеза выкатилась из правого глаза ящера. Чудовище брезгливо оттолкнуло подплывшую телефонную трубку с обрывком провода и тихо ушло обратно под воду. Тут я поняла, что никому ничего рассказывать не буду.

Когда я вернулась в поселок, энтузиасты уже встали и бурно обсуждали планы на сегодняшний день.

Я вошла к нам в избу и сказала неожиданно для себя:

— Хоть бы дождь пошел, да посильнее.

— Ты с ума сошла, Кирка, — сказал Ким, который зашивал дыру в рюкзаке. — Испортит нам весь отдых.

— Может, их разгонит, — сказал председатель. Он посмотрел на меня внимательно. — Гуляла?

— Да.

— На тот берег?

— Угу.

— Кир, — сказал Руслан. — Седов просил тебя подойти к нему на посадочную площадку. Дело есть.

— Иду, — ответила я, хотя идти не хотелось. Председатель догнал меня во дворе.

— Погоди, Кира, как тебя по батюшке?

Я остановилась. Председатель понизил голос.

— Видала? — спросил он.

— А вы как догадались?

— Да мы его там по утрам подкармливаем. Чтобы не подох. Жалко все-таки. — Потом помолчал немного и добавил: — А дождь сегодня должен пойти. И как следует. Я областное радио слушал. Очень метеорологи обещали. Вся надежда на них.

Род Серлинг
МОЖНО ДОЙТИ ПЕШКОМ

Звали его Мартин Слоун, и было ему от роду тридцать шесть лет. Он смотрел на свое отражение в зеркале шкафа, снова

испытывая извечное недоумение, что вот этот высокий симпатичный человек, глядящий из зеркала, и есть он сам, и вслед за этой мыслью тотчас явилась другая — ведь его образ в стекле к нему самому не имеет ровно никакого отношения. Хотя, спору нет, из зеркала смотрел он, Мартин Слоун, высокий, ростом в шесть футов и два дюйма, с худощавым загорелым лицом, с прямым носом и квадратной челюстью; лишь несколько ниточек седины протянуто на висках, глаза поставлены не слишком широко и не слишком близко — словом, хорошее лицо. Он перевел взгляд ниже, продолжая читать в стекле инвентарный список личности. Костюм от братьев Брукс, сидящий на нем с небрежным совершенством, рубашка от Хэтэуэя и шелковый галстук, тонкие золотые часы — и все это так подобрано, во всем чувствуется такой вкус.

Он продолжал рассматривать себя и все удивлялся, как все-таки, оказывается, внешний лоск может скрыть своим камуфляжем истинную сущность человека. Ибо то, что он наблюдал сейчас в зеркале, было именно камуфляжем. Черт возьми, ну да, он, Мартин Слоун, крупная шишка в рекламном агентстве — у него сказочная холостяцкая квартира на Парк-авеню с окнами на Шестьдесят третью улицу, он водит красный “мерседес-бенц”, у него живой ум, ум чрезвычайно творческого склада — словом, этакий, знаете, пробивной молодой человек с перспективой. Он может читать меню по-французски, быть запанибрата с Джеки Глизоном, и ему известно ощущение той непередаваемой теплоты от сознания значительности своей личности, которое испытываешь, если метрдотель у Сарди, или в “Колонии”, или в заведении Дэнни назовет тебя по имени и улыбнется тихой, уважительной, особенной улыбкой, когда ты входишь в зал.

Но оборотной стороной всего этого, проклятием жизни Мартина Слоуна была начинающаяся язва, которая и в эту минуту начала исподволь, потихоньку терзать своими острыми когтями его внутренности. Паника и так охватывала его по десятку раз на дню — конвульсивное, захватывающее дух, леденящее ощущение сомнения и нерешительности; чувство, что ты не сразу находишь нужный ответ, что ты ошибаешься; усилие, которое нужно сделать, чтобы голос звучал твердо, а решения и выводы непреложно, тогда как глубоко внутри, где-то в самом кишечнике, и с каждым днем все ясней и ясней он ощущал, как блекнут все его ловкие выдумки, когда он отдает их на всеобщий суд, когда говорит с президентом агентства, с клиентами или со своими коллегами.

И эта язва! Эта проклятая язва! Он почувствовал, как она

снова запускает в него свои зубы, и весь напрягся, как человек, ступающий под холодный душ. Она насквозь прожигала желудок. Когда боль отпустила, он закурил сигарету и почувствовал, что спина у него взмокла: горячая июньская испарина превратила рубашку от Хэтэуэя в липкую, щекочущую тряпку, и даже ладони стали такими же мокрыми, как и все тело.

Мартин Слоун подошел к окну взглянуть на Нью-Йорк. На Парк-авеню уже зажгли фонари, и ему вспомнились фонари его родного городка. В последнее время он часто думал о том месте, где родился и провел детство. Вот уже несколько месяцев, возвращаясь с работы домой, он садился в своей затянутой сумерками гостиной и в задумчивом одиночестве пил виски. Он вспоминал время, когда был еще мальчишкой, и место, где все это начиналось, — всю хронологию тридцатишестилетнего мужчины, который теперь умел держать жизнь мертвой хваткой, но которому, по крайней мере, три раза в неделю хотелось заплакать.

Слоун рассеянно смотрел вниз, на огни Парк-авеню, и думал о себе, как- о мальчишке, и о главной улице своего городка, и об аптеке, которую держал мистер Уилсон. Нечаянные, несвязанные воспоминания, но они были частью той сладкой тоски, которая делала столь невыносимой и эту комнату, и виски, и отражение в зеркале. Снова ощутил он настойчивый натиск подступающих слез и снова подавил его, запрятав поглубже вместе с болью язвы. В голову ему пришла мысль. Сесть в машину — ив путь! Вон из Нью-Йорка! Подальше от Мэдисон-авеню. Подальше от вздорного, бессмысленного жаргона босса, вечно не к месту употребляющего метафоры; подальше от налогов, и процентных отчислений, и космических счетов, и приходных статей в три миллиона долларов, и нездоровой, уродливой маски этакой доброй компанейщины, которая прикрывает отношения глубоко чужих друг другу людей.

Подсознание шепнуло ему, что уже куда позднее, чем он думал. Он вышел из квартиры, сел в машину и вывел ее на Гранд Сентрал Паркуэй. Вцепившись в руль своего красного “мерседеса”, Слоун вдруг спросил себя — куда же это, черт побери, он едет, и — странное дело — то, что он не смог найти ответа, не повергло его в растерянность. Ему хотелось подумать, только и всего. Ему хотелось вспоминать. И когда он свернул на нью-йоркскую Сквозную и направился к северу, у него не было уже никаких колебаний. Он просто гнал и гнал машину в ночь, и лишь в самом уголке мозга почему-то теплилась мысль об аптеке старика Уилсона.

Именно картина этой аптеки снова вернула все его сознание

к воспоминаниям о прошлом. К воспоминаниям о городишке под названием Хоумвуд, штат Нью-Йорк, этом тихом, осененном кронами деревьев городке, где населения-то было всего три тысячи человек. Сидя за рулем, он припоминал время, которое составило только небольшую часть его жизни, но, боже мой, какую часть! Восхитительные дни детства. Тихие улочки летними вечерами. Радость парков и площадок для игр. Невозбранную свободу ребенка. Как прилив и отлив, воспоминания накатывались на мозг и откатывались, пробуждая странный, труднопреодолимый голод, который он воспринимал подсознательно, как тоску не только по самому месту, но и по тогдашнему времени. Ему хотелось снова стать мальчиком. Вот чего ему хотелось. Он хотел развернуться в жизни на сто восемьдесят градусов и двинуться назад. Он хотел пробежаться вдоль строя годов и найти тот единственный, когда ему было одиннадцать…

Мартин Слоун в костюме от Брусков, сидящий за рулем красного спортивного автомобиля, направился в ночь и подальше от Нью-Йорка. Он настойчиво гнал вперед машину, словно имея перед собой определенную цель, хотя на самом-то деле и понятия не имел о пункте своего назначения. Это не была обычная поездка на уик-энд. И это не было минутным порывом, когда человек отворачивается от общепринятого, ставшего нормой. Это был Исход. Это было бегство. Где-то там, в конце длинной бетонной ленты шестирядного шоссе, что пролегло через вздымающиеся волнами холмы северной части штата Нью-Йорк, Мартин Слоун надеялся найти убежище от помешательства.

Он остановился в мотеле неподалеку от Бингхэмптона, штат Нью-Йорк, проспал несколько часов и снова пустился в путь, и к девяти утра въехал на площадку заправочной станции, примостившейся у бетонной полосы шоссе штата. Скорость у него была приличной, когда он сбросил газ, и машина, останавливаясь, завизжала тормозами и подняла клубы пыли. Последние остатки напористости, которая поддерживала его в Нью-Йорке, последние остатки того нетерпения, что толкало его сквозь череду дней, еще жили в душе Мартина, и он настойчиво нажал на кнопку клаксона. Рабочий — симпатичный парнишка в штанах из грубого холста — поднял лицо от покрышки, ремонтом которой он занимался в нескольких метрах от Мартина, вытер руки тряпкой и так и остался стоять, прислушиваясь к гудку “мерседеса”.

— Как насчет того, чтобы обслужить? — крикнул ему Мартин.

— А как насчет того, чтобы потише? — ответил парнишка.

Мартин закусил нижнюю губу и отвернулся, крепко сжав руки на руле, впившись взглядом в приборную доску.

— Простите, — мягко произнес он.

Парнишка направился к нему.

— Залейте, пожалуйста, бак, — попросил Мартин.

— Это можно.

— Я извинился, — сказал Мартин.

— Я слышал, — ответил парнишка. — Залить, верно, самого лучшего?

Мартин кивнул и отдал ему ключи. Парнишка обошел автомобиль сзади и отпер горловину бака.

— Как насчет того, чтобы сменить масло и вообще всю смазку? — спросил его Мартин.

— Можно, — сказал парнишка. — Но часик на это уйдет.

— У меня времени сколько хочешь, — сказал Мартин.

Он повернулся и посмотрел через шоссе на придорожный щит, надпись на котором гласила: “Хоумвуд, 1,5 мили”.

— Это что — тут у вас Хоумвуд неподалеку? — спросил Мартин.

— Точно, — кивнул парнишка.

— Я там жил когда-то. Можно даже сказать, вырос. Не был там лет восемнадцать, а то и двадцать. — Он вышел из машины, полез в карман за сигаретой и обнаружил, что у него осталась только одна. Перед бензоколонкой стоял автомат для продажи сигарет. Мартин купил пачку и вернулся к машине, говоря на ходу: — Лет восемнадцать-двадцать. И вдруг прошлой ночью я просто… просто сел в машину и поехал. Дошел до точки, когда… в общем, когда мне уже обязательно нужно было выбраться из Нью-Йорка. Еще один совет директоров, еще один звонок, доклад, проблема, и я… — Он засмеялся, но смех был усталый и какой-то пустой.

— Значит, вы из Нью-Йорка? — спросил его парнишка.

— Точно. Из Нью-Йорка.

— Здесь полным-полно проезжают из Нью-Йорка, — сказал парнишка. — Ведь у нас здесь как: хочешь ехать сто миль в час — валяй! А там, в городе, красный свет — стой, потом дадут зеленый, кто-то тебя с места обгонит — и все, на целый день настроение испорчено. Господи боже мой, да как вы вообще умудряетесь там жить!

Мартин отвернулся и занялся боковым зеркальцем машины.

— Просто терпим, — ответил он. — Миримся с этим, пока не наступит однажды в июне такая ночь… Тогда-то мы неожиданно и срываемся с места. — Он снова посмотрел через дорогу на щит. — Полторы мили, — задумчиво прочитал он. — Можно

дойти пешком.

— Кому пустяк, а кому и нет, — отозвался парнишка.

— Думаешь, если люди зашибают деньги в Нью-Йорке и разъезжают в красных спортивных автомобилях, так они уж и ходить разучились, а? — широко улыбнулся Мартин.

Парнишка пожал плечами.

— Я вернусь за машиной поздней. — Улыбка не сходила с лица Мартина. — Полторы мили — можно дойти и пешком!

Он взял с сиденья пиджак, перебросил его через плечо и не торопясь пошел по дороге к Хоумвуду; городок лежал впереди на расстоянии чуть больше мили, а по времени — двадцать лет спустя.

…Мартин вошел в аптеку и недвижимо остановился возле двери в темной прохладе помещения. Все было в точности так, как ему запомнилось. Узкая комната с высоким потолком, в одном конце которой стоял сатуратор с газировкой, а в другом был устроен бар. Деревянная лестница, которая вела в крохотный кабинет на антресолях. Мартин вспомнил, что мистер Уилсон, владелец, именно там любил подремать в свободную минуту. Худощавый человек невеликого роста, в очках с толстыми стеклами перетирал у прилавка с газировкой стаканы и улыбнулся Мартину.

— Что пожелаете? — спросил он.

Мартин смотрел на расклеенные по стенам плакаты, на старомодные висячие светильники, на лопасти двух большущих электрических вентиляторов, висевших под потолком. Он подошел к стойке и сел. Все пять стеклянных кувшинов с дешевыми конфетами были точь-в-точь такими, как он их помнил.

— Вы еще делаете ту чудную шоколадную содовую с мороженым? — опросил он у человека за стойкой. — С тремя шариками мороженого?

Улыбка продавца вроде бы стала несколько напряженной.

— Как вы сказали?

Мартин смущенно засмеялся.

— Я когда-то проводил в этой аптеке половину всего времени, — объяснил он. — Я здесь рос. И помню, что мы постоянно заказывали одно и то же — содовая, шоколадный сироп и три шарика мороженого. Помню еще, стоило это десять центов.

Человек глядел на него вопросительно, и Мартин внимательно посмотрел ему в лицо.

— Знаете, какая штука, — сказал Мартин, — ваше лицо мне знакомо. Не встречал ли я вас раньше?

Продавец пожал плечами и улыбнулся.

— Самое обычное лицо…

— Давно было все, — сказал Мартин. — Восемнадцать, а то и двадцать лет назад. Вон когда я отсюда уехал, — и он рассмеялся пестрой череде потаенных мыслей, которые быстрой стайкой пронеслись у него в голове. — Хотел бы я, — продолжал он, — чтобы мне дали по доллару за каждый час, который я провел у этой стойки. От приготовительной школы до третьего года в средней. — Он повернулся на табурете, чтобы посмотреть в окно на солнечную, яркую улицу. — И город выглядит так же, как тогда. — Он снова обратился к человечку: — Вы знаете, это в самом деле поразительно. Через двадцать лет выглядеть до такой степени тем же самым…

Человечек в очках тем временем приготовил и подвинул ему мороженое.

— Десять центов.

Мартин сунул было руку в карман, но затем внезапно замер.

— Десять центов? — недоверчиво переспросил он и поднял огромный, до краев наполненный темной жидкостью бокал. — Три шарика?

Продавец засмеялся.

— Так уж мы их делаем, — сказал он.

У Мартина снова вырвался смех.

— Вы так проторгуетесь до последней рубашки. Кто же теперь продает мороженое с содовой за десять центов!

Воцарилось короткое молчание.

— Не продают? — спросил Мартина человечек. — Да откуда вы?

Мартин принялся ложкой топить шарик мороженого.

— Из Нью-Йорка, — сказал он между двумя глотками, — Слушайте-ка, мороженое у вас первый сорт!

Человечек оперся локтями о стойку.

— Как на вкус? — спросил он.

— Замечательно! — Мартин прикончил мороженое и выпил остатки содовой. — Словно я и не уезжал отсюда, — улыбнулся он. — Просто прекрасно. — Он повернулся и обвел взглядом комнату. — Смешно, — сказал он, — сколько воспоминаний связано у человека С каким-нибудь местом! Я всегда считал, что, если я когда-нибудь и вернусь сюда, здесь все переменится.

Аптека тоже смотрела на него. Смотрели стойки, и полки, и плакаты, и лампы. Смотрели электрические вентиляторы. Они смотрели на него, как старые друзья.

— Все так… — задумчиво сказал Мартин, — как если бы я уехал отсюда только вчера. — Он встал с табурета и стоял,

вращая сиденье. — Как будто не был здесь всего один вечерок. — Он улыбнулся продавцу. — Я почти уверен, что и мистер Уилсон сидит там, наверху, в кабинетике и посапывает себе после обеда, как он всегда делал прямо до самой смерти.

Он не заметил, что, услышав это, продавец вздрогнул.

— Одна из картин детства, — продолжал Мартин. — Старина Уилсон, спящий наверху в своем большом, удобном кресле. Старина Уилсон — да упокоится душа его в мире…

Он сунул руку в карман, вытащил бумажный доллар и положил его на стойку. Продавец в удивлении воззрился на бумажку.

— Да ведь это доллар!

Мартин улыбнулся и пальцем легонько постучал по бокалу.

— Эта штука… — он оглядел комнату, — и все это, все это дороже доллара.

Он вышел под горячее летнее солнце. Продавец облокотился о стойку, размышляя о посетителе, затем поднял крышку банки с шоколадным сиропом и заглянул внутрь. Снова опустив крышку на место, он обошел стойку, поднялся по лестнице и раз-другой негромко стукнул в дверь.

— Да? — отозвался сонный старческий голос. Продавец приоткрыл дверь на несколько дюймов.

— Мистер Уилсон, — сказал он, обращаясь к седовласому старику, покоившемуся в тяжелом кожаном кресле; один глаз у старика был закрыт, — мистер Уилсон, нам нужно прикупить шоколадного сиропу.

Старик мигнул, кивнул и снова смежил веки.

— Закажу сегодня же. — И тотчас уснул.

Продавец вернулся к стойке. Он взял бокал Мартина Слоуна и принялся его мыть. “Смешной какой парень!” — подумалось ему.

“Проторгуетесь, — говорит, — до последней рубашки, если станете давать за десять центов три шарика”. Все время, пока вытирал бокал, продавец ухмылялся. “Никто, — говорит, — больше не продает сто три шарика за десять центов”. Он пожал плечами и отставил бокал в сторону. Кого только не встретишь! Кого угодно, уж это точно. Но этот парень, этот парень какой-то странный. У этого на лице написано что-то такое… Как бы это сказать… Он выглядел таким… таким счастливым. Сидел себе в темной, захудалой аптеке, а вид у него был счастливый…

В аптеку вошла какая-то женщина с рецептом, и продавец в этот день уже больше не вспоминал про Мартина Слоуна.

…Мартин шагал по Дубовой улице — по улице, на которой прошло его детство. Она простерлась перед ним, окаймленная

рослыми кленами, уже полностью развернувшими листья. От деревьев в слепящей белизне солнечного света падали четкие черные тени. Большие двухэтажные дома викторианской архитектуры, расположенные позади просторных зеленых лужаек, все были старыми друзьями Мартина.

Медленно шагая мимо них по тротуару, он вслух произносил имена владельцев. Ванберен, Уилкокс, Эбернети. Он перевел взгляд на противоположную сторону улицы. А там дома доктора Брэдбери, Малруни, Грей. Он остановился, огляделся по сторонам. Улица была в точности такой, какой он ее помнил. Сладкая боль ностальгии ужалила его в самое сердце. Ему припомнилось, как на этой самой улице он играл с другими ребятишками. Как разносил газеты Как падал, катаясь на роликовых коньках и велосипеде. Припомнил и люден. Их лица и имена, которые сейчас хлынули в мозг. Его дом стоял на углу, но по какой-то причине Мартину захотелось подойти к нему в самую последнюю очередь. Он видел его впереди, за деревьями — большой, белый, с полукруглой верандой вокруг. Купола. Железный флюгер впереди Господи, чего только не помнит человек! Даже те вещи, которые он давно задвинул в самый дальний сусек памяти и забыл о них. Но затем человек поднимает крышку — и вот они, снова перед ним.

— Привет! — произнес ребячий голос.

Мартин Слоун взглянул вниз и увидел четырехлетнего карапуза с мордахой, измазанной сиропом. Мальчишка играл в шарики.

— Привет, — ответил Мартин и присел рядом с ним на край тротуара. — Как, получается? — Он показал на мальчишкины шарики.

— В шарики играть? — спросил мальчуган. — Я хорошо умею.

Мартин взял один из шариков и прищурился сквозь него.

— Я когда-то тоже играл в шарики. Мы шарикам давали имена. Например, из стали — мы их доставали из старых подшипников, — те мы называли стальками. А через которые можно было смотреть, мы называли ясненькие. А как сейчас — тоже даете им названия?

— Ага, — сказал мальчуган.

Мартин показал рукой через улицу на телефонный столб, изрезанный и истыканный тысячами складных ножей.

— Здесь мы играли в пряталки, — сказал он мальчугану и громко засмеялся, потому что воспоминание это согрело его и пришлось по сердцу. — Вот прямо на этой улице и играли, летом, что ни вечер. А я жил вон в том угловом доме. — Он показал

рукой. — В том большом, в белом.

— В доме Слоуна? — спросил мальчуган.

Глаза у Мартина расширились.

— Верно. Вы все еще так его называете?

— Как?

— Дом Слоуна. Это я Слоун. Меня зовут Мартин Слоун. А тебя как?

Он протянул ладонь для рукопожатия, но мальчишка подался назад, нахмурившись.

— Вы не Мартин Слоун, — укоризненно сказал он. — Я знаю Мартина Слоуна, а вы и не он совсем.

Мартин засмеялся.

— Не он, говоришь? Ну-ка посмотрим тогда, что у меня написано в водительских травах.

Он сунул руку в нагрудный карман за бумажником. Когда он поднял взгляд от удостоверения, мальчуган уже улепетывал по улице, а потом свернул с нее на лужайку и помчался к дому напротив дома Слоуна. Мартин медленно встал и двинулся дальше. “Да это же в первый раз, бог знает за какое время, — подумалось Мартину, — что я могу вот так неспешно пройтись”. Дома и лужайки уплывали назад мимо него, а он вбирал их в себя. Он хотел, чтобы это тянулось как можно дольше. Ему хотелось познать это все. Где-то подальше — он слышал — звучал детский смех и тилиньканье колокольчика на фургоне мороженщика. Все подходило одно к одному — и то, что открывалось глазу, и звуки, и общее настроение. Он ощутил, как в горле поднялся и остановился какой-то комок.

Слоун не обратил внимания, сколь долго он шел, но в конце концов увидел, что находится в парке. Здесь тоже все было по-прежнему — как эта аптека, как эти дома, как эти звуки. На том же месте стоял павильон с большой круглой эстрадой для оркестра. Все так же крутилась облепленная ребятишками карусель, и металлическая дребезжащая музыка шарманки по-прежнему сопровождала ее круговой бег. Были и те же самые деревянные кони, и те же латунные кольца, и те же киоски с мороженым, и те же продавцы сахарной ваты. И всюду дети. Короткие штанишки и микки-маусовые рубашки. Леденцы и стаканчики с мороженым, и смех, и радостный визг. Язык детства. Музыка — симфония лета. Звуки водоворотом кружились вокруг него. Шарманка, смех, ребятишки… Снова он почувствовал, как что-то сдавило горло. Снова горько-сладкое. Он оставил все это так далеко позади, и вот вдруг смог обрести все опять.

Мимо него прошла хорошенькая молодая женщина, толкая перед собой коляску с ребенком. Что-то в лице Мартина Слоуна,

который разглядывал карусель, привлекло, должно быть, ее внимание, потому что она остановилась. Никогда раньше она не видела такого выражения. Может быть, поэтому она улыбнулась ему, и он тоже ответил ей улыбкой.

— Чудесное место, не правда ли? — сказал он.

— Парк? Да уж конечно!

Мартин кивнул по направлению карусели.

— Тоже часть лета, правда? Эта карусельная музыка. Шарманка.

Хорошенькая женщина рассмеялась.

— И сахарная вата, и мороженое, и оркестр на эстраде…

На лице Мартина уже не было улыбки. Ее сменило выражение сосредоточенности и внутренней муки.

— Ничто с этим не может сравниться никогда, — мягко сказал он. — Ничего не может быть лучше, чем когда стоит лето, а ты еще совсем маленький.

Женщина пристально смотрела на него. Да что же все-таки с этим мужчиной?

— Вы здешний? — спросила она.

— Был когда-то. Очень давно, — ответил Мартин. — Я жил в двух кварталах отсюда. Помню вот и эту эстраду. Господи, еще бы мне не помнить! Бывало, убежишь вечером потихоньку из дому, ляжешь вон там в траве, смотришь на звезды и слушаешь музыку. — Голос его стал звучать взволнованно. — А вон на том поле я играл в бейсбол. Стоял на третьей линии. И все-то детство у меня связано с этой вот каруселью. — Он протянул руку по направлению к эстраде. — Вон на том столбе однажды летом я вырезал свое имя. Мне было одиннадцать, и я вырезал свое имя прямо на… — Он резко оборвал себя и уставился во все глаза.

На перилах эстрады павильона сидел мальчик и складным ножом вырезал что-то на столбе. Мартин Слоун медленно направился к нему. Он ощутил вдруг чувство, которого до сих пор никогда не испытывал. Его бросало то в жар, то в холод и познабливало от возбуждения; это было потрясение, изумление, это была тайна, глубина которой казалась ему непостижимой. Снизу вверх он взглянул на мальчугана и увидел свое собственное лицо, каким оно было двадцать пять лет тому назад. Он смотрел на себя самого. Он стоял, недоверчиво качая головой, щурясь на солнце, и затем увидел, что именно вырезал на столбе этот мальчишка. Детскими, неровными, печатными буквами. “Мартин Слоун” гласила надпись. Мартин перевел дух и протянул руку к мальчишке, который только сейчас заметил, что за ним наблюдают.

— Мартин Слоун! Ты Мартин Слоун?..

Мальчишка соскользнул с перил. Вид у него был испуганный.

— Да, сэр, но я ничего не хотел плохого, честно. Все ребята вырезают здесь свои имена. Честно. Я же не первый…

Мартин подвинулся к мальчику еще на шаг.

— Ты Мартин Слоун. Ну, конечно, ты — Мартин Слоун, вот кто ты… Вот так я и выглядел…

Он не замечал, что его голос внезапно стал громким, и, уж конечно, никак не мог видеть, как напряжено его лицо. Мальчишка подался назад, а потом помчался вниз по ступенькам.

— Мартин! — крикнул ему вдогонку Слоун. — Мартин, прошу тебя… вернись! Пожалуйста, Мартин!

Он побежал было за ним, но мальчик уже затерялся в многоцветной толпе коротеньких штанишек, микки-маусовых рубашек и батистовых платьев матерей.

— Прошу тебя, Мартин! — снова закричал Слоун, пытаясь разглядеть мальчика. — Пожалуйста… не надо бояться. Я не сделаю тебе ничего дурного. Я просто хотел… Я просто хотел порасспросить тебя кое о чем… Я только хотел сказать тебе, — с нежностью продолжал Мартин, обращаясь уже больше к себе, — я только хотел сказать тебе, что потом случится…

Он повернулся и увидел давешнюю хорошенькую женщину. Она стояла рядом. Он закрыл глаза и провел рукой по лицу — ничего не понимающий, сбитый с толку.

— Не знаю, — слабо произнес он, — право, не знаю. — Он открыл глаза и уронил руку от лица. — Если это сон, я, надеюсь, проснусь…

Он снова стал слышать смех, музыку шарманки, ребячьи голоса.

— Я не хочу, чтобы это был сон, — сказал он. — О боже, я не хочу, чтобы это был сон!

Когда он перевел взгляд на молодую женщину, в ее глазах стояли слезы.

— Я не хочу, чтобы время проходило, вы меня понимаете? Я хочу, чтобы всегда было как сейчас…

Молодая женщина не понимала, что в этом человеке заставило ее испытывать к нему такую жалость. Ей хотелось успокоить его, но она не умела. Она только молча смотрела, как он повернулся и вышел из парка; и весь остаток дня она думала о нем, странном человеке с напряженным взглядом, который стоял в самом центре их парка, влюбленный в него.

Теперь Мартин знал, куда ему следует пойти. Это было все, что он знал. Все, кроме сознания того, что с ним происходит что-то странное. Что-то нереальное. Он не был испуган. Он только потерял внутренний покой. Он вернулся на Дубовую улицу и

остановился перед своим домом. Снова почувствовал он, как воспоминания охватывают его. Он двинулся к дому по дорожке, поднялся по ступенькам и позвонил. Его всего трясло, но он не мог бы сказать ничего. Послышались приближающиеся шаги, дверь отворилась, и через сетку от насекомых на него уставился какой-то мужчина.

— Да? — спросил он.

Мартин Слоун не отвечал. Он не мог говорить. Восемнадцать лет назад дождливым, холодным, насквозь продутым ветром, мартовским полднем состоялись похороны его отца, он сам был на них, и вот теперь он смотрел на лицо своего отца там, по другую сторону сетки. Квадратная челюсть, глубоко сидящие голубые глаза, на редкость выразительные морщины, избороздившие лицо и придающие ему одновременно чуть насмешливое и мудрое выражение. Лицо его отца. Лицо, которое он любил. И это именно оно смотрело на него через сетку.

— Да? — Его отец перестал улыбаться, и в голосе у него прозвучала нотка нетерпения. — Кого вам нужно?

— Папа! Папа! — Голос Мартина больше напоминал шепот.

Изнутри, из комнат, он услышал голос матери. Уже четырнадцать лет, как ее не было на свете, но это был ее голос.

— Кто там, Роберт? — спросила женщина. Его мать.

— Мама? — голос Мартина дрогнул. — Это мама?

Глаза Роберта Слоуна сузились и губы сжались.

— Кто вы такой? — резко сказал он. — Что вам здесь нужно?

Миссис Слоун уже стояла подле мужа, взглянула разок ему в лицо и перевела взгляд на Мартина.

— Почему вы оба здесь? — спросил Мартин. — Как вы можете быть здесь?

Недоумевающая и обеспокоенная миссис Слоун снова перевела взгляд с Мартина на мужа.

— Кто это? — спросила она. — Чего вы хотите, молодой человек?

Мартин, не веря своим глазам, покачал головой, чувствуя, как все в нем рвется навстречу этому мужчине и этой женщине, стоящим перед ним. Ему хотелось коснуться их, обнять их, прижаться к ним.

— Мамочка, — произнес он наконец. — Неужели ты не узнаешь меня? Это Мартин, мамочка. Это Мартин!

Глаза женщины расширились.

— Мартин? — Она повернулась к мужу, шепча ему: — Это какой-то лунатик или еще кто…

Роберт Слоун начал закрывать дверь. Мартин схватился было за ручку рамы с сеткой. Она не поддалась.

— Папа, прошу тебя, подожди минутку. Ты не должен меня бояться. Господи боже, да как вы можете бояться меня? — Он ткнул себя пальцем, как если бы представлял сейчас собой всю логику мира. — Я Мартин, — повторил он. — Неужели вы не понимаете? Я Мартин. Я здесь рос!..

Он видел холодность на их лицах, страх, неприятие. Он был в эту минуту, как маленький мальчик, который потерялся, но затем вернулся домой и нашел дверь запертой.

— Я ваш сын, — молил он. — Неужели вы меня не узнаете? Мамочка! Отец! Пожалуйста… посмотрите на меня!

Дверь с треском захлопнулась перед самым его носом, и прошло несколько минут, прежде чем он смог сойти вниз по ступенькам крыльца. Там он остановился, чтобы еще раз окинуть взглядом дом. Вопросы осаждали его, вопросы, которые даже не имели какой-то четкой формы. Бессмысленные вопросы. Во имя господа что же это здесь творится? Где он? Когда он? Деревья и дома валились на него, он чувствовал, что на него поднимается вся улица. О боже, ему совсем не хочется уходить отсюда! Он должен снова увидеть своих родителей. Он должен поговорить с ними!

Звук автомобильного гудка ударил ему в уши. В соседнем дворе он увидел мальчишку, показавшегося ему знакомым. Парень стоял возле открытого двухместного автомобиля с откидывающимся задним сиденьем.

— Привет! — прокричал ему мальчишка.

— Привет, — ответил Мартин. Он подошел к автомобилю.

— Ничего штучка, правда? — опросил мальчишка. — Первый такой в городе. Отец мне его только что купил.

— Что? — спросил Мартин.

— Новая машина. — Улыбка не сходила с губ мальчишки. — Первый такой. Вот красавец, правда?

Мартин окинул взглядом автомобиль — от переднего бампера до стоп-фонарей.

— Откидное сиденье, — тихо сказал он.

Мальчишка вопросительно наклонил голову.

— Ну, ясно, откидное. Это же тип такой.

— Двадцать лет не видел откидных сидений.

Вышла пауза, и лицо мальчишки попыталось было снова вернуть себе энтузиазм предыдущей минуты.

— Да вы откуда взялись, мистер?

Мартин Слоун не ответил. Он смотрел на автомобиль. Первый такой в городе, сказал мальчишка. Первый. Новехонький. Автомобиль выпуска 1934 года был новехонький…

Уже вечерело, когда Мартин Слоун снова вернулся на

Дубовую улицу и остановился перед своим домом, глядя на немыслимо теплые его огни, горевшие в окнах. Цикады трещали так, словно где-то в темноте били пальцами в целый миллион бубнов. В воздухе стоял аромат гиацинтов. Тихое шелестение лиственных крон закрывало луну и странными тенями пятнало остывающие тротуары. Лею, лето было во всем, так хорошо помнящееся лето…

Мартин Слоун исходил множество тротуаров и о многом передумал. С яркой и четкой ясностью знал он теперь, что очутился на двадцать пять лет назад во времени. Каким-то необъяснимым образом ему удалось пробиться через непроходимое измерение. Ничто более не затрудняло его, не томили никакие предчувствия. Теперь у него были цель и решимость. Он хотел бросить вызов этому прошлому. Он прошел к ступеням на веранде, и нога его ткнулась во что-то мягкое. Это была бейсбольная перчатка. Он поднял ее, натянул на руку, пару раз ткнул кулаком в ловушку, как делал это много лет назад. Затем увидел, что посреди двора стоит велосипед. Он несколько раз тренькнул звонком на руле и вдруг почувствовал, как чья-то рука легла на его руку и погасила звук. Он поднял глаза и увидел рядом с собой Роберта Слоуна.

— Снова вернулись, значит? — произнес его отец.

— Я должен был вернуться, папа. Это мой дом. — Он поднял перчатку, которую держал в руке. — И эта перчатка тоже моя. Ты подарил ее мне, когда мне исполнилось одиннадцать.

Глаза его отца сузились.

— Ты подарил мне и бейсбольный мяч, — продолжал Мартин. — На нем еще есть автограф Лу Герига.

Долгую, заполненную размышлениями минуту отец смотрел на него.

— Кто вы? — мягко спросил он. — Что вам здесь нужно? — Он чиркнул спичкой, раскурил свою трубку и затем вытянул руку с огоньком, вглядываясь в лицо Мартина в те короткие секунды, пока маленькое пламя еще теплилось.

— Я просто хочу отдохнуть, — сказал Мартин. — Просто на какое-то время мне нужно сойти с дистанции. Я ведь весь тут. Неужели ты не понимаешь, папа? Я отсюда, я свой, это все мое…

Лицо Роберта Слоуна смягчилось. Человек он был добрый и чувствительный. И разве не было чего-то в этом незнакомце, что пробуждало в нем странные, неясные чувства? Что-то такое, что… похоже, было знакомым?

— Послушайте-ка сынок, — сказал он. — Может, вы больны. Может, у вас навязчивая идея или еще что. Не хочется вас задевать, и не хочется, чтобы вы угодили в какую-нибудь беду. Но

все же вы лучше выбирайтесь отсюда, а то беды не миновать.

За его спиной раздался скрип открываемой двери — это вышла миссис Слоун.

— С кем ты тут разговариваешь, Роб?.. — позвала было она. Увидев Мартина, она тотчас умолкла.

Он подбежал к веранде и метнулся вверх по ступенькам, чтобы схватить ее в объятия.

— Мамочка! — крикнул он ей. — Посмотри на меня! Всмотрись в мое лицо! Ведь ты-то узнаешь, узнаешь — правда?

Миссис Слоун выглядела испуганной и попятилась.

— Мамочка! Посмотри же на меня! Прошу тебя! Кто я? Скажи мне, кто я?

— Вы посторонний, — ответила миссис Слоун. — Я никогда раньше вас не встречала. Роберт, скажи ему, пусть уйдет!

Мартин снова схватил ее и повернул к себе лицом.

— У вас есть сын по имени Мартин, ведь так? Он ходит в Эмерсоновскую школу. Август он проводит на ферме у своей тетки неподалеку от Буффало, а года два назад каждое лето вы ездили на озеро Саратогу и снимали там домик. А когда-то у меня была сестра, но она умерла, когда ей был только год!..

Широко раскрыв глаза, миссис Слоун смотрела на него.

— Где сейчас Мартин? — спросила она мужа.

Руки Мартина снова крепко сжали ей плечи.

— Это я, Мартин! — прокричал он. — Я ваш сын! Вы должны мне поверить. Я ваш сын Мартин. — Он отпустил ее и полез в карман пиджака за бумажником. Одну за другой он начал вытаскивать из него бумажки. — Видите? Видите? Вот все мои документы. Удостоверения личности. Прочитайте их. Вот — прочитайте, прочитайте!

Он настойчиво совал бумажник матери, но его мать в отчаянии и испуге вырвалась и наотмашь ударила его по лицу. Движение было инстинктивное, но она вложила в удар всю силу. Мартин застыл, бумажник выскользнул из его пальцев и упал наземь, голова его конвульсивно дернулась, ему казалось, что случилась непоправимая ошибка, и он никак не мог поверить, что женщина, стоящая перед ним, не понимает этого. Слабое эхо шарманки донеслось откуда-то издалека. Мартин повернулся и прислушался. По ступенькам мимо отца он сошел на дорожку. Там он снова остановился, прислушиваясь. Затем бросился бежать по самой середине улицы на звуки музыки.

— Мартин! — кричал он, сломя голову мчась по направлению к парку. — Мартин! Мартин! Мартин! Мне нужно поговорить с тобой!

В парке горели разноцветные фонарики, и светильники на

столбах, и разноцветные электрические надписи над эстрадой. Светящаяся дорожка, радиусом пролегшая от карусели, все вращалась, с каждым оборотом ложась на лицо Мартину, а он затравленно озирался, пытаясь разглядеть одиннадцатилетнего мальчишку в вечерней тьме, которая кишмя кишела этими сорванцами. Затем внезапно он его увидел. Мальчик катался на карусели.

Мартин подбежал к ней, схватился за стойку, когда она поравнялась с ним, и одним махом взметнул свое тело на движущуюся платформу. Он начал, спотыкаясь, пробираться через лабиринт высящихся над полом коней под взглядами сотен маленьких лиц, двигающихся перед ним вверх и вниз.

— Мартин! — закричал он, столкнувшись с одной из лошадок. — Мартин, прошу тебя, я должен поговорить с тобой!

Мальчик услышал свое имя, оглянулся через плечо, увидел этого человека со спутанными волосами и лицом в испарине, который пробирался к нему. Он слез с коня, отбросил в сторону коробку с жареной кукурузой и кинулся бежать, ловко проскальзывая между то вздымающимися, то припадающими всадниками.

— Мартин! — бился ему вслед голос Слоуна.

Слоун настигал. Их разделяло теперь всего только десять или пятнадцать футов, но мальчик не сдавался, продолжал убегать.

Случилось это внезапно. Мартин уже приблизился к мальчику на расстояние вытянутой руки и протянул ее, чтобы схватить беглеца. Мальчик через плечо оглянулся на него и, не заметив, ступил мимо края платформы и головой вперед рухнул в кружащийся многоцветный вихрь. Ногой он зацепился за какую-то железяку, торчащую из-под платформы, и некоторое время карусель тащила его за собой, кричащего в смертельном испуге. Он успел крикнуть только раз, потому что служитель в тот же миг схватил рубильник и рванул его на себя. Никто не заметил тогда и никто не мог вспомнить после, что с затихающим, нестройным аккордом преждевременно умолкнувшей шарманки слились два крика. Закричали двое. Одиннадцатилетний мальчик, теряющий и потерявший сознание, пережив перед этим секунды кошмара. И Мартин Слоун, который вдруг ощутил, как пронзительная боль агонии схватила его правую ногу. Он схватился за ногу, едва не упав. Теперь кричали уже все — матери и ребятишки, сбегаясь отовсюду к мальчику, лежавшему вниз лицом в нескольких футах от карусели. Они собрались вокруг него. Служитель протолкался через кольцо обступивших и опустился на колени рядом с маленьким телом. Когда он осторожно поднял его на руки, над толпой прозвенел тонкий голосишко какой-то девочки:

— Посмотрите на его ногу! Ой, посмотрите!

Одиннадцатилетнего Мартина Слоуна унесли из парка. По его искалеченной правой ноге текла кровь. Мартин хотел было подойти к нему, но мальчика уже унесли. Воцарилась тишина, в которой только постепенно зародился шепот. Люди стали медленно расходиться по домам. Киоски закрылись. Погасли огни. В какую-то минуту Мартин остался совсем один. Он прислонился головой к одному из столбов ограждения карусели и закрыл глаза.

— Я только хотел сказать тебе, — прошептал он, — я только хотел сказать тебе, какое это чудесное время. Пусть ни одна секунда его не уплывет мимо тебя, пока… пока ты не насладишься ею. Больше не будет каруселей. Не будет сахарной ваты. И музыканты больше не будут играть с эстрады. Я только хотел сказать тебе, Мартин, что это изумительное время. Сейчас! Здесь!.. Вот и все. Вот все, что я хотел тебе сказать.

Он почувствовал, как его душу охватывает печаль.

— Да поможет тебе господь, Мартин, это все, что я хотел тебе сказать!

Он подошел к краю платформы и сел. Деревянные кони смотрели на него безжизненными глазами. Слепо уставились на него запертые киоски. Летняя ночь развесила вокруг него свои пологи, оставив его в одиночестве. Он не знал, сколько просидел вот так, как вдруг услышал шаги. Он поднял голову и увидел отца. Тот шел к нему через платформу карусели. Роберт Слоун смотрел на него сверху и держал в протянутой руке бумажник. Его, Мартина, бумажник.

— Я подумал, что вам захочется узнать, — сказал отец. — С мальчиком все будет в порядке. Может быть, станет чуть прихрамывать, говорит доктор, но все будет в порядке.

Мартин кивнул:

— Я благодарю бога за это.

— Вы уронили вот это возле дома, — сказал Роберт, передавая ему бумажник. — Я заглянул внутрь.

— И?..

— Он кое-что рассказал о вас, — честно признался Роберт. — Водительские права, визитные карточки, деньги. — Он помолчал. — Похоже, что вы в самом деле Мартин Слоун. Вам тридцать шесть лет. В Нью-Йорке у вас есть квартира…

Он еще помолчал, затем заговорил. На этот раз голос его звучал немного вопросительно:

— Тут написано, что на водительские права срок выходит в тысяча девятьсот шестидесятом. Это ведь через двадцать пять лет. И даты на бумажниках… на деньгах… Эти годы тоже еще не

наступили.

Мартин прямо взглянул отцу в лицо.

— Значит, теперь ты знаешь, да? — спросил он. Роберт кивнул.

— Да. Знаю. Я знаю, кто вы, и знаю что вы пришли сюда издалека. Издалека… и во времени тоже. Я не знаю, зачем или как. А вы?

Мартин покачал головой.

— Но зато вам известно кое-что другое, а, Мартин? То, что еще только должно случиться…

— Да, мне это известно.

— И вам известно и то, когда ваша мать и я… когда мы…

— Да, я это тоже знаю, — шепотом сказал Мартин, Роберт вынул трубку изо рта и долгое время пристально смотрел на Мартина.

— Ну что ж, говорить этого не надо. Мне бы лучше этого не знать. Это ведь часть той тайны, с которой мы живем. И я думаю — пусть это так навсегда и останется тайной. — Он умолк на мгновение. — Мартин?

— Да, папа.

Роберт положил Мартину руку на плечо.

— Вы должны уйти отсюда. Вам здесь нет места. И ничего вашего уже нет. Вы понимаете?

— Я вижу, что это так, — тихо сказал Мартин, кивнув головой. — Но понять… нет, понять этого я не могу. Почему нет?

— Мне кажется, потому, что в жизни нам выпадает только одна возможность. Может так быть, что па каждого отпущено только одно лето. — Роберт улыбнулся. Теперь в его голосе звучало глубокое и сердечное сострадание. — Тот мальчик, тот, которого я знаю, тот, который здешний. Это его лето, Мартин. В точности как когда-то оно было вашим. — Он покачал головой. — Не заставляйте его делиться с вами.

Мартин поднялся и смотрел теперь в сторону, в темноту парка.

— Там… так плохо? Там, откуда вы пришли? — спросил Роберт.

— Я так считал, — ответил Мартин. — Я живу как в бешеной гонке, папа. Я слаб — и вот я выдумал, что я силен. Мне страшно до смерти — а я играю этакого сильного человека. Но внезапно все это настигает меня. И я почувствовал такую усталость, папа. Я почувствовал такую адскую усталость, потому что гонка была такой долгой… И тогда… в один прекрасный день я понял, что я должен вернуться. Я должен был вернуться и прокатиться на карусели, и послушать джаз с эстрады, и полакомиться сахарной

ватой… Я должен был остановиться и перевести дух, закрыть глаза, вдыхать этот запах и слушать…

— Мне кажется, мы все этого хотим, — тихо заметил Роберт. — Но ведь, Мартин, когда вы вернетесь туда, вы, возможно, обнаружите, что и там, откуда вы, тоже есть и карусели, и играет джаз, и есть летние ночи. Может быть, вы просто не посмотрели где надо. Вы оглядываетесь, Мартин. Попробуйте заглянуть вперед.

Молчание. Мартин повернулся, чтобы посмотреть на отца. Его душила любовь, самая нежная нежность, какое-то звено, которое связывало его с этим человеком сильнее и глубже, чем зов крови.

— Может быть, папа, — сказал он, — может быть. Прощай, папа.

Роберт отошел на несколько футов, остановился, постоял так, спиной к Мартину, потом снова повернулся к нему.

— Прощай… сын, — сказал он.

Через мгновение он уже исчез. За спиной у Мартина тихо пришла в движение карусель. Огни были погашены, ни единого звука не раздавалось, только смутные силуэты коней перемещались по кругу. Мартин ступил на карусель, когда она двинулась в свой круговой путь, — безмолвный табун деревянных скакунов с нарисованными глазами, ночной быстроногий табун. Карусель обошла полный круг, затем стала останавливаться. На ней никого не было. Мартин Слоун исчез.

Мартин Слоун вошел в аптеку. Это была та самая аптека, которую он помнил еще мальчишкой, но внутри она ничем не напоминала ту, разве что кроме общих очертаний да лестницы, что вела к кабинету на антресолях. Теперь здесь было светло и весело от разноцветных полосок флюоресцентных трубок, оглушительно играл сверкающий огнями музыкальный автомат, замысловатый сатуратор с газировкой блистал хромированными частями. Было полным-полно старшеклассников, которые танцевали под эту громкую музыку или увлеченно листали журналы для подростков в уголке возле окна, выходящего на улицу. Аппарат для кондиционирования воздуха источал прохладу. Мартин пробирался сквозь сигаретный дым, сквозь рев рок-н-ролла, сквозь смех подростков и их подружек, оглядываясь в поисках хотя бы чего-нибудь, что было бы ему знакомо. Молодой продавец газировки улыбнулся ему через стойку.

— Привет! — сказал он. — Что бы вы хотели?

Мартин уселся на кожаное сиденье хромированного табурета.

— Может быть, шоколадную содовую с мороженым, а? — сказал он парнишке за стойкой. — Мороженого три шарика.

— Три шарика, — повторил парнишка. — Сейчас я вам это мигом все сварганю. Будет первый класс! Тридцать пять центов. Ладно?

Мартин улыбнулся не без грусти.

— Тридцать пять, говоришь? — взгляд его снова обежал помещение. — А что старый мистер Уилсон? — спросил он. — Был когда-то здесь владельцем.

— А, он умер, — ответил парнишка. — Давным-давно. Лет пятнадцать назад, а может, и двадцать. Какое вам мороженое — шоколадное, ванильное?

Мартин не слушал его.

— Ванильное? — повторил парнишка.

— Я передумал, — сказал Мартин. — Я, пожалуй, не стану брать эту содовую. — Он стал подниматься с табурета и едва не упал, потому что его правая негнущаяся нога на момент оказалась в неловком положении. — Табуреты эти не для таких ног деланы, — заметил он с горестной улыбкой.

Парнишка за стойкой поддержал разговор:

— Уж точно. А вас это что — на войне?

— Что?

— Ногу. Вас на войне ранило?

— Нет, — задумчиво ответил Мартин. — По совести сказать, это я свалился с карусели, когда еще совсем клопом был. Потом неправильно срослось.

— Карусель! — щелкнул пальцами парнишка — Слушайте, я же помню эту карусель. Ее сломали несколько лет назад. — Он улыбнулся доброй улыбкой. — Но уж было поздно, как я полагаю, а?

— Как это? — спросил Мартин.

— Я хочу сказать, вам-то уж было все равно. Запоздало.

Мартин медленно оглядел аптеку.

— Очень запоздало, — тихо сказал он. — Для меня очень запоздало.

Он снова вышел наружу под горячее солнце. Жаркий летний день — 26 июня 1959 года по календарю. Он прошелся по главной улице и вышел из городка, направляясь к заправочной станции, где он так давно оставил свою машину, чтобы ей сменили смазку. Он медленно шагал по пыльной обочине шоссе, чуть приволакивая правую ногу.

На заправочной станции он расплатился, сел в автомобиль, развернул его и поехал назад, к Нью-Йорку. Лишь один раз он оглянулся через плечо на щит с надписью: “Хоумвуд, 1,5 мили”. Надпись обманывала. Это-то он знал. Хоумвуд был дальше. Гораздо дальше…

Мужчина высокого роста в костюме от братьев Брукс, сидящий за рулем красного “мерседес-бенца”, задумавшись, сжимал руль, направляясь на юг, к Нью-Йорку. Он не очень хорошо представлял себе, что ждет его в конце путешествия. Он знал только одно: кое-что он открыл для себя. Хоумвуд. Хоумвуд в штате Нью-Йорк. До него нельзя дойти пешком…

Перевод с английского Е. Кубичева

Альфред Элтон Ван-Вогт
ЧУДОВИЩЕ

На высоте четверти мили огромный звездолет повис над одним из городов. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно опускаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже начинали разваливаться от времени.

— Никаких следов военных действий. Никаких следов… — ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на окруженном стенами заросшем участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но, когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземляется поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

— Как по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления?

Йоал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете, — ответил он. — Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвой в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Йоал кивнул.

Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника Йоала прозвучал голос:

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше — красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал, — сказал Инэш. — Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?

— Я представлю вопрос на обсуждение совета, — медленно проговорил Йоал, — но, мне кажется, ответ не вызывает

сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы. — Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупалец и как бы про себя добавил: — Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по-видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал — эго пустая формальность. Решение принято — они будут оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам. Он облегченно вздохнул, когда они наконец добрались до ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела они применили химические вещества, которые свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, незнакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо, — они без труда расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но, простите, я

вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членами совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя, и процесс пластического восстановления начался. Он почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых1 величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно. Электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на двух червей, на две одинаковые желудочные системы, такие же прожорливые, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка “помнит” это целое в таких мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит сил.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память — это филологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул; и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы, в том же ритме.

Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образов-форм устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела.

Ресницы воскрешенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда, — сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев. — Значит, смерть —

только переход в иной мир. Но где же все мои приближенные?

Последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном.

Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гэнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным мужеством, которое сейчас ему пригодилось. Неохотно опустился он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его.

— Вы боги Египта? — спросил он и снова встал. — Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось а растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскрешенный поднялся, дрожа и бледнея от ужаса.

— Господи боже мой, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов…

— Это что за “зелье”, о котором ты упомянул, воскрешенный? — с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отрава во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки, — чем только не поят в этом притоне, о господи боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив, ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте, — сказал он. — Я ехал по своим делам. Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и, если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит “машину”, но он о ней совершенно не думает, — проговорил Йоал. — Никаких таких “машин” мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовав, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется, Инэш сказал:

— Попросите его описать “машину”. Как она действует?

— Вот это другое дело! — обрадовался человек. — Скажите, куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в глазах задвоится, но все равно машину поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ…

— Газ, — вмешался техник-лейтенант Виид. — Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он. — У вас есть система, или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встретился глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: “Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравниться с ним по быстроте реакций”.

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства, — проговорил главный биолог Хамар. — Существа с медленным, обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

“Дело не в скорости, — невольно подумал Инэш, — а в правильности и точности мысли”. Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли.

Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек быстро подошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним.

— Везде то же самое?

Снова гэнейцев поразила быстрота, с которой он все понял.

Наконец Йоал решился ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот замялся, потом приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться положением и обеспечить свою безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Неизвестно, поверил человек в эту ложь или нет. Ни единым взглядом, ни единым жестом не показал он, что заметил оплавленный пол гам, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за ним второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран и, наконец, ь;_е советники один за другим.

Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя “цивилизованной”. Здесь хранилось множество аппаратов одного периода. Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили здесь в первый раз, Инэш подумал: “Атомная энергия”. Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись. Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точней, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по таблице, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет?

Советники выжидательно смотрели на Виида. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но, — прибавил он уже

медленнее, — я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли, — пробормотал чуть слышно астроном Шюри.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан Горсид:

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему стражу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закрыть все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид. — Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстояние. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ, — прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения.

— Как метеоролог, — сказал он, — я объявляю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить…

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю, — ответил Инэш, — они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все знаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости — нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, она наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось, мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно глядели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достигли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчета в природе наваждения — так незаметно оно овладевало им. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он. — Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил, — в этом все дело…

— И все это привело его к гибели, — сказал Хамар.

Все захохотали.

— Послушан, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана. — Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, нам всем следует опасаться одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Его совершенно убило открытие, что у него могут быть эмоции. К тому же не хотелось выглядеть упрямцем. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно, — сердито пробурчал он. — Стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, кажется

мне не таким уж обязательным. Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он.

И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так, не закончив всего, вернуться на Гэйну и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Инэша, привстав с кресел, всматривались в пустоту под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что-то шепнул Вииду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали, — проговорил Виид, — что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри. — Это то, чего мы всегда боялись.

— Уничтожить все локаторы на звездолете! — кричал капитан Горсид в микрофон. — Уничтожить все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены.

— Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия…

Он остановился и уже медленно закончил:

— О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех

истребленных гэнейцами рас: беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией, — вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать, — заговорил капитан Горсид. — Он здесь, в здании, он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти Пусть ждет. Мы этого не сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата, там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто немыслимо.

— Стража! — приказал капитан Горсид. — Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с ним исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Надеяться больше было не на что.

— Но куда он мог деться? — спросил Йоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел — чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приблизилось. Оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу

посерьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила, — сказал он. — Я подумал: “Что мне теперь с вами делать?”

Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный голос, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— Убейте его!

Когда взрывы пламени опали обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно — основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Предположим, — продолжал он, — вы откроете тайну локатора. Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно, пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что казалось, в ней не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он.

Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря, — проговорил он. — Она пришла из иного, звездного мира, захватив весь этот край нашей галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей.

Он умолк. Затем вернулся к прерванной мысли.

— Итак, секрет локатора… В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Йоал. — Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать галактику сможем только мы.

С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и

добавил:

— Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, он увидел, что человек повернулся к ним спи-пой и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звездолет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты, — сказал капитан Горсид. — Я предлагаю еще раз переговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Виид и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— Мне кажется… — Взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него. — Мне кажется, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например — оно пробудилось и сразу исчезло. А почему?.. Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлись по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группки исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих случаях было решено не истреблять их радиацией — это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно — всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его отыскали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная

развевающаяся туника из какой-го ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву давался, слушая, что тот говорит механическому переводчику. Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы противоестествен, ибо все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну и ту же проблему, которую можно разрешить только одним путем. Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты.

В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же была цель такой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован. — Предположим, вы заселите все планеты нашей галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловищем из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверное, никогда не поймет. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами? — настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал.

Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо, — снова заговорил человек. — Если вы не способны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно беззащитным.

“Сейчас, — подумал он, — я могу обхватить его щупальцами и раздавить!”

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью

отражать чисто механическое, макрокосмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какие-то пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно. Роковые слова были произнесены: “Если вы не способны ограничить, эго сделаем за вас мы!”

Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и по мере того, как их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней. Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, не имевшей для него значения. Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он. — Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог нас всех уничтожить, — продолжал Инэш, — то давно уничтожил бы. Но все дело в том, что у тебя не хватит сил. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены, — превратится в движение.

Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись! — шепнул историк. — В запальчивости ты можешь выболтать един из наших секретов.

Инэш стряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит наивничать! Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураком, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш! — рявкнул капитан Горснд.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется, — продолжал капитан Горсид, — я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа, — прервал его человек. Он тихонько рассмеялся. — Вовсе не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому, — продолжал он, — у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже если ты знаешь все. Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень не просто.

Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха.

Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать, — сказал он и подчеркнул: — Пока ничего.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но, мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую, не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой

корабль и летите, куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопырив щупальца. Они уже почти касались нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его…

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился в нем, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Виниде, Йоале, но все трое стояли рядом с ним такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: “Вы забыли одну маленькую деталь…” Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав.

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых, лет, Инэша вызвали в зал совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как громом поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот мы о чем забыли! — удивленно и громко проговорил он наконец. — Мы забыли, что он при желании может передвигаться в космическом пространстве в пределах… — как это он сказал?.. — в пределах девяноста световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь, когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для того чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовища раньше.

“Но мы ведь, в конце концов, не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам, — подумал Инэш. — Таким образом, он сможет нами воспользоваться, только если мы включим видео?..”

Инэш остановился. Ну, конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так величественна и прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже Инэша, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет. Видеоэкран был диаметром в двадцать пять ярдов — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было стольких звезд.

И только одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тоже вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны.

Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы ни приняли, без машины-переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него тайной. Он знает, что ни мы, ни он не можем взорвать корабль. Нам остается единственный выход. Единственный.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцами каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! — крикнул он. — Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло… Ты помнишь? Капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!..

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

— Они… не могли… проникнуть… отсек… Дверь… была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит, они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора п тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре пи одно чужое существо не будет знать о его планете, и в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уже никогда не погибнет.

Потрясенный Инэш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь, попробовал дотащиться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя он все еще что-то пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило бело-синего солнца.

Перевод с английского Ф. Мендельсона

Мишель Демют
ЧУЖОЕ ЛЕТО

В самом центре джунглей на острове Гофмана, расположенном в экваториальной зоне Афродиты, шестой планеты Сириуса, есть могила — гладкая стальная плита, на которой выгравированы

следующие слова: “ПАМЯТИ ГРЕГУАРА ГРЕГОРИ. КОСМОГРАФА, ГЕРОЯ ЗВЕЗДНОЙ ЭКСПАНСИИ”. Но под нею никто и никогда не был похоронен…

1

Он очнулся и открыл глаза: прямо над ним было небо, по которому плыли белые облака. Теплый ветер ласково тронул его лицо, затеребил волосы над лбом. Он вздрогнул и облизал губы: они были сухие, потрескавшиеся. Во рту все пересохло и ощущался вкус крови. Челюсти болели, словно он что-то жевал несколько дней подряд.

Еще мгновение он лежал, чувствуя спиной прохладу земли, а руками — беглую ласку травинок. В нем остались лишь удивление и неясный ужас. Он шевельнул головой, и мысли захлестнули его торопливыми горячими волнами. Словно ослепленный, он закрыл глаза, потом снова открыл и увидел высоко над собой летящую черную точку — возможно, птицу. А может быть, нечто совсем иное.

Ветер вновь погладил его, прошуршав в траве. Он резко сел и тут же скривился от боли в правой ноге. Серая ткань комбинезона была разодрана. Он раздвинул ее и обнаружил длинную черную струйку засохшей крови. Он медленно шевельнул ногой, вспоминая, где же аптечка первой помощи.

Все обернулось неудачей. Он скрипнул зубами от боли. “Хорошо еще, что я не истек кровью”, — подумал он. Если бы рана продолжала кровоточить, он бы умер.

“Где же аптечка?.. И все остальное?..” Он повернул голову и ощутил такое облегчение, словно ему поднесли свежей воды в палящий зной: спасательная капсула-кабина была цела и стояла позади него. Дверь была распахнута. Внутри виднелись узкая койка и рычаги управления, за которые он, вероятно, цеплялся, сжимая зубы. Он не помнил, как вышел из капсулы. По-видимому, он открыл дверь в полузабытьи и поранился об ее острый край.

Все же двигатель капсулы сработал.

Он осмотрелся. Вокруг — никого, только необъятный, неведомый мир на сколько хватает глаз.

Горы. Горы с пологими склонами, покрытыми темными лесами. Вдали голубые пятна, почти сливающиеся с небом. Похоже на озера. Он сидел на склоне холма, поросшего травой.

Лес черной стеной окружал его со всех сторон, куда ни повернись. Стояла абсолютная тишина. Белые пенистые облака спешили по небу, а за ними из-за леса наползала тяжелая серая туча: собиралась гроза, чтобы утопить в дожде это чужое лето.

Лето. Он назвал это летом. Но у него не было никаких доказательств. Здесь все было непохоже на то, что он знал. Однако теплый ветер, колючие травинки, которые он гладил ладонями, небо и собирающаяся гроза — все это напоминало ему лето.

“Но я же далеко, — подумал он, — чертовски далеко!” Он откинулся назад и медленно выдохнул воздух сквозь сжатые зубы. Несколько секунд, чтобы собраться с силами и доползти до капсулы. Потом аптечка первой помощи поможет задушить боль. Второй укол — и он сможет идти, прыгать, двигаться дальше…

“Но где же другие? — мелькнуло у него в голове. — Что, если?..”

Сознание его на миг помутилось от ужаса и горя. Потом он подумал: “Значит, так суждено!” Он приподнялся на локтях и вновь посмотрел на мягкие очертания гор. До Земли было иного световых лет, а здесь вокруг него раскинулась чем-то знакомая и одновременно такая чужая планета. Обманчиво спокойная, но уже враждебная ему, этому непонятному существу, этому мыслящему животному, которое свалилось с неба, как предвестник грозы, наползающей на другую экологию, на другое лето.

“А что, если это зима? — сказал он сам себе. — Может, летом здесь стоит такая жарища, что леса горят, как солома, и остаются только километры почерневшей земли…” Он тряхнул головой. Он еще не мог ничего сказать, не мог ничего решить. А вдруг эти деревья вовсе не деревья? Свет и тепло, струившиеся с неба, были чуть-чуть другими. И солнце, которое их испускало, называлось Сириусом.

— Черт побери! — сказал он вслух. — Сириус!

Но ему было трудно в это поверить. Он всегда считал, что планеты Сириуса были всего лишь шарами расплавленного металла, вращающимися в голубом тумане беззвучных повторяющихся взрывов Сириуса и его спутника. От жара этих чудовищ скалы-бродяги, должно быть, плавились на расстоянии тысяч и тысяч километров…

Что-то заверещало в траве, и он закусил губу, вдруг испугавшись этой возможной угрозы, возникшей из полной тишины.

Верещание смолкло, и он услышал вокруг тысячи невнятных шумов. Шорохи, потрескивание, посвистывание, позвякивание… тот мир кишел жизнью — насекомыми, грызунами, птицами,

существами, которых он не мог опознать. Он был одинок.

Он пополз, отталкиваясь локтями и левой ногой. Боль вынудила его стиснуть зубы. Она разливалась от стопы к бедру, словно какая-то горячая, тошнотворно-тягучая жидкость.

Ему казалось, что его собственное дыхание, отражаясь от земли, обжигает ему лицо. Он поднял голову и увидел, что капсула рядом. Еще несколько сантиметров… Его пальцы царапнули землю, и он едва не взвыл, когда какое-то насекомое прыгнуло в его направлении. И только потом его окружил теплый, гладкий металл и сумрак капсулы.

Внутри пахло кожей, это был запах большого корабля. Слабость охватила его, и он закрыл глаза. Перед его мысленным взором кружились бесчисленные осколки зеркал, в которых беспрестанно возникало его собственное отражение.

“Я хочу пить, — сказал он самому себе. — Проклятая лихорадка…”

Он опустил голову на металлический рундук, потом медленно вытянул правую руку. Движения были просты: их специально разработали для подобных ситуаций. Но сейчас он двигался, как муха на клею, с трудом преодолевая сантиметр за сантиметром. Наконец он услышал щелчок, металлическая крышка под его головой задрожала и медленно отодвинулась. Он открыл глаза, сделал последнее усилие и отыскал взглядом ампулу-шприц с тонизатором. Еще одно движение. Он зажмурился и замер, чувствуя, как жидкость обжигает ему ладонь.

Он задышал глубже, ожидая возвращения сил. Он чувствовал тяжелую жару и приближение грозы, слышал непрерывный шорох насекомых. Шум чужого мира.

Переведя дух, он сел и облизал губы.

Когда он сделал себе укол антибиотика, движения его были уже более точными. Затем он проглотил крохотную таблетку от лихорадки и начал искать кран. В капсуле должно было быть десять литров воды. Если хорошо рассчитать порции, несколько дней можно не опасаться жажды.

Он нащупал кран и лег на живот, чтобы напиться. Для начала всего несколько глотков. Солнце уже нагрело воду, и она имела привкус металла.

Он выплюнул последний глоток в траву и сел. Вкус крови во рту усилился.

— Это пройдет, — пробормотал он. — Через несколько минут малыш Грегори будет в форме…

В лесу позади него раздался пронзительный крик, и он вздрогнул. Вдруг похолодев, он бросился к бортовому ящику и

схватил светомет. Это был просто цилиндр из черного пластика со стеклянной рукояткой и кнопкой вместо спускового крючка. Но еще ни один солдат на Земле не держал в руках страшный карманный лазер. Он не помнил точных слов, которые произнес тот, кто вручал ему и остальным членам экспедиции это оружие, но тогда он был потрясен… Тот человек, кажется, говорил о Добре, о Зле и будущем человеческой расы…

Он повертел оружие в руках и положил рядом с собой на траву. Затем он вытащил набор средств первой помощи, три пакета с пищей и вынул из гнезда в передней части капсулы небольшой приемник-передатчик.

Он выждал еще мгновение. Туча вдруг затмила солнце, и концерт насекомых сразу стих.

“Вперед, — подумал он, — вперед, Грегуар Грегори! Надо отыскать остальных…”

Он медленно поднялся, перенес тяжесть тела на правую ногу и скривился от боли. Он заткнул светомет за пояс, сунул продукты в один карман, аптечку — в другой. Оставалась только рация — ее он взял в левую руку.

В последний раз он глянул на капсулу. Сейчас это был просто металлический саркофаг, пустой и бесполезный. Небольшой двигатель израсходовал, видимо, почти все горючее, но все же доставил его на планету живым и невредимым.

Он двинулся к вершине холма. Его правая рука лежала на рукоятке лазера, и он не отрывал глаз от темной стены чужого леса. Там могли скрываться все опасности нового мира.

2

На краю леса Грегори остановился. Правое бедро горело, ногу словно парализовало. Он положил рацию на траву, которая здесь, под деревьями, была выше, и присел в узкую полоску тени. Его взгляд не отрывался от зеленоватого сумрака, заполнившего просветы между гладкими коричневыми стволами громадных деревьев. Светлые облака затянули все небо, но их почти не было видно сквозь густой потолок темной листвы.

В лесу его могли подстерегать бесчисленные опасности. “Но ничто, — подумал он, — не устоит перед светометом”. Его рука машинально легла на холодную гладкую рукоятку. Он мог сжечь весь лес, чтобы устранить любую угрозу, скрытую в его сумраке.

Он покачал головой. Светомет не сможет защищать его долго, если он одинок в этом мире, на таком невообразимом расстоянии от Земли. Надо разыскать остальных. Его взгляд остановился на рации… Вызвать остальных!

Позывные были выгравированы на корпусе рации. Их было тридцать: они соответствовали двадцати девяти другим спасательным капсулам и главному кораблю “Ланжевен-II”.

Корабль… Он вспомнил ужасающий взрыв, который, должно быть, потряс мир, пока он в добром здравии, хотя и без сознания, спускался в это чужое лето. Осколки корабля рассеялись, наверное, на километры. Если только корабль не затерялся в глубинах космоса или не растаял в языках пламени чужого солнца…

Его пальцы дрожали, когда он касался клавишей. Он набрал позывные первой капсулы, автомат послал номер его личного кода, соответствующий номеру его капсулы. Потом он перешел на морзянку. И стал ждать ответа, слушая шорохи леса и верещание насекомых, которые сначала смолкли, а теперь вновь начали свой концерт, словно он передал им какой-то тайный сигнал.

Он вызвал вторую капсулу, потом третью.

Первые капли дождя заставили его вздрогнуть; он растерянно глянул на светло-серое небо. Ветер посвежел, и вдруг над горами прокатился гром.

Он опустил капюшон комбинезона, закрыл рацию и поднялся. Через несколько секунд дождь превратился в ливень. Он вошел в лес и остановился, как только ветви деревьев укрыли его от струй. Из глубины леса шел пряноватый запах. Он заметил, что листья были на самом деле иголками, собранными в плотные зонтики. Они могли быть опасными… Все могло быть опасным, враждебным, вредным. Отныне он должен доверять лишь собственным знаниям и навыкам, полученным за время долгих достартовых тренировок.

Как и другие, он был приучен к смене условий. Осторожность и недоверчивость были привиты ему вместе с сопротивляемостью. Как и другие, он ничего не терял, покидая Землю, ибо его полностью переделали, превратили в инструмент для завоевания иного, неведомого мира, до которого ему предстояло лететь сквозь просторы космоса десять лет в глубочайшем сне во чреве корабля.

Он сжал зубы. В нем все еще жили неуверенность и страх перед полным одиночеством.

Три первые капсулы не ответили. Они разбились или исчезли вместе с кораблем.

Правда, они могли оказаться слишком далеко для его рации. Но это было маловероятно. Капсулы должны были покинуть корабль почти одновременно, хотя и не зависели друг от друга. А может, они не успели? В памяти не сохранилось ни одной подробности. Он ничего не мог вспомнить.

Дождь превратился в серый туман, в котором тонули лес, небо и светлая зелень холмов. Он тщательно осмотрел кору дерева. Она состояла из многочисленных красных и коричневых чешуек. Он осторожно коснулся ее — дерево как дерево. Он запрокинул голову и с подозрением посмотрел на черный навес ветвей. Одинокая дождевая капля разбилась о его щеку. Все казалось спокойным, привычным, почти земным.

“Если я здесь не один, — подумал он, — мы здесь поработаем на славу!”

Они добьются успеха, даже если корабль исчез со всем их грузом: машинами, инструментами, растениями и животными. Они приспособятся к местным условиям, будут бороться, создадут колонию. Позже, когда прилетят другие люди, они найдут здесь Новую Землю.

Слабая надежда затеплилась в его сердце. Если ему не удастся связаться с другими по радио, он отправится на их поиски, будет плыть по рекам, приручит животных для верховой езды. Он будет идти вперед, перевалит через высочайшие горы.

Всему этому его научили за долгие годы тренировок перед стартом. Он умел укрываться от холода, анализировать пищу, обнаруживать опасности новой среды. Все это отпечаталось в его мозгу, в подсознании, кончиках нервов.

В глубине леса послышалось ворчание. Грегори обернулся, сердце его забилось. Это не был гром. Он насторожился и различил сквозь шум дождя глухой храп. Определить расстояние было, трудно, но вряд ли это было далеко.

“У меня есть светомет, — сказал он себе, — есть рация и пища. И аптечка. Почему бы не пойти посмотреть?”

На мгновение он подумал о капсуле. Она могла оказаться полезным убежищем. К тому же ему еще пригодятся металл и детали двигателя. Но тут он вспомнил о маяке. Капсула посылала сигнал на частоте, которую автоматически принимал его приемник. Он мог в любой момент запеленговать ее и вернуться.

Он прислушался, но храп стих. Грегори углубился в лес.

3

Ковер из иголок потрескивал под его ногами. Высоко над ним по ветвям хлестал дождь. Иногда он чувствовал холодок упавшей капли. Подлесок был полон странными запахами. Он казался вымершим. Грегори подумал, что животные, наверное, убегают при его приближении. По крайней мере, мелкие: грызуны и беззащитные птицы, напуганные чужаком, свалившимся с неба.

Но другие…

Едва он подумал о них, вновь послышался громкий храп. И теперь значительно ближе.

Грегори остановился, прислонился спиной к дереву. Боль в ноге снова вернулась. Он вытащил аптечку, прислушиваясь к пугающему храпу. Дрожащей рукой сделал первую инъекцию, потом проглотил две таблетки. Ему хотелось пить. Но вода осталась в капсуле.

Пищи ему хватит еще на некоторое время. Но если он захочет напиться, не боясь отравления, то рано или поздно ему придется вернуться к капсуле.

Оставался анализатор. Он вытащил его, раскрыл и некоторое время рассматривал. Потом снова спрятал. Анализ дождевой воды занял бы много времени. Это можно отложить… А теперь. Он едва не улыбнулся. Сильнейшее любопытство, смешанное со страхом, сжигало его.

Храпящее животное должно быть приличных размеров! Через несколько мгновений он его увидит. Он встретится с созданием иного мира!

Грегори сунул аптечку в карман, взял рацию в руки и двинулся дальше.

Боль утихла, нога словно одеревенела, и он перестал о ней думать. Храп то становился тише, то вовсе замирал. Грегори не слышал треска ломающихся веток и подумал, что животное, пожалуй, находится на открытом месте. Когда он выбрался на вершину холма, шум стал громче. Наверное, под холмом была лужайка и на ней паслось несколько животных, храпевших по-разному. Такое объяснение удовлетворило Грегори.

Он взял оружие в правую руку и стал осторожно спускаться по склону. Дождь прекратился. Он уже не слышал шороха, хотя отдельные капли еще изредка падали на его лицо и руки. Вдруг пронзительное кудахтанье разорвало тишину. Рефлекс сработал безотказно: он обернулся мгновенно, держа палец на спуске лазера.

Грегори увидел черный силуэт птицы, которая удалялась, лавируя между деревьями, и облегченно вздохнул. Не все здесь было таким уж опасным. Но ему еще долго придется смирять нервную дрожь при малейшем шорохе.

Храп, как и в первый раз, превратился в рев, и Грегори усмехнулся. Теперь животное было уже рядом. Может быть, через несколько мгновений он увидит одно из тех чудищ, которых с удовольствием выдумывали биологи экспедиции. Что-то рычало в глубине леса за деревьями.

Солнечный луч просочился сквозь ветви в то самое мгновение, когда он заметил поляну. Он застыл и присел на

корточки. Существо должно было находиться там. Оно смолкло, но тишина казалась еще более тяжелой. Он приложил ладонь к земле и ощутил ее дрожь. Существо продолжало двигаться. Сердце Грегори бешено заколотилось, он облизал губы и почувствовал вкус крови.

Секунды шли. Он подумал, что, может, лучше оставить рацию, чтобы забрать ее позднее. У него будут свободные руки, когда он встретится с этим нечто. Но рисковать не хотелось. Если существо окажется не одиноким, он может в пылу схватки удалиться от рации.

“Нет, — сказал он себе, — надо вызывать остальных, а без рации мне не найти даже свою капсулу”.

Сквозь деревья на краю поляны он видел небо. Тучи убегали, и солнце зажигало золотые искры в россыпи капель, застрявших на иголках.

Почва была взрыта. Грегори видел два поваленных дерева. Их красные, застывшие, словно в конвульсиях, корни напоминали мертвых животных, вырванных из земли.

Напрягая слух, он пытался услышать храп или какой-либо другой шум, чтобы отыскать по нему чудовище. Но различал только множество посторонних звуков: чириканье птиц, шорохи насекомых и далекое ворчание какого-то зверя.

Неведомый мир кишел жизнью, а он был так одинок в этом лесу, в этом чужом лете!

Согнувшись вдвое, Грегори подобрался к краю поляны и встал на колени за деревом. Теперь он видел множество поваленных, расщепленных стволов, глубокие раны коричневой земли. Неужели это ревущее чудовище ополчилось на лес? Он его не видел. Может быть, оно удалилось? Нет, земля продолжала дрожать.

Грегори выпрямился, вышел из тени и зажмурился ослепленный.

Вдруг раздалось громовое рычание, и краем глаза он увидел нечто несущееся прямо на него. Склон холма скрывал чудовище, но теперь оно двигалось к нему. За одно короткое мгновение он разглядел тяжелый пунцовый, сверкающий на солнце панцирь и две черные конечности, вырывающие куски земли. Скорость чудовища была ошеломляющей, и он едва успел нажать спуск светомета.

Голубая беззвучная вспышка затмила сияние дня. Послышался вой, и в перегретом воздухе на миг повисла острая нота. Грегори опустил руку. Его сердце громко стучало, ноги вдруг сразу ослабли. Ему захотелось сесть, но он остался стоять. От чудовища ничего не осталось. Почва остекленела, и от черного

фона отражалось солнце. Вновь опустилась тишина. Полная. Ни птиц, ни насекомых, ни ревущих зверей.

“Никого! — подумал Грегори. — Одно движение — и не останется никого и ничего…”

Он осмотрелся по сторонам, опасаясь появления другого пунцового чудовища. Нет, светомет опустошил всю окрестность.

И он, стоя под жгучим солнцем, беззвучно, с горечью расхохотался. Новый мир познавал человека.

Грегори присел на один из поваленных стволов, потом, увидев зеркальце воды, поднялся и взял анализатор. “Чудовище чудовищем, — сказал он себе, — но мне надо напиться”.

Он проделал заученные жесты, стараясь унять дрожь рук.

Существовало немало сложных ядов, и их присутствие в воде было бы опасным. Однако на экране появился результат: “Вода питьевая”, и Грегори стал пить, черпая полными горстями. Он наслаждался свежестью воды, от которой ломило зубы и исчезал противный вкус крови.

Когда Грегори выпрямился, он почувствовал себя в десять раз сильнее.

4

День угасал. Грегори оставался на краю поляны, пока солнце не ушло с очистившегося от туч неба. Тогда он включил рацию и начал вызывать другие спасательные капсулы — до двадцатой. Никто не ответил. Оставалось еще девять капсул, но он не осмелился их вызвать, страшась полного молчания. Грегори закрыл рацию и постарался сглотнуть горечь, опять появившуюся во рту. Он выпил несколько глотков воды. Ему казалось, что сердце его сжалось в холодный комок. Он ощущал одновременно печаль и ярость. Ярость против этого мира, куда его доставила капсула, против неудавшейся экспедиции, против исчезнувшего корабля… Он надеялся приспособиться без машин и инструментов. Но теперь он знал, что день за днем, по мере истощения энергии светомета, он будет превращаться в животное. Он будет думать только о воде, пище, бегстве — спасении от смерти.

“Это не то, что нам говорили…” — Грегори почувствовал головную боль и стиснул зубы. Он был разбит, истерзан… Нога превратилась в деревяшку. “Я не могу оставаться здесь, — подумал он. — Надо встретиться с другими… Мне никогда не говорили, что может случиться именно такое, что может быть полное одиночество…”

Он окинул взглядом опустевшую поляну. Стволы деревьев

напоминали скелет гигантского животного, и на секунду это показалось ему явью.

Солнце село за черные вершины деревьев. С криками пролетела стая. Грегори подумал было использовать светомет на минимальной мощности, чтобы на лету поджарить несколько птиц. Но потом обошелся одной питательной таблеткой. Он глотнул воды из ручейка, нашел, что она отдает землей, и громко выругался.

Инъекции и таблетки как будто умерили боль в ноге. Но раной следовало заняться всерьез. Он вынул аптечку первой помощи и начал тщательно чистить рану. Она оказалась не такой уж глубокой, и он наложил довольно хорошую повязку.

Повеяло свежестью, отогнавшей ужасы и отчаяние знойного дня. Вскоре в этом мире наступит ночь, и Грегори решил выбраться из лесу, чтобы не бодрствовать до утра с оружием в руках.

Он встал, пересек поляну, попытался сориентироваться. Но лес окружал его со всех сторон. Он вернулся в подлесок и двинулся по склону, поросшему травой.

Тьма между деревьями густела, но Грегори уже не вздрагивал от каждого крика невидимых животных и шороха крыльев среди ветвей. Ему не хотелось ни есть, ни пить, боль почти совсем утихла, и он подумал, что силы его скоро восстановятся. Он победил пунцовую громадину, которая напала на него. Оставалось только… Грегори крепче сжал ручку рации. Может быть, другие все-таки когда-нибудь ответят?.. Что, если их растерзанные тела лежат в обломках корабля? Он мог утонуть в каком-нибудь океане этого мира и стать тенью среди других зеленых теней, гигантской рыбой со вспоротым брюхом. А мог напороться на острые вершины горы…

Грегори остановился, внезапно оказавшись на открытом месте.

Деревья расступились, и перед ним была узкая полоса, которая рассекала лес. Он понял, что это своего рода тропа. Дорога, по которой ходили неизвестные животные… Лишь бы не пунцовые чудовища…

Он ступил на тропу. По утоптанной земле Грегори пошел быстрее. Небо темнело, по нему пробегали странные фиолетовые и красные блики. В лесу трещали бесчисленные насекомые. Наступили сумерки чужого дня в миллионах километров от людей.

После поворота тропа стала шире, и он вдруг услышал знакомый храп. “Значит, верно, — подумал он. — Пунцовые чудовища проложили эту лесную тропу. И она, наверное, ведет к

их логову… Если я до них доберусь, будет хорошее побоище!”

Пока же к нему приближалось одно из чудовищ.

Грегори отодвинулся в тень и спрятался за деревом. Отсюда он видел часть странной тропы и мог одним выстрелом из светомета поджарить целое стадо пунцовых.

Храп прекратился на несколько секунд, потом стал громче. И чудовище появилось. Его внешность обескуражила Грегори. Это не был пунцовый зверь, подобный тому, которого он уничтожил. Незнакомец был крупнее. Чуть пониже, но гораздо массивнее. В лесной полутьме он выглядел черной движущейся массой, его невообразимые глаза, казалось, отражали блеск исчезнувшего солнца. На голове чудовища виднелось что-то вроде хобота; и в то мгновение, когда Грегори поднял лазер, из хобота вырвались грохочущие звуки. Животное, видимо наделенное каким-то особым чувством, заметило его. Что выражал его рев? Ужас или гнев? Он не стал терять время на решение этого вопроса и нажал на спуск. Высокие деревья обратились в гигантские голубые колонны. Взрыв прогремел, и тьма вернулась. Над тропой поплыл острый запах.

Грегори выпрямился, засовывая оружие за пояс. Теперь дорога чудовищ блестела в том месте, где светомет расплавил и почву, и уродливую воющую громадину.

— Черт побери! — сказал он почти весело. — Из-за них мне и поесть некогда!

И продолжил путь по тропе. Он не знал, куда выйдет: на открытую местность или к логову чудовищ. И то и другое было одинаково возможным. Если он выберется из леса, он постарается вырыть себе убежище и разжечь огонь. Если же ему придется бороться с чудовищами…

— Завтра, — сказал он вслух, — надо будет поохотиться.

А про себя добавил: “И вызвать других… пока работает рация…”

Он вновь подумал о чудовищах. Если он найдет их логово, нетрудно будет его уничтожить. Но долго так продолжаться не может. Как он убедился, ему угрожали не только пунцовые чудовища. Очевидно, он встретит еще множество других ревущих и храпящих враждебных созданий.

Медленно опускалась ночь. Появились звезды, и Грегори, охваченный волнением, остановился. Он видел белые, красные, желтые солнца. Одно из них было его родиной. Корабль пересек всю эту бездну за несколько лет и навсегда канул в мир, который могли бы населить люди… Он тряхнул головой. Это было абсурдом, совершеннейшим абсурдом.

Путешествие было долгим, таким долгим… Он хотел

припомнить хоть что-нибудь, но голова казалась пустой. Ничего удивительного — после фантастического мимолетного сна в звездолете… На Земле им объясняли. По крайней мере, он в этом был уверен. Но самой Земли он уже не помнил. Мысленно он вертел это слово и так и эдак, пока не заболела голова.

О Земле не стоило и вспоминать. Надо было думать лишь о том, как ему выжить.

— Даже в одиночку! — сказал он. — Даже одному!

Грегори остановился, увидев перед собой неподвижный силуэт. На повороте тропы, как часовой, высился черный монолит. Грегори отступил на несколько шагов и стал его рассматривать. Монолит слабо поблескивал в звездном свете. Он прислушался и различил негромкое гудение. Что это, животное или машина? Кровь быстрее заструилась по жилам. Вторая гипотеза была слишком невероятной! Специалисты не думали всерьез о подобной возможности. И тем не менее…

“Но кто? — подумал он. — Кто создал это? Чудовище с хоботом?” Правда, ничто не подтверждало, что дорогу ему преграждает машина. Чужая жизнь могла принять любое обличье. Светомет был уже у него в руке, и он спрашивал себя: “Что делать? Атаковать первым?” Он закусил губу. В любом случае он не мог пройти мимо этого, будь то животное или машина. Но зачем стрелять, пока ему ничего не угрожает? А что, если это создание окажется его союзником в чужом мире? Заранее не угадаешь. Но когда-нибудь человеку понадобится помощь неземлян. Ему было трудно соображать. Кровотечение ослабило его, и ему вдруг мучительно захотелось спать.

“А я ничего не знаю, — сказал он себе. — Может быть, эта машина, это животное уже напало на меня каким-нибудь неведомым способом. Может быть, сонливость, которую я чувствую…” Он вздрогнул. Что-то происходило. У основания монолита шевелилось что-то черное. Он крепче сжал оружие. Его зубы были стиснуты, он дышал прерывисто, борясь с непреодолимым желанием завыть от ужаса.

Внезапно ослепленный, он закрыл руками глаза я инстинктивно бросился на землю. Он скорчился, потом приподнялся на локтях. Перед тем как выстрелить, он увидел слепящий глаз, горевший сбоку от монолита и искавший его. Ему показалось, что он услышал рев. Затем остались только облако голубого огня, бесшумный взрыв, опаливший ему легкие. Он покачнулся и покатился по земле, а с неба с треском и свистом обрушились на него языки пламени. Они хлестали его по груди, плечам, и он потерял сознание.

…Грегори лежал на койке на борту корабля. Он видел над собой громадные балки из голубоватой стали, устремленные ко второму отсеку, забитому аппаратурой. В прямоугольных иллюминаторах изредка появлялось пламя двигателей. Вдруг со всех сторон задребезжали звонки тревоги. Он вскочил с койки, побежал. И вспомнил детство. Однажды, испугавшись огней алтаря и золотисто-медных отсветов во мраке, он убежал из собора, куда его привела мать. Балки корабля напоминали своды охваченного пламенем собора. Он бежал по центральному коридору…

Он открыл глаза, и видение растаяло. Звонки превратились в пронзительный стрекот насекомого. Над лесом на звездном фоне он увидел золотую луну. Грегори шевельнулся, и в правой руке вспыхнуло пламя боли. Он застонал. С трудом приподнялся на левом локте. В воздухе пахло паленым; его едва не вырвало. Снова болело бедро.

Он ощупал землю вокруг. Светомета рядом не было. На мгновение ледяной страх заставил его забыть о боли. Затем он заметил оружие, слабо поблескивавшее в свете луны, по ту сторону тропы.

Поднимаясь, он еле сдержал крик. Правая рука болталась, как сломанная ветвь, в которой тлел огонь.

“Днем бы, — подумал он, — я осмотрел рану”. Он сжал губы и покачнулся. Несколько шагов до светомета показались ему вечностью. Голова горела, и ему невероятно хотелось пить.

Он опять повесил оружие на пояс.

— Я не подохну здесь, — громко проговорил он. — Черт возьми, не подохну!

Он допустил ошибку.

Создание на повороте тропы оказалось машиной. Машиной невероятной мощности, набитой энергией. Взрыв мог убить его, сжечь, рассеять огненными каплями.

Но там было и животное или скорее существо. А может быть, несколько существ? Они подстерегали его в ночи. Они знали, что он придет. И наверное, они были создателями машины. В таком случае у них должны быть и другие, более эффективные средства. Бороться с ними в одиночку нечего и думать. Рано или поздно он проиграет.

Грегори приблизился и осмотрел то, что осталось от машины, кучу раскаленных, еще розовых облаков. Стоял отвратительный запах. Он определил несколько оплавленных металлических деталей. Светомет все стер, все уничтожил. Существа и технику.

Он спросил себя, стоит ли идти дальше по тропе. Это становилось опасным. “Кем бы они ни были, — подумал Грегори, — эти существа вернутся”.

Он содрогнулся и со страхом подумал, что сознание могло и не возвратиться к нему до их прихода. Он представил себе одну из громадин, протягивающую к нему свой хобот.

Дальше, где-нибудь в горах, наверное, расположена метрополия, населенная тысячами этих чужаков.

Если он не хочет попасть прямо в волчье логово, надо покинуть тропу. Волчье… Секунду он искал в помрачненной памяти образ животного, носившего это имя. Но его там не было. И голову и грудь жгло пламя лихорадки, и каждый глоток ночного воздуха опалял его легкие.

Он углубился в лес, во тьму, полную стрекота насекомых, страшась звука собственных шагов и треска ломающихся ветвей.

“Боже, как хочется спать, — думал он. — С каким бы удовольствием я поспал…”

Ноги несли его сами собой. На мгновение ему показалось, что между деревьями пляшет рой огоньков. Потом все опять утонуло во мраке.

Он остановился, прислонился к дереву, и гут его вырвало. Он весь дрожал от холода. Трясущейся рукой провел он по липкому лбу, потом снова двинулся вперед и через несколько метров почувствовал, как невидимые кусты хлещут его по ногам. Листья шуршали под рукой, а шипы цеплялись за комбинезон. Он дернулся, пытаясь освободить правую ногу, и застонал от боли в бедре. Неожиданно кустарник уступил, и Грегори, не рассчитав усилия, упал. Он скатился в ложбинку, полную влажных листьев и мягкой земли.

Наполовину зарывшись в листву, он лег на спину, лицом к своду леса и провалился в сон.

Ему снилось что-то пылающее, страшное. С серого тяжелого неба рушились плавящиеся балки, и он, задыхаясь, убегал. Вначале он был на громадном корабле, потом на белой, залитой солнцем равнине. Должно быть, это было на берегу моря, ибо он слышал рокот волн и ощущал на губах вкус соли. Он лизнул свою руку и вспомнил детство. Он продолжал бежать, но теперь он бежал обнаженный по белому пляжу. Морские птицы с черными клювами летели слева от него, словно сопровождая. В ушах неумолчно грохотало море, а во рту был все тот же вкус соли.

Он проснулся, чувствуя, что задыхается.

Соль во рту оказалась его собственной кровью, смешанной с землей. Он выплюнул ее.

Рев над ним не был ревом моря. В серой туманной полумгле

утра где-то над деревьями жужжала и ревела неведомая громадина. Он едва успел заметить быструю тень. Яростный ветер обрушился на ветви. Потом рев удалился и стих.

“Ужас, — подумал он. — Бредовый сон…” Теперь за ним охотилась чудовищная птица… Он встал на колени. Птица?.. А может быть, летательный аппарат?

Правая часть его тела была, как бревно, недвижное и холодное. Он пощупал грудь. К ней прилипли земля и остатки листьев. Наверное, ночью опять шел дождь. Он огляделся. Деревья неясными серыми и рыжими силуэтами выплывали из тумана, который еще окутывал подлесок. Небо, однако, светлело быстро. Угрожающее жужжание стихло, но Грегори услышал вдали странный крик, нечто вроде призыва дикого животного. И другой, в противоположной стороне.

“Боже правый!..” Он обхватил голову руками. Лоб его болел и на ощупь казался ледяным. “Я совсем один!” Он вспомнил о радио и тут же вскочил на ноги. Все тело его напряглось. Ему показалось, что сердце останавливается.

— Спокойно, — произнес он. — Прежде всего аптечка… сменить повязку… осмотреть руку.

Он торопливо обыскал карманы. Открыв аптечку, он увидел, что все было в целости.

Он сменил повязку на ноге. Одна инъекция, одна таблетка. Он глянул на руку и скривился. То, что он увидел, больше напоминало обгоревшую кору, чем человеческую кожу. Но рука все же двигалась. Он прислонился к дереву и расчетливо проделал все необходимое. Очистил рану. Присыпал антибиотиком. Снова ввел успокаивающее.

Грегори спрятал аптечку, проглотил питательную таблетку, убедился, что светомет висит на поясе. И снова двинулся в путь. Он должен был разыскать рацию, вернуться на тропу, невзирая на опасность.

“Девять капсул, — думал он, рассеянно глядя на свои сапоги, загребавшие листья и землю. — Остается девять капсул… Надо их вызвать. И еще корабль… Может быть, он ответит…”

Ему пришла в голову мысль, которая на несколько секунд возродила надежду. Могло статься, что корабль покинула только его капсула. Тогда только он, Грегуар Грегори, оказался потерянным в этом чужом лесу, а экспедиция уже основывала колонию…

Но до сих пор ни одна из капсул не ответила. Ни одна из первых двадцати. Даже если они остались в своих стальных колыбелях на борту корабля, они должны были ответить. И сигнал маяка его капсулы был бы уже засечен.

Он двигался вперед лишь благодаря левой ноге: правая тащилась за ней, безжизненная, холодная. Правда, он уже не чувствовал жара лихорадки.

Розовый свет зари просочился в лес. Грегори увидел перед собой крохотное черное животное. Потом с ветки сорвалась птица. Жизнь в лесу просыпалась. Он больше никого не страшил.

“Да, теперь им нечего бояться, — с горечью подумал Грегори. — Теперь дичью стал я…”

Вдруг он едва не вскрикнул от радости, увидев между деревьями тропу. И почти тут же раздался рев приближающегося чудовища.

6

Грегори не стал рисковать. Он поднял светомет и выстрелил, как только уродливая громада выскочила из-за поворота. В голубой вспышке высвобожденной энергии он увидел второе чудовище, которое остановилось позади первого и попыталось отступить. Он уничтожил и его, переведя ствол лазера всего на несколько миллиметров.

И тут же, не теряя ни секунды, двинулся по тропе, оставив позади себя два черных дымящихся пятна.

Чужое утро разбудило птиц, и они появились над острыми вершинами деревьев. Грегори осторожно шел по краю тропы. Его правая рука сжимала рукоятку лазера.

Рев… Он бросился в лес.

Фантастическая птица пронеслась над тропой. На мгновение ему показалось, что она улетает. Но она вернулась, чиркнула по вершинам деревьев, и, когда все вдруг стихло, Грегори понял, что птица села.

“Нужно узнать, что это такое”, — подумал он.

Светомет уничтожит врага, будь то птица или машина.

Тропа начала поворачивать, и он узнал знакомое место. Чуть дальше виднелись черные остатки машины.

Рация… Он приступил к поискам, пригнувшись к земле, шаря в траве под деревьями.

Но рация исчезла.

Он стоял посреди тропы, и ему хотелось выть от ярости и одиночества. Занималась заря, небо розовело и голубело. Вскоре наступит чужое летнее утро, потом пылающий день. А он останется непоправимо одиноким в этом чужом мире, населенном чудовищами.

Он двинулся дальше, уже ни о чем не думая. Взошло солнце, и на деревья легли золотистые пятна. Тучи серых насекомых

вырвались из светлых кустарников с дикими ягодами. Грегори уже не соображал, куда он идет. Мысли путались, обрывались, голова болела. Иногда в его воображении возникали города-спруты, грядущие от избытка энергии, — столицы этой планеты. Деревья обращались в колонны, а тропа становилась дорогой циклопов.

“Земля никогда не узнает, — думал он. — Земля…” Она была только словом. Он закрыл глаза и сжал виски руками, чтобы вернуть образ Земли. Но только пустота и страх кружились в голове леденящим хороводом.

Тропа вновь повернула, деревья раздвинулись, и перед ним открылся обширный вид. Зеленые и черные горы, светлые, залитые солнцем долины, бледные пятна далеких озер… И еще что-то, чего он не мог определить. Какие-то правильные странные формы.

Где-то послышалось гудение, потом рев в противоположной стороне. Грегори вспомнил о гигантской птице, опустившейся рядом с тропой.

Птица… Машина…

“Что ты тут делаешь?” — спросил он себя. Неожиданно Грегори почувствовал опасность. Он хотел уйти с тропы, скрыться в лесу под темным и мягким сводом больших деревьев.

И тут он увидел девушку.

Она была человеком, это было несомненно. Ее длинные темные волосы буйными прядями струились по плечам. На ней были брюки и маленькие черные сапожки. Большие глаза удивленно разглядывали его.

— Великий боже! — произнес он. Ему хотелось плакать. — Хоть кто-то спасся… — Он приблизился к ней. — Где ваша капсула? Вам известно, что стало с кораблем?

Она отступила, отрицательно покачивая головой. Рев, который Грегори услышал за несколько секунд до этого, начал приближаться. Он протянул девушке руку.

— Чудовища! — торопливо сказал он. — Они ищут меня… Вы их еще не встречали? Идемте. И скорей! Надо бежать…

Она открыла рот, снова покачала головой. Он схватил ее за руку, но она вырвалась быстрым движением.

— Господи, да идите же! — крикнул он. — Вон они!

Она побежала по тропе, и он бросился за ней. Чудовище с хоботом выросло на повороте. Девушка споткнулась, упала. Чудовище в нерешительности остановилось. Грегори взвыл и поднял светомет. Он боялся ранить девушку и опоздал на долю секунды.

Чудовище сделало что-то непонятное, и жгучее пламя

пронзило ему грудь.

Но он не упал. Он бросился назад к краю тропы. Пламя пожирало его изнутри. Позади снова взвыло чудовище. Казалось, что кричало несколько голосов.

Грегори хотел спрятаться под деревья. Он сделал прыжок. Ему казалось, что он плывет по воздуху и никак не может упасть. Серая липкая пустота окружала его, а деревья удалялись с ужасающей быстротой. Пальцы его вцепились в землю. За секунду до того, как провалиться в небытие, он открыл глаза и увидел у самого своего лица белый камень.

На камне чернели слова, и за мгновение до того, как его голова упала на траву, приближение смерти открыло ему истину.

Надпись гласила:

“Департамент Ньевр. Сен-Сож — 8 километров”.

7

Лейтенант, два солдата и девушка склонились над ним. Он лежал на животе. Одна рука была прижата к груди, а вторая тянулась к дорожному указателю. Его комбинезон был заляпан грязью, в волосах застряли сосновые иглы.

Лейтенант осторожно перевернул его, приложил ухо к груди. Выпрямившись, он покачал головой.

Вдали на проселочной дороге показались люди с вертолета.

— Его звали Грегуар Грегори, — сказал лейтенант. Он глянул на обоих солдат и бледную, онемевшую девушку. — “Ланжевен-II” разбился вчера на юге Сахары тут же после старта. Никто не думал, что хоть один мог спастись. А потом случайно засекли сигнал маяка его спасательной капсулы. Ее нашел один крестьянин.

— Это был мой отец, — пробормотала девушка.

— Катастрофа и шок свели его с ума, — продолжал лейтенант; чувствовалось, что он говорит больше для себя, чем для солдат и девушки.

Люди с вертолета были уже в нескольких метрах. Впереди, пыхтя, как морж, семенил толстый капитан.

— Бедняга, он покинул корабль за несколько секунд до катастрофы. Везение, если хотите… — Лейтенант покачал головой. — Он решил, что опустился на одной из планет Сириуса, это несомненно. Вначале он поджарил на лужайке трактор с водителем. Потом вчера вечером — “джип” с четырьмя людьми. Они поставили на машины громкоговорители, но он ничего не понял.

— А трансформатор? — вставил один из солдат. — Всю

округу лишил тока. А рядом был еще “джип” с прожектором.

— Еще два человека, — сказал лейтенант. — Трансформатор взорвался… Правда, его, — он указал рукой на Грегори, — чуть не убило током. Это спасло бы людей с последних двух “джипов”. Ну и мясорубка!.. — Он поднял голову и неуверенно глянул на девушку. — Да, мясорубка. Район перекрыли слишком поздно… Рехнувшийся бедняга с лазером в руках на свободе… Четырнадцать смертей… — Слова тяжело падали с его губ.

Люди с вертолета остановились позади них. Толстый капитан наклонился.

— Вы с ним разделались? — сказал он.

Лейтенант резко выпрямился. И обернулся к капитану, испытывая жгучее желание влепить ему пощечину.

— Да, — просто сказал он. — Он сошел с ума.

— Знаю, знаю, — обронил капитан, осматривая тело. — Тренировки космонавтов чрезвычайно тяжелы, и, как это ни парадоксально, достаточно одного несчастного случая, какой-нибудь встряски, чтобы слабые…

Лейтенант направился к “джипу”, чтобы больше ничего не слышать. Солнце уже накалило дорогу. Он спрашивал себя, каким видел этот летний мир Грегори. Один из солдат позади него пробормотал:

— Что ни говори, все-таки Сириус…

Перевод с французского А. Григорьева

Рэй Брэдбери
ЛЕД И ПЛАМЯ

1

Ночью родился Сим. Он лежал, хныкал, на холодных камнях пещеры. Кровь толчками пробегала по его телу тысячу раз в минуту. Он рос на глазах.

Мать лихорадочно совала ему в рот еду. Кошмар, именуемый жизнью, начался. Как только он родился, глаза его наполнились тревогой, которую сменил безотчетный, но оттого не менее сильный, непреходящий страх. Он подавился едой и расплакался. Озираясь кругом, он ничего не видел.

Все тонуло в густой мгле. Постепенно она растаяла. Проступили очертания пещеры. Возник человек с видом безумным, диким, ужасным. Человек с умирающим лицом. Старый, высушенный ветрами, обожженный зноем, будто кирпич. Съежившись в дальнем углу, сверкая белками скошенных глаз, он слушал, как далекий ветер завывает над скованной стужей ночной планетой.

Не сводя глаз с мужчины, поминутно вздрагивая, мать кормила сына плодами, скальной травой, собранными у провалов сосульками. Он ел и рос все больше и больше.

Мужчина в углу пещеры был его отец! На его лице жили еще только глаза. В иссохших руках он держал грубое каменное рубило, его нижняя челюсть тупо, бессильно отвисла.

Позади отца Сим увидел стариков, которые сидели в уходящем в глубь горы туннеле. У него на глазах они начали умирать.

Пещера наполнилась предсмертными криками. Старики таяли, словно восковые фигуры, провалившиеся щеки обтягивали острые скулы, обнажались зубы. Только что лица их были живыми, подвижными, гладкими, как бывает в зрелом возрасте. И вот теперь плоть высыхает, истлевает.

Сим заметался на руках у матери. Она крепко стиснула его.

— Ну, ну, — успокаивала она его тихо, озабоченно поглядывая на отца — не потревожил ли его шум.

Быстро прошлепали по камню босые ноги, отец Сима бегом пересек пещеру. Мать Сима закричала. Сим почувствовал, как его вырвали у нее из рук. Он упал на камни и покатился с визгом, напрягая свои новенькие, влажные легкие!

Над ним вдруг появилось иссеченное морщинами лицо отца и занесенный для удара нож. Совсем как в одном из тех кошмаров, которые преследовали его еще во чреве матери. В течение нескольких ослепительных, невыносимых секунд в мозгу Сима мелькали вопросы. Нож висел в воздухе, готовый его вот-вот

погубить. А в новенькой головенке Сима девятым валом всколыхнулась мысль о жизни в этой пещере, об умирающих людях, об увядании и безумии. Как мог он это осмыслить? Новорожденный младенец! Может ли новорожденный вообще думать, видеть, понимать, осмысливать? Нет. Тут что-то не так! Это невозможно. Но вот же это происходит с ним. Прошел всего какой-нибудь час, как он начал жить. А в следующий миг, возможно, умрет!

Мать бросилась на спину отца и оттолкнула в сторону руку с оружием.

— Дай мне убить его! — крикнул отец, дыша прерывисто, хрипло. — Зачем ему жить?

— Нет, нет! — твердила мать, и тщедушное старое тело ее повисло на широченной спине отца, а руки силились отнять у него нож. — Пусть живет! Может быть, его жизнь сложится по-другому! Может быть, он проживет дольше нашего и останется молодым!

Отец упал на спину подле каменной люльки. Лежа рядом с ним, Сим увидел в люльке чью-то фигурку. Маленькая девочка тихо ела, поднося еду ко рту тонкими ручками. Его сестра.

Мать вырвала нож из крепко стиснутых пальцев мужа и встала, рыдая и приглаживая свои всклокоченные седые волосы. Губы ее подергивались.

— Убью! — сказала она, злобно глядя вниз на мужа. — Не трогай моих детей.

Старик вяло, уныло сплюнул и безучастно посмотрел на девочку в каменной люльке.

— Одна восьмая ее жизни уже прошла, — проговорил он, тяжело дыша. — А она об этом даже не знает. К чему все это?

На глазах у Сима его мать начала преображаться, становясь похожей на смятый ветром клуб дыма. Худое, костлявое лицо растворилось в лабиринте морщин. Подкошенная мукой, она села подле него, трясясь и прижимая нож к своим высохшим грудям. Как и старики в туннеле, она тоже старилась, смерть наступала на нее.

Сим тихо плакал. Куда ни погляди, его со всех сторон окружал ужас. Мысли Сима ощутили встречный ток еще чьего-то сознания. Он инстинктивно посмотрел на каменную люльку и наткнулся на взгляд своей сестры Дак. Два разума соприкоснулись, будто шарящие пальцы. Сим позволил себе расслабиться. Ум его начинал постигать.

Отец вздохнул, закрыл веками свои зеленые глаза.

— Корми ребенка, — в изнеможении сказал он. — Торопись. Скоро рассвет, а сегодня последний день нашей жизни, женщина.

Корми его. Пусть растет.

Сим притих, и сквозь завесу страха в его сознание начали просачиваться картины.

Эта планета, на которой он родился, была первой от солнца. Ночи на ней обжигали морозом, дни были словно языки пламени. Буйный, неистовый мир. Люди жили в недрах горы, спасаясь от невообразимой стужи ночей и огнедышащих дней. Только на рассвете и на закате воздух ласкал легкие дыханием цветов, и в эту пору пещерный народ выносил своих детей на волю, в голую каменную долину. На рассвете лед таял, обращаясь в ручьи и речушки, на закате пламя остывало и гасло. И пока держалась умеренная, терпимая температура, люди торопились жить, бегали, играли, любили, вырвавшись из пещерного плена. Вся жизнь на планете вдруг расцветала. Стремительно тянулись вверх растения, в небе брошенными камнями проносились птицы. Мелкие четвероногие лихорадочно сновали между скал; все стремилось приурочить свой жизненный срок к этой быстротечной поре.

Невыносимая планета! Сим понял это в первые же часы после своего рождения, когда в нем заговорила наследственная память. Вся его жизнь пройдет в пещерах, и только два часа в день он будет видеть волю. В этих наполненных воздухом каменных руслах он будет говорить, говорить с людьми своего племени, без перерыва для сна будет думать, думать, будет грезить, лежа на спине, но не спать.

И вся его жизнь продлится ровно восемь дней.

Какая жестокая мысль! Восемь дней. Восемь коротких дней. Невероятно, невозможно, но это так. Еще во чреве матери далекий голос наследственной памяти говорил Симу, что он стремительно формируется, развивается и скоро появится на свет.

Рождение мгновенно, как взмах ножа. Детство пролетает стремительно. Юношество — будто зарница. Возмужание — сон, зрелость — миф, старость — суровая быстротечная реальность, смерть — скорая неотвратимость.

Пройдет восемь дней, и он будет вот такой же полуслепой, дряхлый, умирающий, как его отец, который сейчас так подавленно глядит на свою жену и детей.

Этот день — одна восьмая часть всей его жизни! Надо с толком использовать каждую секунду. Надо усвоить знания, заложенные в мозгу родителей.

Потому что через несколько часов они будут мертвы.

Какая страшная несправедливость! Неужели жизнь так скоротечна? Или не грезилась ему в предродовом бытии долгая жизнь, не представлялись вместо раскаленных камней волны

зеленой листвы и мягкий климат? Но раз ему все это виделось, значит, в основе грез должна быть истина? Как же ему искать и обрести долгую жизнь? Где? Как выполнить такую огромную и тяжелую задачу в восемь коротких, быстротекущих дней?

И как его племя очутилось в таких условиях?

Вдруг, словно нажали какую-то кнопку, в мозгу его возникла картина. Металлические семена, принесенные через космос ветром с далекой зеленой планеты, борясь с длинными языками пламени, падают на поверхность этого безотрадного мира… Из разбитых корпусов выбираются мужчины и женщины…

Когда?.. Давно. Десять тысяч дней назад. Оставшиеся в живых укрылись от солнца в недрах гор. Пламя, лед и бурные потоки стерли следы крушения огромных металлических семян. А люди оказались словно на наковальне под могучим молотом, который принялся их преображать. Солнечная радиация пропитала их плоть. Пульс участился — двести, пятьсот, тысяча ударов в минуту! Кожа стала плотнее, изменилась кровь. Старость надвигалась молниеносно. Дети рождались в пещерах. Круговорот жизни непрерывно ускорялся. И люди, застрявшие после аварии на чужой планете, прожили, подобно всем здешним животным, только одну неделю, причем дети их были обречены на такую же участь.

“Так вот в чем заключается жизнь”, — подумал Сим. Не сказал про себя, ведь он не знал еще слов, мыслил образами, воспоминаниями из далекого прошлого, так уж было устроено его сознание, наделенное своего рода телепатией, проникающей сквозь плоть, и камень, и металл. На какой-то ступени нового развития у его племени возник дар телепатии и образовалась наследственная память — единственное благо, единственная надежда в этом царстве ужаса. “Итак, — думал Сим, — я — пятитысячный в долгом ряду никчемных сыновей. Что я могу сделать, чтобы меня через восемь дней не настигла смерть? Есть ли какой-нибудь выход?”

Глаза его расширились: в сознании возникла новая картина.

За этой долиной с ее нагромождением скал на небольшой горе лежит целое, невредимое металлическое семя — корабль, не тронутый ни ржавчиной, ни обвалами. Заброшенный корабль, единственный из всей флотилии, который не разбился, не сломался, он до сих пор пригоден для полета. Но до него так далеко… И никого внутри, кто бы мог помочь. Пусть так, корабль на далекой горе будет его предназначением. Ведь только этот корабль может его спасти.

Новая картина…

Глубоко в недрах горы в полном уединении работает горстка

ученых. К ним он должен пойти, когда вырастет и наберется ума. Их мысли тоже поглощены мечтой о спасении — мечтой о долгой жизни, о зеленых долинах без зноя и стужи. Они тоже, томясь надеждой, глядят на далекий корабль на горе, на удивительный металл, которому не страшны ни коррозия, ни время.

Скалы глухо застонали.

Отец Сима поднял иссеченное морщинами безжизненное лицо.

— Рассветает, — сказал он.

2

Утро расслабило могучие мускулы гранитной толщи. Наступил час обвалов.

Гулкое эхо туннелей подхватило звук бегущих босых ног. Взрослые, дети с нетерпеливыми, жаждущими глазами торопились наружу, где занимался день. Сим услышал вдали глухой рокот, потом крик, сменившийся тишиной. В долину низвергались обвалы. Камни срывались с места, и если путь вниз по склону начинала одна огромная глыба, то по дну долины рассыпались тысячи осколков и раскаленных трением картечин.

Каждое утро каменный ливень уносил по меньшей мере одну жертву.

Скальное племя бросало вызов обвалам. Поединок со стихиями вносил еще больше остроты в их и без того опасную, бурную и скоротечную жизнь.

Сим почувствовал, как руки отца резко поднимают его и несут к выходу из туннеля — туда, откуда просачивался свет. Глаза отца пылали безумием. Сим не мог пошевельнуться. Он догадывался, что сейчас произойдет. Неся на руках маленькую Дак, за отцом спешила мать.

— Постой! Осторожно! — крикнула она мужу.

Высоко на горе что-то колыхнулось, стронулось.

— Пошли! — прорычал отец и выскочил наружу.

Сверху на них обрушился камнепад!

С нарастающей быстротой сменялись в голове Сима восприятия — рушащиеся громады, пыль, сотрясение… Пронзительно вскрикнула мать. Их качало, трясло.

Еще один шаг — и они под открытым небом. За спиной у них продолжало грохотать. У входа в пещеру, где схоронились мать и Лак, выросла груда обломков.

Рев лавины перешел в шуршание струйки песка. Отец Сима разразился хохотом.

— Проскочили! Клянусь небом! Проскочили живьем!

Он презрительно глянул на скалы и плюнул.

— Тьфу!

Мать выбралась через обломки наружу вместе с Дак и принялась бранить отца.

— Болван! Ты мог убить Сима!

— Еще не поздно, — огрызнулся он.

Сим не слушал их перепалки. Он смотрел будто завороженный на обломки, завалившие вход в соседнюю пещеру. Там из-под груды камня, впитываясь в землю, бежала струйка крови. И все, больше ничего не видно… Кто-то проиграл поединок.

Дак побежала вперед на податливых, хлипких ножках — голенькая и целеустремленная.

Воздух в долине был словно профильтрованное сквозь горы вино. Небо — вызывающе голубого цвета; в полдень оно накалится добела, ночью вспухнет багрово-черным синяком с оспинами болезненно мерцающих звезд.

Мир Сима напоминал залив с приливами и отливами. Температурная волна то нахлынет в буйном всплеске, то схлынет. Сейчас в заливе было тихо, прохладно, и все живое стремилось к поверхности.

Звонкий смех! Звучит где-то вдалеке… Но как же так? Неужели кому-то из его племени может быть до смеха? Надо будет потом попытаться выяснить, в чем дело.

Внезапно в долине забурлили краски. Пробужденные неистовой утренней зарей, в самых неожиданных местах выглядывали растения. Прямо на глазах распускались цветы. Вот по голой скале ползут бледно-зеленые нити. А через несколько секунд между листиками уже ворочаются зрелые плоды. Передав Сима матери, отец принялся собирать недолговечный урожай. Алые, синие, желтые плоды попадали в висящий у него на поясе меховой мешок. Мать жевала молодую сочную зелень, пихала ее в рот Симу.

Его восприятия были отточены до предела. Он жадно впитывал знания. Любовь, брак, нравы, гнев, жалость, ярость, эгоизм, оттенки и тонкости, реальность и рефлексия — он на ходу осмысливал эти понятия. Одно подводило к другому. Вид колышущихся зеленых растений так подействовал на Сима, что разум его пришел в смятение и стал кружиться, подобно гироскопу, ища равновесия в мире, где недостаток времени принуждал, не дожидаясь объяснений, самому исследовать и толковать. Пища, расходясь по организму, помогла ему разобраться в собственном строении и в таких вещах, как энергия и движение. Словно птенец, вылупляющийся из яйца, Сим

представлял собой почти законченную систему, полностью развитую и вооруженную необходимым знанием. Он был обязан этим наследственности и готовым образам, телепатически передаваемым каждому разуму, всякому дыханию. Удивительное, окрыляющее свойство!

Вместе — мать, отец и двое детей — они шли, обоняя запахи, глядя, как птицы проносятся над долиной, и вдруг отец сказал:

— Помнишь?

Как это — “помнишь?” Разве вообще можно забыть что-то за те семь дней, что они прожили!

Муж и жена обменялись взглядом.

— Неужели это было всего три дня назад? — Она вздрогнула и закрыла глаза, сосредотачиваясь. — Даже не верится. Ах, как это несправедливо…

Она всхлипнула, потом провела по лицу рукой и прикусила запекшуюся губу. Ветер теребил ее седые волосы.

— Теперь моя очередь плакать. Час назад плакал ты!

— Час… Половина жизни.

— Пошли. — Она потянула мужа за руку. — Пойдем, осмотрим все, ведь больше не придется.

— Через несколько минут взойдет солнце, — ответил старик. — Пора возвращаться.

— Еще только минуточку, — умоляла женщина.

— Солнце застигнет нас.

— Ну и пусть застигнет меня!

— Что ты такое говоришь!

— Ничего я не говорю, ровным счетом ничего, — рыдала женщина.

Вот-вот должно было появиться солнце. Зелень в долине начала жухнуть. Родился обжигающий ветер. Вдалеке, где на скальные бастионы уже обрушились солнечные стрелы, искажая черты могучих каменных личин, срывались лавины — будто спадали мантии.

— Дак! — позвал отец.

Девочка откликнулась и побежала по горячим плитам долины, и волосы ее развевались, как черный флаг. С полными пригоршнями зеленых плодов она присоединилась к своим.

Солнце оторочило пламенем край неба, воздух всколыхнулся и наполнился свистом.

Люди пещерного племени обратились в бегство, на ходу крича и подбирая споткнувшихся ребятишек, унося в свои глубокие норы охапки зелени и плодов. В несколько мгновений долина опустела, если не считать забытого кем-то малыша. Он бежал по гладким плитам, но у него было совсем мало силенок,

бежать оставалось еще столько же, а вниз по скалам уже катился могучий жаркий вал.

Цветы сгорали, обращаясь в пепел; травы втягивались в трещины, словно обжегшиеся змеи. Ветер, подобный дыханию домны, подхватывал цветочные семена, и они сыпались в трещины и расселины, чтобы на закате опять прорасти, и дать цветы и семена, и снова пожухнуть.

Отец Сима смотрел, как по дну долины вдалеке бежит одинокий ребенок. Сам он, его жена, Дак и Сим были надежно укрыты в устье пещеры.

— Не добежит, — сказал отец. — Не смотри туда, мать. Такие вещи лучше не видеть.

И они отвернулись. Все, кроме Сима. Он заметил вдали какой-то металлический блеск. Сердце отчаянно забилось в груди, в глазах все расплылось. Далеко-далеко, на самой вершине небольшой горы источало слепящие блики металлическое семя. Словно исполнилась одна из грез той поры, когда Сим еще лежал во чреве матери! Там, на горе, целое, невредимое, металлическое зернышко из космоса! Его будущее! Его надежда на спасение! Вот куда он отправится через два — три дня, когда — трудно себе представить — будет взрослым мужчиной!

Будто поток расплавленной лавы, солнце хлынуло в долину.

Бегущий ребенок вскрикнул, солнце настигло его, и крик оборвался.

С трудом волоча ноги, как-то вдруг постарев, мать Сима пошла по туннелю. Остановилась… Протянула руку вверх и обломила две сосульки, последние из намерзших за ночь. Одну подала мужу, другую оставила себе.

— Выпьем последний раз. За тебя, за детей.

— За тебя. — Он кивком указал на нее. — За детей.

Они подняли сосульки. Тепло растопило лед, и капли освежили их пересохшие рты.

3

Целый день раскаленное солнце извергалось в долину. Сим этого не видел, но о мощи дневного пламени он хорошо мог судить по ярким картинам в сознании родителей. Вязкий свет просачивался в пещеры, выжигая все на своем пути, но глубоко не проникал. От него было светло и расходилось приятное тепло.

Сим пытался отогнать от родителей наступающую старость, но, сколько ни напрягал разум, призывая себе на помощь образы, на глазах у него они превращались в мумии. Старость съедала отца, будто кислота. “Скоро со мной будет то же самое”, — в

ужасе думал Сим.

Сам он рос стремительно, буквально чувствуя, как в организме происходит обмен веществ. Каждую минуту его кормили, он без конца что-то жевал, что-то глотал. Образы, процессы начали связываться в его уме с определяющими их словами. Одним из таких слов было “любовь”. Для Сима в нем крылось не отвлеченное понятие, а некий процесс, легкое дыхание, запах утренней свежести, трепет сердца, мягкий изгиб руки, на которой он лежал, наклоненное над ним лицо матери. Сначала он видел то или иное действие, потом в сознании матери искал и находил нужное слово. Гортань готовилась к речи. Жизнь стремительно, неумолимо увлекала его навстречу вечному забвению.

Сим чувствовал, как растут его ногти, как развиваются клетки, отрастают волосы, увеличиваются в размерах кости и сухожилия, разрастается мягкое, бледное восковое вещество мозга. При рождении чистый и гладкий, будто кружок льда, уже секундой позже мозг его, словно от удара камня, покрылся сеткой миллионов борозд и извилин, обозначающих мысли и открытия.

Сестренка Дак то прибегала, то убегала вместе с другими тепличными детьми и безостановочно что-то уписывала. Мать ничего не ела, у нее не было аппетита, а глаза будто заткало паутиной.

— Закат, — произнес, наконец, отец.

День кончился. Смеркалось, послышалось завывание ветра.

Мать встала.

— Хочу еще раз увидеть внешний мир… Только раз…

Трясясь, она устремила вперед невидящий взгляд.

Глаза отца были закрыты, он лежал подле стены.

— Не могу встать, — еле слышно прошептал он. — Не могу.

— Дак! — прохрипела мать, и дочь подбежала к ней. — Держи.

Она передала дочери Сима.

— Береги Сима, Дак, корми его, заботься о нем.

Последнее ласковое прикосновение материнской руки…

Дак молча прижала Сима к себе, ее большие влажные глаза зелено поблескивали.

— Ступай, — сказала мать. — Вынеси его на волю в час заката. Веселитесь. Собирайте пищу, ешьте. Играйте.

Не оглядываясь назад, Дак пошла к выходу. Сим изогнулся у нее на руках, глядя через плечо сестры потрясенными, неверящими глазами. У него вырвался крик, и губы каким-то образом сложились, дав выход первому в его жизни слову:

— Почему?..

Он увидел, как оторопела мать.

— Ребенок заговорил!

— Ага, — отозвался отец. — Ты расслышала, что он сказал?

— Расслышала, — тихо сказала мать.

Шатаясь, она медленно добрела до отца и легла рядом с ним. Последний раз Сим видел, как его родители передвигаются.

4

Ночь наступила и минула, и начался второй день.

Всех умерших за ночь отнесли на вершину невысокого холма. Траурное шествие было долгим: много тел.

Дак шла вместе со всеми, ведя за руку ковыляющего кое-как Сима. Он научился ходить за час до рассвета.

С холма Сим снова увидел вдали металлическое зернышко. Но больше никто туда не смотрел и никто о нем не говорил. Почему? Может быть, есть на то причина? Может быть, это мираж? Почему они не бегут туда? Не молятся на это зернышко? Почему не попробуют добраться до него и улететь в космос?

Отзвучали траурные речи. Тела положили в ряд на открытом месте, где солнце через несколько минут их кремирует.

Затем все повернули обратно и ринулись вниз по склону, спеша использовать немногие минутки свободы — побегать, поиграть, посмеяться на воздухе, пахнущем свежестью.

Дак и Сим, щебеча, будто птицы, добывали себе пищу среди скал и делились друг с другом тем, что успели узнать. Ему шел второй день, ей — третий. Обоих подхлестывал бурный темп их скоротечной жизни.

Сейчас она повернулась к ним еще одной гранью.

Из-за скал наверху, держа в сжатых кулаках острые камни и каменные ножи, выскочило полсотни молодых мужчин. С криками они помчались к невысокой черной гряде скальных зубцов вдалеке.

“Война!” — отдалось в мозгу Сима. Новая мысль оглушила его, потрясла. Эти люди побежали сражаться и убивать других людей, что живут там, среди черных скал.

Но почему? Зачем сражаться и убивать — разве жизнь и без того не чересчур коротка?

От далекого гула схватки ему стало не по себе.

— Почему, Дак, почему?

Дак не знала. Может быть, они поймут завтра. Сейчас надо есть — есть для поддержания сил и жизни. Дак напоминала ящеричку, вечно что-то нащупывающую языком, вечно голодную.

Кругом повсюду сновали бледные ребятишки. Один

мальчуган юркнул, словно жучок, вверх по склону, сшиб Сима с ног и прямо перед носом у него схватил соблазнительную красную ягоду, которую тот нашел под выступом.

Прежде чем Сим успел встать, мальчуган уже управился с добычей. Сим набросился на него, они вместе упали и покатились вниз причудливым комком, пока Дак, визжа, не разняла их.

У Сима сочилась кровь из ссадин. Какая-то часть его сознания, глядя как бы со стороны, говорила: “Это не годится. Дети не должны так поступать. Это плохо!”

Дак шлепками прогнала маленького разбойника.

— Уходи отсюда! — крикнула она. — Как тебя звать, безобразник?

— Кайон! — смеясь, ответил мальчуган. — Кайон, Кайон, Кайон!

Сим смотрел на него со всей свирепостью, какую могло выразить его маленькое юное лицо. Он задыхался: перед ним был враг. Как будто Сим давно дожидался, чтобы враждебное начало воплотилось не только в окружающей среде, но и в каком-то человеке. Его сознание уже постигло обвалы, зной, холод, скоротечность жизни, но это все было связано со средой, с окружающим миром — неистовые, бессознательные проявления неодушевленной природы, порожденные гравитацией и излучением. А тут в лице этого наглого Кайона он познал врага мыслящего!

Отбежав в сторонку, Кайон остановился и ехидно прокричал:

— Завтра я буду такой большой, что смогу тебя убить!

С этими словами он исчез за камнем.

Мимо Сима, хихикая, пробегали дети. Кто из них станет его другом, кто — врагом? И как вообще за столь чудовищно, короткий жизненный срок могут возникнуть друзья и враги? Разве успеешь приобрести тех или других?

Дак, читая мысли брата, повела его дальше. Продолжая поиски пищи, она лихорадочно шептала ему на ухо:

— Украли у тебя еду — вот и враг. Подарили длинный стебель — вот и друг. Еще враждуют из-за мыслей и мнений. В пять секунд ты нажил себе смертельного врага. Жизнь так коротка, что с этим надо поторапливаться.

И она рассмеялась со странной для столь юного существа иронией, отражающей преждевременную зрелость мысли.

— Тебе надо будет биться, чтобы защитить себя. Тебя будут пытаться убить. Есть поверие, глухое поверие, будто часть жизненной энергии убитого переходит к убийце и за счет этого можно прожить лишний день. Понял? И пока кто-то в это верит, ты в опасности.

Но Сим не слушал ее. От стайки хрупких девчушек, которые завтра станут выше и стройнее, послезавтра оформятся, а еще через день найдут себе мужа, отделилась резвушка с волосами цвета фиолетово-голубого пламени.

Пробегая мимо, она задела Сима, их тела соприкоснулись. Сверкнули глаза, светлые, как серебряные монеты. И он уже знал, что обрел друга, любовь, жену, которая через неделю будет лежать с ним рядом на погребальном костре, когда солнце примется слущивать их плоть с костей.

Всего один взгляд, но он на миг заставил их окаменеть.

— Как тебя звать? — крикнул Сим вдогонку.

— Лайт! — смеясь, ответила она.

— А меня — Сим, — сказал он сконфуженно, растерянно.

— Сим! — повторила она, устремляясь дальше. — Я запомню!

Дак толкнула его в бок.

— Держи, ешь, — сказала она задумавшемуся брату. — Ешь, не то не вырастешь и не сможешь ее догнать.

Откуда ни возьмись, появился бегущий Кайон.

— Лайт! — передразнил он, ехидно приплясывая. — Лайт! Я тоже запомню Лайт!

Высокая, стройная, как хворостинка, Дак печально покачала черным облачком волос.

— Я наперед могу тебе сказать, что тебя ждет, братик. Тебе скоро понадобится оружие, чтобы сражаться за эту Лайт. Но нам пора, солнце вот-вот выйдет!

И они побежали обратно к пещере.

5

Четверть жизни позади! Минуло детство. Он стал юношей! Вечером буйные ливни хлестали долину. Сим видел, как новорожденные потоки бороздили долину, отрезая гору с металлическим зернышком. Он старался все запоминать. Каждую ночь — новая река, свежее русло.

— А что за долиной? — спросил Сим.

— Туда никто не доходил, — объяснила Дак. — Все, кто пытались добраться до равнины, либо замерзали насмерть, либо сгорали. Полчаса бега — вот предел изведанного края. Полчаса туда, полчаса обратно.

— Значит, еще никто не добирался до металлического зернышка?

Дак фыркнула.

— Ученые — они пробовали. Дурачье. Им недостает ума бросить эту затею. Ведь пустое дело. Чересчур далеко.

Ученые. Это слово всколыхнуло душу Сима. Он почти успел забыть видение, которое представлялось ему перед самым рождением и сразу после него.

— А где они, эти Ученые? — нетерпеливо переспросил он.

Дак отвела взгляд.

— Хоть бы я и знала, все равно не скажу. Они убьют тебя своими опытами. Я не хочу, чтобы ты ушел к ним! Живи сколько положено, не обрывай свою жизнь на половине в погоне за этой дурацкой штукой там, на горе.

— Узнаю у кого-нибудь другого!

— Никто тебе не скажет. Все ненавидят Ученых. Самому придется отыскивать. И допустим, что ты их найдешь… Что дальше? Ты нас спасешь? Давай, спасай нас, мальчуган. — Она злилась, половина ее жизни уже прошла.

— Нельзя же только сидеть, да разговаривать, да есть, — возразил он. — И больше ничего!.

Он вскочил на ноги.

— Иди, иди, ищи их! — едко отрезала она. — Они помогут тебе забыть. Да, да. — Она выплевывала слова. — Забыть, что еще несколько дней — и твоей жизни конец!

Занявшись поиском. Сим бегом преодолевал туннель за туннелем. Иногда ему казалось, что он уже на верном пути. Но стоило спросить окружающих, в какой стороне лежит пещера Ученых, как его захлестывала волна чужой ярости, волна смятения и негодования. Ведь это Ученые виноваты что их занесло в такой ужасный мир! Сим ежился под градом бранных слов.

В одной из пещер он тихо подсел к другим детям, чтобы послушать речи взрослых мужей. Наступил Час Учения, Час Собеседования. Как ни томила его задержка, как ни терзало нетерпение при мысли о том, что поток жизни быстро иссякает и смерть надвигается, подобно черному метеору, Сим понимал, что разум его нуждается в знании. Эту ночь он проведет в школе. Но ему не сиделось. Осталось жить всего пять дней.

Кайон сидел напротив Сима, и тонкогубое лицо его выражало вызов.

Между ними появилась Лайт. За прошедшие несколько часов она еще подросла, ее движения стали мягче, поступь тверже, волосы блестели ярче. Улыбаясь, она села рядом с Симом, а Кайона словно и не заметила. Кайон насупился и перестал есть.

Пещеру наполняла громкая речь. Стремительная, как стук сердца, — тысяча, две тысячи слов в минуту. Голова Сима усваивала науку. С открытыми глазами он словно погрузился в полусон, чуткую дремоту, чем-то напоминающую внутриутробное

состояние. Слова, что отдавались где-то вдалеке, сплетались в голове в гобелен знаний.

Ему представились луга, зеленые, без единого камня, сплошная трава, — широкие луга, волнами уходящие навстречу рассвету, и ни леденящего холода, ни жаркого духа обожженных солнцем камней. Он шел через эти зеленые луга. Над ним, высоко-высоко в небе, которое дышало ровным мягким теплом, пролетали металлические зернышки. И все кругом протекало так медленно, медленно, медленно…

Птицы мирно сидели на могучих деревьях, которым нужно было для роста сто, двести, пять тысяч дней. Все оставалось на своих местах, и птицы не спешили укрыться, завидев солнечный свет, и деревья не съеживались в испуге, когда их касался солнечный луч.

Люди в этом сне ходили не торопясь, бегали редко, и сердца их бились размеренно, а не в безумном, скачущем ритме. Трава оставалась травой, ее не пожирало пламя. И люди говорили не о завтрашнем дне и смерти, а о завтрашнем дне и жизни. Причем все казалось таким знакомым, что, когда кто-то взял Сима за руку, он и это принял за продолжение сна.

Рука Лайт лежала в его руке.

— Грезишь? — спросила она.

— Да.

— Это для равновесия. Жизнь устроена несправедливо, вот разум и находит утешение в картинах, которые хранит наша память.

Он несколько раз ударил кулаком по каменному полу.

— Это ничего не исправляет! К черту! Не хочу, чтобы мне напоминали о том хорошем, что я утратил! Лучше бы нам ничего не знать! Почему мы не можем жить и умереть так, чтобы никто не знал, что наша жизнь идет не так, как надо?

Из искаженного гримасой полуоткрытого рта вырывалось хриплое дыхание.

— Все на свете имеет свой смысл, — сказала Лайт. — Вот и это придает смысл нашей жизни, заставляет нас что-то делать, что-то задумывать, искать какой-то выход.

Его глаза стали похожи на огненные изумруды.

— Я поднимался по склону зеленого холма, шел медленно-медленно, — сказал он.

— Того самого холма, на который я поднималась час назад? — спросила Лайт.

— Может быть. Что-то очень похожее. Только сон лучше яви. — Он прищурил глаза. — Я смотрел на людей, они не были заняты едой.

— А разговором?

— И разговором тоже. А мы все время едим и все время говорим. Иногда эти люди в моем сне лежали с закрытыми глазами и совсем не шевелились.

Лайт глядела на него, и тут произошла страшная вещь. Ему вдруг представилось, что ее лицо темнеет и покрывается старческими морщинами. Волосы над ушами — будто снег на ветру, глаза — бесцветные монеты в паутине ресниц. Губы обтянули беззубые десны, нежные пальцы обратились в опаленные прутики, подвешенные к омертвелому запястью. На глазах у него увядала, погибала ее прелесть. В ужасе Сим схватил Лайт за руку… и подавил рвущийся наружу крик: ему почудилось, что и его рука жухнет.

— Сим, ты что?

От вкуса этих слов у него стало сухо в рту.

— Еще пять дней…

— Ученые…

Сим вздрогнул. Кто это сказал? В тусклом свете высокий мужчина продолжал говорить:

— Ученые забросили нас на эту планету и погубили с тех пор напрасно тысячи жизней, бездну времени. Все их затеи впустую, никому не нужны. Не трогайте их, пусть живут, но и не жертвуйте им ни одной частицы вашего времени. Помните, вы живете только однажды.

Да где же они находятся, эти ненавидимые Ученые? Теперь, после Уроков, после Часа Собеседования, Сим был полон решимости их отыскать. Теперь он вооружен знанием и может начинать свою битву за свободу, за корабль!

— Сим, ты куда?

Но Сима уже не было. Эхо топота бегущих ног затерялось в переходе, выложенном гладкими плитами.

Казалось, половина ночи потрачена напрасно. Он потерял счет тупикам. Много раз на него нападали молодые безумцы, которые рассчитывали присвоить его жизненную энергию. Вдогонку ему летели их бредовые выкрики. Кожу исчертили глубокие царапины, оставленные алчными ногтями.

И все-таки Сим нашел то, что искал.

Горстка мужчин ютилась в базальтовом мешке в недрах горы. На столе перед ними лежали неведомые предметы, вид которых, однако, родил отзвук в душе Сима.

Ученые работали по группам — старики решали важные задачи, образовали звенья единого процесса. Каждые восемь дней состав группы, работающей над той или иной проблемой, полностью обновлялся. Общая отдача была до нелепости мала.

Ученые старились и умирали, едва достигнув творческой зрелости. Созидательная пора каждого составляла от силы двенадцать часов. Три четверти жизни уходило на учение, а за короткой порой творческой отдачи тут же следовали дряхлость, безумие, смерть.

Все обернулись, когда вошел Сим.

— Неужели пополнение? — сказал самый старый.

— Не думаю, — заметил другой, помоложе. — Гоните его прочь. Это, должно быть, один из тех, что подстрекают людей воевать.

— Нет-нет, — возразил старик. Шаркая по камню босыми ступнями, он подошел к Симу. — Входи, мальчик, входи.

Глаза у него были приветливые, уравновешенные, не такие, как у порывистых жителей верхних пещер. Серые спокойные глаза.

— Что тебе нужно?

Сим смешался и опустил голову, не выдержав спокойного ласкового взгляда.

— Жить, — прошептал он.

Старик негромко рассмеялся. Потом тронул Сима за плечо.

— Ты из какой-нибудь новой породы? Или, может быть, ты больной? — допытывался он почти всерьез. — Почему ты не играешь? Почему не готовишь себя к поре любви, к женитьбе, к отцовству? Разве ты не знаешь, что завтра вечером будешь — почти взрослым? Не понимаешь, что жизнь пройдет мимо тебя, если ты не будешь осмотрительным?

Старик смолк.

С каждым вопросом глаза Сима переходили с предмета на предмет. Сейчас он смотрел на приборы на столе.

— Мне не надо было сюда приходить? — спросил он.

— Конечно, надо было, — прогремел старик. — Но это чудо, что ты пришел. Вот уже тысяча дней, как мы не получали пополнения извне! Приходится самим выращивать ученых, в собственной закрытой системе. Сосчитай-ка нас! Шесть! Шестеро мужчин! И трое детей. Могучая сила, верно? — Старик плюнул на каменный пол. — Мы зовем добровольцев, а нам отвечают: “Обратитесь к кому-нибудь другому!” Или: “Нам некогда!” А знаешь, почему они так говорят?

— Нет. — Сим пожал плечами.

— Потому что каждый думает о себе. Конечно, им хочется жить дольше, но они знают, что, как бы ни старались, вряд ли им лично прибавится хоть один день. Возможно, потомки будут жить дольше. Но ради потомков они не согласны жертвовать своей любовью, своей короткой юностью, даже хотя бы одним часом

заката или восхода!

Сим прислонился к столу.

— Я понимаю, — серьезно сказал он.

— Понимаешь? — Старик рассеянно посмотрел на Сима. Потом вздохнул и ласково потрепал его по руке. — Ну конечно, понимаешь. Можно ли требовать от кого-нибудь, чтобы понимал больше. Ты молодец.

Остальные окружили кольцом Сима и старика.

— Мое имя Дайнк. Завтра ночью мое место займет Корт. Я к тому времени умру. На следующую ночь кто-то другой сменит Корта, а потом придет твоя очередь, если ты будешь трудиться и верить. Но прежде я хочу дать тебе подумать. Возвращайся к своим товарищам по играм, если хочешь. Ты кого-нибудь полюбил? Возвращайся к ней. Жизнь коротка. С какой стати тебе печалиться о тех, кто еще не родился! У тебя есть право на юность. Ступай, если хочешь. Ведь если ты останешься, все твое время уйдет только на то, чтобы трудиться, стариться и умереть за работой. Правда, ты будешь делать доброе дело. Ну?

Сим оглянулся на туннель. Где-то там завывал ветер, и пахло варевом, и шлепали босые ноги, и звучал, радуя сердце, молодой смех. Он сердито дернул головой, на глазах его блеснула влага.

— Я остаюсь, — сказал он.

6

Третья ночь и третий день остались позади. Наступила четвертая ночь. Сим втянулся в жизнь ученых. Ему рассказали про металлическое зернышко на вершине далекой горы. Рассказали про много зернышек — так называемые “корабли”, и как они потерпели крушение, про то, как уцелевшие, которые укрылись среди скал, начали быстро стариться и в отчаянной борьбе за жизнь забыли все науки. В такой вулканической цивилизации знание механики не могло сохраниться. Всякий жил только настоящей минутой.

О вчерашнем дне никто не думал, завтрашний день зловеще глядел в глаза. Но та самая радиация, которая ускорила старение, породила и своего рода телепатическое общение, помогающее новорожденным воспринимать и осмысливать. А получившая силу инстинкта наследственная память сохранила картины других времен.

— Почему мы не пробуем добраться до корабля на горе? — спросил Сим.

— Слишком далеко. Понадобится защита от солнца, — объяснил Дайнк.

— Вы пробовали придумать защиту?

— Мази и втирания, одеяния из камня и птичьих перьев, а также в последнее время — из жестких металлов. Но ничто не помогает. Еще десять тысяч поколений, и нам, возможно, удастся изготовить охлаждаемый водой панцирь, который защитит нас на пути к кораблю. Но мы работаем очень медленно и все на ощупь. Сегодня утром я, зрелый муж, взял в руки инструмент. Завтра, умирая, отложу его. Что может сделать человек за один день? Будь у нас десять тысяч человек, задачу удалось бы решить…

— Я пойду к кораблям, — сказал Сим.

— И погибнешь, — произнес старик в тишине, воцарившейся после слов Сима. Все смотрели на мальчика. — Ты очень эгоистичный юноша.

— Эгоистичный? — возмутился Сим.

Старик повел рукой в воздухе.

— Но такой эгоизм мне по душе. Ты хочешь жить дольше и готов все для этого сделать. Хочешь добраться до корабля. Но я говорю тебе, что ничего не выйдет. И все же, если ты будешь настаивать, я не смогу тебе помешать. По крайней мере ты не уподобишься тем из нас, которые уходят на войну, чтобы выиграть несколько лишних дней жизни.

— На войну? — переспросил Сим. — О какой войне тут может быть речь?

По его телу пробежала дрожь. Непонятно…

— Об этом завтра, — сказал Дайнк. — А сейчас слушай.

Еще одна ночь прошла.

7

Настало утро. По одному из ходов, крича и плача, прибежала Лайт и упала прямо в объятия Сима. Она опять изменилась. Стала еще старше и еще прекраснее. Дрожа, она прижималась к нему.

— Сим, они идут за тобой!

В туннеле нарастал, приближаясь, звук шагающих босых ног. Показался Кайон. Он тоже вытянулся в длину, и в каждой его руке было по острому камню.

— А, вот ты где, Сим!

— Уходи! — яростно крикнула Лайт, замахиваясь на него.

— Без Сима не уйдем, — твердо ответил Кайон. И, улыбаясь, повернулся к Симу. — Если, конечно, он готов сражаться вместе с нами.

Дайнк, волоча ноги, вышел вперед, его глаза часто мигали, худые руки трепетали по-птичьи в воздухе.

— Ступайте! — гневно произнес он тонким голосом. — Этот

юноша теперь Ученый. Он работает с нами.

Кайон перестал улыбаться.

— Его ждет работа получше этой. Мы идем воевать с обитателями дальних скал. — Глаза Кайона беспокойно блестели. — Ты ведь пойдешь с нами, Сим?

— Нет, нет! — Лайт повисла на руке Сима.

Сим погладил ее плечо, потом обернулся к Кайону.

— Почему вы решили напасть на тех людей?

— Три лишних дня ждут того, кто пойдет с нами.

— Три лишних дня? Три дня жизни?

Кайон уверенно кивнул.

— Если мы победим, будем жить вместо восьми одиннадцать дней. Там, где они живут, в скалах есть особая горная порода, она защищает от радиации! Подумай, Сим, три долгих славных дня жизни. Идешь с нами?

— Идите без него, — вмешался Дайнк. — Сим — мой ученик!

Кайон фыркнул.

— Шел бы ты умирать, старик. Сегодня на закате от тебя останутся одни обугленные кости. Кто ты такой, чтобы командовать нами? Мы молоды, мы хотим жить дольше.

Одиннадцать дней. Невероятно. Одиннадцать дней. Теперь Сим понимал, что порождает войны. Кто не пойдет воевать за то, чтобы почти наполовину продлить свою жизнь? Столько лишних дней жизни! Да. В самом деле, почему нет?

— Три лишних дня, — произнес скрипучий голос Дайнка. — Если вы до этого доживете. Если вас не убьют в бою. Если. Если! Вы еще никогда не побеждали. Всегда проигрывали!

— Но на этот раз, — твердо заявил Кайон, — мы победим!

Сим недоумевал.

— Но мы ведь все одной крови. Почему нельзя вместе жить там, где скалы защищают лучше?

Кайон рассмеялся, сжимая в руке острый камень.

— Те, кто там живет, считают себя лучше нас. Так всегда думает тот, кто сильнее. К тому же и пещеры там меньше, в них помещается только триста человек.

Три лишних дня.

— Я пойду с вами, — сказал Сим Кайону.

— Отлично! — Что-то Кайон уж очень обрадовался.

Дайнк порывисто вздохнул.

Сим повернулся к Дайнку и Лайт.

— Если я сумею победить в бою, то окажусь ближе к кораблю. И у меня в запасе будет три лишних дня, чтобы попытаться дойти до него. Кажется, у меня просто нет выбора.

Дайнк печально кивнул.

— Да, это так. Я верю тебе. Ступай же.

— Прощайте, — сказал Сим.

Лицо старика отразило удивление, потом он рассмеялся, словно в ответ на беззлобную шутку.

— Верно, ведь я тебя больше не увижу… Ну что ж, прощай.

И они пожали друг другу руку.

Все вместе: Кайон, Сим, Лайт и другие — дети, быстро вырастающие в бойцов, — покинули пещеру Ученых. Огонек в глазах Кайона не сулил ничего доброго.

Лайт пошла с Симом. Она собрала для него камни и понесла их. Уходить домой отказалась, сколько он ее ни убеждал. Они шагали через долину: близился восход.

— Прошу тебя, Лайт, ступай домой!

— Чтобы ждать возвращения Кайона? — сказала она. — Он решил, что я стану его женой, когда ты умрешь.

Она сердито тряхнула своими неправдоподобно голубыми кудрями.

— Нет, я пойду с тобой. Если ты погибнешь в бою, я тоже погибну.

Лицо Сима посуровело. Он сильно вырос. За ночь мир словно съежился. Стайки детей, которые с ликующими криками собирали плоды, вызвали у него удивление, даже недоумение: неужели он сам всего три дня назад был таким? Странно. В голове Сима отложился гораздо более долгий срок, как будто он на самом деле прожил тысячу дней. Пласт событий и размышлений в его сознании был таким мощным, таким многоцветным и многообразным, что просто не верилось — да разве могло столько всего произойти за считанные дни?

Бойцы бежали по двое, по трое. Сим посмотрел вперед, на торчащие вдали невысокие черные зубцы. “Сегодня мой четвертый день, — сказал он себе. — А я еще ни на шаг не приблизился к кораблю, ни к чему не приблизился, даже к той, — он слышал рядом легкую поступь Лайт, — которая несет мое оружие и собирает для меня спелые ягоды”.

Половина жизни прошла. Или одна треть… Если он выиграет эту битву. Если.

Сим бежал легко, упруго, непринужденно. “Сегодня я как-то особенно остро ощущаю свое бытие. Я бегу и ем, ем и расту, расту и с замиранием сердца обращаю взгляды на Лайт. И она тоже с нежностью глядит на меня… День нашей юности… Неужели мы тратим его впустую? Расходуем на вздор, на химеру?”

Издалека донесся смех. В детстве смех настораживал Сима. Теперь он его понимал. Этот смех родился в душе человека, который взбирался на высокие скалы, собирал там зеленые

листья, пил хмельное вино с утренних сосулек, ел горные плоды и впервые вкушал сладость юных губ.

Вот уже близко скалы противника.

А у Сима перед глазами — стройная осанка Лайт. Он словно впервые открыл для себя ее шею, коснувшись которой можно сосчитать биение сердца, и пальцы, которые трепетно льнут к твоим пальцам, и…

Лайт резко повернулась.

— Гляди вперед! — крикнула она. — Следи за тем, что предстоит… Гляди только вперед.

У него было такое чувство, словно они пробегают мимо большого куска своей жизни, вся юность остается позади, и даже некогда оглянуться.

— Глаза устали смотреть на камни, — сказал он на бегу.

— Найди себе новые камни!

— Я вижу камни… — Голос его стал ласковым, как ее ладонь. Ландшафт уплывал назад. Сим будто летал в объятиях нежного дремотного ветерка. — Вижу камни, ущелье, прохладную тень и каменные ягоды густо, как роса. Тронешь камень, и ягоды сыплются вниз беззвучной красной лавиной, и травы такие шелковистые.

— Не вижу! — Она побежала быстрее, глядя в другую сторону.

Он видел пушок на ее шее — будто тонкий серебристый мох на холодной стороне булыжников, что колышется от легчайшего дыхания. Потом представил самого себя, с напряженно сжатыми кулаками, мчащегося вперед, навстречу смерти. На его руках вздулись упругие жилы.

Лайт протянула ему какую-то пищу.

— Я не хочу есть, — сказал он.

— Ешь, ешь как следует, — строго велела она. — Чтобы были силы для битвы.

— Господи! — с болью воскликнул он. — Кому нужны эти битвы!

Навстречу им вниз по склону запрыгали камни. Один из бойцов упал с расколотым черепом. Война началась.

Лайт передала Симу оружие. Дальше они бежали без слов до самого боевого рубежа.

Сверху, из-за бастионов противника, на них обрушился искусственный обвал.

Теперь одна мысль владела Симом. Убивать, лишать жизни других, чтобы жить самому, закрепиться здесь, продлить свою жизнь и попробовать достичь корабля. Он приседал, уклонялся, хватал камни и метал их вверх. В левой руке у него был плоский

каменный шит, которым он отбивал летящие сверху обломки. Кругом раздавались хлопки. Лайт бежала рядом, ободряя его. Один за другим впереди упали двое, оба убиты наповал — грудь распорота до кости, кровь бьет фонтаном…

И ведь все понапрасну. Сим мгновенно осознал бессмысленность затеянной ими схватки. Штурмом эту скалу не взять. Глыбы катились сверху сплошной лавиной. Десять бойцов пали с черными осколками в мозгу, еще у пятерых плетью повисли переломанные руки. Кто-то вскрикнул — белый коленный сустав торчал из кожи, распоротой метко брошенными кусками гранита. Атакующие спотыкались о тела убитых.

На скулах Сима заиграли желваки, он уже клял себя за то, что пришел сюда. И все-таки, прыгая то в одну, то в другую сторону, нырками уклоняясь от камней, он упорно смотрел вверх, на черные скалы. Жить там и сделать заветную попытку — это желание было сильнее всего. Он должен добиться своего! Но мужество было готово покинуть его.

Лайт пронзительно вскрикнула. Сим обернулся, обомлев от испуга, и увидел, что рука ее перебита, из рваной раны поперек запястья хлестала кровь. Она зажала руку под мышкой, чтобы умерить боль. Ярость всколыхнулась в его душе, он неистово рванулся вперед, бросая камни с убийственной точностью. Вот от меткого броска вражеский боец упал как подкошенный и покатился вниз по уступам. Наверно, Сим что-то кричал, потому что легкие его толчками извергали воздух и в горле саднило, а земля стремительно убегала назад.

Камень ударил его по голове и опрокинул на землю. На зубах захрустел песок. Мир рассыпался на багровые завитушки. Сим не мог встать. Он лежал и думал, что вот и пришел его последний день, последний час.

Кругом продолжала кипеть схватка, и в полузабытье он ощутил, как над ним наклонилась Лайт. Руки ее охладили его лоб, она хотела оттащить Сима в безопасное место, но он лежал, хватая ртом воздух и твердил, чтобы она бросила его.

— Стой! — крикнул чей-то голос.

Казалось, война на миг приостановилась.

— Назад! — быстро скомандовал тот же голос.

Лежа на боку. Сим увидел, как его товарищи повернули и побежали назад, домой.

— Солнце восходит, наше время кончилось!

Он проводил взглядом мускулистые спины, мелькающие в беге ноги. Мертвых оставили лежать на поле боя. Раненые взывали о помощи. Но разве сейчас до раненых! Только бы стремглав одолеть бесславный путь домой и с опаленными

легкими нырнуть в пещеры, прежде чем беспощадное солнце настигнет их и убьет.

Солнце!

Кто-то бежал в сторону Сима. Это был Кайон! Шепча ободряющие слова, Лайт помогла Симу встать.

— Идти сможешь? — спросила она.

— Кажется, смогу, — простонал он.

— Тогда пошли, — продолжала она. — Сперва потише, потом быстрей и быстрей. Мы дойдем, я знаю, что дойдем.

Сим выпрямился, шатаясь. Подбежал Кайон — лицо искажено свирепыми складками, сверкающие глаза еще не остыли после битвы. Оттолкнув Лайт, он схватил острый камень и резким ударом распорол Симу ногу. Ударил молча, без единого звука.

Потом отступил назад, по-прежнему не говоря ни слова, только осклабился, будто ночной хищник. Грудь его тяжело вздымалась, глаза переходили с окровавленной ноги на Лайт и обратно. Наконец он отдышался.

— Он не дойдет. — Кайон кивком указал на Сима. — Придется нам оставить его здесь. Пошли, Лайт.

Лайт кошкой набросилась на Кайона, норовя добраться до его глаз. Тонкий визг вырвался сквозь ее оскаленные зубы, пальцы молниеносно прочертили глубокие кровавые борозды на бицепсах, затем на шее Кайона. С бранью Кайон отпрянул от Лайт. Она бросила в него камнем. Он увернулся и, рыча, отбежал еще на несколько ярдов.

— Дура! — презрительно крикнул он. — Идем со мной. Сим умрет через несколько минут. Пошли!

Лайт повернулась к нему спиной.

— Если ты меня понесешь.

Кайон изменился в лице. Блеск в его глазах пропал.

— Времени мало. Мы оба погибнем, если я тебя понесу.

Лайт смотрела на него как на пустое место.

— Неси же, я так хочу.

Не говоря ни слова, Кайон испуганно глянул на полосу алеющей зари и побежал. Его шаги умчались вдали и затихли.

— Хоть бы упал и шею себе сломал, — прошептала Лайт, яростно глядя на пересекающий ущелье силуэт. Она повернулась к Симу. — Можешь идти?

От раны боль растекалась по всей ноге. Сим иронически кивнул.

— Если идти, часа за два до пещеры доберемся. Но у меня есть идея, Лайт. Понеси меня на руках.

Он улыбнулся собственной мрачной шутке.

Она взяла его за руку.

— И все-таки мы пойдем. Ну-ка…

— Нет, сказал он. — Мы останемся здесь.

— Но почему?

— Мы пришли сюда, чтобы отвоевать себе новую обитель. Если пойдем обратно — умрем. Лучше уж я умру здесь. Сколько времени нам осталось?

Вместе они посмотрели туда, где всходило солнце.

— Несколько минут, — тусклым бесцветным голосом сказала она, прижимаясь к нему.

Солнечный свет хлынул из-за горизонта, и на черных скалах появились багровые и коричневые подпалины.

Глупец он! Надо было остаться и работать вместе с Дайнком, размышлять и мечтать.

Жилы на шее Сима вздулись, он вызывающе закричал, обращаясь к жителям черных пещер:

— Эй, вышлите кого-нибудь сюда на поединок!

Молчание. Голос отразился от скал. Стало жарко.

— Ни к чему это, — сказала Лайт. — Они не отзовутся.

— Слушайте! — снова закричал Сим. Раненая нога ныла от пульсирующей боли, он перенес вес на здоровую и взмахнул кулаком. — Вышлите сюда воина, да не труса! Я не убегу домой! Я пришел сразиться в честном поединке! Вышлите бойца, который готов воевать за право на свою пещеру! Я убью его!

По-прежнему молчание. Над ними прокатилась волна зноя.

— Эй, — с издевкой кричал Сим, широко раскрыв рот, закинув голову назад, оперев руки на голые бедра, — неужели не найдется среди вас человека, который отважится сразиться с калекой?

Молчание.

— Нет?

Молчание.

— Значит, я в вас ошибся. Просчитался. Ладно, останусь здесь, пока солнце не снимет черную стружку с моих костей, и буду вас поносить так, как вы этого заслуживаете.

Ему ответили.

— Я не люблю, когда меня поносят, — крикнул мужской голос.

Сим наклонился вперед, забыв об искалеченной ноге.

В устье пещеры на третьем ярусе показался плечистый силач.

— Спускайся, — твердил Сим. — Спускайся, толстяк, прикончи меня.

Секунду противник разглядывал Сима из-под насупленных бровей, затем медленно побрел вниз по тропе. В руках у него не было никакого оружия. В ту же секунду из всех пещер высунулись

головы зрителей предстоящей драмы.

Чужак подошел к Симу.

— Сражаться будем по правилам, если ты их знаешь.

— Узнаю по ходу дела, — ответил Сим.

Его ответ понравился противнику, он посмотрел на Сима внимательно, но без неприязни.

— Вот что, — великодушно предложил он, — если ты погибнешь, я приму твою спутницу под свой кров, и пусть живет без забот, потому что она жена доброго воина.

Сим быстро кивнул.

— Я готов, — сказал он.

— А правила простые. Руками друг друга не касаемся, наше оружие — камни. Камни и солнце убьют кого-то из нас. Теперь приступим…

8

Показался краешек солнца.

— Меня зовут Нхой. — Противник Сима небрежно поднял горсть камней и взвесил их на ладони.

Сим сделал так же. Он хотел есть. Уже много минут он ничего не ел. Голод был бичом жителей этой планеты, пустые желудки непрерывно требовали еще и еще пищи. Кровь вяло струилась по жилам, с жарким звоном стучала в висках, грудная клетка вздымалась, и опадала, и снова порывисто вздымалась.

— Давай! — закричали триста зрителей со скал. — Давай! — требовали мужчины, женщины и дети, облепившие уступы. — Ну! Начинайте!

Словно по сигналу взошло солнце. Оно ударило бойцов будто плоским раскаленным камнем. Они даже качнулись, на обнаженных бедрах и спинах тотчас выступили капли пота, лица и ребра заблестели, как стеклянные.

Силач переступил с ноги на ногу и поглядел на солнце, как бы не торопясь начинать поединок. Вдруг беззвучно, без малейшего предупреждения, молниеносным движением указательного и большого пальцев он выстрелил камень. Снаряд поразил Сима в щеку, он невольно попятился, и дикая боль ракетой метнулась вверх по раненой ноге и взорвалась в желудке. Он ощутил вкус просочившейся в рот крови.

Нхой хладнокровно продолжал обстрел. Еще три неуловимых движения его ловких рук, и три маленьких, безобидных по видимости камешка, словно свистящие птицы, рассекли воздух. Каждый их них нашел и поразил свою цель — нервные узлы! Один ударил в живот, и все съеденное Симом за предшествующие

часы чуть не выскочило наружу. Второй поразил лоб, третий — шею. Сим рухнул на раскаленный песок. Колени его резко стукнули о твердый грунт. Лицо стало мертвенно бледным, плотно зажмуренные глаза проталкивали слезы между горячими подрагивающими веками. Но в падении Сим успел с отчаянной силой метнуть свою горсть камней!

Они промурлыкали в воздухе. Один из них, только один, попал в Нхоя. Прямо в левый глаз. Нхой застонал и закрыл руками изувеченное глазное яблоко.

У Сима вырвался горький всхлипывающий смешок. Хоть тут ему повезло. Глаза противника — мера его успеха. Это даст ему… время. “Господи, — подумал он, борясь со спазмой в желудке, жадно хватая ртом воздух, — живем в мире времени. Мне бы еще хоть немного, хоть крошечку!”

Окривевший Нхой, шатаясь от боли, обрушил град камней на корчащееся тело Сима, но меткость ему изменила, и камни либо пролетали мимо, либо попадали в противника уже на излете, потеряв грозную силу.

Сим заставил себя привстать. Краешком глаза он видел, как Лайт напряженно глядит на него, тихо выговаривая ободряющие и обнадеживающие слова. Он купался в собственном поту, будто его окатило ливнем.

Солнце целиком вышло из-за горизонта. Его можно было обонять. Камни отливали зеркальным блеском, песок зашевелился, забурлил. Во всех концах долины возникали миражи. Вместо одного бойца перед Симом, готовясь метнуть очередной снаряд, стояли во весь рост десяток Нхоев. Десяток озаренных грозным золотистым сиянием волонтеров вибрировали в лад, как бронзовые гонги!

Сим лихорадочно дышал. Ноздри его расширялись и слипались, рот жадно глотал огонь вместо кислорода. Легкие горели, будто факелы из нежной ткани, пламя пожирало тело. Исторгнутый порами пот тотчас испарялся. Он чувствовал, как тело сжимается, ссыхается, и мысленно увидел себя таким, каким был его отец — старым, чахлым, одряхлевшим! Песок… куда он делся? Есть ли силы двигаться? Да. Земля дыбилась под Симом, но он все-таки поднялся на ноги.

Перестрелки больше не будет.

Он понял это, с трудом разобрав слова, которые доносились сверху, со скал. Опаленные солнцем зрители кричали, осыпая его насмешками и подбадривая своего воина.

— Стой твердо, Нхой, береги свои силы теперь! Стой прямо, потей!

И Нхой стоял, покачиваясь медленно, словно маятник,

подталкиваемый раскаленным добела дыханием небес.

— Не двигайся, Нхой, береги сердце, береги силы!

— Испытание, испытание! — повторяли люди вверху. — Испытание солнцем.

Самая тяжелая часть поединка… Напрягаясь, Сим глядел на расплывающиеся очертания скал, и ему чудились его родители: отец с убитым лицом и воспаленными зелеными глазами, мать — седые волосы, будто стелющийся дым.

За его спиной тонко всхлипнула Лайт. Послышался удар мягкого тела о песок… Она упала. И нельзя обернуться. На это потребуется усилие, которое может повергнуть его в пучину боли и тьмы.

У Сима подкосились ноги. “Если я упаду, — подумал он, — останусь здесь лежать и превращусь в пепел. Так, а где Нхой?” Нхой стоял в нескольких шагах от него, понурый, весь в поту, вид такой, будто на хребет его обрушился молот.

“Упади, Нхой! Упади! — твердил Сим про себя. — Упади, упади! Упади, чтобы я мог занять твою обитель!”

Но Нхой не падал. Один за другим из его слабеющей руки на накаленный песок сыпались камни, зубы Нхоя обнажились, слюна выкипела на губах, глаза остекленели. А он все не падал. Велика была в нем воля к жизни. Он держался, словно подвешенный на канате.

Сим упал на одно колено.

Торжествующее “Аааа!” отдалось в скалах наверху. Они там знали: это смерть. Сим вскинул голову с какой-то деревянной, растерянной улыбкой, словно его поймали на нелепом, дурацком поступке.

“Нет, — убеждал он себя, как во сне, — нет…”

И снова встал.

Дикая боль превратила его в сплошной гудящий колокол. Все вокруг звенело, шипело, клокотало. Высоко в горах скатилась лавина — беззвучно, будто спустился занавес, закрывающий сцену. Тишина, полная тишина, если не считать этого назойливого гудения. Перед взором Сима стояло уже полсотни Нхоев в кольчугах из пота: глаза искажены мукой, скулы выпирают, губы растянуты, будто лопнувшая кожура перезрелого плода. Но незримый канат все еще держал его.

— Ну вот. — Сим с трудом ворочал запекшимся языком между жарко поблескивающими зубами. — Сейчас я упаду, и буду лежать, и видеть сны.

Он произнес это медленно, стараясь продлить удовольствие. Заранее представил себе, как это будет. Как именно он все это проведет. Уж он постарается в точности выполнить программу.

Сим поднял голову — проверил, наблюдают ли за ним зрители.

Они исчезли!

Солнце прогнало их. Всех, кроме одного — двух, самых упорных. Сим пьяно рассмеялся и стал смотреть, как на его онемевших руках выступают капли пота, срываются, летят вниз и, не долетев до песка, испаряются.

Нхой упал.

Незримый канат лопнул. Нхой рухнул плашмя на живот, изо рта у него выскочил сгусток крови. Закатившиеся глаза безумно сверкали глухими белками.

Упал Нхой. И вместе с ним упали все пятьдесят его призрачных двойников.

Над долиной гудели и пели ветры, и глазам Сима представилось голубое озеро с голубой рекой, и белые домики вдоль реки, и люди — кто входил или выходил из дома, кто гулял среди высоких зеленых деревьев. Деревья на берегу реки-миража были в семь раз больше человеческого роста.

“Вот теперь, — сказал себе, наконец, Сим, — теперь я могу падать. Прямо… в это… озеро”.

Он упал ничком.

Но что это такое? Чьи-то руки поспешно подхватили его, подняли и стремительно понесли, держа высоко в ненасытном воздухе, будто пылающий на ветру факел.

“Это и есть смерть?” — удивился Сим и канул в кромешный мрак.

Его привели в себя струи холодной воды, которой ему плескали в лицо.

Он нерешительно открыл глаза. Лайт, положив его голову себе на колени, бережно кормила его. Сим было голоден и измучен, но все мгновенно заслонил страх. Превозмогая слабость, он приподнялся: над ним были своды какой-то незнакомой пещеры.

— Сколько времени прошло? — строго спросил он.

— День еще не кончился. Лежи спокойно, — сказала она.

— День не кончился?

Она радостно кивнула.

— Ты не потерял ни одного дня жизни. Это пещера Нхоя. Нас защищают черные скалы. Мы проживем три лишних дня. Доволен? Ложись.

— Нхой умер? — Он откинулся на спину, напряженно дыша, сердце отчаянно колотилось в ребра. Но вот постепенно Сим отдышался. — Я победил, победил, — прошептал он.

— Нхой умер. И мы чуть не погибли. Нас подобрали в последнюю минуту.

Он принялся жадно есть.

— Нельзя терять ни минуты. Мы должны набраться сил. Моя нога…

Он поглядел на ногу, ощупал ее. Она была обмотана длинными желтыми стеблями, боль совсем исчезла. Вот и теперь, можно сказать на глазах, лихорадочный ток крови вовсю работал, продолжая свое исцеляющее действие под повязкой. “До заката нога должна быть здорова, — сказал он себе. — Должна”.

Сим встал и, прихрамывая, начал ходить взад-вперед, будто пойманный зверь. Он ощутил взгляд Лайт, но не мог заставить себя ответить на него. В конце концов все-таки обернулся.

Однако она заговорила первая.

— Ты хочешь идти дальше к кораблю? — мягко спросила Лайт. — Сегодня вечером? Как только зайдет солнце?

Он набрал в легкие воздух, потом выдохнул.

— Да.

— А до завтра подождать нельзя?

— Нет.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет!

— Если начну отставать, не жди меня. Здесь мне все равно не жизнь.

Долго и пристально они смотрели друг на друга. Он безнадежно пожал плечами.

— Ладно. Я знаю, тебя не отговорить. Пойдем вместе.

9

Они ожидали в устье своей новой обители. Наступил закат. Камни настолько остыли, что по ним можно было ходить. Вот-вот придет пора выскакивать наружу и бежать к далекому, отливающему металлическим блеском зернышку на горе.

Скоро пойдут дожди. Сим представлял себе картины, которые не раз наблюдал: как ливень собирается в ручьи, а ручьи образуют реки, каждую ночь пробивающие новые русла. Сегодня река течет на север, завтра — на северо-восток, на третью ночь — строго на запад. Могучие потоки без конца бороздили долину шрамами. Старые русла заполнялись обвалами. Следующий день рождал новые. Реки, их направление — вот о чем он много часов думал снова и снова. Ведь очень может быть, что… Ладно, время покажет.

Сим заметил, что здесь и пульс реже и все жизненные процессы замедлились. Это особая горная порода защищала их от солнечной радиации. Конечно, ток жизни и тут оставался

стремительным, но не настолько.

— Пора, Сим! — крикнула Лайт.

Они побежали. Бежали в промежутке между двумя смертями — испепеляющей и леденящей. Бежали вместе от скал к манящему кораблю.

Никогда в жизни они так не бегали. Настойчиво, упорно их бегущие ноги стучали по широким каменным плитам вниз по склонам, вверх по склонам и дальше — вперед, вперед… Воздух царапал их легкие, как наждаком. Черные скалы безвозвратно ушли назад.

Они не ели на бегу. Оба еще в пещере наелись вдоволь, чтобы сберечь время. Теперь только бежать: выбросить вверх ногу, мах назад согнутой в локте рукой, мышцы предельно напряжены, рот жадно пьет воздух, который из жгучего стал освежающим.

— Они глядят на нас.

Сквозь стук сердца слух его уловил прерывающийся голос Лайт.

Кто глядит?.. А, конечно, скальное племя. Когда в последний раз происходила подобная гонка? Тысячу, десять тысяч дней назад? Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то, решив попытать счастья, мчался во весь опор, провожаемый взглядами целого народа, сквозь овраги и через студеную равнину? Может быть, влюбленные на минуту забыли о смехе и пристально смотрят на две крохотные точки, на мужчину и женщину, что бегут навстречу своей судьбе? Может быть, дети, уписывая спелые плоды, оторвались от игр, чтобы посмотреть на эту гонку со временем? Может быть, Дайнк еще жив и, щуря тускнеющие глаза под насупленными бровями, скрипучим, дрожащим голосом кричит что-то ободряющее и машет скрюченной рукой? Может быть, их осыпают насмешками? Называют глупцами, болванами? И звучит ли в язвительном хоре хоть один голос, желающий им удачи, надеющийся, что они достигнут корабля?

Сим глянул на небо, уже тронутое приближающейся ночью. Из ничего возникли облака, и пелена дождя пересекла ущелье в двухстах ярдах перед ними. Молнии били в вершины вдали, в смятенном воздухе распространился резкий запах озона.

— Полпути, — выдохнул Сим и увидел, как Лайт, повернув лицо, с тоской глядит на все, что они оставляли позади. — Теперь решай, если возвращаться, еще есть время. Через минуту…

В горах прорычал гром. Где-то вверху родился маленький обвал, который уже могучей лавиной рухнул в глубокую расщелину. Капли дождя покрыли пупырышками гладкую белую кожу Лайт. В одну минуту волосы ее стали влажными и блестящими.

— Поздно, — перекричала она хлесткий стук собственных босых ног. — Теперь осталось только бежать вперед!

Да, в самом деле поздно. Сим прикинул расстояние и убедился, что возврата нет.

Ноге больно… Он побежал медленнее. Вдруг подул ветер. Холодный, пронизывающий. Но так как он дул сзади, то больше помогал, чем мешал бежать. “Добрый знак?” — спросил себя Сим. Нет.

Потому что с каждой минутой становилось все яснее, как плохо он угадал расстояние. Время тает, а до корабля еще так далеко. Он ничего не сказал, но бессильная злоба на немощность собственных мышц, вылилась жгучими слезами.

Сим знал, что Лайт думает так же, как он. Но она летела вперед белой птицей, словно и не касаясь земли. Он слышал ее дыхание — воздух входил в ее горло, будто острый кинжал в ножны.

Мрак захватил полнеба. Первые звезды проглянули между длинными прядями черных туч. Молния прочертила дорожку на гребне прямо перед ними. Гроза обрушилась на них стеной ливня и электрических разрядов.

Они скользили и спотыкались на мшистых камнях. Лайт упала, у нее вырвался гневный возглас, она поспешила подняться на ноги. Тело ее было в ссадинах и потеках грязи. Ливень хлестал ее.

Рыдание неба обрушилось на Сима. Струи дождя залили глаза, ручейки побежали вниз по спине, и он тоже готов был рыдать.

Лайт упала и осталась лежать. Она с трудом дышала, ее била дрожь.

Он поднял ее, поставил на ноги.

— Беги, Лайт, прошу тебя, беги!

— Оставь меня, Сим. Ступай, живей! — Она чуть не захлебнулась дождем. Всюду была вода. — Не трудись впустую. Беги без меня.

Он стоял, скованный холодом и бессилием, мысли его иссякали, огонек надежды готов был угаснуть. Кругом только мрак, холодные плети падающей воды и отчаяние…

— Тогда пойдем, — сказал он. — Будем идти и отдыхать.

Они пошли медленно, не торопясь, будто дети на прогулке. Овраг перед ними до краев заполнился потоком, и вода с торопливым бурлящим звуком устремилась к горизонту.

Сим что-то крикнул. Увлекая за собой Лайт, он опять побежал.

— Новое русло! — Он показал рукой. — Каждый день дождь

прокладывает новое русло. За мной, Лайт!

Он наклонился над водой и нырнул, не выпуская руки Лайт.

Поток нес их, как щепки. Они силились держать головы над водой, чтобы не захлебнуться. Берега быстро убегали назад. С бешеной силой стискивая пальцы Лайт, Сим чувствовал, как стремнина бросает и кружит его, видел, как сверкают молнии в высоте, и в душе его родилась новая исступленная надежда. Бежать дальше нельзя — что ж, тогда вода поработает на них!

Бурная хватка новой недолговечной реки колотила Сима и Лайт о камни, распарывала плечи, сдирала кожу с ног.

— Сюда! — Голос Сима перекрыл раскат грома.

Лихорадочно загребая рукой, он поплыл к противоположной стороне оврага. Гора, на которой лежит корабль, прямо перед ними. Нельзя допустить, чтобы их пронесло мимо. Они упорно сражались с неистовой влагой, и их прибило к нужному берегу. Сим подпрыгнул, поймал руками нависший камень, ногами стиснул Лайт и медленно подтянулся вверх.

Гроза прекратилась так же быстро, как началась. Молнии потухли. Дождь перестал. Тучи растаяли и растворились в небе. Ветер еще пошептал и смолк.

— Корабль! — Лайт лежала на земле. — Корабль, Сим. Это та самая гора.

А к ним уже подкрадывалась стужа. Смертная стужа.

Борясь с изнеможением, они побрели вверх по склону. Холод лизал их тело, ядом проникал в артерии, сковывая конечности.

Впереди в ореоле блеска лежал свежеомытый корабль. Это было как сон. Сим не мог поверить, что до него так близко… Двести ярдов. Сто семьдесят ярдов.

Землю стал обволакивать лед. Они скользили и без конца падали. Река позади них превратилась в твердую бело-голубую холодную змею. Твердыми дробинками откуда-то прилетело несколько замешкавшихся капель дождя.

Сим всем телом привалился к обшивке корабля. Он чувствовал, трогал его! Слух уловил судорожное всхлипывание Лайт. Металл, корабль — вот он, вот он! Сколько еще человек касались его за много долгих дней? Он и Лайт дошли до цели!

Вдруг, словно в них просочился ночной воздух, по его жилам разлился холод.

А где же вход?

Ты бежишь, ты плывешь, ты чуть не тонешь. Клянешь все на свете, обливаешься потом, напрягаешь последние силы, и вот, наконец, добрался до горы, поднялся на нее, стучишь кулаками по металлу, кричишь от радости и… И не можешь найти входа.

Так, надо взять себя в руки. “Медленно, однако не слишком

медленно, — сказал он себе, — обойди кругом весь корабль”. Его испытующие пальцы скользили по металлу, настолько холодному, что влажная кожа грозила примерзнуть к обшивке. Теперь вдоль противоположной стены… Лайт шла рядом с ним. Студеные длани мороза сжимались все крепче.

Вход.

Металл. Холодный, неподатливый. Узкая щель по краю люка. Отбросив осторожность. Сим принялся колотить по нему. Холод пронизывал до костей. Пальцы онемели, глазные яблоки начали коченеть. Он колотил то здесь, то там и кричал металлической дверце:

— Откройся! Откройся!

На минуту Сим потерял равновесие. Что-то попалось под его рукой… Щелчок!

Шумно вздохнул воздушный шлюз. Шурша металлом по резиновой прокладке, дверца мягко отворилась и ушла во мрак.

Сим увидел, как Лайт метнулась вперед, рывком поднесла руки к горлу и нырнула в тесную, полную света кабину. Не помня себя, он шагнул следом за ней.

Люк воздушного шлюза закрылся, отрезая путь назад.

Он задыхался. Сердце билось все медленнее, будто хотело остановиться.

Они были заточены внутри корабля. Судорожно ловя ртом воздух, Сим упал на колени.

Тот самый корабль, к которому он пришел за спасением, теперь тормозил биение его сердца, омрачал сознание, чем-то отравлял его. С каким-то смутным, угасающим чувством томительного страха Сим понял, что умирает.

Чернота…

Словно в тумане Сим ощущал, как идет время, как сознание силится принудить сердце биться быстрей, быстрей… И заставить глаза видеть ясно. Но сок жизни медленно протекал по усмиренным сосудам, и он слышал тягучий ритм пульса — тук… пауза, тук… пауза, тук…

Он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, даже пальцем. Требовалось неимоверное усилие, чтобы поднять каменный груз век. И совсем невозможно повернуть голову, взглянуть на лежащую рядом Лайт.

Словно вдалеке слышалось ее неровное дыхание. Так раненая птица шуршит сухими, смятыми перьями. Хотя Лайт была совсем близко и он угадывал ее тепло, казалось, их разделяет непомерная даль.

“Я остываю! — думал он. — Уж не смерть ли это? Вялое течение крови, тихое биение сердца, холод во всем теле, тягучий

ход мысли…”

Глядя на потолок корабля, он пытался разгадать это сложное сплетение трубок и приспособлений. Постепенно в мозгу рождалось представление о том, как устроен корабль, как он действует. В каком-то медленном прозрении он постигал смысл предметов, на которые переходил его взгляд. Не сразу. Не сразу.

Вот этот прибор с белой поблескивающей шкалой.

Его назначение?

Сим решал задачу с натугой, словно человек под водой.

Люди пользовались этим прибором. Касались его. Чинили. Устанавливали. Вообразили, а уже потом сделали его, установили, наладили, трогали, пользовались им. В приборе было как бы заложено определенное воспоминание, самый облик его, будто образ из сновидения, говорил Симу, как изготовляли эту шкалу и для чего она служит. Рассматривая любой предмет, он прямо из него извлекал нужное знание. Словно некая частица его ума обволакивала предмет, анатомировала и проникала в его суть.

Этот прибор предназначен измерять время!

Миллионы часов времени!

Но как же так?.. Глаза Сима расширились, озарились жарким блеском. Разве есть люди, которым нужен такой прибор?

Кровь стучала в висках, в глазах помутилось. Он зажмурился.

Ему стало страшно. День был на исходе. “Как же так, — думал он, — жизнь уходит, а я лежу. Лежу и не могу двинуться. Молодость скоро кончится. Сколько времени еще пройдет, прежде чем я смогу двигаться?”

Через окошко иллюминатора он видел, как проходит ночь, наступает новый день и опять воцаряется ночь. В небе зябко мерцали звезды.

“Еще четыре — пять дней, и я стану совсем дряхлым и немощным, — думал Сим. — Корабль не дает мне пошевельнуться. Лучше бы я оставался в родной пещере и там сполна насладился назначенной мне короткой жизнью. Чего я достиг тем, что пробился сюда? Сколько рассветов и закатов проходит понапрасну. Лайт рядом со мной, а я даже не могу ее коснуться”.

Бред. Сознание куда-то вознеслось. Мысли метались в металлических отсеках корабля. Он чувствовал острый запах металла. Чувствовал, как ночью обшивка напрягается, днем опять расслабляется.

Рассвет. Уже новый рассвет!

“Сегодня я достиг бы полной возмужалости”. Он стиснул зубы. “Я должен встать. Должен двигаться. Извлечь ту радость,

какую может дать мне эта пора моей жизни”.

Но он лежал неподвижно. Чувствовал, как сердце медленно перекачивает кровь из камеры в камеру и дальше через все его недвижимое тело, как она очищается в мерно вздымающихся и опускающихся легких.

Корабль нагрелся. Щелкнуло незримое устройство, и воздух автоматически охладился. Управляемый сквозняк охладил кабину.

Снова ночь. И еще один день.

Четыре дня жизни прошло, а он все лежит.

Сим не пытался бороться. Ни к чему. Его жизнь истекла.

Его больше не тянуло повернуть голову. Он не хотел увидеть Лайт — такое же изуродованное лицо, какое было у его матери: веки словно серые хлопья пепла, глаза как шершавый зернистый металл, щеки будто потрескавшиеся камни. Не хотел увидеть шею, похожую на жухлые плети желтой травы, руки, подобные дыму над угасающим костром, иссохшие груди, жесткие, растрепанные волосы цвета вчерашней сорной травы.

А сам-то он? Как он выглядит? Отвислая челюсть, ввалившиеся глаза, иссеченный старостью лоб?..

Он почувствовал, что к нему возвращаются силы. Сердце билось невообразимо медленно. Сто ударов в минуту. Не может быть. А это спокойствие, хладнокровие, умиротворенность…

Голова сама наклонилась вбок. Сим вытаращил глаза. Глядя на Лайт, он удивленно вскрикнул.

Она была молода и прекрасна.

Лайт смотрела на него, у нее не было сил говорить. Глаза ее были словно кружочки серебра, лебединая шея — будто рука ребенка. Волосы Лайт были точно нежное голубое пламя, питаемое ее хрупкой плотью.

Прошло четыре дня, а она все еще молода… Нет, моложе, чем была, когда они проникли в корабль. Она совсем юная!

Он не верил глазам.

Наконец она заговорила:

— Сколько еще это продлится?

— Не знаю, — осторожно ответил он.

— Мы еще молоды.

— Корабль. Мы ограждены его обшивкой. Металл не пропускает солнце и лучи, которые нас старят.

Она отвела глаза, размышляя.

— Значит, если мы будем здесь…

— То останемся молодыми.

— Еще шесть дней? Четырнадцать? Двадцать?

— Может быть, даже больше.

Она примолкла. Потом после долгого перерыва сказала:

— Сим?

— Да.

— Давай останемся здесь. Не будем возвращаться. Если мы теперь вернемся, ты ведь знаешь, что с нами случится?

— Я не уверен.

— Мы опять начнем стариться, разве нет?

Он отвернулся. Посмотрел на часы с ползущей стрелкой.

— Да. Мы состаримся.

— А вдруг мы состаримся… сразу. Может быть, когда выйдем из корабля, переход окажется слишком резким?

— Может быть.

Снова молчание. Сим сделал несколько движений, разминая руки и ноги. Ему страшно хотелось есть.

— Остальные ждут, — сказал он.

Ответные слова Лайт заставили его ахнуть.

— Остальные умерли, — сказала она. — Или умрут через несколько часов. Все, кого мы знали, уже старики.

Сим попытался представить себе их стариками. Его сестренка Дак — дряхлая, сгорбленная временем… Он тряхнул головой, прогоняя видение.

— Допустим, они умерли, — сказал он. — Но ведь родились другие.

— Люди, которых мы даже не знаем.

— И все-таки люди нашего племени, — ответил он. — Люди, которые будут жить только восемь дней или одиннадцать дней, если мы им не поможем.

— Но мы молоды, Сим! И можем оставаться молодыми!

Лучше не слушать ее. Слишком заманчиво то, о чем она говорит. Остаться здесь. Жить.

— Мы и так прожили больше других, — сказал он. — Мне нужны работники. Люди, которые могли бы наладить корабль. Сейчас мы с тобой оба встанем, найдем какую-нибудь пищу, поедим и проверим, в каком он состоянии. Один я боюсь его налаживать. Уж очень он большой. Нужна помощь.

— Но тогда надо бежать весь этот путь обратно!

— Знаю. — Он медленно приподнялся на локтях. — Но я это сделаю.

— А как ты приведешь сюда людей?

— Мы воспользуемся рекой.

— Если русло осталось прежним. Оно могло сместиться.

— Дождемся, пока не появится подходящее для нас. Я должен вернуться, Лайт. Сын Дайнка ждет меня, моя сестра, твой брат — они состарились, готовятся умереть и ждут вестей от нас…

После долгой паузы он услышал, как Лайт устало подвигается к нему. Она положила голову ему на грудь и с закрытыми глазами погладила его руку.

— Прости. Извини меня. Ты должен вернуться. Я глупая эгоистка.

Он неловко коснулся ее щеки.

— Ты человек. Я понимаю тебя. Не нужно извиняться.

Они нашли пищу. Потом прошли по кораблю. Он был пуст. Только в пилотской кабине лежали останки человека, который, вероятно, был командиром корабля. Остальные, видимо, выбросились в космос в спасательных капсулах. Командир, сидя один у пульта управления, посадил корабль на горе, неподалеку от других упавших и разбившихся кораблей. То, что корабль оказался на возвышенном месте, сохранило его от бурных потоков. Командир умер вскоре после посадки — наверно, сердце не выдержало. И остался корабль лежать здесь, почти в пределах досягаемости для спасшихся, целый и невредимый, но потерявший способность двигаться — на сколько тысяч дней? Если бы командир не погиб, жизнь предков Сима и Лайта могла бы сложиться совсем иначе. Размышляя об этом. Сим уловил далекий зловещий отголосок войны. Чем кончилась эта война миров? Какая планета победила? Или обе проиграли и некому было разыскивать уцелевших? На чьей стороне была правда? Кем был их враг? Принадлежал ли народ Сима к правым или неправым? Выть может, это так и останется неизвестным.

Скорей, скорей, изучить корабль. Он совсем не знал его устройства, но все постигал, идя по переходам и поглаживая механизмы. Да, нужен только экипаж. Один человек не справится с этой махиной. Он коснулся какой-то штуковины. И отдернул руку, словно обжегся.

— Лайт!

— Что это!

Он снова коснулся машины, погладил ее дрожащими руками, и на глазах у него выступили слезы, рот сперва открылся, потом опять закрылся… С глубокой нежностью Сим оглядел машину, наконец повернулся к Лайт.

— С этой штукой… — тихо, будто не веря себе, молвил он, — с этой штукой я… я могу…

— Что, Сим?

Он вложил руку в какую-то чашу с рычагом внутри. Через иллюминатор впереди были видны далекие скалы.

— Кажется, мы боялись, что придется очень долго ждать, пока к горе опять подойдет река? — спросил он с торжеством в голосе.

— Да, Сим, но…

— Река будет. И я вернусь, вернусь сегодня же вечером! И приведу с собой людей. Пятьсот человек! Потому что с этой машиной я могу пробить русло до самых скал, и по этому руслу хлынет поток, который надежно и быстро доставит сюда меня и других! — Он потер бочковидное тело машины. — Как только я ее коснулся, меня сразу осенило, что это за штука и как она действует! Гляди!

Он нажал рычаг.

С жутким воем от корабля протянулся вперед луч раскаленного пламени.

Старательно, методично. Сим принялся высекать лучом русло для утреннего ливневом потока. Луч жадно вгрызался в камень.

Сим решил один бежать к скалам. Лайт останется в корабле на случай какой-нибудь неудачи. На первый взгляд путь до скал казался непреодолимым. Не будет стремительной реки, которая быстро понесет его к цели, позволяя выиграть время. Придется всю дорогу бежать, но ведь солнце перехватит его, застигнет прежде, чем он достигнет укрытия.

— Остается одно: отправиться до восхода.

— Но ты сразу замерзнешь, Сим.

— Гляди.

Он изменил наводку машины, которая только что закончила прокладывать борозду в каменном ложе долины. Чуть приподнял гладкое дуло, нажал рычаг и закрепил его. Язык пламени протянулся в сторону скал. Сим подкрутил, верньер дальности и сфокусировал пламя так, что оно обрывалось в трех милях от машины. Готово. Он повернулся к Лайт.

— Я не понимаю, — сказала она.

Сим открыл люк воздушного шлюза.

— Мороз лютый, и до рассвета еще полчаса. Но я побегу вдоль пламени, достаточно близко. Жарко не будет, но для поддержания жизни тепла хватит.

— Мне это не кажется надежным, — возразила Лайт.

— А что надежно в этом мире? — Он подался вперед. — Зато у меня будет лишних полчаса в запасе. И я успею добраться до скал.

— А если машина откажет, пока ты будешь бежать рядом с лучом?

— Об этом лучше не думать, — сказал Сим.

Миг, и он уже снаружи — и попятился назад, как если бы его ударили в живот. Казалось, сердце сейчас взорвется. Среда родной планеты снова взвинтила его жизненный ритм. Сим почувствовал, как учащается пульс и кровь клокочет в сосудах.

Ночь была холодна, как смерть. Гудящий тепловой луч, проверенный, обогревающий, протянулся от корабля через долину. Сим бежал вдоль него совсем близко. Один неверный шаг, и…

— Я вернусь, — крикнул он Лайт.

Бок о бок с лучом света он исчез вдали.

Рано утром пещерный люд увидел длинный перст оранжевого накала и парящее вдоль него таинственное беловатое видение. Толпа бормотала, ужасалась, благоговейно ахала.

Когда же Сим, наконец, достиг скал своего детства, он увидел скопище совершенно чужих людей. Ни одного знакомого лица. Тут же он сообразил, как нелепо было ожидать другого. Один старик подозрительно рассматривал его.

— Кто ты? — крикнул он. — Ты пришел с чужих скал? Как твое имя?

— Я Сим, сын Сима!

— Сим! — пронзительно вскрикнула старая женщина, которая стояла на утесе вверху. Она заковыляла вниз по каменной дорожке. — Сим, Сим, неужели это ты?

Он смотрел на нее в полном замешательстве.

— Но я вас не знаю, — пробормотал он.

— Сим, ты меня не узнаешь? О Сим, это же я, Дак!

— Дак!

У него все сжалось в груди. Женщина упала в его объятия. Эта трясущаяся, полуслепая старуха — его сестра.

Вверху показалось еще одно лицо. Лицо старика, свирепое, угрюмое. Злобно рыча, он глядел на Сима.

— Гоните его отсюда! — закричал старик. — Он из вражеского стана. Он жил в чужих скалах! Он до сих пор молодой! Кто уходил туда, тому не место среди нас! Предатель!

Вниз по склону запрыгал тяжелый камень.

Сим отпрянул в сторону, увлекая сестру с собой.

Толпа взревела. Потрясая кулаками, все кинулись к Симу.

— Смерть ему, смерть! — бесновался незнакомый Симу старик.

— Стойте! — Сим выбросил вперед обе руки. — Я пришел с корабля!

— С корабля?

Толпа замедлила шаг. Прижавшись к Симу, Дак смотрела на его молодое лицо и поражалась, какое оно гладкое.

— Убейте его, убейте, убейте! — прокаркал старик и взялся за новый камень.

— Я продлю вашу жизнь на десять, двадцать, тридцать дней!

Они остановились. Раскрытые рты, неверящие глаза…

— Тридцать дней? — эхом отдавалось в толпе. — Как?

— Идемте со мной к кораблю. Внутри него человек может жить почти вечно!

Старик поднял над головой камень, но, сраженный апоплексическим ударом, хрипя скатился по склону вниз, к самым ногам Сима.

Сим нагнулся, пристально разглядывая морщинистое лицо, холодные мертвые глаза, вяло оскаленный рот, иссохшее недвижимое тело.

— Кайон!

— Да, — произнес за его спиной странный, скрипучий голос Дак. — Твой враг. Кайон.

В ту ночь двести человек вышли в путь к кораблю. Вода устремилась по новому руслу. Сто человек утонули, затерялись в студеной ночи. Остальные вместе с Симом дошли до корабля.

Лайт ждала их и распахнула металлический люк.

Шли недели. Поколение за поколением сменялись в скалах, пока ученые и механики трудились над кораблем, постигая разные механизмы и их действие.

И вот, наконец, двадцать пять человек встали по местам внутри корабля. Теперь — в далекий путь!

Сим взялся за рычаги управления.

Подошла Лайт, сонно протирая глаза, села на пол подле него и положила голову ему на колено.

— Мне снился сон, — заговорила она, глядя куда-то вдаль. — Мне снилось, будто я жила в пещере, в горах, на студеной и жаркой планете, где люди старились и умирали за восемь дней.

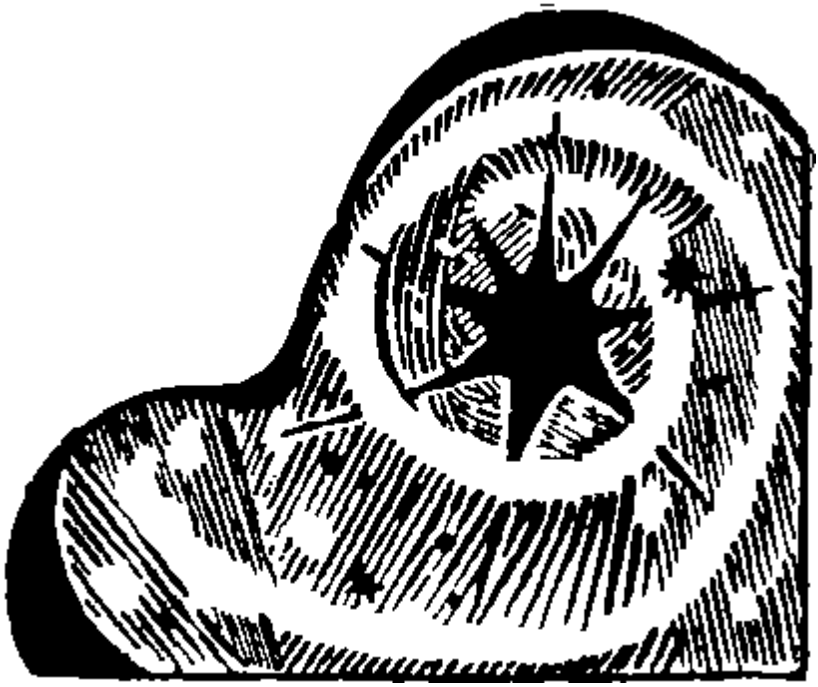
— Нелепый сон, — сказал Сим. — Люди не могли бы жить в таком кошмаре. Забудь про это. Сон твой кончился.

Он мягко нажал рычаги. Корабль поднялся и ушел в космос.

Сим был прав.

Кошмар, наконец, кончился.

Перевел с английского Л.Жданов.



“ИСКАТЕЛЬ” В ПОИСКЕ

Повести и рассказы, вошедшие в эту книгу, впервые были напечатаны на страницах популярного у нас приложения к журналу “Вокруг света”.

Двенадцать лет существует “Искатель”, и все эти годы книжная редакция фантастики, приключений и путешествий издательства “Молодая гвардия” с большим вниманием следит за его выпусками. Многие произведения, впервые увидевшие свет в “Искателе”, выходили затем в книгах и сборниках, которые выпускала наша редакция. “Тринадцатый рейс” и “Сети на ловца” Виктора Смирнова, “Визит к Минотавру” Аркадия и Георгия Вайнеров, “Окно во двор” Уильяма Айриша, “Легенда о Гончих Псах” Бориса Воробьева, “Схватка” Льва Константинова, повести и рассказы А.Днепрова, Г.Голубева, С.Гансовского, К.Саймака, М.Емцева и Е.Парнова, Р.Янга, Е.Войскунского и И.Лукодьянова, С.Жемайтиса, В.Малова, Л.Словина — список этот можно продолжить. С другой стороны, мы не выдадим редакционной тайны “Искателя”, если скажем, что очень часто его сотрудники обращаются к нам, в книжную редакцию, спрашивают совета, просматривают рукописи готовящихся к печати книг и отбирают для приложения заинтересовавшие их произведения.

Эта многолетняя творческая дружба редакций скреплена нашей общей любовью к жанру, которому мы служим.

“Путешествия. Приключения Фантастика”. Неизвестно, кто придумал эту емкую формулу. Границы между этими тремя областями бывают весьма зыбкими. В самом деле, разве можно отнести только к одной какой-нибудь из этих рубрик “80 тысяч километров под водой” Жюля Верна или “Затерянный мир” Конан Дойля? На титуле “Искателя” значится только “Приключения. Фантастика”: путешествия в чистом виде он “уступил” своему старшему брату “Вокруг света”. Но кто видел путешествия без приключений? Так что и путешествия попадают на страницы “Искателя”, оставаясь самыми настоящими приключениями.

Нечто подобное произошло и с третьей частью формулы, с фантастикой. Фантастика сегодня развилась очень широко, это, так сказать, многожанровый жанр. Существует научно-популярная, социальная, политическая, юмористическая, сказочная и еще совсем иная фантастика. Важной частью среди всего этого многообразия остается опять-таки приключенческая фантастика, как раз наиболее органично подходящая для “Искателя”.

Но особенность приключенческой фантастики в том, что она

легко сочетается, а может быть, даже обязана сочетаться, с любыми из перечисленных выше видов. А кроме того, и здесь трудно провести четкие демаркационные линии. Ибо что такое приключенческая фантастика, как не те же путешествия, только уже, скажем, по космосу (как в рассказе Д.Биленкина “Проверка на разумность” или Ю.Тупицына “Ходовые испытания”). А если действие фантастического рассказа происходит на Земле, то он порой становится почти неотличимым от прочих приключений, как и произошло в рассказе В.Сапарина “На восьмом километре”. Попутно хотелось бы здесь упомянуть, что автору этого рассказа, ныне покойному В.С.Сапарину, который долгие годы был главным редактором журнала “Вокруг света”, “Искатель” в значительной мере обязан своим существованием.

А то, что приключенческая фантастика может быть не лишена серьезной проблематики, доказывает, например, рассказ американского писателя А.Ван-Вогта “Чудовище”, говорящий о бессмертии человеческого духа. По мнению многих, это одно из лучших произведений всей зарубежной современной фантастики. Вообще, на страницах “Искателя” впервые увидели свет в русском переводе многие произведения таких крупнейших фантастов мира, как Рэй Брэдбери, Станислав Лем, Роберт Шекли…

Итак, с каком стороны ни подойти — приключения, приключения, приключения… Слово, перед которым замирают сердца не только юных читателей. Можно пожалеть тех, для которых это слово ограничивает читательский горизонт, не дает видеть всю большую художественную литературу. Но из того, что мы справедливо высмеиваем тех, кто любит книги только “про приключения”, отнюдь не следует, что предосудительно вообще их любить. Наоборот. Приключенческая литература воспитывает мужество, находчивость, смекалку, воспевает стойкость и товарищество, преданность друзьям и ненависть к врагам. Словом, для чего нужна приключенческая литература, верным рыцарем которой стал маленький “Искатель”, написано много, и не стоит повторяться.

Приключенческая литература расцвела в XIX веке. Ее неунывающие, сухопарые, отчаянные герои триумфальным маршем прошагали по всему свету и в буквальном, и, главным образом, в переносном смысле слова. Они завоевали землю не столько с помощью своих шпаг и карабинов, сколько с помощью литературного таланта своих авторов — Фенимора Купера, Александра Дюма, Майн Рида, Жюля Верна, Роберта Стивенсона, Густава Эмара, Луи Жаколио, Генри Хаггарда, позднее Джека Лондона, Рафаэля Сабатини, Джеймса Кервуда…

Это было время знаменитых географических открытий и

разбойничьих колониальных захватов, великих научных достижений и бурного роста капиталистических городов, подъема революционной борьбы и возрастания противоречий между империалистическими державами; все это и еще многое-многое другое служило источником и обеспечивало популярность приключенческой литературы.

С тех пор прошло уже немало лет. Мы приближаемся сейчас к последней четверти XX века, а приключенческая литература вовсе не намерена сдавать своих позиций, хотя на планете вроде и не осталось "белых пятен" и в любую точку можно за несколько часов долететь на самолете. Конечно, нынешняя приключенческая литература совсем не похожа на свою "бабушку" прошлого века, непохожи даже произведения зарубежных авторов, что уж говорить о принципиально новой советской приключенческой литературе, к которой присоединились литературы и других стран социалистического лагеря.

Старые "приключенцы" сделали много полезного и доброго, но они же способствовали распространению иных предрассудков и заблуждений, в особенности, когда заводили речь о неевропейских народах. Именно по книгам Хаггарта, Жаколио и прочих создавалась, например, легенда о Черной Африке, как о стране дикарей-людоедов.

Из XIX века подобные легенды перешли в XX век, их подхватил кинематограф. Печально знаменитый Тарзан, прокатившийся по нашим экранам в не столь уж давние времена, образец уже открыто расистского сочинительства.

Но для чего нам сейчас вспоминать историю? Чтобы лучше судить о достоинствах и особенностях современной приключенческой литературы, советской и зарубежной. По двенадцатилетнему комплекту "Искателя", единственно печатного издания в нашей стране, для которого приключения стали главным делом, можно наглядно увидеть, чем он отличается от распространенных в прошлом многочисленных "Миров приключений".

Нашей приключенческой литературе есть где восстанавливать истину, и есть с кем бороться. Ее книги, повествуя о разных странах, о революционерах, о войнах, очень часто попадают на передний край идеологической борьбы. На смену отошедшему в историю "колониальному роману" сейчас на трон в стране приключений взошел король-детектив. Полагаем, что его величество не может пожаловаться на размер дани, которую ему платит "Искатель". (Возьмите, к примеру, этот сборник. Какое здесь самое крупное произведение? Конечно, детектив.)

Именно благодаря необычайной популярности детектив способен стать ударным оружием. И как всякое оружие, оно употребляется и для злых, и для добрых дел. Детектив может воинствующе утверждать аморальность, культ силы, чему лучшим примером служит такой прямой потомок Тарзана, как Джеймс Бонд. С другой стороны (если речь идет о Западе), в руках прогрессивных писателей детектив становится остросоциальным памфлетом, разоблачающим механику частнособственнического строя, те извращенные отношения между людьми, которые приводят к самым чудовищным преступлениям.

В произведениях лучших мастеров зарубежного детектива — таких, как француз Жорж Сименон или американец Уильям Айриш, часто обвиняются не столько преступники, сколько те социальные условия, которые привели их к нарушению общественной морали. Но, разумеется, до конца последовательным в своих выводах может быть только литератор, обладающий классовым подходом в оценке жизненных явлений. Таков документальный очерк писателя из ГДР Г.Продля “Банда Диллингера”, в котором вскрыта коррупция в полицейском аппарате Соединенных Штатов, убедительно показано, что при данной системе попытки отдельных честных личностей покончить с гангстеризмом так ни к чему и не приведут.

А вот повесть “Слишком много клоунов” польского писателя, или, точнее, двух писателей, выступающих под псевдонимом Анджей Збых, имеет совсем другую направленность. Как и сходные произведения советских авторов, повесть показывает обреченность преступности в социалистическом обществе, неизбежность возмездия, гуманизм людей, борющихся с правонарушителями.

Но как бы много времени ни уделял “Искатель” детективному жанру, необходимо отметить, что его кругозор не сводится только к перестрелке с бандитами. “В мире, — говорит известный французский путешественник и врач Ален Бомбар, — существует столько прекрасных и благородных целей, ради которых можно рисковать жизнью”. Да, действительно, есть множество областей в жизни, где постоянно, ежедневно потребны мужество, героизм и нет недостатка выбравших своим девизом слова капитана Скотта: “Бороться и искать, найти и не сдаваться!” Это может быть в Арктике и в Антарктиде, в тайге и в пустыне, в море и на границе… Особо важное место среди публикаций “Искателя” занимают военные приключения, в первую очередь рассказы о подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны.

Думается, что составителю этой книги Олегу Соколову, много лет проработавшему в “Искателе”, удалось собрать сборник,

который привлечет читателя и сам по себе, и в то же время достаточно полно представит творческое лицо издания.

БИБЛИОГРАФИЯ

В библиографию включены произведения научной фантастики и приключенческого жанра, опубликованные в “Искателе” с 1961 по 1972 год включительно.

Печатавшиеся в “Искателе” документальные очерки, воспоминания, научно-популярные статьи, репортажи в данную библиографию не входят.

Произведения, перепечатанные из других изданий “Искателем” в разделе “Листая старые страницы”, снабжены указателем “Л. с. стр.”.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Адамов А., След лисицы. Главы из повести. № 1–2, 1965.

Адамов А., “Стая”. Главы из повести. № 4, 1964.

Адамов А., Чемодан без хозяина. Главы из повести. № 5, 1970.

Азаров А., Кудрявцев В., Забудь свое имя. Повесть-хроника. № 2, 1971.

Айдинов Н., “Каменщик”. Рассказ. № 6, 1968.

Айриш У., Окно во двор. Рассказ. Пер. с англ. С. Васильевой. № 1, 1968.

Айриш У., Срок истекает на рассвете. Повесть. Сокр. пер. с англ. Э.Медниковой. № 2–5, 1963.

Аккуратов В., Как мы были колумбами. Рассказ. № 5, 1964.

Аккуратов В., Коварство Кассиопеи. Рассказ. № 5, 1964.

Аккуратов В., Опасный груз. Рассказ. № 6, 1961.

Аккуратов В., Слишком дорогие орхидеи. Рассказ. № 4, 1964.

Аккуратов В., Спор о герое. № 6, 1961.

Алтайский К., Ракета. Рассказ. “Л. с. стр.” № 5, 1967.

Ампилов В., Смирнов В., В маленьком городе Лиде. Документ, повесть. № 5–6, 1961.

Армстронг А., Борьба за жизнь. Рассказ. Пер. с англ. Е.Толкачева. “Л. с. стр.” № 2, 1964.

Афремова А., Болота осушающий. Повесть. № 3, 1969.

Бак Р., Приманка для тигра. Рассказ. Пер. с англ. П.Охрименко. “Л. с. стр.” № 5, 1965.

Барнет Д., Географическое своеобразие. Рассказ. Пер. с англ. № 2, 1961.

Батлер Э.П., Акционерное общество “Череп и кости”. Рассказ. Пер. с англ. Е.Толкачева. “Л. с. стр.” № 4, 1962.

Батлер Э.П., Совсем как живая. Рассказ. Пер. с англ. Е.Толкачева. “Л. с. стр.” № 3, 1965.

Балаев Н., РД о продлении. Рассказ. № 1, 1970.

Баллард Дж. Г., Минус один. Рассказ. Пер. с англ. В.Тельникова. № 6, 1969.

Барков А., Цыферов Г., Сквозь седые туманы. Историч. повесть. № 3. 1972.

Беленький М., Скрягин Л., Один на один с собой. Документ. рассказы. № 6, 1970.

Биленкин Д., Двое в пустыне. Рассказ. № 4, 1966.

Бодунов И., Рысс Е., Обрывок газеты. Глава из документ. повести. № 3, 1966.

Борисов А., Будни волшебника. Главы из повести. № 3, 1962.

Вайнер А., Вайнер Г., Визит к Минотавру. Повесть. № 6, 1971; № 1, 1972.

Бадаев Р., Индиго. Рассказ. № 6, 1961.

Ван Юань-цзянь, Интернационал. Рассказ. Пер. с китайск. А.Клышко. № 6, 1961.

Васильев Ю., Брод. Рассказ. № 2, 1962.

Велле В., Гладков Т., Золото. Документ, рассказ. № 3, 1966.

Вер-Стекпул, Дух в бутылке. Рассказ. Пер. с англ. “Л. с. стр” № 2, 1969.

Викторов В., Возьми себя в руки, старик! Рассказ. № 3, 1966.

Воробьев Б., Граница. Рассказ. № 3, 1968.

Воробьев Б., Легенда о Гончих Псах. Главы из повести. № 1, 1971.

Гагарин С., Горит небо. Рассказ. № 2, 1970.

Гашек Я., Комендант города Бугульмы. Рассказ. Пер. с чешск. Ю.Молочковского. № 1, 1961.

Гашек Я., Спасение самоубийц. Рассказ. Пер с чешск. “Л. с. стр.” № 6, 1967.

Гладков Т., Подвиг. История-быль. № 6, 1961.

Голубев Г., Глас небесный. Приключенч. повесть. № 2, 1968.

Голубев Г., Гость из моря. Повесть. № 1–3, 1967.

Голубев Г., Пиратский клад. Приключенч. повесть. № 5. 1971.

Грибачев Н., Черная Ламба. Рассказ. “Л. с. стр.” № 1, 1961.

Грин А., Глухая тропа. Рассказ. “Л. с. стр.” № 4, 1965.

Грин А., Пари. Рассказ. “Л. с. стр.” № 6, 1961.

Громов Б., Настоящий день рождения. Рассказ. № 2, 1966.

Губанов П., Кочегар Джим Гармлей. Повесть. № 2, 1970.

Дауманн Р., Волк Анд. Рассказ. Пер. с нем. В.Матвеевой. № 6, 1963.

Джонс Ю., Капитан Грим. Пер. с англ. “Л. с. стр.” № 3, 1967.

Донатов А., Гориккер В., Курьер Кремля. Киносценарий. № 2,

1966.

Егоров В., Заложник. Повесть. № 4, 1970.

Железников Н., Искатели клада. Рассказ. “Л. с. стр.” № 3, 1966.

Жемайтис С., Бешеный “тигр”. Рассказ. № 2, 1965.

Жемайтис С., Налет “лапотников”. Рассказ. № 4, 1966.

Збых А., Слишком много клоунов. Повесть. Перевод с польск. С.Соколовой. № 3, 1971.

Златкин В., “И ваш фальшивый бог”. Документ. повесть. № 5, 1970.

Зорин В., Зверобой. Маленький рассказ. № 1, 1965.

Зуев-Ордынец М., Бунт на борту. Документ. рассказы. № 1, 1963.

Зуев-Ордынец М., Гибель “Дракона”. Рассказ. “Л. с. стр.” № 2, 1961.

Зуев-Ордынец М., Колокольный омут. Уральская бывальщина. “Л. с. стр.” № 4, 1967.

Иванов-Леонов В., Испытание. Рассказ № 6, 1966.

Иванов-Леонов В., Командир особого отряда. Рассказ № 1, 1963.

Иванов-Леонов В., Секрет Твалы. Приключенч. рассказ. № 4, 1964.

Иванов-Леонов В., Цена свободы. Повесть № 1, 1962.

Иллеш В., Бывалый человек. Рассказ-шутка. № 4, 1961.

Ирвин И., Весеннее бегство. Рассказ. Пер. с англ. П.Охрименко. “Л. с стр.” № 6, 1964.

Ист Б., Когда остановилась жизнь. Рассказ. Пер. с англ. В.Багдасарова. № 5, 1972.

Казанцев А., Посадка. Рассказ. № 6, 1968.

Карр Д., Джентльмен из Парижа. Рассказ. Пер. с англ. А.Абрамова № 2, 1962.

Карр Э., Похищение кошки. Рассказ. Пер с англ. Е.Коротковой. № 5, 1966.

Кауцкий Р., Скорпион и король. Повесть. Пер с чешек. Т.Сарана. № 3, 1967.

Киплинг Р., Умный Апис. Рассказ. Пер. с англ. “Л. с. стр.” № 3, 1969.

Колбасьев С., “Консервный” завод. Рассказ. “Л. с. стр.” № 2, 1967.

Колоколов В., Лесные люди. Рассказ. № 1, 1966.

Комаров В., Шрейнберг В., Блуждающая чистота. Рассказ. № 4, 1961.

Конан-Дойль А., Берилловая диадема. Рассказ. Пер. с англ. “Л. с. стр.” № 2. 1965.

Коннел Р., Последний из плосконогих. Рассказ. Пер. с англ. Е.Толкачева. “Л. с. стр.” № 1, 1963.

Коннел Р., Самая опасная дичь. Рассказ. Пер. с англ. “Л. с. стр.” № 4, 1968.

Константинов Л., Сабля полковника. Рассказ. № 5, 1968.

Константинов Л., Срочная командировка. Повесть. № 6, 1970.

Константинов Л., Схватка. Повесть. № 5–6, 1969.

Коротеев Н., Золотая “Слава”. Повесть. № 3–4, 1967.

Коротеев Н., Испания в сердце моем. Повесть. № 5–6, 1963.

Коротеев Н., Когда в беде по грудь. Повесть. № 5–6, 1964.

Коротеев Н., По следу упие. Повесть. № 2, 1972.

Коротеев Н., Психологическая стена. Рассказ № 4, 1962.

Коротеев Н., Схватка с оборотнем. Повесть. № 1–2, 1963.

Корпачев Э., Мы идем по Африке. Повесть № 2, 1970.

Кравцова Я., Вернись из полета. Главы из документ. повести. № 1, 1971.

Краминов Д., Побег. Повесть. № 1, 1961.

Кривенко Л., Солдатская сказка 1943 года. Рассказ. № 1, 1965.

Кривошеин С., Схватка в горах. Рассказ. № 1, 1964.

Куваев О., Азовский вариант. Повесть. № 5, 1967.

Куваев О., Зажгите огни в океане. Приключенч. повесть № 3, 1962.

Куваев О., Птица капитана Росса. Повесть. № 1, 1963.

Куваев О., Реквием по утрам. Повесть. № 5, 1971.

Куваев О., Чудаки живут на востоке. Маленькая повесть. № 4, 1965.

Кычаков И., Тринадцать. Повесть. № 6, 1969.

Лексин Ю., Если что случится с нами… Рассказ. № 2, 1968.

Ленцев В., Алхимик. Шутка. № 6, 1961.

Леонов Н., Нокаут. Повесть. № 3, 1972.

Леонов Н., Садовников Г., Мастер. Повесть. № 1–2, 1967.

Леонов Ю., Ва-банк. Рассказ. № 6, 1970.

Леонтьев А., Донатов А., “713” просит посадку. Киносценарий. № 3, 1961.

Ликок С., Повесть о великом сыщике. Пародия. Пер с англ. Э.Медниковой и А.Юровского. № 4, 1961.

Леонхардт А., Признание в ночи. Повесть. Пер с нем. В.Матвеевой № 1, 1964.

Лопес Х.Л., Рассказ. Пер с испанск. Эд. Лисицына. № 5, 1968.

Лукин А., В разведке так бывает. Документ. рассказ. № 6, 1965.

Лукин А., Гладков Т., Прерванный прыжок. Повесть. № 1, 1969.

Львов С., Седьмой ход. Иронический детектив. № 3, 1963.

Льюис С., Посмертное убийство. Рассказ. Пер с англ. М.Копелянской и А.Шапошниковой. № 2, 1966.

Манро Г., Кусок мыла. Рассказ. Пер с англ. “Л с. стр.” № 6, 1969.

Марин В., Колесо. Юмореска. № 1, 1966.

Мартьянов С., Генацвале. Рассказ. № 3, 1961.

Меньшиков В., Красный сигнал. Повесть. № 1–2, 1970.

Меньшиков В, Гаевский В., Ставка — жизнь. Повесть № 6, 1967, № 1, 1968.

Монсаррат Н., Жестокое море. Роман. Сокр. пер. с англ. В.Дробышева. № 3–6, 1972.

Моэм С., Предатель. Рассказ. Пер. с англ. Л.Штерна. № 6, 1968.

Насибов А., Безумцы. Главы из приключенч. романа. № 3–4, 1964.

Насибов А., Рифы. Повесть № 1, 1966.

Николаев Н., И никакой день недели. Рассказ. № 4, 1967.

О’Генри, Джек — победитель великанов. Рассказ. Пер с англ. “Л. с. стр.” № 1, 1970.

О’Генри, История пробковой ноги. Рассказ. Пер с англ. В.Жебеля № 2, 1967.

О’Генри, Коса на камень. Рассказ. Пер. с англ. Е.Толкачева. “Л. с. стр.” № 5, 1963.

О’Генри, Приключения парикмахера. Рассказ. Пер с англ. “Л. с. стр.” № 5, 1962.

Олдридж Д., Стойкость ради чести. Рассказ Пер. с англ. Б.Носика. № 2, 1961.

Очкин А., Четырнадцатилетний истребитель. Главы из документ. повести. № 1, 1966.

Паола Д., Услуга. Рассказ. Пер с англ. В.Постникова и И.Золотарева. № 5, 1969.

Пасенюк Л., Волосатый кит. Рассказ. № 2, 1969.

Паустовский К., Воздух метро. Рассказ. “Л. с. стр.” № 5. 1968.

Пеев Д., Транзит. Отрывки из романа. Пер с болг. О.Киселевой. № 1, 1970.

Перов Ю., “Тень”. Рассказ. № 3, 1965.

Платов Л., Бухта Потаенная. Повесть. № 6, 1972.

Платов Л., Когти тигра. Главы из повести. № 6, 1965.

Платов Л., Последняя стоянка “Летучего голландца”. Главы из романа. № 5–6, 1963.

Платов Л., Предела нет. Повесть. № 3, 1970.

По Э., Три воскресенья на одной неделе. Пер. с англ. И.Бернштейна. № 5, 1969.

Подколзин И., Завершающий кадр. Рассказ. № 2, 1967.

Подколзин И., На льдине. Рассказ-быль. № 5, 1966.

Подколзин И., Один на борту. Рассказ. № 6, 1968.

Подольный Р., Липрандо и Егоретти. Шутка. № 2, 1965.

Поляков Б., "Молва". Документ. повесть. № 4–5, 1969.

Попков Ю., Смирнов В., Верь маякам! Документ. повесть. № 3, 1963.

Потапов Р., Поединок. Документ. рассказ. № 4, 1961.

Пристли Дж. Б., Гендель и гангстеры. Рассказ. Пер. с англ. Н.Явно. № 4, 1966.

Продль Г., Банда Диллингера. Документ. рассказ. Пер. с нем. О.Кокорина. № 1, 1962.

Продль Г., Билет в ничто. Рассказ. Пер. с нем. А.Сахарова и И.Сахарова. № 6. 1966.

Продль Г., Господа грабители считают своей честью. Документ. повесть. Пер. с нем. А.Сахарова и И.Сахарова. № 6, 1965.

Продль Г., Следующее убийство через 47 минут. Документ. повесть. Пер. с нем. Н.Савинкова. № 5, 1968.

Продль Г., Сливки общества. Документ. повесть. Перевод с нем. А.Сахарова и И.Сахарова. № 5, 1964.

Райнов Б., Человек из прошлого. Повесть. Перев. с болг. Ф.Евгеньева. № 4–5, 1971.

Рассел Д., Четвертый человек. Рассказ. Пер. с англ. П.Охрименко. "Л. с. стр." № 6, 1968.

Робертсон М., Аргонавты. Рассказ. Пер. с англ. П.Охрименко. "Л. с. стр." № 3, 1971.

Розлубирский Э., Месть за Павяк. Отрывки из документ. повести. Пер. с польск. Ю.Кононенко. № 3, 1965.

Рони Ж.-старший, Сокровище снегов. Повесть. Сокр. перев. с франц. Е.Толкачева. "Л. с. стр." № 6, 1963.

Росс Р., Кофейная чашка. Рассказ. Пер. с англ. В.Голанта. "Л. с. стр." № 4, 1969.

Рябов Г., Коданов А., Фамильный рубль. Повесть. № 3–4, 1962.

Саймоне Д., Благодаря Уильяму Шекспиру. Рассказ. Пер. с англ. Е.Факторовича. № 4, 1971.

Саксонов В., Дальний поход. Повесть. № 4–6, 1965.

Саксонов В., Повесть о юнгах. № 2, 1963.

Саксонов В., Тайна Пятого океана. Документ. повесть. № 4, 1964.

Семенов Б., Тацитов Г., Подвиг длиною в жизнь. Киноповесть. № 3, 1968.

Сименон Ж., Мегрэ и строптивые свидетели. Повесть. Пер. с франц. Е.Якушкиной. № 1, 1971.

Сименон Ж., Револьвер Мегрэ. Повесть. Пер. с франц.

Е.Якушкиной № 3–5, 1965.

Скрягин Л., Тайна “Марии Целесты”. Документ. рассказ. № 6, 1967.

Скрягин Л., Милин С., Пираты XX века. Документ. рассказы. № 4, 1972.

Словин Л., Ночной дозор. Рассказ. № 4, 1969.

Смагин Б., Перед ночным ударом. Рассказ. № 1, 1968.

Смагин Б., Разведчик Лавриненко. Рассказ. № 5, 1968.

Смирнов А., Дом с привидениями. Рассказ. “Л. с. стр.” № (5, 1970.

Смирнов В., Один день на Безымянном. Рассказ. № 2, 1962.

Смирнов В., Одна минута. Рассказ. № 6, 1964.

Смирнов В., Портрет. Рассказ. № 5, 1962.

Смирнов В., Прерванный рейс. Приключенч. повесть. № 4, 1967.

Смирнов В., Сети на ловца. Рассказ. № 5, 1966.

Смирнова-Медведева З., Неожиданный рейд. Документ. повесть. № 5, 1967.

Снегов С., Второй после бога. Рассказ. № 6, 1967.

Сосин М., Красный крест. Рассказ. № 4, 1963.

Сосин М., Пять ночей. Рассказ. № 4, 1963.

Сошинская К., Подводный бык. Маленький рассказ. № 1, 1965.

Сошинская К., Сокровище пещеры. Рассказ. № 5, 1965.

Стоктон Р., Рейс вдовы. Рассказ. Пер. с англ. П. Охрименко. “Л. с. стр.” № 4, 1964.

Стюарт Д., Совсем не герой. Рассказ. Пер. с англ. М.Копелянской и А.Шапошниковой. № 2, 1969.

Тарский Ю., Дуэль. Рассказ. № 2, 1966.

Тарский Ю., Мат “Черному королю”. Рассказ. № 1, 1965.

Тихова Т., Ветер в горах. Рассказ. № 2, 1962.

Тихова Т., Золотая лихорадка. Рассказ. № 5, 1961.

Томсон А., Волк напрокат. Рассказ. Пер. с англ. Е.Толкачева. “Л. с. стр.” № 5, 1961.

Томсон А., Десмонд Твердолобый. Рассказ-памфлет. Пер. с англ. Е.Толкачева. № 3, 1963.

Успенский Л., Блохолов. Рассказ. “Л. с. стр.” № 2, 1962.

Успенский Л., Смешная история. Рассказ. № 2, 1962.

Ушаков В., Пионерка. Отрывок из документ. повести. № 5, 1965.

Федоров Ю., Там, за холмом — победа. Повесть. № 5. 1967.

Федоровский Е., Минуты войны. Рассказ. № 2, 1964.

Федоровский Е., Ты будешь летать, дружище! № 2, 1962.

Федоровский Е., Что же делать с тобой? Рассказ. № 6, 1964.

Ферсман А., Одно целое. Рассказ № 5, 1965.

Фицджеральд Ф.С., Люди и ветер. Рассказ. Пер. с англ. Е.Васильевой. № 4, 1969.

Хениг Д., Страх. Рассказ. Пер. с нем. Ю.Кононенко. № 5, 1965.

Цирулис С., Иммерманис А., 24–25 не возвращается. Литературный киносценарий. № 4, 1963.

Чекуолис А., Четыре гороховых супа. Рассказ. № 1, 1961.

Честертон Г.К., Восторженный вор. Рассказ. Пер. с англ. Н.Трауберг. "Л. с. стр." № 1, 1969.

Честертон Г.К., Зеркало судьи. Рассказ. Пер. с англ. "Л. с. стр." № 4, 1966.

Честертон Г.К., Проклятая книга. Рассказ. Пер. с англ. Д.Лившица. "Л. с. стр." № 1, 1965.

Чичков В., Первые выстрелы Джоэля. Рассказ. № 2, 1964.

Чичков В., Тайна священного колодца. Повесть. № 3, 1968.

Чичков В., Трое спешат на войну. Главы из повести. № 2, 1969.

Чичков В., Час по-мексикански. Рассказ. № 5, 1966.

Чичков В., Чертово колесо. Рассказ. № 3, 1965.

Чичков В., Юркина граната. Рассказ. № 4, 1963.

Шпанов Н., Сенсационная информация. Рассказ. "Л с. стр." № 2, 1963.

Эрпенбек Ф., Контора Шлеймера. Рассказ. Пер с нем. "Л. с. стр." № 2, 1968.

Яковлев А., Наумов Я., Тонкая нить. Приключенч. повесть. № 1–4, 1965

ФАНТАСТИКА

Азимов А., Женская интуиция. Науч. — фантастич рассказ. Пер. с англ. И.Горевой. № 2, 1971.

Азимов А., Чувство силы. Науч. — фантастич. рассказ. Сокр. пер. с англ. З.Бобырь. № 6, 1962.

Альтов Г., Ослик и аксиома. Фантастич. рассказ. № 5, 1966.

Андерсон К., Тартесский договор. Фанстастич. новелла. Пер. с англ. И.Гуровой. № 2, 1971.

Антонов В., Двенадцатая машина. Науч. — фантастич рассказ-шутка. № 2, 1964.

Баллард Дж. Г., Вы будете покупать, доктор. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. К.Сечиной, № 2, 1970.

Бельяр О., Вестник из глубины времен. Фантастич. рассказ. Пер с франц. "Л. с. стр." № 5, 1970.

Беляев А., Анатомический жених. Фантастич рассказ. "Л. с. стр." № 1, 1961.

Беляев А., Охота на Большую Медведицу. Фантастич. рассказ-

шутка. “Л. с. стр.” № 6, 1966.

Биленкин Д., Во всех галактиках. Фантастич. рассказ. № 4, 1968.

Биленкин Д., Город и волк. Фантастич. рассказ. № 6, 1970.

Биленкин Д., Давление жизни. Науч. — фантастич. рассказ. № 1, 1970.

Биленкин Д., Запрет. Фантастич. рассказ. № 6, 1968.

Биленкин Д., Ошибка. Науч. — фантастич. рассказ № 5, 1965.

Биленкин Д., Проверка на разумность. Науч. — фантастич. рассказ. № 2, 1972.

Богат Е., Четвертый лист пергамента. Повесть. № 2, 1969.

Брэдбери Р., Диковинное чудо. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Л.Жданова. № 2, 1965.

Брэдбери Р., Золотые яблоки Солнца. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Л.Жданова. № 3, 1961.

Брэдбери Р., Лед и пламя. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Л.Жданова. № 1, 1970.

Брэдбери Р., Невидимый мальчик. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Л.Жданова. № 2, 1966.

Брэдбери Р., Почти конец света. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Т.Полевой и О.Глебова. № 5, 1966.

Брэдбери Р., Улыбка. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Л.Беспаловой. № 3, 1961.

Булычев К., Когда вымерли динозавры. Фантастич. рассказ. № 2, 1967.

Валентинов А., Нарушитель. Фантастич. рассказ. № 1, 1967.

Ван-Вогт А.Е., Чудовище. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Ф.Мендельсона. № 2, 1965.

Варшавский И., Петля Гистерезиса. Фантастич. рассказ. № 4, 1968.

Верн Ж., Вечный Адам. Фантастич. повесть. Пер. с франц. М.Таймановой. “Л. с стр.” № 2, 1972.

Войскунский Е., Лукодьянов И., Плеск звездных морей. Науч. — фантастич. роман. № 4–5, 1969.

Волков А., Чужие. Фантастич. рассказ. “Л. с. стр” № 3, 1961.

Гансовский С., Голос. Фантастич. рассказ. № 2, 1963.

Гансовский С., Доступное искусство. Фантастич. расскал. № 3, 1965.

Гаррис Р., Растение-людоед профессора Джонкина. Фантастич. рассказ. “Л. с. стр.” Сокр. пер. с англ. Кир. Булычева № 1, 1967.

Гаррисон Г., Полицейский участок “Марс”. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Е.Факторовича. № 3, 1967.

Геймен Р., Машина. Фантастич. рассказ. Пер с англ.

С.Васильевой. № 1, 1972.

Голубев Г., Огненный пояс. Науч. — фантастич. повесть. № 1–3, 1965.

Голубев Г., Огонь — хранитель. Науч. — фантастич повесть. № 1–2, 1964.

Гор Г., Художник Вайс. Фантастич. рассказ. № 4, 1966.

Гребнев Г., "Невредимка". Фантастич. рассказ. "Л. с. стр." № 1, 1962.

Григорьев В., Ничто человеческое нам не чуждо. Рассказ-шутка. № 6, 1962.

Григорьев С., За метеором. Фантастич. рассказ. "Л. с. стр." № 6, 1962.

Гуревич Г., Восьминулевые. Фантастич. рассказ. № 4, 1967.

Гуревич Г., Под угрозой. Отрывок из повести. № 2, 1963.

Демют М., Чужое лето. Фантастич. рассказ. Пер. с франц. А.Григорьева. № 4, 1966.

Диксон Г.Р., Вставить палку в колеса. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. И.Почиталиима. № 2, 1967.

Диксон Г.Р., Перфокарты не обсуждают. Фантастич рассказ. Пер. с англ. М.Беленького. № 5, 1972.

Днепров А., Две минуты одиночества. Науч. — фантастич. повесть. № 6, 1962.

Днепров А., Следы на паркете. Рассказ-шутка. № 3, 1964.

Днепров А., Там, где кончается река. Фантастич. рассказ. № 4, 1966.

Днепров А., Тускарора. Науч. — фантастич. повесть. № 5, 1963.

Емцев М., Парнов Е., Конгамато. Науч. — фантастич. рассказ. № 2, 1964.

Емцев М., Парнов Е., Лоцман Кид. Науч. — фантастич. рассказ. № 1, 1964.

Емцев М., Парнов Е., На зеленом перевале. Науч. — фантастич. рассказ. № 1, 1962.

Емцев М, Парнов Е., Последнее путешествие полковника Фосетта. Фантастич повесть. № 6, 1964.

Емцев М., Парнов Е., Три кварка. Науч. — фантастич. рассказ. № 4, 1967.

Жемайтис С., Артаксеркс. Фантастич. рассказ. № 6, 1971.

Жемайтис С., Остров забытых роботов. Науч. — фантастич. рассказ. № 3, 1969.

Журавлева В., Летящие во вселенной. Науч. — фантастич. рассказ. № 3, 1963.

Журавлева В., Мы уходим к Аэлле. Науч. — фантастич. рассказ № 1, 1961.

Закс Р., Контролекс. Фантастич. рассказ. Сокр. пер. с англ. М.Брухнова. № 4, 1964.

Зеликович Э., Следующий мир. Отрывки из романа. “Л. с. стр.” № 1, 1966.

Зубков В., Муслин Е., Немая исповедь. Фантастич. рассказ. № 3, 1966.

Казанцев А., Вилена. Отрывок из повести. № 5, 1965.

Казанцев А., Сильнее времени. Главы из науч. — фантастич. романа. № 4, 1968.

Казанцев А., Фаэты. Науч-фантастич. роман в трех частях. Часть первая: Гибель Фаэны № 3–4, 1971. Часть вторая Сыны Солнца. № 4–5, 1972.

Калиновский И., Скандальный случай с мистером Скоундрэлом. Рассказ-памфлет. № 6, 1966.

Карсак Р., Робинзоны космоса. Фантастич. роман. Сокр. пер. с франц. Ф.Мендельсона. № 4–6, 1961.

Кларк А., Лето на Икаре. Науч. — фантастич. рассказ. Сокр. пер. с англ. И.Ковалева. № 3, 1964.

Конан-Дойль А., Дезинтегратор Немора. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. “Л. с. стр.” № 5, 1966.

Конан-Дойль А., Тайна старой штольни. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. В.Штенгеля. “Л. с. стр.” № 5, 1964.

Конан-Дойль А., Ужас высот. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. В.Штенгеля. “Л. с. стр.” № 4, 1970.

Корнблатт К., Карточный домик. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. И.Можейко. № 4, 1961.

Котляр Ю., Младший пилот. Фантастич. рассказ. № 4, 1961.

Кэри Д., Комбинация “головоломка”. Фантастич. рассказ. Сокр. пер с англ. Т.Гладкова. № 1, 1961.

Лагин Л., Голубой человек. Главы из романа. № 3, 1966.

Лагин Л., Полет в никуда. Эпизод из романа. № 1, 1963.

Ларионова О., Вахта “Арамиса”. Фантастич. повесть. № 2, 1966.

Ларионова О., Перебежчик. Фантастич. рассказ. № 1, 1967.

Лейнстер М., Одинокая планета. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. М.Брухнова. № 6, 1972.

Лейнстер М., Чужаки. Фантастич. рассказ. Сокр. пер. с англ. Т.Гладкова. № 1, 1962.

Лем С., Доктор Диагор (Из воспоминаний Ийона Тихого). Фантастич. рассказ. Пер. с польск. Дм. Брускина. № 1, 1967.

Лем С., Лунная ночь. Фантастич. рассказ. Пер. с польск. Дм. Брускина. № 1, 1963.

Лем С., Правда. Фантазия. Пер. с польск. Дм. Брускина. № 1, 1966.

Лем С., Проказы короля Балериона. Фантастич. сказка. Пер. с польск. А.Громовой. № 1, 1968.

Лем С., Слоеный пирог. Киносценарий. Пер. с польск. Дм. Брускина.

Ломм А., Скафандр Агасфера. Фантастич. рассказ. № 6, 1966.

Маклин К., Изображения не лгут. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. В.Кузнецова и Л.Минца. № 4, 1968.

Малов В., Академия "Биссектриса". Фантастич. повесть. № 5, 1968.

Малов В., Семь пядей. Фантастич. повесть. № 4, 1970.

Максимов Г., Вероятность равна нулю. Науч. — фантастич. рассказ. № 2, 1965.

Мартынов Г., Встреча через века. Главы из романа. № 2, 1961.

Матесон Р., Стальной человек. Фантастич. рассказ. Пер с англ. И.Почиталина. № 3, 1968.

Маун Сейн Джи, Две встречи в долине Мрохаун. Фантастич. рассказ. Пер. с бирмани Кир. Булычева. № 4, 1966.

Мслентьев В., Индия, любовь моя. Фантастич рассказ. № 5, 1972.

Мелентьев В., Шумит тишина. Фантастич. рассказ. № 5, 1966.

Михайлов В., День, вечер, ночь, утро. Фантастич. рассказ. № 4, 1968.

Михайлов В., Одиссея Валгуса. Науч. — фантастич. рассказ. № 6, 1965.

Михайлов В., Особая необходимость. Науч. — фантастич. повесть. № 3–5, 1962.

Михайлов В., Спутник "Шаг вперед". Науч. — фантастич. повесть. № 2–5, 1964.

Михайлов В., Черные журавли вселенной. Фантастич. рассказ. № 4, 1963.

Михановский В., Двойники. Фантастич. повесть. № 2, 1968.

Михановский В., Мастерская Чарли Макгроуна. Фантастич. рассказ. № 4, 1965.

Нильсен Н., Играйте с нами. Фантастич. рассказ. Пер. с датск. Л.Жданова № 2, 1971.

Нор Р., Океан в огне. Науч. — фантастич. рассказ. Сокр. пер. с румынск. М.Гриня. № 4, 1961.

О'Доннел, А мы лезем в окно. Юмореска. Пер. с англ. С.Васильевой. № 1, 1970.

Охотников В., Шорохи под землей. Науч. — фантастич. рассказ. "Л. с. стр." № 3, 1964.

Перельман Я., Завтрак в невесомой кухне. Науч. — фаитастич. рассказ. "Л. с. стр." № 3, 1962.

Подольный Р., Умение ждать. Фантастич. юмореска. № 3,

1968.

Проскурин П., Улыбка ребенка. Фантастич. рассказ. № 3, 1972.

Рассел Э.Р., Аламагуса. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. И.Почиталина. № 6, 1966.

Рассел Э.Р., Ночной мятеж. Науч. — фантастич. рассказ. Пер. с англ. И. Ковалева. № 3, 1964.

Ренар М., Туманный день. Фантастич. рассказ. Пер. с франц. З.Бобырь. № 1, 1972.

Рик Л., Еще семь тысяч лет спустя. Пародия. № 1, 1961.

Росоховатский И., Верховный координатор. Рассказ-шутка № 4, 1965.

Росоховатский И., Мост. Фантастич. рассказ. № 6, 1961.

Росоховатский И., Напиток жизни. Фантастич. рассказ. № 4, 1969.

Росоховатский И., Сигом и Создатель. Фантастич. рассказ. № 6, 1967.

Саймак К., Воспителлы. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Е.Вансловой № 4, 1970.

Саймак К., Денежное дерево. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. А.Ге. № 3, 1966.

Самброт У., Стена. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. А.Кистяковского. № 2, 1969.

Сапарин В., На восьмом километре. Науч. — фантастич. рассказ. № 1, 1966.

Сапарин В., Разговор в кафе. Науч. — фантастич. рассказ. № 1, 1970.

Серлинг Р., Можно дойти пешком. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Е.Кубичева. № 6, 1968.

Слукин В., Карташев Е., 100 % объективности. Юмореска. № 2, 1963.

Слукин В, Карташев Е., Смех по дороге в Атлантис. Фантастич. рассказ. № 3, 1967.

Смит Д., Отщепенцы. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Р.Облонской. № 5, 1968.

Сошинская К., Бедолага. Юмористич. рассказ № 3, 1966.

Сошинская К., Космотехника. Фантастич. рассказ-шутка. № 6, 1966.

Стругацкий А., Стрцгацкий Б., Генеральный инспектор. Главы из повести. № 2, 1962.

Стругацкий А., Стругацкий Б, Понедельник начинается в субботу. Отрывок из повести № 6, 1964.

Тенн У., Берни по кличке Фауст. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. С.Левицкого и А.Чапковского. № 4, 1971.

Тенн У., Срок авансом. Фантастич. рассказ. Пер. с англ.

И.Гуровой. № 3, 1969.

Теплов Л., Иван Иванович. Науч. — фантастич. рассказ. № 2, 1961.

Теплов Л., Проклятый пес. Рассказ-шутка. № 1, 1962.

Томан Н., В созвездии Трапеции. Отрывок из повести. № 3, 1963.

Томас Т., Сломанная линейка. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Кир. Булычева. № 5, 1966.

Тупицын Ю., Синий мир. Науч. — фантастич. рассказ. № 1, 1969.

Тупицын Ю., Ходовые испытания. Науч. — фантастич. рассказ. № 1, 1970.

Успенский Л., Плавание "Зеты". Науч. — фантастич. рассказ. "Л. с. стр." № 3, 1970.

Уэстлейк Д., Смерть на астероиде. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. В.Тишинского. № 2, 1972.

Фадин В., Изопертиловая лихорадка. Пародия. № 6, 1966.

Фелеки Л., Встреча на Марсе. Юмореска. Пер. с венгерск. Е.Тумаркиной. № 3, 1961.

Фиалковский К., Меня зовут Мольнар. Науч. — фантастич. рассказ. Пер. с польск. Е.Вайсброта. № 3, 1969.

Фиалковский К., Нулевое решение. Науч. — фантастич. рассказ. Пер. с польск. Е.Вайсброта. № 5, 1965.

Фиалковский К., Цереброскоп. Юмореска. Сокр. пер. с польск. Е.Вайсброта. № 2, 1961.

Фирсов В., Уже тридцать минут на Луне… Науч. — фантастнч. рассказ. № 1, 1966.

Фриш О., Об эффективности использования угольных станций. Науч. — фантастич. юмореска. Пер. с англ. Р.Фесенко. № 5, 1966.

Халл С., Круглый биллиардный стол. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. И.Почиталина. № 4, 1967.

Хейнлейн Р., Взрыв всегда возможен. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Ф.Мендельсона. № 4–5, 1965.

Худенко Б., Здравствуй, сапиенс! Фантастич. роман. № 4–5, 1961.

Цурков Ю., Лабиринт. Науч. — фантастич рассказ. № 5, 1965.

Шекли Р., Земля, воздух, огонь и вода. Фантастич рассказ. Пер. с англ. Н.Лобачева. № 1, 1965.

Шекли Р., "Особый старательский". Фантастич. рассказ. Пер. с англ. А.Иорданского. № 6, 1965.

Шекли Р., Премия за риск. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. М.Данилова и Б.Носика. № 3, 1962.

Шпанов Н., Ураган. Главы из науч. — фантастич. романа.

№ 1, 1961.

Эджубов Л., Во имя разума. Фантастич рассказ. № 4, 1966.

Эйдельман Н., Петя Кантроп. Юмористич рассказ. № 5, 1966.

Эмис К., Хемингуэй в космосе. Пародия. Пер. с англ. С.Бережкова. № 3, 1966.

Энсти Р., Стеклянный шар. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. Е.Толкачева. “Л. с. стр.” № 6, 1965.

Яров Р., Ветер с вершин. Науч. — фантастич. рассказ. № 3, 1969.

Яров Р., Одно мгновение. Фантастич. рассказ. № 2, 1967.

Янг Р., Срубить дерево. Фантастич. рассказ. Пер. с англ. С.Васильевой. № 6, 1967.

notes

1

Дело происходило в 1936 году. Теперь в архипелаге насчитывается сто десять островов.

2

Торговый центр Лондона.

3

Один из небоскребов Нью-Йорка.

4

Польское бюро путешествий.